

Archeology
культура семантика
историографии

лингвокультурология
национальные языки
национальные языки
межкультурная коммуникация
межкультурная коммуникация

Psychology
образовательное пространство
концепт
Linguoculturology
Лингвистика
толерантность

дискурс
SibScript
Literature
studies
Archeology

SibScript
motivation
discourse
Linguistic
picture
of the world
билингвизм
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

поликультурное пространство
поликультурное пространство
поликультурное пространство
поликультурное пространство
поликультурное пространство

Archeology
Historiography
linguistic
picture
of the world
concept
национальная политика
психоллингвистика

Psychology
tourism
Archeology
History
cognitive
linguistic
History

лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика

2949-2122 (PRINT)

2949-2092 (ONLINE)

VOL 28 No 1

2026

СИБ
СКРИПТ

ТОМ 28 № 1

2026

лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика

лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика

лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика

лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика

лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3. Журнал включен в ЕГПНИ (Белый список) – 4 уровень.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-84812. Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission. The Journal is included in "White List" (Russia) – the fourth level.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт
филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р филол. наук, проф., БПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет Эксетера
(Экстер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии
и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный гуманитарный
университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского Университета
(Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки
и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Iliya V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

В номере освещены научные взгляды исследователей по вопросам разноаспектного изучения языка и художественного текста. В первый раздел вошли исследования, посвященные **дискурсивной лингвистике**. Работа А. В. Дегальцевой сопряжена с изучением дискурса СМИ, точнее аттрактивных заголовков текстов – кликбейтов. Автор обосновывает тезис о том, что использование кликбейтов в текстах современных СМИ является одним из способов удержания читательского внимания за счет своей аттрактивной и нестандартной формы. Н. Дерки, Н. Бедда, С. Сельмане рассматривают новостной дискурс – комментарии сайта BBC English. Акцентируется категория невежливости как часто встречаемая стратегия в комментариях носителей языка. Е. Г. Желудкова описывает дискурс, представляющий собой жанр фатического общения – *small talk*. В данном типе дискурса автором выделены различные тактики, характеризующие его специфику (тактика переспроса, отказа от коммуникации и т.д.). Установлено, что дискурс *small talk* характеризуется широкой палитрой языковых средств – от лексических до синтаксических, кроме того, в нем акцентирован эффект «диалога глухих», выражающийся в отсутствии общей цели коммуникации. Исследование П. А. Катышева и М.-Ч. Ли сосредоточено на категории эвиденциальности на материале оригинального дискурса – тексты парфблогинга – и обладает несомненной новизной в контексте изучения ситуативно-аксиологических категорий, применимых к понятию эвиденциальности. Т. Ю. Передриенко изучает специфику интернет-рецензий в аспекте современного жанроведения и отмечает их основные жанрорелевантные признаки: цель, автор и адресат и т.д.

Раздел **Лингвокультурология** посвящен репрезентации лингвокультурного языкового контекста. М. Ю. Рябова и Н. С. Каруковец описывают язык дипломатии и его стилевые черты и признаки, его лексическую специфику через призму лингвокультурных представлений. М. В. Суркова акцентирует лингвокультурную специфику фрагмента языковой картины мира посредством изучения определенных единиц лексики. Автор рассматривает положение о том, что формирование языковой картины мира сопряжено с лингвоаксиологическим аспектом. М. А. Щеголев и С. Г. Проскурин обобщают когнитивные процессы, играющие роль в формировании мышления человека, опосредованные факторами окружающей среды. Авторами разработана модель векторной номинации, коррелирующей с культурными концептами. Полученные данные расширяют имеющиеся в науке представления о взаимосвязи

мышления человека и факторов окружающей среды, влияющих на развитие мышления.

Междисциплинарные исследования языка представлены тремя статьями. З. Г. Адамова и Р. П. Иванова моделируют систему ценностных ориентаций жителей моногородов, что позволяет актуализировать тезис о формировании их ценностной структуры под влиянием внешних факторов, связанных с социальными представлениями, и локальных, обусловленных социокультурными особенностями. О. В. Кобзева интерпретирует язык права. Новизна исследования видится в интегрированной модели интерпретационной деятельности носителя языка, которая акцентирует эффективность взаимодействия субъекта и объекта права. Т. Ю. Сатучина рассматривает характеристики, присущие метаязыковому сознанию, по шкале ядерных и периферийных. К ним относятся языковой консерватизм, проявляемый в сохранении носителями языка ортологических признаков слова и неприятии новой нормативной информации о лексеме; мифотворческие языковые теории.

Раздел **Политическая лингвистика** представлен публикацией К. В. Кулаковской и соавторов. Тема исследования актуальна в аспекте изучения оппозиции *свойственность – чуждость* в политическом медиадискурсе как фактор формирования коллективной идентичности.

Статья М. С. Тейкина в рамках **теории языка** посвящена грамматическому аспекту описания языка – склонению славынских топонимов среднего рода на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно*. Исследование актуально в контексте вариативности склонения / несклонения анализируемых топонимов, что сопряжено с выявлением причин изменения данного языкового факта.

Работы последнего раздела **Анализ художественного текста: литературоведческие аспекты** объединяет пушкинский контекст изучения творчества поэтов. Э. М. Афанасьева и Л. Сриваста исследуют творчество А. М. Горюхицкого, опираясь на мотив связи времен, а именно на творческий диалог лирического героя с А. С. Пушкиным, его творческим наследием. Т. А. Богумил рассматривает творчество алтайского поэта В. М. Башунова в контексте пушкинских традиций: личность и судьба, ранняя смерть поэта и т.д.

Редакция журнала благодарит авторов за отправленные публикации. Приглашаем к сотрудничеству исследователей, научные интересы которых связаны с актуальными проблемами науки в области филологии.

Dear readers and authors!

This issue of SibScript presents a wide range of exciting discoveries in linguistics and literary theory.

It opens with the section on discourse linguistics, where A. V. Degaltseva explores clickbait headlines in printed press and its online manifestations as an inevitable element of modern media discourse. Engaging and unconventional, these headlines capture readers' attention through their specific linguistic form only to manipulate their opinions.

N. Derki, N. Bedda, and S. Selmane explore another dimension of digital communication. Through a rigorous analysis of BBC news commentary, the authors identify impoliteness as a dominant discursive strategy and evaluate its socio-linguistic drivers.

Shifting the focus to niche digital spaces, P. A. Katyshev and M.-C. Lee use fragrance blogs to analyze the interplay between evidentiality and situational axiology.

T. Yu. Peredrienko investigates the discursive properties of yet another online genre, i.e., restaurant reviews, identifying the reviewer persona as the focal point for articulating subjective perceptual experiences.

Broadening the scope beyond digital media, E. G. Zheludkova analyzes small talk as a type of phatic communication in French linguistic culture. Its sophisticated repertoire of linguistic tactics in all their stylistic diversity lacks a singular pragmatic objective, frequently resulting in a "dialogue des sourds".

The contributions to cultural linguistics scrutinize the socio-cultural underpinnings of language. M. A. Schegolev and S. G. Proskurin introduce a vector nomination model, tracing the environmental influence on cognitive structures and their manifestations in modern language.

In a study of diplomatic communication, M. Yu. Ryabova and N. S. Karukovets employ a linguacultural approach to offer a comprehensive synthesis of diplomatic discourse as a sociolinguistic construct.

Rounding out the section, M. V. Surkova examines pedagogical discourse in Russian textbooks to delineate a fragment of the national linguistic worldview and its evaluative parameters.

Leveraging the benefits of an interdisciplinary approach, Z. G. Adamova and R. P. Ivanova combine psycholinguistic and corpus methods to model the axiology of single-industry towns based on resident interviews. Miners of Russian Arctic seem to possess a value system that relies on social perceptions and entrenched sociocultural beliefs.

O. V. Kobzeva's research lies at the intersection of law and linguistics, specifically within the field of legal linguistics. Her proposed model of linguistic interpretation is based on the interaction between the subject and object of law.

T. Yu. Satuchina examines how internet users discuss language-related issues, providing deep insight into metalinguistic consciousness. The study delineates its core-and-periphery structure that ranges from extreme linguistic conservatism to linguistic myth-making.

The section of political linguistics opens with an analysis of the ever-relevant "Us-Them" semantic category. According to K. V. Kulakovskaya et al., political media discourse utilizes this opposition to foster collective identity.

M. S. Teikin traces the highly debated issue of neuter toponyms and their declension in Slavic languages. Their diachronic approach reveals the historical reasons behind this grammatical challenge, which has long been a matter of dispute for grammarians.

The final section is dedicated to literary studies, focusing on the heritage of Alexander Pushkin. E. M. Afanasyeva and L. Srivastava explore the dialogue between Pushkin and Russian bard A. M. Gorodnitsky, centered on the motif of bridges between epochs. T. A. Bogumil identifies Pushkinian contexts in the poetry of Altai writer V. M. Bashunov, uncovering numerous intersections in their lives and creative paths.

As always, we thank our authors for their valuable contributions and invite researchers to join us in expanding the horizons of contemporary philology and linguistics.

Дискурсивная лингвистика

Кликбейт в публикациях издания «Московский комсомолец»

Дегальцева А. В. 1

Невежливость в новостном дискурсе в Интернете: данные из комментариев BBC News на Facebook

Дерки Н., Бедда Н., Сельмане С. 12

Стратегии и тактики дискурса *small talk* (на материале французского языка)

Желудкова Е. Г. 24

Эвиденциальность запахопередачи в русскоязычном критическом парфблогинге

Катышев П. А., Ли Мин-Чунь 35

Жанровая специфика интернет-рецензий ресторанных критиков

Передриенко Т. Ю. 45

Лингвокультурология

Лингвокультурная специфика текстов дипломатического дискурса

Рябова М. Ю., Каруковец Н. С. 55

Лексико-семантические группы существительных как воплощение русской языковой картины мира (на материале текстов учебников русского языка)

Суркова М. В. 69

Феномен El Niño / La Niña и векторная номинация в индоевропейской культуре

Щеголев М. А., Проскурин С. Г. 82

Междисциплинарные исследования языка

Исследование ценностных ориентаций моногорода на основе лингвистической базы данных вербальных ассоциатов ценностей

Адамова З. Г., Иванова Р. П. 91

Интерпретационные модели языка права

Кобзева О. В. 105

Метаязыковое сознание как компонент речевой деятельности носителей языка (на материале интернет-рефлексий о языке)

Сатучина Т. Ю. 116

Политическая лингвистика

Репрезентация семантической категории *чуждость* в американском военно-политическом медиадискурсе

Кулаковская К. В., Командакова М. С., Андреева Т. Л., Родичева А. А. 126

Теория языка

Склоняемость топонимов среднего рода на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно*

Тейкин М. С. 136

Анализ художественного текста: литературоведческие аспекты

Тема хандры и ее преодоления в книге стихов А. М. Городницкого «Дорога к Пушкину»

Афанасьева Э. М., Сривастава Л. 159

Пушкинский текст в творчестве алтайского поэта В. М. Башунова

Богумил Т. А. 170

Discursive Linguistics

Clickbait in Moskovsky Komsomolets	
Degaltseva A. V.	1
Impoliteness in Online News Discourse: Evidence from BBC News Facebook Comments	
Derki N., Bedda N., Selmane S.	12
Strategies and Tactics of French Small Talk Discourse	
Zheludkova E. G.	24
Evidentiality of Olfactory Discourse in Russian Perfume Review Blogs	
Katyshev P. A., Li Ming-Chun	35
Genre of Online Restaurant Reviews	
Peredrienko T. Yu.	45

Cultural Linguistics

Linguacultural Profile of Diplomatic Discourse	
Ryabova M. Yu., Karukovets N. S.	55
Reconstructing Linguistic Worldview from Lexical-Semantic Noun Groups in Russian Textbook Exercises	
Surkova M. V.	69
El Niño / La Niña Phenomenon and Vector Nomination in Indo-European Culture	
Schegolev M. A., Proskurin S. G.	82

Interdisciplinary Linguistics

Value Orientations of Monotown Community: Linguistic Database of Verbal Value Associates	
Adamova Z. G., Ivanova R. P.	91
Interpretative Models of Legal Language	
Kobzeva O. V.	105
Metalinguistic Consciousness in Internet Discussions	
Satuchina T. Yu.	116

Political linguistics

Semantic Category of <i>Otherness</i> in American Military-Political Media Discourse	
Kulakovskaya K. V., Komandakova M. S., Andreeva T. L., Rodicheva A. A.	126

Theory of Language

Declinability of Neuter Gender Toponyms Ending in <i>-ovo/-evo/-yovo, -ino/-yno</i>	
Teikin M. S.	136

Literary Aspects of Text Analysis

Spleen and Coping with Spleen in Alexander Gorodnitsky's <i>Road to Pushkin</i>	
Afanasyeva E. M., Srivastava L.	159
Pushkinian Echoes in the Works of Altai Poet Vladimir Bashunov	
Bogumil T. A.	170

оригинальная статья

eLibrary EDN: GWQVIN

Кликбейт в публикациях издания «Московский комсомолец»

Дегальцева Анна Владимировна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, Саратов

eLibrary Author SPIN: 2679-7386

<https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Scopus Author ID: 57210287428

deganna@mail.ru

Аннотация: Под влиянием глобализации и цифровизации современного общества средства массовой информации вынуждены искать новые способы взаимодействия с аудиторией, одним из которых становится особый вид броских и аттрактивных заголовков – кликбейт. Кликбейт мгновенно привлекает внимание аудитории за счет интриги или сенсационности, однако намеренно искажает или не полностью отражает содержание публикации, вследствие чего вводит читателя в заблуждение. Изначально кликбейт использовался только в электронных новостных агрегаторах или таблоидах, сегодня, в условиях жесткой конкуренции с сетевыми медиа, он встречается в прессе и на телевидении. Цель – выявить и описать приемы создания кликбейта в публикациях общественно-политической газеты «Московский комсомолец» и постах ее официального телеграм-канала. К исследованию привлечены 300 заголовков материалов, опубликованных сотрудниками «Московского комсомольца» в 2021–2025 гг. В работе применяются описательный и интерпретативный методы, приемы семантического, стилистического, дискурсивного и количественного анализа. Проведенное исследование показало: для создания кликбейта журналисты «Московского комсомольца» используют одинаковый набор риторических приемов, в разном соотношении представленных в печатных и электронных публикациях. К таким приемам относятся замалчивание важных и, наоборот, освещение несущественных деталей событий, вырванные из контекста цитаты, нарушение причинно-следственных связей, подмена понятий, многозначные слова, гиперболы, факты, не соответствующие или не в полной мере соответствующие действительности. Наиболее часто журналистами издания применяются намеренная недосказанность и цитирование отдельных фраз без поясняющего их истинный смысл контекста. В газете на кликбейт приходится в среднем 7 % всех заголовков, которые обычно помещаются на первой полосе или в рубрике «Срочно в номер». В телеграм-постах кликбейт составляет около 10 %, сопровождается крупными фотографиями и пиктограммами, выделяющими его на фоне других публикаций и усиливающими воздействие на читателей.

Ключевые слова: медиатекст, средства массовой информации, речевое манипулирование, кликбейт, заголовок, Московский комсомолец

Цитирование: Дегальцева А. В. Кликбейт в публикациях издания «Московский комсомолец». *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 1–11. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-1-11>

Поступила в редакцию 23.08.2025. Принята после рецензирования 27.10.2025. Принята в печать 27.10.2025.

original article

Clickbait in Moskovsky Komsomolets

Anna V. Degaltseva

Saratov State University, Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 2679-7386

<https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Scopus Author ID: 57210287428

deganna@mail.ru

Abstract: Globalization and digitalization force the media to look for new ways of interacting with the audience. Clickbait is a special type of catchy headlines that promise intrigue or sensation but are not true to the content of the article. As a result, clickbait headlines mislead the reader. Initially, clickbait was used only in online news aggregators or tabloids. Today, it has penetrated printed media and television, which have to compete with online media. This research analyzes clickbait techniques employed by the authors of the social and political newspaper Moskovsky Komsomolets in its printed version and official Telegram channel. The study is based on 300 headlines published between 2023 and 2025. The methodology relied on descriptive and interpretive methods, as well as semantic, stylistic, discursive, and quantitative analyses. The headlines in the paper and digital versions shared the same rhetorical devices, but in different percentages. The list included omitting important information, focusing on insignificant details, quotations taken out of context, wrong cause-and-effect logic, substitution of concepts, words with wide semantics, hyperbole, false or partially false facts. Most often, the journalists used deliberate understatement and quoting without context. In the printed version, clickbait accounted for an average of 7% of all headlines. Such headlines were placed on the front page or in the Breaking News. In the Telegram posts, clickbait headlines accounted for about 10% and were accompanied by large photos and eye-catching images.

Keywords: media text, mass media, speech manipulation, clickbait, headline, Moskovskiy Komsomolets

Citation: Degaltseva A. V. Clickbait in Moskovsky Komsomolets. *SibScript*, 2026, 28(1): 1–11. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-1-11>

Received 23 Aug 2025. Accepted after peer review 27 Oct 2025. Accepted for publication 27 Oct 2025.

Введение

Современные СМИ претерпевают ряд существенных изменений под влиянием глобализации, цифровизации и коммерциализации важнейших сфер жизни общества, вследствие чего медиаизданиям приходится пересматривать свою редакционную политику и искать новые способы взаимодействия с аудиторией [Вартанова 2022; Дугин 2024; Ferrucci 2015; Simons, Strovsky 2022]. Одним из таких способов является подача новостей в аттрактивной и нестандартной форме, «включая визуальные нарративы и приоритет заголовков над содержанием» [Градюшко 2025: 35].

Заголовок занимает сильную позицию в публицистическом тексте. Он выполняет ряд важнейших функций: информативную, аттрактивную, графически-выделительную, рекламную, оценочную, служит своеобразной «узловой точкой» публикации [Богуславская 2017]. Сегодня, когда в СМИ

объективность подменяется иллюзией правдивости [Muñoz-Torres 2012], для привлечения внимания адресата к своему тексту журналист использует самые разнообразные приемы, в том числе кликбейт.

Кликбейт – заголовок, который притягивает внимание аудитории за счет интриги или сенсационности, но искажает или не в полной мере отражает содержание публикации и поэтому намеренно вводит читателя в заблуждение [Кузнецов 2021b; Кулагина 2022; Николаева 2018]. Нередко он содержит шокирующую, провокативную или неэтичную информацию: *Слепым и безруким разрешили управлять машиной* (МК. 28.01.2015) [Кулагина 2022: 63]. Такой способ подачи информации, как справедливо замечает З. З. Чанышева, «без особых усилий со стороны читателя захватывает его внимание, возбуждает и поддерживает интерес» [Чанышева 2019: 116].

Изначально слово *кликбейт*, образованное путем сложения двух английских лексем *click* (нажатие) и *bait* (приманка), использовалось только по отношению к онлайн-СМИ [Лутовинова 2023], однако сегодня этот аттрактивный прием встречается и в прессе, и в рекламе, и на телевидении [Николаева 2018]. Если раньше кликбейт представлял собой примитивный способ привлечения читательского внимания в желтой прессе, то сейчас его «используют все участники медиарынка, чтобы выдерживать конкуренцию за внимание потребителя» [Кузнецов 2021b: 51–52]. Некоторые печатные СМИ регулярно прибегают к тем же способам создания псевдосенсационности, что и электронные новостные агрегаторы. Именно поэтому в научной литературе понятие *кликбейт* стало применяться не только к публикациям блогеров или электронным СМИ, но и к материалам прессы. В данной работе мы будем придерживаться такого широкого понимания кликбейта.

Журналисты используют целый ряд приемов и речевых средств, которые формируют у читателя «иные ожидания, чем те, которые могли бы оправдаться после прочтения статьи» [Лутовинова 2023: 61]. В исследовании О. В. Лутовиновой показано, что созданию кликбейта способствуют использование многозначных слов, ирония, метафоры, порядок слов, продуцирование логических ошибок (нарушение причинно-следственных связей), умалчивание важных подробностей, гиперболизация фактов, нивелирование временного фактора (рассказ о событиях прошлого как о недавно случившемся или актуальном), выдергивание фразы из контекста, подмена понятий, подстраивание заголовка под типичные ассоциации и др. [Лутовинова 2023]. О. Р. Самарцев и соавторы к приемам создания кликбейта относят игру «на противоречии между обыденным и удивительным, когда первая часть заголовка описывает стандартную ситуацию, а вторая намекает на неожиданный поворот событий и разжигает любопытство читателя» [Самарцев и др. 2020: 161], использование средств диалогичности текста (например, местоимения *ты* или обращений), обилие эпитетов, гипербол, фразеологизмов, знаков препинания и междометий для усиления экспрессии, а также манипулирование цифрами [Там же: 160–161].

Итак, кликбейт может вызывать у аудитории определенные чувства: сначала интерес, затем разочарование от обманутого ожидания. Своеобразными эмоциональными крючками являются и триггерные

высказывания, которые следует отличать от кликбейта [Копнина и др. 2024a; 2024b; Руженцева и др. 2020]. Это такие речевые конструкции, которые, воздействуя на аксиологические установки адресата, вызывают у него эмоциональный отклик и «могут способствовать переосмыслению им какого-либо события / явления и / или мотивировать на совершение того или иного действия, поступка» [Копнина и др. 2024b: 435].

Средства создания триггерных и кликбейтных высказываний различны. Триггерами в новостном дискурсе обычно служат высказывания актуальной тематики, способные, как показывают лингвистические эксперименты, вызывать у аудитории сильные чувства (гнев, печаль, страх, радость). Такими «катализаторами» эмоций в современных СМИ являются, например, словосочетания *специальная военная операция на Украине, террористические акты, несчастные случаи, победа России, гимн России* [Копнина и др. 2024b]. Триггерами выступают также эмоционально окрашенные высказывания политиков и журналистов на злободневные темы [Копнина и др. 2024a; Руженцева и др. 2020]. Кликбейт же нередко содержит слова *скандал* или *секрет*, вызывает у читателя прежде всего любопытство (*Актер не удержался и рассказал такое...*), реже – страх (*Конец близок*), а также апеллирует к его желанию быть первым: *Ты узнаешь первым; Человечество ранее этого не видело* [Есакова, Кольцова 2021: 344]. Большинство высказываний, содержащих кликбейт, не способны пробуждать у аудитории сильные позитивные (радость, гордость) или деструктивные (ненависть, враждебность) эмоции, в отличие от триггеров [Копнина, Славкина 2024; Копнина и др. 2024b].

Кликбейт чаще всего не связан с освещением актуальных общественно-политических событий, наоборот, с его помощью журналист стремится придать сенсационность обыденной или мало-значимой информации (так, заголовок *Шок!* может быть предпослан заметке о том, что модная модель джинсов полнит многих женщин). Если триггерные высказывания эксплицируют злободневную информацию, то кликбейт обычно строится на намеренном замалчивании фактов, что вводит читателя в заблуждение.

Таким образом, анализируя высказывания, вызывающие эмоциональный отклик у аудитории, следует различать кликбейт (как хорошо изученное явление) и триггерные высказывания (как перспективно развивающуюся область медийных исследований).

Кликбейт, с одной стороны, стал одним из способов выделения контента в условиях жесткой конкуренции прессы и электронных медиа, когда «виральность как цель и громкие заголовки как средство оказались в числе определяющих факторов привлечения аудитории» [Кузнецов 2021b: 52], ведь «сенсационность, неоднозначность толкования и гибкость» кликбейтных заголовков «сделали их незаменимым оружием в борьбе за первую полосу» [Гаврикова 2019: 27]. С другой стороны, броский заголовок нередко искажает содержание публикации, что приводит к эффекту обманутого ожидания читателя, о чем свидетельствуют данные лингвистических экспериментов (см., например, [Каган 2011]). Зарубежные исследования подтверждают, что использование кликбейта – далеко не всегда эффективный способ привлечения внимания к информации [Kuiken et al. 2017].

Явление кликбейта чаще всего оценивается учеными негативно. Его называют одним из способов введения аудитории в заблуждение [Горина 2024; Каган 2011] и манипулирования ее сознанием [Богданова 2019; Чанышева 2019], связывают с информационным загрязнением [Mustapha, Aguye 2021], расценивают как свидетельство «деградации медиа» и «неуважения к читателю» [Солдаткина 2018: 325]. Некоторые исследователи, однако, рассматривают кликбейт как эффективный способ подачи информации [Гаврикова 2019; 2020; Кузнецов 2021b]. А. В. Николаева замечает: «не всегда под кричащим заголовком кроется пустышка. Яркий, творческий заголовок без дурновкусия и обмана всегда может стать хорошим способом привлечения читателя» [Николаева 2018: 47]. Е. С. Кузнецов полагает, что следует различать кликбейт 1.0, намеренно искажающий содержание публикации, и кликбейт 2.0, способствующий креативной подаче материала и не вводящий аудиторию в заблуждение [Кузнецов 2021a].

Цель данной работы – выявить и описать приемы создания кликбейта в публикациях общественно-политической газеты «Московский комсомолец» (далее – МК) и постах ее официального телеграм-канала.

Актуальность обусловлена возрастающим интересом отечественных и зарубежных ученых к анализу манипулятивных средств, используемых в современном медиаконтенте.

Методы и материалы

Будучи авторитетным общественно-политическим изданием с более чем столетней историей, МК вынужден отвечать на вызовы времени: регулярно наполнять новостями свой сайт¹ и вести телеграм-канал², на который подписаны более 64 тыс. человек. Материалом исследования послужили 300 заголовков постов в официальном телеграм-канале МК и публикаций в газете МК за 2022–2025 гг. Исследование базируется на применении описательного, сопоставительного и интерпретативного методов, а также приемов стилистического, семантического, дискурсивного и количественного анализа.

Результаты

Согласно исследованию Д. Н. Тюковой, в заголовках газеты МК в погоне за вниманием аудитории нередко нарушаются этические нормы или искажается содержание публикаций [Тюкова 2013]. По нашим наблюдениям, журналисты данного издания часто прибегают к использованию кликбейтов – громких или псевдосенсационных заголовков, которые привлекают внимание читателя, однако намеренно искажают суть публикации. Количественный анализ показывает, что в газете МК кликбейт составляет в среднем 7 % от всех заголовков выпуска³, тогда как в телеграм-канале МК это явление представлено несколько шире и составляет примерно 10 % от всех заголовков постов, опубликованных за сутки⁴. Это объясняется, во-первых, сетевой природой самого кликбейта, во-вторых, ослаблением редакторского контроля за подачей информации в электронных СМИ, в-третьих, тематикой постов: в телеграм-канале МК, наряду с освещением важных общественно-политических событий, публикуются новости шоу-бизнеса, забавные случаи с животными, информация о погодных условиях в столице и др. С помощью кликбейта журналисты стремятся придать такой малозначительной

¹ Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/> (дата обращения: 19.08.2025).

² Московский комсомолец. Телеграм-канал. URL: https://t.me/mk_ru/ (дата обращения: 19.08.2025).

³ На один выпуск МК, состоящий в среднем из 31 статьи (от 29 до 34 публикаций), приходится 2–3 заголовка с кликбейтом. Заметим, что еженедельник МК с телепрограммой к анализу не привлекался.

⁴ В среднем за сутки в телеграм-канале МК публикуется 58 постов (от 56 до 60), в заголовках 5–7 из которых содержится кликбейт.

информации интригующий или сенсационный характер.

В телеграм-канале МК кликбейт сопровождается эмодзи или определенными символами (красным кружком, восклицательным знаком, молнией и т. п.). Это обусловлено тем, что графическое оформление телеграм-постов оказывается не менее важным, чем лингвокреативность пишущего [Дускаева 2023]. В газете МК кликбейт встречается преимущественно в материалах первой полосы и в рубрике «Срочно в номер», т. е. в тех разделах печатного издания, которые более всего привлекают внимание аудитории.

В исследовании О. В. Лутовиновой продемонстрировано, что кликбейт может как напрямую соотноситься с содержанием статьи, так и не иметь непосредственной связи с ним. Исследователь выделяет 4 типа таких заголовков: 1) подходящие к любому тексту за счет универсальности формулировок; 2) не связанные с содержанием материала; 3) «связанные с содержанием статьи посредством своей несенсационной части»; 4) в полной мере отражающие содержание публикации [Лутовинова 2023: 59]. По нашим наблюдениям, журналисты МК, как правило, используют кликбейт третьего типа.

С опорой на научную литературу и собственные наблюдения мы выявили ряд приемов создания кликбейта, которые представлены в газетных статьях (Г) и телеграм-постах (ТГ) МК в разном процентном соотношении. Среди них:

- 1) замалчивание важных подробностей: 29 % (Г) и 36 % (ТГ);
- 2) вынесение в заголовок вырванных из контекста цитат: 22 % (Г) и 24 % (ТГ);
- 3) освещение незначительных деталей: 15 % (Г) и 17 % (ТГ);
- 4) подмена понятий: 11 % (Г) и 8 % (ТГ);
- 5) нарушение причинно-следственных связей: 8 % (Г) и 7 % (ТГ);
- 6) использование многозначных слов: 9 % (Г) и 4 % (ТГ);
- 7) гиперболизация фактов: 5 % (Г) и 3 % (ТГ);
- 8) использование фактов, не соответствующих или не в полной мере соответствующих действительности: менее 1 % в Г и ТГ⁵.

Как видим, и в газетных публикациях, и в постах МК преобладают одинаковые приемы создания кликбейта: замалчивание важных подробностей, использование вырванных из контекста цитат и вынесение в заголовок несущественных для освещения новости деталей. При этом журналисты чаще всего стремятся опускать важные подробности происшествия для придания ему псевдосенсационности, провокативности или драматизма. Наш результат подтверждают данные исследования кликбейта в российских СМИ, проведенного агентством PR-Consulta и компанией Ex Libris. Проанализировав заголовки публикаций в таких крупных изданиях, как «Известия», «Российская газета», «РБК», «Комсомольская правда», Lenta.ru и др., аналитики медиаконтента пришли к выводу, что намеренная недосказанность является самым распространенным типом кликбейта⁶.

Рассмотрим подробнее каждый из выявленных нами приемов создания кликбейта в МК.

Как уже было сказано, почти в 30 % случаев для создания кликбейта в МК используется такой манипулятивный прием, как намеренное опущение в проспективной части публикации важных деталей освещаемых событий. Примером может служить заголовок *Мэр вступил в брак с крокодилом ради процветания города*. В посте телеграм-канала МК речь идет не о юридически оформленном союзе, а о ритуале: символическом браке мэра мексиканского города Сан-Педро-Уамелула с самкой каймана. Журналист объясняет: *По древним традициям, крокодил считается воплощением Матери-Земли, а брак с ним символизирует союз людей и богов. Местные верят, что ритуал приносит процветание, богатый урожай и удачу на рыбалке. Подобные церемонии проходят здесь уже более двух веков* (МК. Телеграм-канал. 05.07.2025. URL: https://t.me/mk_ru/87894). А в посте с обескураживающим заголовком *В космосе обнаружили сову. Ну почти* (МК. Телеграм-канал. 11.07.2025. URL: https://t.me/mk_ru/88246), сопровождающимся нечетким изображением, которое напоминает лицевой диск птицы, журналист приводит данные о том, что телескоп «Джеймс Уэбб» зафиксировал редкое столкновение

⁵ Следует заметить, что менее чем в 1 % проанализированных кликбейтных заголовков совмещались два приема: например, вырванная из контекста цитата и замалчивание фактов.

⁶ Какой тип кликбейта чаще используют российские СМИ? РБК. 07.08.2024. URL: <https://companies.rbc.ru/news/qCXITcbUhk/kakoj-tip-klikbejta-chasche-ispolzuyut-rossijskie-smi/?ysclid=meids6s15315865358> (дата обращения: 19.08.2025).

кольцеобразных галактик. Снимок этого космического явления лишь отдаленно напоминает глаза и клюв совы. Умолчание как манипулятивный прием используется журналистами МК как в официальном телеграм-канале, так и на страницах газеты. Так, заголовок *Вдове запретили рожать от покойника* (МК. 23.07.2025) может шокировать читателя из-за намеренной недосказанности. В публикации, однако, не раскрывается ничего сенсационного: сообщается лишь о том, что по юридическим причинам женщине запретили делать процедуру ЭКО с использованием биоматериала умершего мужа.

Иногда журналисты МК не опускают важные подробности, а наоборот, делают акцент на отдельных фактах, существенным образом не влияющих на произошедшее, но придающих новостной заметке громкость, сенсационность. Так, в заголовке *Бомж получил 13 лет за убийство в «Запорожье» Гоши Куценко* (МК. 18.06.2025) упоминание известного актера создает намеренную двусмысленность: убийство Куценко или автомобиль Куценко? Читатель может подумать, что убит артист. Заметка помещена на первой полосе газеты, что повышает ее статус среди других новостей. А заголовок телеграм-поста *Возвращение Леонтьева на сцену сопроводил казус: мэтр стойко выдержал* (МК. Телеграм-канал. 10.11.2024. URL: https://t.me/mk_ru/72953) заставляет читателя предположить, что певец попал в неприятную или даже опасную ситуацию, для преодоления которой ему пришлось собрать волю в кулак. Однако словосочетание *стойко выдержал*, вынесенное в сильную позицию текста, является лишь манипулятивным средством. Оно используется журналистом для описания банальной ситуации: декорации не успели подготовить к выходу артиста, и В. Леонтьеву пришлось немного подождать.

Для создания псевдосенсационности в заголовках могут использоваться и вырванные из контекста цитаты. Так, заголовок поста *Принц Гарри объяснил, почему смешал семью с грязью: «В постели с дьяволом»* наводит читателя на мысль о том, что дьявол – это супруга принца, ради которой он якобы предал и опорочил свою семью. Однако слова принца относятся вовсе не к Меган Маркл, а к недобро известным журналистам: *Объясняя отношения членов королевской семьи с прессой, Гарри сказал: «Я люблю своего отца, я люблю своего брата, я люблю свою семью».* По его словам, у него не было намерения причинять им вред. Но что касается бульварной прессы,

«некоторые участники решили лечь в постель с дьяволом», чтобы реабилитировать свой собственный имидж (МК. Телеграм-канал. 09.01.2023. URL: https://t.me/mk_ru/21993). Подобного рода прием активно используется и в газете. Заголовок на первой полосе МК от 18.08.2025 *«Миллиард долларов и остров в океане»: названа цена сговорчивости Зеленского* построен как сообщение реального факта. Такому восприятию содержащейся в нем информации способствует не только вырванная из контекста цитата, якобы перечисляющая конкретные требования В. Зеленского, но и сопровождающая ее пассивная безагентивная конструкция: цена остановки конфликта уже названа. В самой статье, однако, лишь приводятся размышления политического эксперта Сергея Маркова о том, чем может закончиться встреча лидеров США и Украины. Среди прочего, он – не без доли иронии – предполагает, что, *если Трамп хочет получить Нобелевскую премию мира, он должен просто купить мир на Украине: скажем, дать Зеленскому миллиард долларов <...> и подарить ему остров где-нибудь в океане* (МК. 18.08.2025). Следовательно, заголовок вводит читателя в заблуждение и создает из полушутливого политического прогноза псевдосенсацию.

Созданию кликейта способствует и такой прием, как подмена понятий. Его, например, можно обнаружить в заголовке *Ветеринары превратили саблезубого тигра в кролика* (МК. 20.06.2025). В публикации, помещенной на первой полосе газеты, сообщалось о том, как московские ветеринары сделали операцию кролику с заболеванием, из-за которого у него выросли аномально длинные и загнутые вверх зубы, напоминающие клыки саблезубого тигра. Теперь, благодаря своевременно оказанной помощи, животное может нормально питаться и полноценно развиваться. Таким образом, героем материала является не саблезубый тигр, как явствует из заголовка, а кролик. Разновидностью этого приема можно считать и подмену субъекта действия. Так, в статье *Московским орнитологам доверили высидеть яйца редкого журавля* (МК. 03.06.2025) говорится о том, что кладка краснокнижного журавля-красавки была перевезена из Улан-Удэ и помещена в Москве в особый инкубатор. Следовательно, сами орнитологи не высидели яйца, как утверждается в заголовке. Ср.: *Тесть-покойник подвел жителя Карелии под уголовную статью* (МК. 12.08.2023).

Еще одним манипулятивным приемом является намеренное нарушение причинно-следственных

связей в заголовке, которое О. В. Лутовинова называет «провоцированием логических ошибок» [Лутовинова 2023: 63]. Так, прочитав заголовок поста *Съела не то: британке удалили 13 органов после пищевого отравления* (МК. Телеграм-канал. 24.05.2025. URL: https://t.me/mk_ru/84698), адресат может подумать, что интоксикация привела к операции. На самом же деле из текста публикации мы узнаем, что, когда женщина попала в больницу с признаками отравления, у нее диагностировали редкий и агрессивный вид рака, из-за чего пришлось срочно удалять ей несколько органов. А при прочтении заголовка *Россиянину дали 7,5 лет колонии за кражу яиц* (МК. 24.04.2025) читатель недоумевает, почему за данное правонарушение мужчина понес несоизмеримо суровое наказание. Однако при знакомстве с полным текстом публикации выясняется, что кражи в магазинах он совершал неоднократно, и, кроме того, у него уже были судимости, чем и был обусловлен такой приговор.

Для создания псевдосенсационных заголовков в МК используются и многозначные слова. Так, заметка *Медведи начали проявлять интерес к шахматам* (МК. Телеграм-канал. 06.07.2025. URL: https://t.me/mk_ru/87955) наводит читателя на мысль о том, что современные технологии или методики обучения позволили животным освоить азы сложной игры. Однако в посте рассказывается лишь о том, как медведица с медвежонком забрели в город и прогуливались по большой шахматной доске, установленной на асфальте, касаясь носами фигур. Таким образом, под шахматами здесь имеется в виду не сама игра, а фигуры, возле которых прошли животные, а под проявлением интереса – обнюхивание лесными жителями этих фигур. Подобный прием активно используется и в газете. Так, на первой полосе была помещена заметка с заголовком *В московских озерах ждут появления «пришельцев»* (МК. 20.06.2025). Слово *пришелец* – многозначное; здесь оно, конечно, называет не инопланетян, как могли бы подумать некоторые впечатлительные читатели, а представителей чужеродной для этого региона флоры и фауны. Слово взято в кавычки, поскольку является цитатой: новых обитателей озер назвал

пришельцами научный сотрудник кафедры гидрологии суши географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Для намеренной двусмысленности журналист может использовать в заголовке и такие лексемы, у которых переносные значения развились уже за пределами литературного языка. Например, для придания обыденной информации статуса криминального происшествия пишущий выбирает такие слова и выражения, жаргонные значения которых вызывают у целевой аудитории определенные устойчивые ассоциации. Заголовок *Мокрое дело* (МК. 29.03.2022) может навести читателя на мысль о том, что в публикации речь идет об арготической номинации «убийства, связанного с кровопролитием»⁷. В статье, однако, сообщается, что в доме для детей-сирот протекает крыша, поэтому жильцы намерены предъявить иск застройщику. Словосочетание *мокрое дело* и ранее неоднократно использовалось журналистами МК для привлечения читательского внимания к довольно обыденной информации. Ср.: *Мокрое дело: в Волгоградской области в воскресенье обещают дождь при +19 °С* (МК. 14.04.2019); *«Мокрое дело» группы «Звери»* (о затоплении студийного помещения музыкального коллектива) (МК. 15.04.2008).

Для придания публикации драматического эффекта журналист может прибегнуть к гиперболизации. Так, в заметке А. Кабаевой *В Подмосковье охранники взяли в рабство подвернувшихся им под руку подростков* (МК. 22.07.2025) сообщается о том, что сторожа заставили школьников, которые проникли на частную охраняемую территорию, расчищать ее от веток и мусора. Выражение *взять в рабство*, выбранное журналистом для освещения данной ситуации, представляется не вполне корректным, ведь речь не идет о «бесправном человеке», «являющемся полной собственностью владельца», на которого приходится очень долго и тяжело работать⁸.

Для гиперболизации негативных последствий в заголовках новостей о происшествиях без погибших журналисты МК нередко используют глаголы с семами *гибель, уничтожение*. Подобным образом они употребляют слова *расстрелять* («уничтожить,

⁷ Мокрое дело. Толковый словарь уголовных жаргонов, ред. Ю. П. Дубягин, А. Г. Бронников. М.: СП «Интер-ОМНИС»; СП «РОМОС», 1991. С. 108.

⁸ Раб. Большой толковый словарь русского языка, ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. С. 1054.

стреляя с близкого расстояния»⁹) и *подорваться* («погибнуть, разрушиться от взрыва»¹⁰). Так, из заметки *Друзья подорвались при попытке запустить ракету* (МК. 04.06–10.06.2025) читатель узнает, что пострадавшие живы, один из них ранен. Ср.: *Турист подорвался на газовом баллоне, не успев отведавать рыбной похлебки* (МК. 22.05.2023) – мужчине раздробило кисть; *Неизвестные расстреляли мужчину и украли 20 млн рублей в Москве* (МК. 03.10.2025) – мужчина жив и доставлен в больницу; *Неизвестный расстрелял учеников в шведской школе* (МК. Телеграм-канал. 04.02.2025. URL: https://t.me/mk_ru/77078) – пятеро школьников получили ранения. Об этом явлении писала О. Б. Сиротина, отмечая, что такое небрежное обращение журналистов со словом ведет к обеднению языка, диффузности смыслов и сужению синонимических рядов [Сиротина 2013].

Еще одним способом гиперболизации является подача обыденной информации как сенсационного факта. Для этого в заголовке используются такие лексемы, как *шок*, *шокирующий*, *сенсация*, *вся правда* и др. Например, заголовок *В Белоруссии известные российские артисты сделали несколько шокирующих признаний* (МК. Телеграм-канал. 14.07.2025. URL: https://t.me/mk_ru/88442) предпослан новостному посту о проведении фестиваля искусств. Члены жюри и гости этого мероприятия охотно давали интервью, в которых раскрывали подробности своей жизни: Ольга Бузова поведала, что ни с кем не встречается, Лариса Долина рассказала, что купила несколько новых сценических нарядов, а Анатолий Ярмоленко напомнил, что в свои 77 лет регулярно занимается спортом. Вряд ли эти подробности можно отнести к шокирующим признаниям звезд. Встречается данный прием и на страницах газеты. Так, в заметке *Вся правда под твердой обложкой* (МК. 23.05.2025) сообщается о новом учебнике истории, а в статье *Сенсация мирового масштаба* (МК. 28.03.2024) приводятся сведения английского ученого о том, что у У. Шекспира могла быть сестра.

В качестве кликбейта может использоваться сенсационная или провокационная информация, не в полной мере соответствующая действительности. Пример такого манипулятивного приема можно обнаружить в заголовке телеграм-поста *Утечка переговоров Путина и Си Цзиньпина: китайские*

чиновники пожертвовали жизнью (МК. Телеграм-канал. 11.01.2023. URL: https://t.me/mk_ru/22123). Из полного текста электронной публикации читатель узнает об утечке информации о переговорах лидеров РФ и КНР. В том, что важные сведения попали к третьим лицам, власти Китая подозревают чиновников, но ни одному из них официально не было предъявлено обвинений, тем более никто из госслужащих не был казнен. В тексте публикации лишь упоминается о том, что разглашение гостайны в КНР карается смертной казнью. Следовательно, заголовок публикации не в полной мере отражает содержание материала и вводит читателя в заблуждение.

Как справедливо замечает Е. И. Шейгал, иногда в СМИ «придумывается история, под которую подгоняются реальные факты и события» [Шейгал 2007: 88]. Так, в погоне за сенсационностью журналисты могут использовать в заголовке фейковую информацию, а в содержании самой публикации сообщают о том, что она не имеет отношения к действительности. Примером может служить заголовок новости *Роботы отчитывают хозяев за собачьи фекалии: владельцы в шоке, опубликованной в телеграм-канале издания МК* (МК. Телеграм-канал. 07.05.2025. URL: https://t.me/mk_ru/83505). После заголовка дается ссылка, которая ведет на электронную страницу с полным текстом заметки, где новости предпослан подзаголовок с разъяснением: *Жителей Новой Москвы напугали фейком о роботах-надзирателях за собаками* (МК. 06.05.2025).

Заключение

Сегодня кликбейт – явление, свойственное не только электронным новостным агрегаторам, но и прессе. Заголовок-уловка, искажающий суть публикации и обманывающий ожидание читателя, справедливо оценивается российскими и зарубежными лингвистами негативно.

Кликбейт как способ манипулирования информацией и сознанием аудитории используется сотрудниками МК в телеграм-постах и в газетных материалах, при этом в первых он употребляется несколько чаще, поскольку является продуктом цифровой среды. В газете МК публикации с кликбейтом располагаются так, чтобы сразу привлечь внимание читателя: на первой полосе или в рубрике

⁹ Расстрелять. Там же. С. 1098.

¹⁰ Подорваться. Там же. С. 875.

«Срочно в номер». В телеграм-постах издания кликбейт нередко сопровождается яркими фотографиями, эмодзи, пиктограммами: такое графическое выделение материала выполняет аттрактивную функцию и усиливает воздействие на аудиторию.

Для создания кликбейта и в телеграм-канале, и в газете МК используется целый ряд манипулятивных приемов: умолчание важных подробностей и, наоборот, упоминание несущественной информации, вырванные из контекста цитаты, нарушение причинно-следственных связей и подмена понятий, гиперболизация, использование многозначных слов, а также упоминание фактов, не соответствующих или не в полной мере соответствующих действительности (последний прием чаще обнаруживается в телеграм-постах МК, чем в газете: по-видимому, это объясняется стремлением газеты

сохранить репутацию издания, которому читатели могут доверять). При этом наиболее востребованными у журналистов МК оказываются намеренная недосказанность, упоминание незначительных подробностей, а также цитирование отдельных фраз без связи с поясняющим их истинный смысл контекстным окружением. Изучение эффективности кликбейта и реакций на него читателей МК заслуживает, на наш взгляд, отдельного исследования.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Богданова Д. А. Кликбейты и листиклы – современные приемы подачи информации онлайн-медиа. *Народное образование*. 2019. № 4. С. 203–210. [Bogdanova D. A. Clickbates and listicles – modern online media feeds. *Narodnoe obrazovanie*, 2019, (4): 203–210. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ayboqb>
- Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: URSS, 2017. 280 с. [Boguslavskaya V. V. *Text modeling: A linguistic and socio-cultural concept. Analysis of journalistic texts*. Moscow: URSS, 2017, 280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqsgnn>
- Вартанова Е. Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды. *Меди@льманах*. 2022. № 2. С. 8–14. [Vartanova E. L. On the consequences of digital transformation of the media environment. *Medi@lmanah*, 2022, (2): 8–14. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.2.2022.814>
- Гаврикова О. А. Анализ смысловой организации медиатекстов (на примере кликбейт-заголовков новостного онлайн-издания The Guardian). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. № 2. С. 207–211. [Gavrikova O. A. On the problem of semantic arrangement of media texts (by the example of click-bait headlines of "The Guardian" online newspaper). *Philology. Theory & Practice*, 2020, 13(2): 207–211. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.41>
- Гаврикова О. А. Кликбейтинг как фактор создания ложного нарратива в политическом медиадискурсе. *Политическая лингвистика*. 2019. № 3. С. 22–30. [Gavrikova O. A. Clickbait as a factor of false narrative creation in political mass media discourse. *Political Linguistics*, 2019, (3): 22–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/pl19-03-02>
- Горина Е. В. Заголовок как способ введения адресата в заблуждение. *Российский лингвистический бюллетень*. 2024. № 2. [Gorina E. V. Headline as a way of misleading the audience. *Russian Linguistic Bulletin*, 2024, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.50.10>
- Градюшко А. А. Кликбейт в цифровой журналистике: стратегии и особенности. *Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии*. 2025. № 1. С. 34–40. [Hradziushka A. A. Clickbait in digital journalism: Strategies and peculiarities. *Proceedings of BSTU, issue 4, Print- and Mediatechnologies*, 2025, (1): 34–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxnyef>
- Дугин Е. Я. Трансформация медиакommunikации под воздействием цифровых технологий: теоретико-методологический аспект. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2024. Т. 49. № 5. С. 140–151. [Dugin E. Ya. Transformation of media communication under the influence of digital technologies: Theoretical and methodological aspect. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2024, 49(5): 140–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jeivyv>

- Дускаева Л. Р. Речевая организация метатекста телеграм-поста. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2023. Т. 48. № 1. С. 30–65. [Duskaeva L. R. Speech organization of the metatext in telegram posts. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2023, 48(1): 30–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.3065>
- Есакова М. Н., Кольцова Ю. Н. «Кликбейт» как новая форма привлечения внимания читателя. *Русский язык и культура в зеркале перевода*. 2021. № 1. С. 340–348. [Esakova M. N., Koltsova Yu. N. "Clickbait" as a new tool of attracting the reader's attention. *Russkii iazyk i kultura v zerkale perevoda*, 2021, (1): 340–348. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eeeflh>
- Каган Е. Б. Соотношения метафорического заголовка статьи и ее основного текста. *Дискуссия*. 2011. № 9. С. 172–175. [Kagan E. B. Relations of the article metaphorical title and its main text. *Diskussiya*, 2011, (9): 172–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owciad>
- Копнина Г. А., Роу (Забродина) А. Н., Цатурян Г. А. Триггерные высказывания как объект лингвистических исследований: проблема определения и критерии идентификации. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024а. Т. 17. № 5. С. 916–925. [Kopnina G. A., Rowe (Zabrodina) A. N., Tsaturyan G. A. Trigger statements as an object of linguistic research: The problem of definition and its identification criteria. *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*, 2024a, 17(5): 916–925. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qjrugr>
- Копнина Г. А., Славкина И. А. Деструктивные триггерные высказывания в современной коммуникации на русском языке: к проблеме определения и классификации. *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. 2024. № 8. С. 205–209. [Kopnina G. A., Slavkina I. A. Destructive trigger statements in modern communication in Russian: The problem of definition and classification. *Dinamika iazykovykh i kulturnykh protsessov v sovremennoi Rossii*, 2024, (8): 205–209. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nlqzsq>
- Копнина Г. А., Славкина И. А., Цатурян Г. А., Роу А. Н. Триггерные высказывания в новостном интернет-дискурсе: опыт экспериментального исследования. *Медиалингвистика*. 2024b. Т. 11. № 4. С. 433–447. [Kopnina G. A., Slavkina I. A., Tsaturyan G. A., Rowe A. N. Trigger statements in internet news discourse: Experimental research. *Medialingvistika*, 2024b, 11(4): 433–447. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.402>
- Кузнецов Е. С. Сопоставление заголовка и содержания публикации как ключ к пониманию специфики кликбейта. *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2021а. № 4. С. 133–139. [Kuznetsov E. S. Headline and content comparison publication as a key to understanding the clickbait's specifics. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2021a, (4): 133–139. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2021-10415>
- Кузнецов Е. С. Эволюция кликбейта: от инструмента желтой прессы к ключевой технологии интернет-СМИ. *Верхневолжский филологический вестник*. 2021b. № 2. С. 48–54. [Kuznetsov E. S. The evolution of clickbait: From a yellow press tool to the key internet media technology. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2021b, (2): 48–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-2-25-48-54>
- Кулагина А. К. Язык вражды в заголовках интернет-версий российских изданий «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и «Московский комсомолец». *Гуманитарный акцент*. 2022. № 3. С. 60–68. [Kulagina A. K. Hate speech in the headlines of the internet versions of the Russian publications "Komsomolskaya Pravda", "Arguments and facts" and "Moskovsky komsomolets". *Gumanitarnyi actsent*, 2022, (3): 60–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kjfwcs>
- Лутовинова О. В. Манипулятивные приемы в кликбейтных заголовках интернет-СМИ. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2023. № 2. С. 55–69. [Lutovinova O. V. Manipulative means in clickbait headlines of online media. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2023, (2): 55–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-2-55-69>
- Николаева А. В. Кликбейт в СМИ. Русская речь. 2018. № 3. С. 43–47. [Nikolaeva A. V. Clickbait in the Media. *Russkaya Rech*, 2018, (3): 43–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpujtz>
- Руженцева Н. Б., Кошкарова Н. Н., Чудинов А. П. Триггеры в дискурсе власти и их отражение в СМИ. *Язык и культура*. 2020. № 50. С. 99–114. [Ruzhentseva N. B., Koshkarova N. N., Chudinov A. P. Triggers in the power discourse and their reflection in the mass-media. *Yazyk i kultura*, 2020, (50): 99–114. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19996195/50/8>

- Самарцев О. Р., Латенкова В. М., Фокина Д. С. Типологические признаки кликбейта в заголовочном блоке современных масс-медиа. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2020. № 1. С. 155–163. [Samartsev O. R. Latenkova V. M., Fokina D. S. Typological features of clickbait in the header block of the modern media. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 2020, (1): 155–163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fdzbtbn>
- Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: СарГУ, 2013. 116 с. [Sirotnina O. B. *Russian language: System, usage, and risks*. Saratov: SarSU, 2013, 116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykyglr>
- Солдаткина Я. В. Проблемы сегментации контента в СМИ и новые возможности мобильных мессенджеров. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2018. Т. 23. № 3. С. 323–330. [Soldatkina Ya. V. Media content segmentation and some opportunities for mobile messengers. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2018, 23(3): 323–330. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-3-323-330>
- Тюкова Д. Н. Заголовки газеты «Московский комсомолец» 2012 г. с точки зрения литературного редактирования. *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2013. № 12. С. 225–229. [Tyukova D. N. Headlines of the newspaper "Moskovsky komsomolets" (2012) in respect to literary editing. *Vestnik RGGU. Seria: Istoriia. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie*, 2013, (12): 225–229. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rekolx>
- Чанышева З. З. Методики исследования прагматики ложного нарратива. *Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода*: III Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 24–27 апреля 2019 г.) Пенза: ПГУ, 2019. Т. I. Методы в лингвистике. С. 112–117. [Chanysheva Z. Z. Methodology of pragmatic investigation of false narrative. *Modern trends in linguistics and language teaching: The problem of method*: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 24–27 Apr 2019. Penza: PSU, 2019. Vol. I. Methods in linguistics, 112–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ziolpn>
- Шейгал Е. И. Многоликий нарратив. *Политическая лингвистика*. 2007. № 22. С. 86–93. [Sheigal E. I. The many-faces of narrative. *Political Linguistics*, 2007, (22): 86–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvkyeb>
- Ferrucci P. Primary differences: How market orientation can influence content. *Journal of Media Practice*, 2015, 16(3): 195–210. <https://doi.org/10.1080/14682753.2015.1116754>
- Kuiken J., Schuth A., Spitters M., Marx M. Effective headlines of newspaper articles in a digital environment. *Digital Journalism*, 2017, 5(10): 1300–1314. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1279978>
- Muñoz-Torres J. R. Truth and objectivity in journalism: Anatomy of an endless misunderstanding. *Journalism Studies*, 2012, 13(4): 566–582. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2012.662401>
- Mustapha M. J., Agyei S. O. The era of information pollution: New definition of news production in Nigeria. *Litera*, 2021, (11): 39–44. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.11.36726>
- Simons G., Strovsky D. Factors transgressing journalism's contemporary mission and role. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2022, 27(1): 109–121. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-109-121>

original article

eLibrary EDN: HVXLRA

Impoliteness in Online News Discourse: Evidence from BBC News Facebook¹ Comments

Noureddine Derki

University of Mustapha Stambouli Mascara, Algeria, Mascara

<https://orcid.org/0000-0003-4282-1416>

Scopus Author ID: 59256761200

derkinoureddine@yahoo.com

Noureddine Bedda

University of Mustapha Stambouli Mascara, Algeria, Mascara

Souheyla Selmane

Southwest University, China, Chongqing

Abstract: This study investigates impoliteness in the comment section of the BBC English News website, focusing on the types of conventionalized impolite triggers used by commenters. It also examines the influence of computer-mediated factors, including anonymity and synchronicity, on impolite behavior. J. Culpeper's bottom-up model of impoliteness triggers (2011, 2016) was applied to classify impolite acts. Using a mixed-method approach, we analyzed 115 comments containing 170 impolite strategies. Our findings reveal that commenters frequently targeted writers, politicians, and the BBC itself. Insults and pointed criticisms were their most common strategies, while silencers and threats were used least often. Among threats, personalized negative vocatives were most frequent, while personalized negative assertions and references were least common. Our analysis further shows that anonymity, synchronicity, and emotional expression significantly shape the manifestation of impoliteness in online comments.

Keywords: impoliteness, computer-mediated communication, online comments, J. Culpeper's model, Facebook discourse, conflict strategies

Citation: Derki N., Bedda N., Selmane S. Impoliteness in Online News Discourse: Evidence from BBC News Facebook Comments. *SibScript*, 2026, 28(1): 12–23. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-12-23>

Received 3 Aug 2025. Accepted after peer review 8 Oct 2025. Accepted for publication 13 Oct 2025.

оригинальная статья

Невежливость в новостном дискурсе в Интернете: данные из комментариев BBC News на Facebook²

Дерки Нуреддин

Университет Мустафы Стамбули Маскара, Алжир, Маскара

<https://orcid.org/0000-0003-4282-1416>

Scopus Author ID: 59256761200

derkinoureddine@yahoo.com

Бедда Нуреддин

Университет Мустафы Стамбули Маскара, Алжир, Маскара

Сельмане Сухейла

Юго-Западный университет, Китай, Чунцин

Аннотация: В данном исследовании изучается невежливость в разделе комментариев новостного сайта BBC English с акцентом на типы условных триггеров невежливости, используемых комментаторами. Также рассматривается влияние компьютерных факторов, включая анонимность и синхронность, на невежливое поведение. Для классификации невежливых действий применялась модель «снизу вверх» триггеров невежливости Дж. Калпепера. С использованием смешанного метода было проанализировано 115 комментариев, содержащих 170 стратегий невежливости. Результаты показали, что комментаторы чаще всего выбирали в качестве мишени писателей, политиков и сам BBC, при этом наиболее распространенными

¹ *Meta Platforms*, the parent company of *Facebook*, *Instagram* and *WhatsApp* Messenger, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.

² Компания *Meta Platforms*, владеющая социальными сетями *Facebook* и *Instagram* и онлайн-мессенджером *WhatsApp*, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ.

стратегиями были оскорбления и острая критика, а наименее распространенными – замалчивание и угрозы. Среди угроз наиболее часто встречались персонифицированные отрицательные обращения (категория 1), в то время как персонифицированные отрицательные утверждения (категория 2) и персонифицированные отрицательные упоминания (категория 3) использовались реже всего. Анализ также показал, что анонимность, синхронность и эмоциональное выражение существенно влияют на проявление невежливости в онлайн-комментариях.

Ключевые слова: невежливость, компьютерное общение, онлайн-комментарии, модель Дж. Калпепера, дискурс в Facebook, стратегии разрешения конфликтов

Цитирование: Дерки Н., Бедда Н., Сельмане С. Невежливость в новостном дискурсе в Интернете: данные из комментариев BBC News на Facebook. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. 12–23. (In Eng.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-12-23>

Поступила в редакцию 03.08.2025. Принята после рецензирования 08.10.2025. Принята в печать 13.10.2025.

Introduction

Politeness has long been a central topic in linguistic research. Traditional politeness theories, such as those by R. Lakoff, G. N. Leech, and P. Brown and S. C. Levinson [Brown, Levinson 1987; Lakoff 1973; Leech 1983], focused on creating harmonious interactions that preserve self-respect. However, as M. A. Locher and D. Bousfield note, recent studies have shifted toward exploring impoliteness in a variety of discourse contexts [Locher, Bousfield 2008], including legal [Harris 2011], classroom [Cashman 2006], political [García-Pastor 2008], interpersonal [Hardaker, McGlashan 2016; Sampietro 2019], and media [Larina, Ponton 2022; Lorenzo-Dus 2009] discourse. Other research has examined computer-mediated communication, such as YouTube interactions [Bou-Franch, Blitvich 2014] and student emails [Economidou-Kogetsidis 2016].

Scholars have also explored the reasons behind the use of impoliteness, highlighting its role in achieving specific interactional goals [Bousfield 2007; 2008; Culpeper 1996; Culpeper et al. 2003; Watts 2003]. J. Culpeper et al. define impoliteness as "communicative strategies designed to attack the face, and thereby cause social conflict and disharmony" [Culpeper et al. 2003: 1564]. In this sense, impoliteness is the opposite of politeness, producing social disruption instead of harmony. Unlike politeness, impoliteness may serve purposes such as asserting power or reinforcing social distance. The interpretation of such strategies depends heavily on context and participants: what is acceptable in one setting may be considered impolite in another.

P. Brown and S. C. Levinson's politeness theory introduced the concept of *face*, defined as the public self-image that individuals seek to protect [Brown,

Levinson 1987]. The authors distinguish between a positive face – the desire to be appreciated by others – and a negative face – the desire for autonomy and freedom from imposition [Ibid.: 61–62]. Positive politeness strategies aim to meet the hearer's wants and show approval, while negative politeness strategies emphasize respect for personal freedom.

Building on this, J. Culpeper developed a bottom-up model of impoliteness triggers [Culpeper 2011; 2016], revising his earlier framework [Culpeper 1996]. This model, influenced by M. Terkourafi's work on politeness, introduced the term *triggers* in place of *strategies* and distinguished between conventionalized and non-conventionalized impoliteness formulae [Terkourafi 2002; 2003; 2005]. The conventionalized set includes nine categories, three linked to positive impoliteness and six to negative impoliteness.

As a widespread phenomenon, impoliteness deserves greater attention in pragmatic research, especially in digital contexts. Online comments, blogs, and user-generated content on news websites reflect real-life opinions and interactional dynamics. Z. Reich notes that comments are the most common form of participatory journalism [Reich 2011]. Studies show that readers are often more influenced by comments than the articles themselves, sometimes even changing their opinions based on others' reactions [Lee, Jang 2010; Yang 2008]. M. Neurauter-Kessels also found that impolite comments on news sites often targeted writers rather than the article content [Neurauter-Kessels 2011].

Given the limited linguistic research on impoliteness in online comments, we aimed to examine how readers use impoliteness in the BBC English News

website's comment sections. By exploring this modern platform, we sought to provide insights that contribute to the broader understanding of impoliteness in computer-mediated communication. More specifically, we attempted to answer the following questions:

1. What are the main types of impoliteness found in the comment section on the BBC English online news website?

2. What are the possible factors that contribute to impoliteness in Facebook comments?

Finally, our study aimed to contribute to this underexplored area by providing findings that can be compared with emerging parallel research (e.g., [Suhaila et al. 2022]), thereby helping to build a more robust understanding of impoliteness in global online news communities.

Review of related literature

Impoliteness

The concept of impoliteness has gone through several revisions over the years. J. Culpeper defined it as "the use of strategies that are designed to have the opposite effect – that of social disruption. The purpose of such strategies is to attack the face, which is an emotionally sensitive concept of the self" [Culpeper 1996: 350]. However, this definition has limitations. Firstly, it focuses only on individual lexical or grammatical utterances [Culpeper et al. 2003]. Secondly, this definition assumes that impoliteness always leads to social conflict and disharmony, which does not account for contexts where impoliteness can express solidarity or strengthen group identity [Culpeper 1996; 2005].

To address these gaps, J. Culpeper revised his definition, noting that impoliteness does not always produce disharmony and that the hearer's role must also be considered [Culpeper 2005]. He proposed that impoliteness involves either: (1) the speaker intentionally communicating a face-attack, or (2) the hearer perceiving or constructing behavior as intentionally face-attacking, or a combination of both [Culpeper 2005: 38]. However, this definition conflicts with J. Culpeper's own claim that impoliteness cannot be unintentional [Ibid.: 37]. In later work, J. Culpeper offered a more detailed definition [Culpeper 2010], but each version faced its own challenges.

D. Bousfield emphasizes that impoliteness must be intentional and that the hearer must understand the speaker's aim as to *offend*. He argues that impoliteness

occurs when it is: (1) unmitigated in contexts where mitigation is equated with politeness, and / or (2) performed with deliberate aggression to maximize face damage [Bousfield 2007: 2186; 2008: 132]. This definition addresses both the speaker's and hearer's roles and highlights intentionality. For this reason, we adopted D. Bousfield's [Bousfield 2007] definition for this study, as capturing the key elements of impoliteness.

Overall, no utterance is universally impolite, and communicative acts cannot be analyzed without considering context. Both the speaker's intention and discourse factors are crucial. M. A. Locher and R. J. Watts note that even within a single interaction, the same message may be interpreted differently by speaker and hearer. Thus, whether an utterance is polite or impolite depends on the judgments made during a specific interaction [Locher, Watts 2008: 78]. This aligns with M. A. Locher and D. Bousfield's view that there is no absolute consensus on what constitutes impoliteness or how to define it consistently [Locher, Bousfield 2008: 3].

Impoliteness framework

Researchers have developed several models to explain impoliteness. P. Austin, for example, proposed strategies of face attack based on the power relationship between speaker and hearer [Austin 1990]. J. Culpeper advanced the field by introducing a bottom-up approach to impoliteness triggers [Culpeper 2011; 2016], paralleling M. Terkourafi's politeness model [Terkourafi 2002; 2003; 2005]. M. Terkourafi's framework distinguishes between two types of impoliteness formulae: conventionalized and non-conventionalized.

The conventionalized impoliteness formulae include nine core categories (Tab. 1). The first three align with positive impoliteness strategies, while the remaining six correspond to negative impoliteness. Non-conventionalized impoliteness formulae are categorized as form-driven, convention-driven, or context-driven. In his 2016 model, J. Culpeper used square brackets to mark structural features of formulae and slashes to indicate alternative options [Culpeper 2016: 437].

In this study, we applied J. Culpeper's (2016) bottom-up approach to analyze impoliteness triggers in the comment section of the BBC English News Facebook page, focusing on how these formulae appear in user-generated online discourse.

Tab. 1. Conventionalized impoliteness triggers (adopted from J. Culpeper [Culpeper 2011; 2016])

Табл. 1. Традиционные триггеры невежливости [Culpeper 2011; 2016]

	Impoliteness triggers	Examples in English
1.	Insults	
	Personalized negative vocatives	[you] [f*****g / rotten / dirty / fat / little/ etc.] [moron / f**k / plonker / dickhead / berk / pig / shit / bastard / loser / liar / minx / brat / slut / squirt / sod / bugger / etc.] [you]
	Personalized negative assertions	[you] [are] [so / such a] [shit / stink / thick / stupid / bitchy / bitch / hypocrite / disappointment / gay / nuts / nuttier than a fruit cake / hopeless / pathetic / fussy / terrible / fat / ugly / etc.] [you] [can't do] [anything right / basic arithmetic / etc.] [you] [disgust me] / [make me] [sick / etc.]
	Personalized negative references	[your] [stinking / little] [mouth / act / arse / body / corpse / hands / guts / trap / breath / etc.]
	Personalized third-person negative references (in the hearing of the target)	[the] [daft] [bimbo] [she] ['s] [nutzo]
2.	Pointed criticisms / complaints	[that / this / it] [is / was] [absolutely / extraordinarily / unspeakably / etc.] [bad / rubbish / crap / horrible / terrible / etc.]
3.	Unpalatable questions and / or presuppositions	why do you make my life impossible? which lie are you telling me? what's gone wrong now? you want to argue with me or you want to go to jail?
4.	Condescensions (see also the use of "little" in Insults)	[that] ['s / is being] [babyish / childish / etc.]
5.	Message enforcers	listen here (preface) you got [it / that]? (tag) do you understand [me]? (tag)
6.	Dismissals	[go] [away] [get] [lost / out] [f**k / piss / shove] [off]
7.	Silencers	[shut] [it] / [your] [stinking / f*****g / etc.] [mouth / face / trap / etc.] shut [the f**k] up
8.	Threats	[I'll / I'm / we're] [gonna] [smash your face in / beat the shit out of you / box your ears / bust your f*****g head off / straighten you out/ etc.] [if you don't] [X] [you'd better be ready Friday the 20th to meet with me / do it] [or] [else] [I'll] [X] [X] [before I] [hit you / strangle you]
9.	Negative expressives (e.g. curses, ill-wishes)	[go] [to hell / hang yourself / f**k yourself] [damn / f**k] [you]

Computer-mediated communication discourse

The rapid growth of the Internet and its widespread use have created new platforms for studying public discourse. Herring defines computer-mediated communication (CMC) as "communication that takes place between human beings via the instrumentality of computers" [Herring 1996: 1]. One of the most common CMC spaces is the comment sections on websites,

including online news platforms. However, research on these areas remains limited. M. Trice points out that "the comment field as a unit of discussion and potentially deliberation has been largely ignored" [Trice 2011: 237]. R. Zamith and S. C. Lewis similarly note that comment sections on online news sites have received little scholarly attention [Zamith, Lewis 2014].

This gap highlights the need for more linguistic studies of comment discourse. In response, we investigated impoliteness in the comment sections of the BBC English news website.

CMC can be broadly divided into synchronous and asynchronous communication. Synchronous communication occurs in real time, such as face-to-face conversations or live chats. In contrast, asynchronous communication does not require participants to be online at the same time, allowing them to revise their messages and produce more carefully constructed texts. This characteristic is especially relevant for blogs and online news comment sections, where commenters have the opportunity to shape their messages intentionally.

CMC also varies by channel, including text, audio, video, or multimodal formats. Comment sections on news websites are primarily text-based, making them suitable for linguistic analysis. In this study, particular attention is given to how the asynchronous nature of CMC influences the language choices and impoliteness strategies used by online commenters.

Empirical studies

Several empirical studies have examined impoliteness in different contexts, including face-to-face and online communication. Some focused on gender differences, while others explored impoliteness in various forms of digital media.

One strand of research has analyzed impoliteness as a tool for strengthening social bonds. H. Kotthoff, for instance, investigated politeness and impoliteness in humorous communication during 20 informal gatherings among students and friends in Austria, Switzerland, and Germany [Kotthoff 1996]. The findings showed that many humorous utterances were impolite, particularly jokes, but they did not damage the listener's face. Instead, those utterances reinforced companionship between the participants. H. Kotthoff also observed that such impolite acts were often initiated by the individuals with higher social status and varied depending on the social relationship dynamics.

In contrast, other studies have focused on impoliteness in online discourse. M. Neurauter-Kessels examined aggressive behavior in anonymous comments targeting authors of online newspaper articles [Neurauter-Kessels 2011]. Analyzing 81 comments, the study identified nine types of impolite attacks, including

lack of fairness, lack of judgment, lack of accuracy, lack of expertise, and lack of persuasiveness. The most frequent strategies were accusations of lacking fairness, judgment, and persuasiveness, while the least common were claims of inconsistency and being out of touch with the audience. The study concluded that the users often crossed etiquette boundaries in comment sections by attacking journalists personally and undermining their professional credibility.

B. C. N. Mak and H. L. Chui studied impoliteness among colleagues of an Italian restaurant in Hong Kong through their Facebook status updates outside the workplace [Mak, Chui 2014]. Using E. Wenger's Communities of Practice framework [Wenger 1998] and J. Culpeper's impoliteness model [Culpeper 1996], they analyzed 200 updates. The results showed that the colleagues used impolite strategies such as disassociating from others, being unsympathetic, and not taking others seriously. These behaviors reflected the dynamics of power and authority within their social group.

V. Shinta et al. explored impoliteness strategies used by supporters and detractors of Ahok on Facebook and Instagram [Shinta et al. 2018]. Applying J. Culpeper's taxonomy [Culpeper 1996], they analyzed 584 impolite expressions in 300 comments. The analysis revealed four strategies out of five, namely bald on record, positive impoliteness, negative impoliteness, and sarcasm / mock politeness, with positive impoliteness being the most frequent, especially among male commenters.

Similarly, A. H. Ibrahim analyzed impolite expressions on Twitter in response to political content, focusing on age and gender [Ibrahim 2020]. Using J. Culpeper's framework [Culpeper 1996], she found that the male users employed impoliteness strategies more frequently than the females, with negative and bald on record strategies dominating. The younger users (15–25) rarely engaged with political posts, whereas the users aged 25–35 produced the highest proportion of impolite tweets.

More recently, researchers have continued to apply impoliteness frameworks to online news comments. For instance, M. Rizana et al. analyzed impolite reader responses on Indonesian news sites, identifying a prevalence of direct, on-record impoliteness strategies [Rizana et al. 2018]. Most notably, I. Suhaila et al. applied J. Culpeper's model of impoliteness triggers [Culpeper 2016] to analyze reader comments on the BBC News Facebook page, identifying insults

and criticisms as the most frequent strategies [Suhaila et al. 2022]. The convergence of their study with our research in the subject matter and methodology underscores the relevance of this area of study. However, it also highlights the necessity for further replication and nuanced analysis to identify contextual and cultural specificities in impoliteness realization.

Our study builds on this body of research by providing a detailed analysis of impoliteness in comments on the BBC News Facebook page using J. Culpeper's bottom-up model [Culpeper 2016]. While I. Suhaila et al. also applied this model to the BBC Facebook comments, our study offers a distinct contribution by focusing on a different, specific time period (e.g., during the COVID-19 crisis and the political events of 2020), capturing impoliteness in a unique socio-political context [Suhaila et al. 2022]. Furthermore, our study seeks to provide a more granular analysis of the *insults* category, breaking down the sub-categories and their frequencies.

Methods and materials

We selected a total of 115 comments on various posts on the BBC News Facebook page³. Most posts addressed political and economic topics, including the COVID-19 crisis, UK investments, and speeches by Prime Minister Boris Johnson, while a smaller number focused on religious and intellectual issues.

A mixed-method approach was employed, combining quantitative and qualitative techniques. Using J. Culpeper's framework of impoliteness triggers [Culpeper 2011; 2016], impolite strategies were identified in each comment. For the quantitative analysis, each instance of an impoliteness strategy was coded individually. Therefore, a single comment could be counted multiple times if it contained, for example, both an insult and a pointed criticism. As a result, we identified a total of 170 strategy instances across the 115-comment dataset. Contributing factors to impolite behavior were also identified and discussed. Demographic details such as gender were not considered due to the unavailability of commenters' profiles.

The selection of comments followed N. Henrich and B. Holmes' inclusion criteria, which suggest three options: including all comments, selecting a single comment per user, or choosing comments relevant

to the research focus [Henrich, Holmes 2013]. For this study, we adopted the last approach, including only those comments which contained impolite acts related to the topic under investigation.

It is important to note that we did not know whether any comments were removed due to the BBC moderation policies or if some remained offline. Therefore, our dataset comprises only those comments which were publicly visible at the time of data collection under each article, video, or blog post.

Results and discussion

Impoliteness triggers in the BBC Facebook database

This section discusses the findings of data analysis for the present study. The impolite comments were exposed to statistical analysis to either confirm or invalidate the findings of previous research about impoliteness on social media. Our analysis revealed eight of nine triggers established in J. Culpeper's thematic categorization of face attacks [Culpeper 2011; 2016] (Tab. 2).

Table 2 shows that a total of 170 instances of impolite acts were identified across the comments on various BBC News posts covering different topics. The most frequent impolite act was **insults**, with 58 instances (34.11%), followed by **pointed criticisms**

Tab. 2. Impoliteness triggers in Facebook database
Табл. 2. Факторы, указывающие на невежливость, в Facebook

Impoliteness triggers	Frequency	%
Insults	58	34.11
Pointed criticisms / complaints	49	28.8
Unpalatable questions and / or presuppositions	22	12.94
Condescensions	17	10
Message enforcers	13	7.64
Negative expressives (e.g. curses, ill-wishes)	5	2.94
Dismissals	4	2.35
Silencers	2	1.17
Threats	–	–
Total	170	100%

³ BBC News Facebook. URL: <https://www.facebook.com/bbcnews/> (accessed 10 Jul 2025).

and complaints (49 instances) and **unpalatable questions and / or presuppositions** (22 instances). The least frequent strategy was **silencers** (2 instances), while **threats** did not occur at all.

Our findings indicate that many comments contained more than one type of face-threatening acts (FTAs), reflecting the intensity of the commenters' dissatisfaction and anger toward particular issues. Several categories overlapped, and in some cases, boundaries between the strategies were not easily distinguishable. Overall, 170 instances of impoliteness were identified in 115 comments and analyzed using J. Culpeper's model of impoliteness triggers [Ibid.].

Our analysis uncovered numerous examples of online impoliteness employed to attack the face of the writers and provoke offence. The sections below present a detailed description of these FTAs, supported by examples from the dataset and aligned with J. Culpeper's framework [Ibid.].

Strategy 1: Insults

The insult strategy is closely linked to face as a social concept and is used to perform a direct face-threatening attack. Within J. Culpeper's model, insults are divided into four categories:

1. Personalized negative vocatives.
2. Personalized negative assertions.
3. Personalized negative references.

Personalized third-person negative references (in the hearing of the target).

Table 3 presents the distribution of these categories as used by the commenters on the BBC News Facebook page to express anger and dissatisfaction.

Tab. 3. Categories of the Insult impolite trigger used by commenters in Facebook database

Табл. 3. Категории триггера невежливое оскорбление, используемые комментаторами в Facebook

Category	Frequency	%
Category 1 (personalized negative vocatives)	25	43.10
Category 2 (personalized negative assertions)	9	15.51
Category 3 (personalized negative references)	9	15.51
Category 4 (personalized third-person negative references)	15	25.86
Total	58	100%

As shown in Table 3, the commenters most frequently employed **Category 1: personalized negative vocatives**, which accounted for 25 instances. The second most common was **Category 4: personalized third-person negative references in the hearing of the target**, with 15 instances. The least used were **Category 2: personalized negative assertions** and **Category 3: personalized negative references**, both appearing 9 times each.

The analysis indicates that many Facebook users resorted to short, direct terms such as clown, wuss, or stupid, often without further elaboration. These instances were classified as name-calling and included in Category 1. A possible explanation is that some commenters aimed to express anger or frustration quickly without engaging in detailed argumentation. This aligns with M. A. Locher and D. Bousfield's view of impoliteness as a behavior that aggravates face within a specific context [Locher, Bousfield 2008].

The examples below, drawn from the BBC News Facebook posts, demonstrate how this strategy was applied. These comments appeared under posts on different topics, including UK political speeches about economic policy (e.g., the post titled *Budget 2020: What is Johnson-omics?*), as well as numerous updates on COVID-19 precautions, which were frequently covered by BBC News. These examples illustrate the use of impolite triggers across the four insult categories identified in the dataset.

Category 1 – Personalized negative vocatives

This rude strategy was used most frequently by the online commenters. For example, the insult *stupid* appeared three times. Other insults included words such as *gross*, *rubbish*, *shit*, and *idiot*. Most comments targeted the politician Boris Johnson with words such as *arrogant*, *wuss*, *a joke*, *clown*, *crazy*, *buffoon*, *awful prime minister*, *a clone of Trump*, *can't believe anything he says*, *you're a disgrace*, and *poor leadership*.

Some insults also appeared in the posts about Coronavirus precautions, attacking the BBC's credibility. These included phrases such as *mankind's stupidity*, *liars*, *full of BS as usual*, *pathetic biased broadcasting co-*, *the biggest bullshitter of all*, *the BBC*, *so much fake news*, and *changes day to day*. Overall, personalized negative names were the most common type of insult used among the four categories.

Category 2 – Personalized negative assertions

Some comments included strong insults aimed at Michael Gove, the Chancellor of the Duchy of Lancaster, such as *You are priceless*, *Michael*; *You can't do anything*

right, Michael; You are worthless; and You are sick. Online users also attacked the credibility of BBC News with remarks such as *It's all lies; BBC is one of the biggest culprits with negative half-truth reports; BBC news brings you fake news and views daily; The BBC are biased far-left clowns; BBC are crap; and I'm sick of seeing fake crap spread as if we don't have enough to worry about.* These comments express strong negative opinions toward both BBC News and several politicians.

Category 3 – Personalized negative references

Many insulting comments were found on the posts about the coronavirus pandemic, e.g., *There are too many germbags like that around and it will be from people like that spreading it.* The commenter explained, *She was standing in the queue at the bank today, and a man in front of me was coughing and spluttering everywhere, not even using a tissue.* This shows how the commenter used negative language to criticize the people who ignore important safety measures. Other comments targeted politicians with phrases such as *our politicians are pied pipers, not leaders; this is not the behavior of a real leader; this is stupid; words that don't mean anything; and him and his followers are a lost cause.* Some comments also made fun of other topics, such as *that press conference today was a laugh.*

Category 4 – Personalized third-person negative references (in the hearing of the target)

Personalized third-person negative insults were also used to offend the British Prime Minister, Boris Johnson. Examples include insults such as *he is a bumbling fool; he is stupid and lacks clarity; he sounds ridiculously stupid babbling tremendously; he makes things worse with his quips; Boris will follow suit as he's already under fire; his ineptitude and selfishness has already cost many lives; he's so camp; he doesn't think we need all those ventilators but wants to quarantine the city; and he is a disgrace and embarrassment to our country.* Other rude comments targeted the US President, Donald Trump, with remarks such as *he has half a brain; the language he uses is so dramatic; and he sounds like an idiot.* Some comments even attacked Bill Gates, saying, *Bill Gates is the one who destroyed this world; he killed Congolese people.* Negative comments were also directed at BBC News, such as *they are all lying; there is no real pandemic; it isn't called the British Bullshitting Corporation for nothing; and do not believe anything they say; they are liars.* Overall, insults were the most common strategy used to damage the reputations of the writers on the BBC News website.

Strategy 2. Pointed criticisms / complaints

Online commenters used criticism and complaint strategies to attack the reputation of the writers. Many impolite comments expressed complaints and criticisms about the government actions and the Coronavirus crisis. Examples include *poor leadership; fake news; what a fatal leadership; austerity ruins the lives of millions... the government does nothing; I would like to think Brits washed their hands and used tissues when coughing or sneezing, but I guess not; they can't keep blaming us for their failures; delays in taking action, lack of testing, lack of professional equipment, and refusal of help for ventilators; why were international flights still running until recently; if the government had stopped flights from affected areas months ago instead of letting them continue, we wouldn't be in this position now; and this is not the behavior of a real leader.* This criticism and complaint strategy was the second most common impolite tactic used by the commenters on the BBC News website.

Strategy 3. Unpalatable questions and / or presuppositions

Impoliteness was also shown through sharp questions and presuppositions. Some comments using this strategy included *Did someone clone Trump? Poor Great Britain; PM Boris Johnson! How about following basic logic?; Strict measures? Where? Definitely not in England; Is he playing Trump? Poor leadership; Can anyone tell me why the borders, ports, and airports aren't shut?; This man lacks the skill to speak coherently; Why on earth would anyone think he could lead a country through a crisis?; BBC News – care to give us this level of reporting on diseases with similar infection and death rates?; It makes me laugh that everyone is out buying soap; didn't they wash their hands before?; What is the government doing to protect workers when frontline staff are short of PPE?; and There is a virus outbreak, but you still go to the gym? Can't you exercise outside or at home? Gyms should be one of the first places to close.* These comments mostly focused on the Coronavirus and people's dissatisfaction with the leadership of the prime ministers during this time.

Strategy 4. Condescensions (the use of little in Insults)

Commenters were also offensive by using strategies that belittled the writer, various politicians, and BBC News. Many comments portrayed politicians as weak and poor leaders. For example, people said things such as *You leaders are an embarrassment to our country!; Our leaders are pied pipers, not leaders; Michael Gove is clueless; Trump is finally having a light bulb moment! I wonder who changed*

the battery – probably Cuomo; He doesn't know any figures; it's like asking a dog to do your taxes with an abacus; Just use logic!; It's an absolute farce to call him president; It's not rocket science, but you're not a leader; Our leaders lack the skill to speak coherently; Stupid prime minister; and In the Oxford English Dictionary, there should be a picture of Trump under 'buffoon'. In conclusion, most impolite comments focused on attacking politicians and their leadership.

Strategy 5. Message enforcers

Some comments used impolite strategies called message enforcers. These included commands and urgent calls such as *Enforce strict measures now; Follow logic!; Wake up, people, this is a political hoax; Get creative!; Take action and be decisive! I'm amazed politicians don't get that!; Don't believe anything he says!; Level up, Trump!; This must be stopped!; and Must adhere fully; there will be exceptions!* Although this strategy was used often, it was less common than insults and criticisms.

Strategy 6. Dismissals

The dismissal strategy was one of the least used by the online commenters on the BBC News website. Examples include comments such as *go hide in a fridge, you wuss; go wash your hands, you idiot; politicians should resign; and get real.* Overall, the commenters preferred using other strategies rather than dismissals to attack the writer's reputation.

Strategy 7. Silencers

The silencer strategy is similar to dismissals, but is used specifically to make someone stop speaking. This rude tactic was rarely used by the online commenters. In fact, only two comments showed this, namely *Shut up, why don't you! You're talking nonsense;* and *Shut your word hole.* This shows that online users prefer to attack others in other ways rather than telling them to be silent.

Strategy 8. Negative expressives (e.g. curses, ill-wishes)

Impolite comments containing curses or ill-wishes appeared several times on various posts on the BBC News website. For example, commenters wrote *For goodness' sake, some idiots are commenting here; This should have been done weeks ago, for Christ's sake; For Christ's sake! This man lacks the skill to speak properly. Why would anyone think he can lead a country through a crisis?; and I swear to God you're delusional.* However, no examples of threats were found in the dataset.

Factors that trigger impoliteness in Facebook comments

Having analyzed the data referred to in the previous section, we identified three main factors that trigger impoliteness. Since our data come from Facebook, which is a form of computer-mediated communication (CMC), anonymity stands out as a central cause of impolite comments, followed by asynchronicity and emotion. Similar factors have been discussed in earlier studies [Kienpointner 2008; Postmes et al. 1998].

The large number of face-threatening comments can be linked to online disinhibition factors such as anonymity. Z. Reich explains that hiding behind the screen names increases offensive and rude behavior online [Reich 2011]. This suggests that the usual social rules do not apply in social media spaces, and the usual respect for status and authority is reduced. Because social cues are missing, commenters often see themselves as equals to public figures, such as politicians, and feel free to attack them.

Furthermore, anonymity in CMC allows people to express their opinions more freely than in face-to-face communication. In our data, hidden identities clearly contributed to the high level of impolite comments, especially those aimed at high-ranking people such as the prime minister. Internet users often do not feel responsible for their behavior or worry about embarrassment, since they remain anonymous and can delete their comments without being tracked or judged.

Another important factor is asynchronicity – the time delay in online interactions – and the text-based nature of comment sections. This allows commenters to write longer and more complex messages because they have time to think before posting. This idea supports S. C. Herring's view that asynchronous communication lets users create more complex structures [Herring 2002]. A. D. Santana also pointed out that asynchronicity affects commenters' behavior and increases impoliteness, especially when combined with anonymity [Santana 2014].

The third factor is emotion. R. J. Watts noted that besides power, distance, and rank, the emotional relationship between people influences whether interactions are cooperative or competitive [Watts 2003]. Emotions such as fear, compassion, and anger play important roles. Compassion motivates people to support what they believe is right, fear makes them cautious, and anger drives them to fight against injustice. However, these emotions can also lead

to impoliteness if expressed negatively. In this study, the commenters used rude language to show anger and dissatisfaction with issues such as slow government action on the Coronavirus and poor political leadership. This matches Kienpointner's finding that negative emotions such as fear, contempt, or hatred often lead to impolite communication [Kienpointner 2008].

In conclusion, online comment sections, such as those on the BBC News website, are spaces where readers interact with writers and express their opinions and emotions. The topics discussed and the asynchronous nature of comments influence both the number of comments and the amount of impoliteness. Our study shows that impoliteness in the BBC News posts is triggered by the related factors of anonymity, asynchronicity, and emotion.

Discussion and conclusion

The main aim of our study was to investigate how impoliteness appears in a relatively new online context – the comment section on the BBC News website. As noted by M. Trice and R. Zamith and S. C. Lewis, this area of research is still underexplored [Trice 2011; Zamith, Lewis 2014]. Our data revealed eight of J. Culpeper's nine impoliteness triggers in the comments [Culpeper 2011; 2016]. However, some strategies were used more often than others. The most common face-threatening acts were insults and sharp criticisms, while silencers and threats were the least common. Among insults, the most frequent were personalized negative vocatives (Category 1), and the least used were personalized negative assertions (Category 2) and personalized negative references (Category 3).

The results also reveal that many commenters engage in impolite behavior online. This may be because commenters are not held accountable

due to anonymity, asynchronicity, and the text-based nature of the comment section. This finding contrasts with N. M. Hammod and A. Abdul-Rassul's study, which found anonymity was not a factor in impoliteness [Hammod, Rassul 2017]. Another important factor in this study was emotion, especially anger and dissatisfaction, which led the commenters to express themselves impolitely.

Our study focused on impoliteness in the BBC News website's comment section. For future research, it would be useful to explore impoliteness on other social networks such as Instagram or Snapchat, since our findings cannot be generalized because of the limited data. Researchers could also compare comments in different languages or study other user-generated content formats, such as blogs and forums. Additionally, it would be valuable to examine how J. Culpeper's bottom-up model of impoliteness triggers [Culpeper 2011; 2016] applies to these formats in languages other than English.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article. The authors worked on the research together from conceptualization to data collection, analysis, formatting and writing the full paper.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

References / Литература

- Austin P. Politeness revisited: The dark side. *New Zealand ways of speaking English*, eds. Bell A., Holmes J. Clevedon, England: Multilingual Matters, 1990, 277–297.
- Bou-Franch P., Blitvich P. G.-C. Conflict management in massive polylogues: A case study from YouTube. *Journal of Pragmatics*, 2014, 73: 19–36. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2014.05.001>
- Bousfield D. Beginnings, middles, and ends: A biopsy of the dynamics of impolite exchanges. *Journal of Pragmatics*, 2007, 39(12): 2185–2216. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2006.11.005>
- Bousfield D. Impoliteness in the struggle for power. *Impoliteness in language: Studies on its interplay with power in theory and practice*, eds. Bousfield D., Locher M. A. Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 2008, vol. 21, 127–153.
- Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, vol. 4, 360. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813085>

- Cashman H. Impoliteness in children's interactions in a Spanish / English bilingual community of practice. *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*, 2006, 2(2): 217–246. <https://doi.org/10.1515/PR.2006.012>
- Culpeper J. Conventionalised impoliteness formulae. *Journal of Pragmatics*, 2010, 42(12): 3232–3245. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.05.007>
- Culpeper J. *Impoliteness: Using language to cause offence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, 306.
- Culpeper J. Impoliteness and entertainment in the television quiz show: The weakest link. *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*, 2005, 1(1): 35–72. <https://doi.org/10.1515/jplr.2005.1.1.35>
- Culpeper J. Impoliteness strategies. *Interdisciplinary studies in pragmatics, culture and society. Perspectives in pragmatics, philosophy & psychology*, eds. Capone A., Mey J. L. Springer International Publishing, 2016, vol. 4, 421–445. https://doi.org/10.1007/978-3-319-12616-6_16
- Culpeper J. Towards an anatomy of impoliteness. *Journal of Pragmatics*, 1996, 25(3): 349–367. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(95\)00014-3](https://doi.org/10.1016/0378-2166(95)00014-3)
- Culpeper J., Bousfield D., Wichmann A. Impoliteness revisited: With special reference to dynamic and prosodic aspects. *Journal of Pragmatics*, 2003, 35(10-11): 1545–1579. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00118-2](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00118-2)
- Economidou-Kogetsidis M. Variation in evaluations of the (im)politeness of emails from L2 learners and perceptions of the personality of their senders. *Journal of Pragmatics*, 2016, 106: 1–19. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2016.10.001>
- García-Pastor M. D. Political campaign debates as zero-sum games: Impoliteness and power in candidates' exchanges. *Impoliteness in language: Studies on its interplay with power in theory and practice*, eds. Bousfield D., Locher M. A. Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 2008, vol. 21, 101–123.
- Hammod N. M., Abdul-Rassul A. Impoliteness strategies in English and Arabic Facebook comments. *International Journal of Linguistics*, 2017, 9(5): 97–112. <https://doi.org/10.5296/ijl.v9i5.11895>
- Hardaker C., McGlashan M. "Real men don't hate women": Twitter rape threats and group identity. *Journal of Pragmatics*, 2016, 91: 80–93. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2015.11.005>
- Harris S. Epilogue: Facework and im/politeness across legal contexts. *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*, 2011, 7(1): 147–152. <https://doi.org/10.1515/jplr.2011.007>
- Henrich N., Holmes B. Web news readers' comments: Towards developing a methodology for using on-line comments in social inquiry. *Journal of Media and Communication Studies*, 2013, 5(1): 1–4.
- Herring S. C. Computer-mediated communication: Linguistic, social, and cross-cultural perspectives. *John Benjamins Publishing*, 1996, vol. 39, 324.
- Herring S. C. Computer-mediated communication on the Internet. *Annual Review of Information Science and Technology*, 2002, 36(1): 109–168. <https://doi.org/10.1002/ar.1440360104>
- Ibrahim A. H. A Socio-Linguistic Analysis of Impoliteness in Political Tweets. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, 2020, 11(1): 64–79. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.17405.10729>
- Kienpointner M. Impoliteness and emotional arguments. *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*, 2008, 4(2): 243–265. <https://doi.org/10.1515/JPLR.2008.012>
- Kotthoff H. Impoliteness and conversational joking: On relational politics. *Folia Linguistica*, 1996, 30(3-4): 299–326. <https://doi.org/10.1515/flin.1996.30.3-4.299>
- Lakoff R. Language and women's place. *Language in Society*, 1973, 2(1): 45–80. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1017/S0047404500000051>
- Larina T., Ponton D. M. I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the English and Russian blind peer review. *Journal of Politeness Research*, 2022, 18(1): 201–226. <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035>
- Lee E.-J., Jang Y. J. What do others' reactions to news on internet portal sites tell us? Effects of presentation format and readers' need for cognition on reality perception. *Communication Research*, 2010, 37(6): 825–846. <https://doi.org/10.1177/0093650210376189>
- Leech G. N. Principles of pragmatics. Longman, 1983, 250.
- Locher M. A., Bousfield D. Impoliteness and power in language. *Impoliteness in language: Studies on its interplay with power in theory and practice*, eds. Bousfield D., Locher M. A. Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 2008, vol. 21, 1–16.

- Locher M. A., Watts R. J. Relational work and impoliteness: Negotiating norms of linguistic behaviour. *Impoliteness in language: Studies on its interplay with power in theory and practice*, eds. Bousfield D., Locher M. A. Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 2008, vol. 21, 77–99.
- Lorenzo-Dus N. "You're barking mad; I'm out": Impoliteness and broadcast talk. *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*, 2009, 5(2): 159–187. <https://doi.org/10.1515/JPLR.2009.010>
- Mak B. C. N., Chui H. L. Impoliteness in Facebook status updates: Strategic talk among colleagues "outside" the workplace. *Text & Talk*, 2014, 34(2): 165–185. <https://doi.org/10.1515/text-2013-0042>
- Neurauter-Kessels M. Im/polite reader responses on British online news sites. *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*, 2011, 7(2): 187–214. <https://doi.org/10.1515/jplr.2011.010>
- Postmes T. R., Spears R., Lea M. Breaching or building social boundaries: SIDE-effects of computer-mediated communication. *Communication Research*, 1998, 25(6): 689–715. <https://doi.org/10.1177/009365098025006006>
- Reich Z. User comments: The transformation of participatory space. In: Singer J. B., Hermida A., Domingo D., Heinonen A., Paulussen S., Quandt T., Reich Z., Vujanovic M. *Participatory journalism: Guarding open gates at online newspapers*. John Wiley & Sons, 2011, 96–117.
- Rizana M., Murni S. M., Zein T. T. Impolite reader responses on online news comments in viva.co.id. *Linguistik Terapan*, 2018, 15(1): 33–39. <https://doi.org/10.24114/lt.v15i1.11274>
- Sampietro A. Emojis and rapport management in Spanish WhatsApp chats. *Journal of Pragmatics*, 2019, 143: 109–120. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.02.009>
- Santana A. D. Virtuous or vitriolic: The effect of anonymity on civility in online newspaper reader comment boards. *Journalism Practice*, 2014, 8(1): 18–33. <https://doi.org/10.1080/17512786.2013.813194>
- Shinta V., Mara H., Wahyuni D. Impoliteness strategies used by supporters and dictators of Ahok in their online comments differed by gender. *E-Journal of English Language & Literature*, 2018, 7(1): 225–236.
- Suhaila I., Mono U., Lubis S. Impolite reader's responses on online BBC News comments. *JAMI: Jurnal Ahli Muda Indonesia*, 2022, 3(2): 184–197. <https://doi.org/10.46510/jami.v3i2.122>
- Terkourafi M. Beyond the micro-level in politeness research. *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*, 2005, 1(2): 237–262. <https://doi.org/10.1515/jplr.2005.1.2.237>
- Terkourafi M. Generalised and particularised implicatures of politeness. *Perspectives on dialogue in the new millennium*, eds. Kühnlein H., Reiser H., Zeevat H. John Benjamins, 2003, 151–166.
- Terkourafi M. Politeness and formulaicity: Evidence from Cypriot Greek. *Journal of Greek Linguistics*, 2002, 3(1): 179–201. <https://doi.org/10.1075/jgl.3.08ter>
- Trice M. How we comment on web journalism: A case study on dialogue found in news articles. *The ethics of emerging media: Information, social norms, and new media technology*, eds. Drushel B. E., German K. A&C Black, 2011, 235–250.
- Watts R. J. *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 304.
- Wenger E. *Communities and practice. Learning, meaning, and identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998, 336. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511803932>
- Yang H. The effects of the opinion and quality of user postings on Internet news readers' attitude toward the news issue. *Korean Journal of Journalism & Communication Studies*, 2008, 52(2): 254–281.
- Zamith R., Lewis S. C. From public spaces to public sphere: Rethinking systems for reader comments on online news sites. *Digital Journalism*, 2014, 2(4): 558–574. <https://doi.org/10.1080/21670811.2014.882066>

оригинальная статья

eLibrary EDN: IXJYMF

Стратегии и тактики дискурса *small talk* (на материале французского языка)

Желудкова Елена Геннадьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5164-2761

<https://orcid.org/0000-0001-6502-7798>jld@rambler.ru

Аннотация: *Small talk*, представляющий собой жанр фатического общения, рассматривается в данном исследовании как «высказывательный» дискурс, то есть присущий устной коммуникации в процессе непосредственного взаимодействия ее участников. Исследователи, изучающие этот феномен, сходятся во мнении, что основная функция *small talk* заключается в установлении и регулировании межличностных отношений. В институциональной коммуникации он носит формализованный характер и регулирует статусно-ролевые позиции коммуникантов. В данном исследовании этот тип дискурса анализируется с точки зрения стратегий и тактик его формирования. Цель – описать одну из форм *small talk* в повседневном общении на материале французского языка. Материалом для анализа послужили франкоязычные мини-диалоги, услышанные писателем и юмористом Ж.-М. Гурио в барах и включенные им в сборник "Les brèves de comptoir". Ситуация коммуникации определена как неформальная и повседневная. В дискурсе *small talk* были выделены стратегии кооперации и уклонения от нее, а также стратегия уточнения. Они реализуются через тактику обобщения и объяснения, с одной стороны, и отказа от коммуникации, смены темы, банализации, с другой стороны, а также тактику переспроса при непонимании. Дискурс *small talk* в повседневной бытовой коммуникации демонстрирует широкую палитру лексических, стилистических, синтаксических средств для реализации упомянутых выше стратегий и тактик. Общим наблюдением, связанным со смысловой структурой данного типа дискурса, стал эффект «диалога глухих», то есть отсутствие общей цели коммуникации, в связи с чем каждый ее участник руководствуется индивидуальными стратегиями исходя из собственного мироощущения, жизненного опыта и эмоционального настроения. Этот эффект заслуживает отдельного изучения на рассмотренном корпусе примеров. Сделан вывод о том, что в целом дискурс *small talk* отражает общие тенденции в коммуникации, связанные с ее упрощением и обезличенностью, с одной стороны, и с тенденцией к утрате интереса к личности собеседника и коммуникации, построенной только на обмене информацией, с другой стороны.

Ключевые слова: дискурс *small talk*, фатический жанр, интеракция, речевое взаимодействие, речевые стратегии, тактики коммуникации, «диалог глухих», неформальная коммуникация

Цитирование: Желудкова Е. Г. Стратегии и тактики дискурса *small talk* (на материале французского языка). *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 24–34. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-24-34>

Поступила в редакцию 06.11.2025. Принята после рецензирования 16.01.2026. Принята в печать 19.01.2026.

original article

Strategies and Tactics of French Small Talk Discourse

Elena G. Zheludkova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5164-2761

<https://orcid.org/0000-0001-6502-7798>jld@rambler.ru

Abstract: Small talk is a genre of phatic communication. As an enunciative type of discourse, small talk is inherent in oral speech produced during direct communication. Its main function is to establish and guide interpersonal relationships. In institutional communication, formalized small talk regulates the status and roles of the interlocutors. This article describes the strategies and tactics of small talk in everyday informal communication in the French linguistic culture. The material was obtained from J.-M. Gouriot's collection of bar chat (*Les Brèves de Comptoir*, 2014). The list of strategies identified included cooperation, avoidance, and clarification. They were realized through the tactics of generalization, explanation, refusal to communicate, changing the topic, trivialization, and repeated question. The strategies and tactics covered a wide range of lexical, stylistic, and syntactic devices. The common semantic structure could be described as dialogue des sourds, i.e., "the dialogue of the deaf". This effect is a promising research topic: the interlocutors lack a common communicative goal, and their individual strategies depend on their own worldview, life experience, and emotional state. In this research, the small talk discourse proved to reflect the general trends in modern communication. Simplified and depersonalized, such dialogues leave out the personality of the interlocutor and communication per se, focusing on the mere exchange of information.

Keywords: small talk discourse, phatic genre, interaction, speech interaction, speech strategies, communication tactics, "dialogue des sourds" ("the dialogue of the deaf"), informal communication

Citation: Zheludkova E. G. Strategies and Tactics of French Small Talk Discourse. *SibScript*, 2026, 28(1): 24–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-24-34>

Received 6 Nov 2025. Accepted after peer review 16 Jan 2026. Accepted for publication 19 Jan 2026.

Введение

Феномен *small talk* имеет противоречивые характеристики и оценки. Он получил первое определение в работах Б. Малиновски, который обратил внимание на социальную функцию *small talk*. Исследователь охарактеризовал этот акт коммуникации как неформальный и существующий для установления межличностного взаимодействия, а не «цели передачи идей» [Malinowski 1923; цит. по: House, Kádár 2023: 412]. Ученый не рассматривал эту форму речи как в полной мере общение, описывая ее как бесцельное выражение предпочтений или отвращений, рассказы о несущественных событиях и комментарии к тому, что совершенно очевидно. Однако ценность такой коммуникации он видел в выражении интереса к собеседнику. Немецкий исследователь феноменологии М. Хайдегер, со своей стороны, отмечает герметичность и тривиальность бесцельной

банальной болтовни [Хайдегер 2015]. Разговоры о банальном, по мнению исследователя, не позволяют людям понять искренние эмоции и чувства друг друга. Слова лишаются своего истинного смысла, не имеют ценности.

Р. Якобсон понимает термин *фатическое общение* как «сообщения, которые предназначаются для того, чтобы установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, т.е. проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности» [Якобсон 1975: 201]. Вопрос функций фатической коммуникации является дискуссионным. Н. Д. Арутюнова выделяет среди фатических речевых жанров праздноречевые жанры, которые не имеют конкретной цели, и жанры, которые направлены на установление и регулирование межличностных отношений [Арутюнова 1992: 52–56].

Дж. Купланд рассматривает феномен *small talk* в рамках статусно-ролевых взаимоотношений [Small talk 2000]. К. П. Шнайдер отмечает безличный характер *small talk* (например, в разговорах о погоде) и ритуализованный характер фатического дискурса, при этом обоим присуще отсутствие смысла [Schneider 1988]. К. И. Косова подчеркивает, что в разных ситуациях институциональной коммуникации *small talk* выполняет функции представления социально-ролевого статуса, инициирования, поддержания и завершения контакта, отражения социально-статусной дистанции [Косова 2014]. Н. М. Фрицлер, подчеркивая неформальный характер данного типа коммуникации, акцентирует внимание на выборе темы, чтобы не отпугнуть собеседника, и на умении слушать [Фрицлер 2016]. Б. И. Кобекбай и А. Р. Омирзакова отмечают важность *small talk* в современном обществе в эпоху увеличения межличностных контактов для обеспечения психологического комфорта в коммуникации [Кобекбай, Омирзакова 2021]. Д. Магфорд и М. С. Рубио подтверждают важность обыденной болтовни (*small talk*) для изучающих иностранный язык, т.к. простой обмен информацией о погоде, истории из жизни, анекдоты укрепляют уверенность в себе и помогают раскрыться собеседникам [Mugford, Rubio 2018; цит. по: Ilina 2023]. Д. Магфорд и соавторы также подчеркивают: *small talk* – это способ налаживания отношений, поиска общей точки соприкосновения, создания позитивного настроения у участников общения и «празднования» общения [Mugford et al. 2024].

Как и любой дискурс, *small talk* обладает рядом коммуникативных стратегий и тактик. Коммуникативные стратегии и тактики изучались на материале разного типа дискурсов: с точки зрения теории коммуникации [Иссерс 2020]; как механизм речевого воздействия¹; в рекламном дискурсе [Михайловская 2017].

М. Л. Макаров определяет стратегию как цепочку решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств [Макаров 2003]. Я. Т. Рытникова характеризует коммуникативную стратегию как генеральную интенцию в рамках данного коммуникативного процесса [Рытникова 1996]. О. С. Иссерс дает следующее определение коммуникативной стратегии:

«комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс 2006: 100]. В жанровой структуре *small talk* на материале английского языка В. В. Фенина выделяет четыре стратегии: 1) контактоустановления, 2) заполнения паузы, 3) развлечения, 4) дистанцирования, которые обусловлены соответствующими интенциональными состояниями коммуникантов [Фенина 2011]. Автор акцентирует формализованность и конвенциональность жанра *small talk* в англо-американской коммуникации.

Под тактикой, вслед за В. Б. Кашкиным, мы понимаем более мелкий масштаб рассмотрения коммуникативного процесса, по сравнению с коммуникативной стратегией [Кашкин 2000]. Она соотносится не с коммуникативной целью, а с набором отдельных коммуникативных намерений.

Тем не менее такой противоречивый взгляд на *small talk* не отменяет необходимости в исследовании данного вида коммуникации. Цель данного исследования – описать одну из форм *small talk* в повседневном общении на материале французского языка.

Задачи:

- 1) описать подходы к анализу *small talk* в современной лингвистике;
- 2) определить статус и функции данного типа дискурса;
- 3) выявить и проанализировать стратегии и тактики, используемые говорящими в процессе коммуникации.

В лингвистике *small talk* рассматривается как жанр фатического общения. В коммуникативной лингвистике к жанрам фатического общения причисляется светская беседа, бесцельная болтовня. Этот жанр изучается с точки зрения структуры, функции, культурной специфики, а также тематического содержания, композиции, применения в различных дискурсах [Арутюнова 1992; Бахтин 1997; Вежбицкая 2002; Винокур 1993; Дементьев 2014; Карасик 1998; Седов 2007]. Исследуются стратегии и тактики жанра на материале английского языка, а также его дискурсивные параметры в рамках межличностного общения.

¹ Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник, ред. Л. Р. Дускаева. М.: ФЛИНТА, 2018. 438 с.

Методы и материалы

В качестве материала для исследования стратегий и тактик в дискурсе *small talk* мы использовали сборник коротких диалогов "Les brèves de comptoir"², записанных на аудионоситель во французских барах и изданных затем писателем и юмористом Ж.-М. Гурио в форме сборника. Тематика диалогов самая широкая: политика, экономика, культура, события разного рода. Часто эти диалоги носят юмористический характер, иногда серьезные и даже агрессивны. Как подчеркивает в предисловии Ж.-М. Гурио, он не изменил ни слова в репликах говорящих, а лишь попытался объединить их в мини-рубрики. Такой подход к материалу позволяет нам рассматривать записанные диалоги как примеры живой, не инсценированной повседневной коммуникации. Мы не можем классифицировать и охарактеризовать участников коммуникации. Ясна лишь ситуация коммуникации: бар, куда люди пришли провести время. Неизвестно, знакомы ли коммуниканты между собой, каков их возраст и социальный статус. Ситуация коммуникации является неформальной, конвенциональность обусловлена лишь адресацией *ты / Вы*, а статус и социальные функции коммуникантов не выражены. В связи с этим подобную коммуникацию мы рассматриваем как неформальную повседневную.

Объект анализа – мини-диалог, представляющий собой стимул в форме адресной реплики одного из коммуникантов и реакции на нее собеседника. По определению Н. Ю. Шведовой, мини-диалог – это диалогическое единство, состоящее из сочетания реплик, взаимообусловленных семантически и структурно [Шведова 1960: 209]. Э. Гофман называет мини-диалог минимальной единицей диалога [Goffman 1981]. Инициальный и ответный речевые ходы объединяются в речевое взаимодействие, которое К. Кербрат-Ореккьони называет *échange*, т.е. обмен репликами, формирующий определенный смысл [Kerbrat-Orecchioni 2011: 61]. В. И. Муминов подчеркивает, что в сочетании реплик диалогического единства исчезает содержательная неопределенность и обнаруживается необходимая для понимания информации полнота данной части диалога [Муминов 2022]. Л. М. Михайлов среди факторов связи в диалоге

называет коммуникативную целостность, коммуникативную интенцию, логико-семантическую соотнесенность, грамматическую корреляцию, лексическую корреляцию и просодическую корреляцию [Михайлов 1994].

Предметом анализа являются стратегии и тактики межличностной коммуникации, используемые коммуникантами в этих мини-диалогах, а точнее, стратегии и тактики в репликах-реакциях.

Среди методов, использованных в исследовании, основными являются методы лингвопрагматического и дискурсивного анализа стратегий и тактик коммуникации. Посредством использования описательного и сопоставительного методов охарактеризованы языковые средства, реализующие коммуникативные стратегии и тактики.

Результаты

Будучи диалогической формой, «разговор ни о чем» наблюдается в устной коммуникации. Мы будем рассматривать *small talk* как тип дискурса, главной функцией которого является установление и поддержание непосредственного контакта. По определению П. Шародо, *small talk* – это «высказывательный» (*énonciatif*) дискурс, его основной целью является формирование речевого обмена [Charaudeau 1992]. В его структуре присутствуют как говорящий-высказывающий, так и адресат-воспринимающий. Как подчеркивает К. Кербрат-Ореккьони, разговор как дискурс является результатом совместной работы участников коммуникации, в котором коммуниканты должны все время адаптировать свое высказывание под постоянно меняющуюся ситуацию коммуникации [Kerbrat-Orecchioni 2011: 111]. Достижение такой задачи возможно при наличии у говорящих своего рода «плана», т.е. стратегий и тактик достижения результата.

Стратегии и тактики. Поскольку на материале французского языка стратегии и тактики дискурса *small talk* не анализировались, мы предположили, что они окажутся идентичными стратегиям и тактикам, описанным на материале других языков (установление контакта, поддержание разговора, заполнение паузы). Было проанализировано более 300 диалогов из 900, таким образом, результаты данного исследования являются промежуточными.

² Gourio J.-M. Les brèves de comptoir. Paris: Edition Points, 2014. 504 p. Далее по тексту примеры приводятся по данному изданию с указанием страниц цитат в скобках.

Стратегия кооперации

Стратегия установления контакта не выражена в анализируемом дискурсе в силу того, что ситуация коммуникации предполагает неизбежность взаимодействия между людьми за одним столиком в баре. На первый план выходит стратегия кооперации, однако она реализуется через тактику, подразумевающую не интерес к сказанному собеседником, а, скорее, согласие и нежелание спорить, назовем ее *тактикой обобщения*. Эта тактика присутствует в большей части (приблизительно 70 % всех примеров на стратегию кооперации) примеров:

- *C'est pas normal ces inondations dans le Sud* – Наводнения на Юге – это ненормально³.
- *Dans le Sud, rien est normal* (с. 216) – На Юге все ненормально.
- *Pour pas pleurer, vous épluchez les oignons sous l'eau* – Чтобы не плакать, вы чистите лук под водой.
- *Pou pas pleurer, faudrait tout faire sous l'eau* (с. 283) – Чтобы не плакать, надо все делать под водой.

В приведенных примерах, отвечая на реплику-стимул, собеседник обобщает упомянутое явление. Это своего рода метонимия, где свойства одного объекта переносятся на регион (*наводнение на Юге – это ненормально – на Юге все ненормально*), на действия (*чистить лук под водой, чтобы не плакать – все делать под водой, чтобы не плакать*) и т.д. Часто такое обобщение содержит стереотипный взгляд собеседника на ситуацию, как в примере:

- *On avait perdu face au All Blacks, mais en fait on avait gagné!* – Мы проиграли Новой Зеландии, хотя на самом деле выиграли!
- *Y'a que la France qui gagne quand elle perd* (с. 272) – Только Франция выигрывает, когда проигрывает.

Мнение собеседника о Франции, которая выигрывает даже проигрывая, отражает стереотипное суждение французов о собственной стране. То же мы наблюдаем в следующем примере:

- *On a rien gagné au tir aux flèche* – Мы ничего не выиграли в метании.
- *La France n'est pas une nation de tireurs à l'arc* (с. 460) – Франция не сильна в стрельбе из лука.

Ответ собеседника о том, что Франция – не страна стрелков из лука, проникнут иронией и отражает вечное стереотипное противопоставление французов англичанам.

Стратегия кооперации реализуется также *тактикой объяснения*, которая иногда носит псевдонаучный характер, как в примере:

- *Le matin le réveil sonne, il fait encore nuit* – Утром, когда звенит будильник, еще темно.
- *En hiver, le son va plus vite que la lumière* (с. 224) – Зимой скорость звука выше скорости света.

Здесь простой бытовой факт о том, что зимой еще темно, когда звенит будильник, объясняется тем, что зимой скорость звука выше скорости света.

В следующем примере факт того, что человек просыпается от шума, производимого сборщиками мусора, объясняется тем, что, выбрасывая этот мусор, человек будто заводит будильник на утро:

- *Tous les matins je suis réveillé par les éboueurs* – Каждое утро меня будят уборщики мусора.
- *Le soir, quand vous descendez vos poubelles, c'est comme si vous remontez le réveil!* (с. 348) – По вечерам, когда вы выносите мусор, вы словно заводите будильник!

Безусловно, данная тактика базируется не на научных данных, а на мнении собеседника, тем не менее она способствует поддержанию разговора.

Стратегия уклонения

Стратегия кооперации конкурирует в анализируемом дискурсе с прямо противоположной стратегией уклонения от коммуникации. Данная стратегия исследуется применительно к политическим интервью, и с позиции коммуникативного подхода выделяется эксплицитное и имплицитное уклонение от ответа на вопрос. Так, Лу Тинтин описывает эксплицитное отклонение как отказ от сотрудничества в более или менее жесткой форме, а в случае имплицитного уклонения отказ от сотрудничества не декларируется, однако используется ряд тактик, позволяющих не ответить на вопрос: смещение фокуса внимания, игнорирование части вопроса, выражение несогласия, прямой отказ отвечать на вопрос и т.д. [Тинтин 2016]. В. И. Космодемьянская и соавторы относят эту стратегию к непрямой коммуникации,

³ Здесь и далее в примерах перевод выполнен автором статьи.

где понимание смысла требует дополнительных усилий собеседников [Космодемьянская и др. 2023]. В случае дискурса *small talk* стратегия уклонения осуществляется, во-первых, через *тактику категорического отказа*. Действительно, во многих репликах-стимулах говорящий побуждает собеседника ответить, на что получает категорический отказ, как в следующих примерах:

- *Allô! Je ne vous entends pas!* – Алло, я вас не слышу!
- *C'est normal, je ne vous parle pas* (с. 383) – Это нормально, я с вами не разговариваю.
- *Je parle mais c'est l'histoire de causer* – Я разговариваю, но это, вроде как, беседа.
- *Moi j'écoute pas, je vais pas tarder à me barrer* (с. 401) – А я не слушаю, я собираюсь сваливать.

Собеседник категорически отказывается вступить в диалог, либо открыто объясняя, что не хочет общаться, либо аргументируя скорым уходом из бара. Такой отказ часто выражается в нецензурной форме, поэтому мы не будем цитировать больше подобных примеров. Однако очевидным является тот факт, что если собеседники в подобных ситуациях не намерены поддерживать беседу, то эксплицитно это демонстрируют.

Но все же чаще наблюдается нежелание общаться на предложенную тему, оно выражается опосредованно через *тактику «смена темы»*, эта тактика стала самой частотной в выборке для стратегии уклонения, что свидетельствует о желании участников не выходить из собственного замкнутого коммуникативного пространства, не вступать в дискуссию, не проявлять интерес к мыслям, высказанным собеседником. Данную тактику мы наблюдаем в следующих примерах:

- *Ça sert à rien les mots, il faut des actes!* – Слова бесполезны, нужны действия!
- *Vous buvez quelque chose?* (с. 219) – Выпьете что-нибудь?
- *On a un modèle arbre, un modèle meuble, et on regarde si le modèle arbre correspond au modèle meuble* – Есть образец дерева и образец мебели, и мы смотрим, соответствует ли одно другому.
- *Et vous mangez le midi?* (с. 467) – А вы едите по утрам?

- *Même avec les gens, je suis solitaire* – Мне одиноко даже среди людей.
- *C'est pour ça que tu paies jamais un coup?* (с. 404) – И поэтому ты никогда не платишь за выпивку?

В качестве языкового средства для реализации данной стратегии второй участник диалога выбирает вопросительное предложение со сменой темы разговора, обращаясь непосредственно к собеседнику на *ты* или *Вы*. В первом примере на воинственный призыв говорящего меньше говорить и больше делать собеседник спрашивает, не хочет ли его визави выпить, а на реплику говорящего об одиночестве среди людей собеседник колко вопрошает, не в этом ли причина, что тот никогда не платит за выпивку.

Другая тактика для стратегии уклонения – *тактика банализации*. Это упрощение мысли, высказанной в реплике-стимуле. Ее мы можем наблюдать в следующих примерах:

- *C'est une philosophe qui est morte à trente-quatre ans* – Это женщина-философ, которая умерла в 34 года.
- *Comme ma cousine, tien* (с. 401) – Надо же, как моя двоюродная сестра.
- *Il est mort dans la maison où il est né* – Он умер в том же доме, где родился.
- *L'escargot pareil, il meurt dans la maison où il est né* (с. 436) – Как улитка, она умирает в том же доме, где родилась.
- *Il vont chercher de la vie sur Mars, ils arrivent, ils disent qu'il y en avait avant et que ça a disparu* – Они отправляются искать жизнь на Марсе, возвращаются и говорят, она была, прежде чем исчезла.
- *Ben tiens, le boulot sur Terre, c'est pareil* (с. 448) – Слушай, работа на земле так же.

Не желая общаться на тему, предлагаемую собеседником, его адресат переводит проблему в банальное, обыденное русло, находя аналогию между известным философом и своей двоюродной сестрой, между умершим человеком и улиткой, между жизнью на Марсе и работой на Земле. Такая тактика отражает замкнутость собеседника на обыденных проблемах и нежелание выходить за рамки своей привычной мыслительной парадигмы.

Стратегия уклонения встречается также в репликах, принадлежащих говорящему, подавшему реплику стимул, как в следующем примере:

- *Quand j'étais petit, dans la rue, juste là que vous voyez le camionnette avec le poisson qui rigole, devant la poissonnerie, y'avait une chanteuse...* – Когда я был ребенком, на вон той улице, где грузовик стоит, видите, со смеющейся рыбой перед рыбным магазином, там пела женщина...
- *Elle chantait quoi?* – И что она пела?
- *Oh, vous savez, des chansons* (с. 280) – Да, вы знаете, песни разные.

Сообщая о своих воспоминаниях о месте, которое видит в окно, говорящий будто бы вызывает интерес собеседника, но в ответ на его вопрос закрывается и не делится дальнейшими воспоминаниями. В результате диалог прерывается, не получив развития. Такая тактика, назовем ее *отказом от продолжения диалога*, представлена в единичных примерах.

Стратегия уточнения

В отдельную группу мы выносим мини-диалоги, в которых наблюдается непонимание между собеседниками, которое К. Кербрат-Ореккьони определяет как «диалог глухих» [Kerbrat-Orecchioni 2011: 145]. Такое непонимание заключается в ошибке интерпретации одним из собеседников слов другого. В данном случае отсутствует как стратегия кооперации, так и стратегия отказа от нее. На первый план выходит стратегия уточнения, через *тактику переспроса*, как в следующем примере:

- *Un philosophe qui est né au 16-me siècle et qui est mort au 17-me, c'est un philosophe du 16-me ou du 17-me?* – Философ, родившийся в 16 и умерший в 17 веке, это философ 16-го или 17-го века?
- *À cheval!* – На рубеже!
- *À cheval?* (с. 228) – На рубеже?

Для уточнения даты рождения философа адресат реплики использует устойчивое выражение *à cheval*, означающее *на рубеже, на стыке двух периодов*, первый говорящий не понимает игры слов и переспрашивает. Здесь же встречаем *тактику опровержения*, как в примере:

- *C'est un cadeau de la nature, les truffes!* – Трюфели – это дар природы!
- *À six cents euros le kilo, Ben merde!* (с. 294) – По 600 евро за кило, ничего себе!

Первый собеседник восхищается трюфелями как даром природы, второй не настроен так поэтично, настаивая на их дороговизне.

Рассмотрим еще пример:

- *C'est un art, le tango argentin* – Аргентинское танго – это искусство.
- *Surtout, l'Argentine, ils ont de la bonne viande* (с. 211) – Особенно вкусное в Аргентине мясо.

Для одного из собеседников Аргентина ассоциируется с танго, а другой прагматично на первое место ставит мясо. Смысловый разрыв в репликах показывает, что они говорят не друг с другом, а каждый выдает свою ассоциацию со страной.

Языковые средства реализации стратегий и тактик коммуникантов в микродиалогах

Что касается языковой составляющей, используемой для реализации вышеперечисленных стратегий и тактик, дискурс *small talk* демонстрирует широкую палитру лексических, стилистических и синтаксических средств. Синтаксис реплик представлен предельно простыми предложениями. Присутствуют короткие вопросы и переспросы, демонстрирующие стратегию кооперации, выделительные обороты в ответных репликах. Многие ответные реплики построены по принципу сентенции с оборотами *c'est, il faut*:

- *Le sanglier c'est du cochon avec l'adrénaline* (с. 162) – Кабан – это поросенок на адреналине.
- *Il faut aller au bord des idées qui sont normales et sauter* (с. 210) – Нужно пойти до края мысли и прыгнуть.

Они используются для реализации тактики объяснения в стратегии кооперации.

Интересно лексическое наполнение реплик коммуникантов, их речь изобилует неологизмами, что отражает богатство, живость и гибкость разговорного французского языка. Такие новообразования мы наблюдаем в репликах:

- *Je suis bouglionesque!* (с. 108) – Я как бульон!
- *Dans l'Astérix, celui qui manque, c'est Décapsulix* (с. 182) – В Астериксе не хватает Откупорикса.
- *Le Coq-à-l'âne, c'est quand on parle à la campagne, en ville, c'est pas le pigeon-à-chien?* (с. 202) – Чепуха – это когда разговаривают в деревне, а в городе говорят «нонсенс»? (противопоставление фразеологизма *coq-à-l'âne* и неологизма *pigeon-à-chien*).

Игра слов характерна репликам, соответствующим стратегии кооперации:

- *Tu fais quoi en ce moment?* – Ты сейчас чем занимаешься?
- *Je vais, je vin* (с. 443) – Хожу, выпиваю.

Первое лицо глагола *viens* – *приходить* подменяется существительным *vin* – *вино* в несвойственной ему обычно функции глагола. В следующей реплике тот же лексический прием используется с негативной окраской в тактике банализации:

- *L'espérance de vie, si c'est une vie de merde, c'est pas une espérance* (с. 181) – Продолжительность жизни – это дерьмовая жизнь и никакой надежды.

Устойчивое выражение *espérance de vie*, означающее *продолжительность жизни*, ассоциируется говорящим с тяжестью жизни и в результате превращается в отсутствие надежды через слово *espérance* в его первом значении *надежда*. В суждении говорящего о деньгах, выброшенных государством на ветер, такую двоякую роль играет слово *fumée*:

- *Des milliards de milliards de milliards d'euros qui sont partis en fumée, on n'a pas vu de fumée, en plus* (с. 272) – Миллиарды миллиардов евро вылетели в трубу, а мы даже дыма не увидели.

Оно употребляется в устойчивом выражении *partir en fumée* – *пустить на ветер*, а также в своем первом значении *дым*. Иногда устойчивые выражения трансформируются и из них появляются новые:

- *Il a plu de la neige toute la nuit* (с. 273) – Всю ночь шел дождь из снега.
- *Quand la Seine passe à Paris, elle se fait son plein de reflets* (с. 309) – Когда Сена течет по Парижу, она наполняется отблесками.

В первом случае наблюдается своего рода оксюморон в сопоставлении слова *снег* и оборота *il pleut* – *идет дождь*. Во втором – устойчивое выражение *fait son plein* – *заправить бак машины* приобретает образное значение *река наполняется отблесками*.

Гипербола отражает эмоциональную вовлеченность собеседников, как в примере, где пальцы ног ассоциируются с Сибирью, видимо, по температуре или удаленности:

- *C'est la Sibérie du corps humain les doigts de pied* (с. 337) – Пальцы на ногах, словно Сибирь в человеческом теле.

Во многих репликах, реализующих стратегию отказа от кооперации и стратегии смены темы, присутствует парадокс как стилистический прием, отражающий мнение собеседника, отличающееся от мнения большинства:

- *Pour se suicider sur son lieu de travail, faut déjà avoir un boulot* (с. 161) – Чтобы покончить с собой на работе, нужно иметь работу.
- *Jamais on a vu un escargot qui habite dans la coquille de ses parents* (с. 273) – Ни разу не видел улитку, живущую в раковине родителей.

В первом примере говорящий, в ответ на рассуждение о самоубийствах на рабочем месте, отмечает, что для таких самоубийств нужно иметь работу. Во втором примере говорящий подчеркивает, что не бывает улиток, живущих в ракушке своих родителей, в ответ на реплику о том, что современная молодежь не торопится покидать отчий дом.

Обсуждение

Социальная роль дискурса *small talk* как средства установления и поддержания контакта в повседневной неформальной коммуникации не имеет такой значимости, как в деловой коммуникации, которую исследовала В. В. Фенина [Фенина 2011]. Почти во всех мини-диалогах прослеживается в большей или меньшей степени описанный К. Кербрат-Ореккьони «диалог глухих» [Kerbrat-Orecchioni 2011], и выявленные стратегии и тактики лишь частично формализуют эту модель взаимодействия. Такой эффект связан, с одной стороны, с особенностями формулировки мыслей самими коммуникантами, которые не всегда «блещут» красноречием. С другой стороны, он является результатом отсутствия коммуникативной задачи, стоящей перед участниками коммуникации, как, например, при деловом общении. Действительно, в случае разговоров в баре собеседники не стремятся путем речевого взаимодействия получить ответ на насущный вопрос, найти решение проблемы или заключить выгодный договор. Каждый участник дискурса *small talk* в неформальной коммуникации вступает в диалог или отказывается от него, преследуя индивидуальные цели и опираясь на собственное эмоциональное состояние.

«Диалог глухих» отражает глобальные тенденции развития общения (выделенные, например, И. А. Стерниным), которые являются следствием

персонификации личности. Отмечается увеличение поверхностных речевых контактов, сокращение монологической и расширение диалогической формы общения. «Растет обезличенность общения, увеличивается число ситуаций, в которых люди общаются, не "читая" друг друга, не знакомясь, не вступая в личные отношения (общение фактически заменяется информационным обменом)» [Стернин 2003: 7].

Заключение

В результате классификации и анализа диалоговых единств сделан вывод о том, что стратегия кооперации в дискурсе *small talk* является основной, но не единственной, ей противопоставлены стратегия уклонения от коммуникации (отказа от коммуникации на заданную тему, как вариант) и стратегия уточнения. Данные стратегии реализуются через тактики обобщения, объяснения, с одной стороны, и отказа от коммуникации, смены темы,

банализации, с другой стороны, а также тактику переспроса при непонимании. Эти стратегии воплощаются говорящими в речи посредством большой вариативности лексических, грамматических стилистических средств, демонстрирующих богатство и разнообразие французского языка.

Анализ повседневной бытовой коммуникации на примере дискурса *small talk* в баре, несмотря на не кажущийся остро актуальным контекст, демонстрирует современные тенденции коммуникации в целом, что обуславливает актуальность и практическую значимость данного исследования.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арутюнова Н. Д. Жанры общения. In: Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В., Кибрик А. А., Красухин К. Г., Крылов С. А., Падучева Е. В., Радзиевская Т. В., Шмелев А. Д. *Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис*. М.: Наука, 1992. С. 52–79. [Arutyunova N. D. Genres of communication. In: Arutyunova N. D., Bulygina T. V., Kibrik A. A., Krasukhin K. G., Krylov S. A., Paduchyeva E. V., Radzievskaya T. V., Shmelev A. D. *Human factor in language. Communication, modality, and deixis*. Moscow: Nauka, 1992, 52–79. (In Russ.)]
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. In: Бахтин М. М. *Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов*. М.: Русские словари, 1997. С. 159–206. [Bakhtin M. M. The problem of speech genres. In: Bakhtin M. M. *Collected works. Vol. 5. Works of the 1940s and early 1960s*. Moscow: Russkie slovari, 1997, 159–206. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке. *Русский язык в научном освещении*. 2002. № 2. С. 6–34. [Wierzbicka A. Russian cultural scripts and its applications. *Russian language and linguistic theory*, 2002, (2): 6–34. (In Russ.)]
- Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 171 с. [Vinokur T. G. *Speaker and listener: Variants of speech behavior*. Moscow: Nauka, 1993, 171. (In Russ.)]
- Дементьев В. В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013-го. *Жанры речи*. 2014. № 1-2. С. 22–49. [Dementyev V. V. Actual problems of indirect communication and its genres: A view from 2013. *Zanry Reci*, 2014, (1-2): 22–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tibwrh>
- Иссерс О. С. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий. *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 2. С. 243–256. [Issers O. S. More than half a century under the umbrella of communication strategies. *Communication Studies*, 2020, 7(2): 243–256. (In Russ.)] [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(2\).243-256](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256)
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд. стер. М.: КомКнига, 2006. 284 с. [Issers O. S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. 4th ed. Moscow: KomKniga, 2006, 284. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ufgtvn>
- Карасик В. И. О категориях дискурса. *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты*, отв. ред. В. И. Карасик. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197. [Karasik V. I. Categories of discourse. *Language personality: Sociolinguistic and emotive aspects*, ed. Karasik V. I. Volgograd: Peremena, 1998, 185–197. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vwlyav>

- Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: ВГТУ, 2000. 175 с. [Kashkin V. B. *Introduction into communication theory*. Voronezh: VSTU, 2000, 175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcwhph>
- Кобекбай Б. И., Омирзакова А. Р. Small talk или искусство легкой беседы. *Вестник науки*. 2021. Т. 4. № 12. С. 50–55. [Kobekbay B. I., Omirzakova A. R. Small talk or the art of light conversation. *Vestnik nauki*, 2021, 4(12): 50–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsywnk>
- Космодемьянская В. И., Лисенко М. В., Радюшкина А. А. Коммуникативная стратегия уклонения от прямого ответа как форма непрямого общения в американском дискурсе. *Политическая лингвистика*. 2023. № 2. С. 63–69. [Kosmodemyanskaya V. I., Lisenko M. V., Radyushkina A. A. A communication strategy aimed to avoid giving a direct answer: A form of indirect communication in American political discourse. *Political Linguistics*, 2023, (2): 63–69. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/1999-2629_2023_02_07
- Косова К. И. Функции small talk в институциональном и бытовом дискурсах. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2014. № 5. С. 87–93. [Kosova K. I. Small talk functions in institutional and everyday discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2014, (5): 87–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.11>
- Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с. [Makarov M. L. *Fundamentals of discourse theory*. Moscow: Gnosis, 2003, 280. (In Russ.)]
- Михайлов Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1994. 256 с. [Mikhailov L. M. *Communicative grammar of the German language*. Moscow: Vyssh. shk., 1994, 256. (In Russ.)]
- Михайловская Е. С. Типологические характеристики рекламного дискурса (на материале рекламных статей). *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2017. № 4-1. С. 152–156. [Mikhaylovskaya E. S. Typological characteristics of advertising discourse in advertising articles. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2017, (4-1): 152–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygrpmf>
- Муминов В. И. Типы диалогических единств и особенности их функционирования в поэмах М. Цветаевой. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2022. Т. 32. № 3. С. 480–486. [Muminov V. I. Types of dialogic unities and features of their functioning in poems by M. Tsvetaeva. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, 2022, 32(3): 480–486. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-3-480-486>
- Рытникова Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе. *Русская разговорная речь как явление городской культуры*, ред. Т. В. Матвеева. Екатеринбург: Аргос, 1996. С. 94–115. [Rybnikova Ya. T. Harmony and disharmony in open family conversation. *Russian colloquial speech as an urban cultural phenomenon*, ed. Matveeva T. V. Ekaterinburg: Argo, 1996, 94–115. (In Russ.)]
- Седов К. Ф. Разговор. In: Гольдин В. Е., Данилин С. Ю., Дементьев В. В., Жельвис В. И., Лебедева Н. Б., Ростова А. Н., Седов К. Ф., Тюкаева Н. И., Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я., Шмелева Т. В., Щурина Ю. В., Ярмаркина Г. М. *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация*. М.: Лабиринт, 2007. С. 220–230. [Sedov K. F. Conversation. In: Goldin V. E., Danilin S. Yu., Dementiev V. V., Zhelvis V. I., Lebedeva N. B., Rostova A. N., Sedov K. F., Tyukaeva N. I., Shmelev A. D., Shmeleva E. Ya., Shmeleva T. V., Shchurina Yu. V., Yarmarkina G. M. *Anthology of speech genres: Everyday communication*. Moscow: Labirint, 2007, 220–230. (In Russ.)]
- Стернин И. А. Основные тенденции развития общения в первой половине XXI века (попытка прогноза). *Коммуникативные исследования*, науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2003. С. 4–19. [Sternin I. A. Main trends in the development of communication in the first half of the 21st century (forecast attempt). *Communication studies*, ed. Sternin I. A. Voronezh: Istoki, 2003, 4–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uepahx>
- Тинтин Л. Стратегия уклонения в политическом интервью: на материале русского и китайского языков. *Политическая лингвистика*. 2016. № 4. С. 60–67. [Tingting L. Strategy of evasion in political interviews: Based on the Russian and Chinese languages. *Political Linguistics*, 2016, (4): 60–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkyfwv>
- Фенина В. В. Речевые жанры small talk и светская беседа. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 256 с. [Fenina V. V. *Speech genres of small talk and secular conversation*. Moscow: LAP Lambert Academic Publishing, 2011, 256. (In Russ.)]

- Фрицлер Н. М. Роль и значение светской беседы в межкультурном деловом общении. *Вопросы методики преподавания в вузе: Ежегодный сборник*. 2016. № 5. С. 78–87. [Fritsler N. M. The role of small talk in intercultural business communication. *Teaching Methodology in Higher Education: Annual Collection*, 2016, (5): 78–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zaexqb>
- Хайдеггер М. Бытие и время, пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Акад. проект, 2015. 460 с. [Heidegger M. *Being and time*, tr. Bibikhina V. V. Moscow: Akad. proekt, 2015, 460. (In Russ.)]
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: АН СССР, 1960. 377 с. [Shvedova N. Yu. *Essays on the syntax of Russian colloquial speech*. Moscow: AS USSR, 1960, 377. (In Russ.)]
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. *Структурализм: «за» и «против»*, ред. Е. Я. Басин, М. Я. Поляков. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230. [Jacobson R. Linguistics and poetics. *Structuralism: Pros and cons*, eds. Basin E. Ya., Polyakov M. Ya. Moscow: Progress, 1975, 193–230. (In Russ.)]
- Charaudeau P. *Grammaire du sens et de l'expression*. Paris: Hachette Education, 1992, 927.
- Goffman E. *Forms of talk*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1981, 335.
- House J., Kádár D. Z., Studying Small Talk from a pragmatic angle: An introduction. *Acta Linguistica Academica*, 2023, 70(4): 411–418. <https://doi.org/10.1556/2062.2023.00704>
- Ilina A. Review of Gerrard Mugford. 2022. Developing cross-cultural relational ability in foreign language learning asset-based pedagogy to enhance pragmatic competence. *Russian Journal of Linguistics*, 2023, 27(1): 240–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-33774>
- Kerbrat-Orecchioni C. *Le discours en interaction*. Paris: Armand Colin, 2011, 365.
- Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages. *The meaning of meaning*, eds. Ogden C. K., Richards I. A. London: Routledge and Kegan Paul, 1923, 146–152.
- Mugford G., Borda A., Espinoza M. V., Ramos A. M., Mayoral D. A. S. Teaching meaningful EFL Small Talk: Exploration, supportiveness, and celebration. *MEXTESOL Journal*, 2024, 48(1): 1–9. <https://doi.org/10.61871/mj.v48n1-4>
- Mugford G., Rubio M. C. Racial, linguistic and professional discrimination towards teachers of English as a foreign language: Mexican context. *Journal of Language and Discrimination*, 2018, 2(1): 32–57.
- Schneider K. P. *Small talk: Analysing phatic discourse*. Marburg: Hitzeroth, 1988, 351.
- Small talk*, ed. Coupland J. Harlow: Longman, 2000, 315.

оригинальная статья

eLibrary EDN: KXBNZF

Эвиденциальность запахопередачи в русскоязычном критическом парфблогинге

Катыхев Павел Алексеевич

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 6174-3510

<https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Scopus Author ID: 56257784400

katpa@rambler.ru

Ли Мин-Чунь

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 2882-6516

<https://orcid.org/0009-0004-7160-5960>

Аннотация: В статье рассматривается одна из дискурсивных практик, связанных с передачей запаховой детекции, – критический парфблогинг. Отождествление парфюмерной критики с практикой обсуждения обоняемого аромата делает актуальным подведение информации о полученном ольфактивном отклике под категорию эвиденциальности, благодаря чему представления о запахе интерпретируются с установкой на выявление сведений о контакте перцептора с источником обонятельной детекции, об опыте индивидуального осмысления одоранта, использования коллективного знания о нем. Актуальность исследования состоит в применении лингвопрагматического подхода к изучению эвиденциальности, что позволяет включить ее в макрокатегорию дейксиса и описать семантику критического дискурса в аспекте обусловленности ситуативно-аксиологическими составляющими и интертекстовыми связями. Новизна заключается во внедрении категории эвиденциальности в методику анализа сенсорно ориентированного дискурса с целью упорядочения сведений об аспектах семантизации ольфактивного отклика. Цель состоит в каталогизации эвиденциальных значений запахопередачи для их последующего учета при описании русскоязычной дискурсивной практики критического парфблогинга. При выполнении исследования проводился семантический анализ вербально-семиотических средств реализации эвиденциальности; каталогизация эвиденциальных компонентов значения была интегрирована в методику дискурсивного анализа, направленную на рассмотрение способов освидетельствования обоняемого источника в аспекте устанавливаемых в критическом парфблогинге режимов запахопередачи. Материал работы включает в себя 28 текстов парфюмерной критики, взятых из 4 русскоязычных парфюмерных блог-каналов. Установлена релевантность трех видов значений эвиденциальности: 1) значения личного освидетельствования – признака, касающегося непосредственной данности одоранта; 2) значения выводимости суждения об одоранте, что отсылает к квалификационно-классификационным основаниям характеристики ольфактивного отклика (отличительной черте одоранта, его основной «ноте», групповой принадлежности и т.д.); 3) значения пересказываемости, свидетельствующего об осведомленности автора в коллективном опыте, сформированном относительно одоранта. Предложена методика анализа продуктов критической деятельности парфблогера. Сделан вывод о значимости категории эвиденциальности для подчеркивания ситуационной вовлеченности субъекта сознания в процесс обоняния одоранта.

Ключевые слова: дискурс, эвиденциальность, экспериентивность, инферентивность, пересказываемость, дейксис, парфюмерная критика, парфблогинг, запахопередача, ольфактивный отклик

Цитирование: Катыхев П. А., Ли М.-Ч. Эвиденциальность запахопередачи в русскоязычном критическом парфблогинге. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 35–44. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-35-44>

Поступила в редакцию 14.10.2025. Принята после рецензирования 26.01.2026. Принята в печать 26.01.2026.

original article

Evidentiality of Olfactory Discourse in Russian Perfume Review Blogs

Pavel A. Katyshev

Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 6174-3510

<https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Scopus Author ID: 56257784400

katpa@rambler.ru

Ming-Chun Li

Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 2882-6516

<https://orcid.org/0009-0004-7160-5960>

Abstract: Fragrance blogging is a popular digital genre that has to deal with the challenges of verbal olfactory description. Perfume reviews initiate discussion of smells, which means that this discourse falls into the category of evidentiality. Fragrance bloggers interpret a smell by describing their contact with its source, their individual experience, and appeal to the collective knowledge about it. The linguistic pragmatic approach to evidentiality made it possible to cover the macrocategory of deixis and describe the semantics of olfactory discourse in terms of intertextual, situational, and axiological components. As part of sensory discourse, the category of evidentiality allowed the authors to structure the information on various aspects of olfactory semantics. The semantic structure of olfactory discourse was applied to 28 texts from four Russian-language perfume review blogs. The semantic analysis of the verbal semiotic means of evidentiality focused on the evidential components of meaning integrated into the discourse analysis methodology. The methodology examined the methods of identifying the olfactory source in relation to the smell description modes in perfume review blogs. The research revealed three meanings of evidentiality. Personal certification was related to the immediate experience of the blogger. The derivability of judgments referred to the qualification and classification bases for the particular olfactory response, i.e., the main note, the group affiliation, etc. Finally, the indirect evidence indicated the blogger's awareness of the collective experience regarding the smell. The methodology for analyzing fragrance blogs proved the importance of evidentiality as a category that emphasizes the situational involvement in olfaction.

Keywords: discourse, evidentiality, experiential aspect, inferential evidentiality, indirect evidentiality, deixis, perfume criticism, fragrance blogging, smell description, olfactory response

Citation: Katyshev P. A., Li M.-C. Evidentiality of Olfactory Discourse in Russian Perfume Review Blogs. *SibScript*, 2026, 28(1): 35–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-35-44>

Received 14 Oct 2025. Accepted after peer review 26 Jan 2026. Accepted for publication 26 Jan 2026.

Введение

В лингвистике термин *эвиденциальность* обычно подразумевает языковую категорию, выражающую лексическими и грамматическими средствами указание говорящего на его роль в упоминаемой им ситуации и на то, как была получена сообщаемая им информация. Иными словами, эвиденциальностью устанавливается и характеризуется соотносимый с говорящим источник, а также способ получения о нем информации, содержащиеся в тексте [Кобрина 2005: 87].

Категория эвиденциальности первоначально рассматривалась в грамматических описаниях, из которых следует, что ее содержательный план получает

последовательную грамматикализацию в отдельных языках. Однако грамматическая категоризация эвиденциальности в русском языке проводится непоследовательно и не имеет четко выраженного характера, а потому представлена вербальными единицами разных уровней, включая речевые структуры, что придает эвиденциальности статус прагматической категории.

Для подтверждения прагматической релевантности рассматриваемой категории выбрана специфическая дискурсивная практика – парфюмерная критика, позволяющая изучить взаимовлияние, которое оказывают обоняние и речемышлительная

деятельность на детекцию искусственно созданного одоранта. Особо стоит отметить тот факт, что к изучению феномена запахопередачи лингвисты стали проявлять значительный интерес лишь в последнее десятилетие [Басалаева 2025; Ли, Катышев 2025; Nikitina 2024; Nikitina, Furuoka 2023; Words for odours... 2016]. Возможно, этот интерес в некоторой мере стимулирован становлением культуры активного потребления одорантов [Турин, Санчес 2020], в распространении которой парфблогингу отводится существенная роль, однако и в самой лингвистике (прежде всего – лингвосенсорике как области «лингвистического знания, которая занимается языком перцепции, вербальной репрезентацией показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния» [Харченко 2012: 6]) к настоящему моменту сложилось четкое понимание того круга проблем, которые имеют отношение к семантизации ольфактивного отклика и требуют участия специалистов-лингвистов в их разработке и решении.

Специфика речемыслительной деятельности, сопровождающей ольфактивную детекцию, зачастую делает декодирование ароматических раздражителей крайне затруднительным [Вэй и др. 2025; Гейко 2014; Колупаева 2008; Павлова 2004; Старостина 2009; Трипольская 2013; Majid 2021]. Но несмотря на имеющиеся сложности с дешифровкой описаний аромата, парфюмерная критика предоставляет материал для изучения семиотических явлений, раскрывающих воздействие, производимое ароматическими веществами на хеморецепторы (или иначе – взаимодействие человека, наделенного обонянием, с запахом [Moeran 2011: 37]). В соответствии с выдвигаемой нами гипотезой встречающиеся в критическом дискурсе одорические описания указывают на характер, способ и источник обонятельной детекции, а следовательно, могут быть осмыслены с точки зрения их эвиденциального статуса.

Изучение дискурса парфюмерной критики в аспекте эвиденциальных содержаний позволяет ответить на вопрос, какой опыт, способ познания используются с целью передачи аудитории состояний и ощущений, переживаемых субъектом восприятия (перцептором). То есть, в парфюмерном блогинге перцептор делает ставку преимущественно на непосредственное взаимодействие с ароматической композицией; обращение с ней через отслеживание ощущаемого порождает описания, представляющие одорант с помощью различных концептуальных категорий. Если исходить из того,

что восприятие запаха – концептуально обусловленный процесс [Luce, Krumhansl 1988; Pala, Gangashetty 2016: 48], можно заключить, что парфюмерная критика стремится конвенционализировать восприятие аромата.

Цель состоит в каталогизации эвиденциальных значений запахопередачи для их последующего учета при описании русскоязычной дискурсивной практики критического парфблогинга. Задачи:

1) установить разновидности эвиденциальных значений, актуальные для русскоязычного критического парфдискурса;

2) с перечнем типов эвиденциальности соотнести дискурсивные режимы запахопередачи, содержащие информацию о наличии / отсутствии взаимодействия с источником запаха, о факторе свойств ароматического вещества и внешнем ресурсе.

При этом под термином *режим* подразумевается такой контекст употребления ольфактивных дескрипторов, который содержит информацию о субъекте сознания как перцепторе; тем самым с учетом эвиденциально релевантных значений выделяются контексты, в которых субъект сознания актуализован в статусе лица, контактирующего с одорантом (режим значений личного освидетельствования, экспериентивности), оценивающего его (режим инферентивности) и ретранслирующего информацию о нем (режим пересказывательности). О понятии *режим* и близких ему категориях см. [Падучева 2019: 23].

Методы и материалы

При выполнении исследования проводился семантический анализ вербально-семиотических средств реализации эвиденциальности, включающий в себя декомпозицию, экспликацию и систематизацию компонентов значения, отсылающих к освидетельствованию восприятия одоранта. Каталогизация эвиденциальных компонентов значения была интегрирована в методику дискурсивного анализа, направленную на рассмотрение способов освидетельствования обоняемого источника в аспекте устанавливаемого в критическом парфблогинге порядка (режима) запахопередачи, который связан с вербально-семиотической объективацией события непосредственного контакта перцептора с одорантом, а также характеристикой данного события на основе личного и / или коллективного ольфактивного опыта. Таким образом, ограничение дискурс-анализа

Значение инферентивности суждения

Реализация инферентивного значения актуальна для описаний, передающих результаты осмысления критиком ольфактивного отклика. При этом категоризация отклика имеет отношение к моменту подбора вербальных ассоциаций и их рядов, построению умозаключений и повествовательных пассажей, передающих особенности запаха, полученные с опорой на какие-либо основания. В условиях контакта с искусственно созданным запахом выводимость вербальных характеристик связана с рационализацией, осознанием обонятельного ощущения при помощи категоризатора ольфактивного отклика (ср. использование в целях запахопередачи оборотов типа *чувствовать / ощущать запах чего-либо, пахнуть чем-либо* и т.д., берущих на себя функцию переключения эвиденциальных регистров – как правило, с прямого на косвенно-непосредственный тип засвидетельствования – в контекстах, описывающих детекцию парфюмерных композиций), поэтому в лексических единицах – показателях сменяемой эвиденциальности, исходно обозначающих восприятие обонянием какого-либо объекта как носителя аутентичного запаха (ср.: *пахнет* <этим> *лимоном, лежащим на столе*), оживляется квалифицирующий компонент, благодаря чему в характеризующих пассажах содержится еще и отсылка к аксиологическим (классификационным) основаниям, приписываемым ольфактивному отклику.

В высказывании *На старте* <чувствуется> *настоящий взрыв свежайшей холодной зелени: реалистичного листа фиалки, базилика* (Fragrantius, 30.04.2025; об аромате *EGE / AIGAIQ* бренда *Nishane*) подразумевается, что субъект речи, доводя непосредственно воспринятое до осмысляемого в значениях языковых знаков, характеризует свое обонятельное ощущение в терминах восприятия свежести, имеющей запаховые нюансы (ноты листа фиалки и базилика); аналогично в высказывании *Первые секунды Monsieur (FM) пахнет ромом, смешанным со сладким, почти вишневым мандарином...* (Духи наизнанку, 07.04.2025; об аромате *Monsieur* бренда *Frederic Malle*) предикатом *пахнет* <чем-то> обозначается ощущение, доопределенное субъектом речи признаками алкогольности (*ромом*) и фруктовыми (*сладкий, почти вишневый мандарин*).

Таким образом, в случае с инферентивом выражения типа *пахнуть* <чем-то>, <чувствовать> *взрыв* ‘резкий, интенсивный запах’ <чего-то> представляют собой семантически неразложимые, целостные

сочетания – неоднocomпонентные дескрипторы, т. к. указывают не на объект, от которого исходит аутентичный запах, а на характер запаха. В подобных случаях связь между единицами (например, *пахнуть* и *ромом*) не описывает свойство исходного источника запаха, поскольку, характеризуясь целостностью, тенденцией к неразложимости на составляющие, придает управляемому слову признаковое, уточняющее значение, т. е. формирует «многокомпонентный гипоним», который определяет одну из подкатегорий запахов [Kleiber 2012: 57] (например, ароматическую «ноту», как в случае с оборотами *пахнуть ромом*, <чувствуется> *взрыв зелени*).

Пример использования инферентивных значений для характеристики ольфактивного отклика:

- В Питере жажнули морозы. Захотелось чего-нибудь теплого и согревающего. Темная Ваниль от Монталя идеально подходит под это описание. Совсем не гурманская, не попсовая ваниль (не ванилин!). Как будто стручки натуральной мадагаскарской ванили чуть присыпали теплыми пряностями, добавили легкой удовой грязннки и теплой амбровости (Fragrantius, 19.12.2024; *Dark Vanilla* бренда *Montale*).

Фраза содержит такие показатели инферентивности, которые отсылают к квалификатору «характер (отличительная черта) одоранта» (*захотелось теплого и согревающего*) и последующей его конкретизации по другим аспектам: соответствию одоранта определенному типу запаха (*Темная Ваниль от Монталя идеально подходит под это описание*), присутствию основной «ноты», ароматического компонента (*ваниль*), удовлетворяющего запрос на определенный тип запаха, и дополняющим эту ноту параметрам, таким как природность, естественность «звучания», присутствие в композиции древесно-пряных оттенков основного ароматического компонента (*Совсем не гурманская, не попсовая ваниль (не ванилин!). Как будто стручки натуральной мадагаскарской ванили чуть присыпали теплыми пряностями, добавили легкой удовой грязннки и теплой амбровости*).

Значение пересказываемости

Информация об одоранте, вводимая в текст, может указывать на третьих лиц. В этом случае эвиденциальное значение пересказываемости реализуется отсылками к различным источникам: конкретному лицу, информационно-поисковому ресурсу, обобщенному или неуточненному говорящему, общему

фонду знаний (иногда специализированному – например, пирамиде ароматов).

Использование сведений с данным эвиденциальным значением помогает парфюмерному блогеру обосновать собственные ольфактивные переживания, в частности, в аспекте их самобытности, отличия от информации, полученной из других источников, или совместимости субъективного опыта с характеристиками, транслируемыми иными перцепторами. Так, в приводимом ниже примере личные характеристики дополняются ольфактивными характеристиками, почерпнутыми из других источников:

- *Был удивлен, что многие называют Terenzi Rivea акватикой и сравнивают с Orto Parisi Megamare. Вот даже близко ничего акватического не уловил. И заявленных в пирамиде водорослей тоже не слышу... Сандал в базе – да, акватика и водоросли – нет. После чтения пирамиды мой нос подтвердил наличие в этом парфюме амрииса, который приятно лимонит и деревяшит (Fragrantius, 12.12.2024; об аромате Rivea бренда Tiziana Terenzi).*

Характеристика личного восприятия описываемого аромата дополнена информацией из специализированного источника (после чтения пирамиды) – к таковому относится, вероятно, парфюмерный ресурс³, содержащий пирамиду аромата; обращение к этому источнику помогает субъекту перцепции квалифицировать одорант по типу ароматической ноты (мой нос подтвердил наличие в этом парфюме амрииса, который приятно лимонит и деревяшит).

Синтезирующая часть

С учетом выявленных значений тексты парфюмерной критики можно анализировать, описывая эвиденциальные области семантизации ольфактивного отклика, в которых перцептор попеременно отождествляет себя то с контактирующим лицом, то с оценщиком, то с ретранслятором. Пример:

- *А вот про Azuree я раньше вообще не слышал, очевидно зря, ибо это вторая моя хотелка из набора. В Azuree Legacy сочная зелень встречается с старомодной изобутилхинолиновой кожей, впрочем чистой-чистой, без ощущения неприятной горечи, которая может иногда напрягать в том же Бандите. Интересно, что в сравнениях есть как женские, так и мужские*

классические работы, таков он и есть – чистый унисекс. Наиболее «маллевская» работа, вроде бы ретро, но как тонко и красиво, бери да носи. Надо. (Воняешь!, 07.05.2025; об аромате Azuree Legacy бренда Estée Lauder).

В приведенном примере значение экспериентива (существования запахового источника в области внимания / обоняния говорящего) подчеркивается через возникшее желание приобрести аромат во флаконе, поскольку знакомство с ним благодаря приобретенному пробнику оказалось приятным открытием (*это... моя хотелка...; надо*), сопровождается сожалением по поводу незнания о нем до момента знакомства (*очевидно зря*) и признанием прежней неосведомленности (*про Azuree я раньше вообще не слышал*). Иными словами, значение экспериентива актуализует такую позицию контактирующего лица, в которой оно выступает носителем состояний, обеспечивающих готовность к полноценному приобретению одоранта.

Нахождение одоранта в области непосредственного восприятия перцептора позволяет осуществлять ольфактивную детекцию, сопровождаемую инферентивами: характеристикой с опорой на типы ароматических нот (*сочная зелень, старомодная изобутилхинолиновая кожа*), их сочетания (*зелень встречается с... кожей*), особенности модификации (*кожей, впрочем чистой-чистой, без ощущения неприятной горечи*), парфюмерные эталоны для сопоставления (*без ощущения неприятной горечи, которая может иногда напрягать в том же Бандите; наиболее «маллевская» работа*), принципы сравнения с эталонами (*приятнее, чем...; ближе к...*), а также особенности, устанавливаемые по гендеру (*в сравнениях есть как женские, так и мужские классические работы, таков он и есть – чистый унисекс*), новаторству (*вроде бы ретро*), качествам исполнения – изысканности / грубости (*как тонко*), красоты / безвкусы (*как красиво*), пригодности / непригодности для ношения (*бери да носи*). Тем самым позиция, в соответствии с которой ароматические свойства композиции получают многоплановую оценку, свидетельствует о положительном отношении субъекта сознания к одоранту, соответствии его свойств вкусам и предпочтениям перцептора.

Пересказывательность подчеркивает, с одной стороны, состояние неосведомленности говорящего, существующее до непосредственного знакомства

³ Rivea Tiziana Terenzi. *Fragrantica*. URL: <https://www.fragrantica.ru/perfume/Tiziana-Terenzi/Rivea-87502.html> (accessed 1 Aug 2025).

с одорантом (*А вот про Azuree я раньше вообще не слышал*), с другой – информацию о гендерной принадлежности аромата, принимая во внимание которую, перцептор делает собственный вывод о его унисексовости (*Интересно, что в сравнениях (прим. авторов – речь идет о разделе сравнения с другими ароматами, представленном в информационно-поисковой системе Fragrantica) есть как женские, так и мужские классические работы, таков он и есть – чистый унисекс*). Делясь сведениями о существовании и свойствах одоранта, субъект сознания указывает на информационную пополняемость своего ольфактивного опыта и его совместимость с мнением других перцепторов.

Таким образом, формирование смысловой проекции ольфактивного отклика свидетельствует о том, что характеристика возможна (или же допустима / предпочтительна) при непосредственном контакте с ароматом; обороты, вводимые в описание самого ольфактивного ощущения, указывают на квалифицирующие основания, разнообразие и детализированность которых диагностируют опыт перцептора, некоторую натренированность и вдумчивую осознанность его детекции – способность сконцентрироваться на ольфактивном отклике, сегментировать его, категоризовать и концептуализировать при вводе в вербализованный план дискурса; привлечение внешних свидетельств, информированность перцептора значимы как для указания на непосредственное знакомство с ароматом, так и для включения в текст квалифицирующих оснований (валидаторов), с опорой на которые формулируются личные описания.

Обсуждение

Исследование эвиденциальности, содержащейся в историях о запахопередаче, показывает, что моментом засвидетельствования определяется личный вклад субъекта речи – перцептора – в освоение источника аромата. Из проведенного анализа следует, что репрезентация ольфактивного отклика обеспечивается различными по типу сведениями, которые можно рассмотреть с точки зрения: (а) прямого / косвенного взаимодействия субъекта с одорантом; (б) привлечения своего / чужого опыта для осмысления стимула.

Данный подход к исследованию эвиденциальности тесно связан с усилиями лингвистов (1) определить и систематизировать ее частные значения,

отсылающие к характеру и степени вовлеченности субъекта сознания в ту реальность, о которой он сообщает адресату; (2) рассмотреть проблематику освидетельствования в связи с онтологическим статусом выражаемых в тексте знаний о предмете речи.

В настоящее время в российской и зарубежной лингвистике уделяется значительное внимание изучению категории эвиденциальности, что позволяет выявить довольно разветвленную систему эвиденциальных значений, перечень которых пока остается незавершенным [Козинцева 2007; Плунгян 2003; Позднякова 2016; Willet 1988]. Уточняя и комбинируя параметры эвиденциальности, исследователи приходят к заключению об имплементированности значений (а) личного освидетельствования познаваемого (например, экспериентив [Муталов, Вагизиева 2019: 45], аудитив [Ильина 2021: 264]), неожиданности его обнаружения (адмиратив [Храковский 2007; DeLancey 2001: 379]); (б) выведенности из первичных данных сведений-умозаключений, характеризующихся такими аспектами субъективности, как гипотетичность, достоверность в отношении познаваемого (инферентив [Муталов, Вагизиева 2019: 46], презумптив⁴ [Dendale, Tasmowski 2001; Naan 1999], конклюдив [Ницолова 2006: 28], имперцептив [Падучева 2014: 529]); (в) пересказываемости – заимствованности информации о познаваемом из внешних источников (цитатив) [Позднякова 2016: 14].

Включение в область эвиденциальных значений модальных семантических компонентов поднимает вопрос о связи засвидетельствованности с категорией эпистемичности, охватывающей собой знаниевый компонент содержания высказывания с включением в него комплекса параметров, касающихся оценки степени достоверности сообщаемого [Козинцева 1994: 94]. Пересечение категорий эвиденциальности и эпистемичности, обычно связываемое с обсуждением того, какое из эвиденциальных значений и с какой вероятностью подразумевает большую / меньшую надежность транслируемой информации [Nuyts, Dendale 1994: 121], создает предпосылку для обсуждения вопросов, касающихся прагматики дискурса, в частности истинности критических высказываний, характера их эффективности, степени эпистемической ответственности говорящего за передаваемую информацию и ряда других тем [Козловский 2024: 51].

⁴ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 276. <https://elibrary.ru/rusouc>

Требует серьезного осмысления подход, основанный на поиске связи эвиденциальности с другими категориями, в том числе с макрокатегорией дейсиса (в широком смысле – характеристики разной степени зависимости значения знака от условий контекста, коммуникативной ситуации и субъекта сознания [Жуков 2001]). Акцент на конситуативной обусловленности описаний ароматов позволяет охарактеризовать содержание критических высказываний в аспекте: (а) пространственно-временной соотнесенности перцептора и объекта восприятия; (б) образа субъекта восприятия (какая у субъекта предрасположенность к сенсорной детекции, насколько она глубока, какая манера передачи, на какие критерии оценки опирается); (в) того, какие связи с коллективным опытом субъект сознания устанавливает при обонянии источника аромата.

Заключение

Русскоязычный дискурс парфюмерной критики освоил три типа эвиденциальных значений, в совокупности диагностирующих ситуативную вовлеченность субъекта сознания в восприятие аромата. Своеобразие подхода, предлагаемого в исследовании, связано с тем, что эвиденциально значимые семантические компоненты экспериентивности, инферентивности и пересказывательности могут рассматриваться как ориентиры для установления режимов запахопередачи, специфицирующих ролевые статусы перцептора, отождествляемого в парфблогинге с субъектом критики, что позволяет полнее описать роли субъекта сознания в ситуации запахопередачи – его позиции контактера, оценщика, ретранслятора, проявляющиеся в контексте

освидетельствования свойств источника ольфактивного отклика. При этом выявление эвиденциальных значений, учет соотносимых с ними режимов запахопередачи характеризуются стремлением достичь контекстуально релевантного разбора единиц, чья функциональная нагрузка приходится на выражение ольфактивных впечатлений и связанных с ними сопутствующих обстоятельств.

Перспектива исследования видится в детализации типов эвиденциальных значений и средств их объективации, в построении развернутых дискурс-аналитических описаний, рассматривающих эвиденциальные режимы запахопередачи и их взаимодействие как самостоятельные параметры, применимые для изучения дискурсивной практики парфблогинга, а также идиостилей его акторов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: П. А. Катышев – методологическая концепция исследования, отбор эмпирического материала, интерпретация результатов. М.-Ч. Ли – обработка эмпирического материала, интерпретация результатов.

Contribution: P. A. Katyshev developed the research concept, selected the empirical material, and interpreted the results. Ming-Chun Li processed the empirical material and interpreted the results.

Литература / References

- Басалаева Е. Г. Динамические процессы в содержании оценочной семантики (на материале лексики обонятельного восприятия). *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16. № 1. С. 19–29. [Basalaeva E. G. Dynamic processes in the content of evaluative semantics (based on the vocabulary of olfactory perception). *Terra Linguistica*, 2025, 16(1): 19–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JHSS.16102>
- Вэй Ж., Зайцева О. В., Катышев П. А. Концептуализация стимулов ольфакторного восприятия носителями русского языка: на материале отзывов о парфюмерных композициях с нотой сандала. *Вестник Череповецкого гос. ун-та*. 2025. № 4. С. 7–18. [Wei R., Zaytseva O. V., Katyshev P. A. Conceptualisation of olfactory perception stimuli by native speakers of Russian: Based on reviews of perfume compositions with a note of sandalwood. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, (4): 7–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-4-127-1>
- Гейко Е. В. Метафорический потенциал компонентов пропозиции обонятельного восприятия. *Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании*. 2014. № 2. С. 144–150. [Geyko E. V. Metaphorical potential pro-position components olfactory perception. *Uralskii filologicheskii vestnik. Seriiia: Psikholingvistika v obrazovanii*, 2014, (2): 144–150. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sccwtv>

- Жуков И. В. Война в дискурсе современной прессы. *Лингвистические исследования 2001 года*. СПб.: ИЛИ РАН, 2001. С. 53–65. [Zhukov I. V. War in the discourse of the modern press. *Linguistic research 2001*. St. Petersburg: ILR RAS, 2001, 53–65. (In Russ.)]
- Ильина Л. А. Особенности семантики сенсорно-эвиденциальной граммемы «аудитива» в ненецких шаманских песнях. *Сибирский филологический журнал*. 2021. № 4. С. 263–275. [Ilyina L. A. Semantic features of the sensory-evidential "auditive" grammeme in the Nenets shamanistic songs. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2021, (4): 263–275. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/18137083/77/20>
- Кобрин О. А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2005. № 1. С. 86–98. [Kobrina O. A. Category of evidentiality: Its status and forms of expression. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2005, (1): 86–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iqxbx>
- Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа). *Вопросы языкознания*. 1994. № 3. С. 92–104. [Kozintseva N. A. The category of evidentiality: Problems of typological analysis. *Voprosy Jazykoznanija*, 1994, (3): 92–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vlbtur>
- Козинцева Н. А. Типология категории засвидетельствованности. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*, ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36. [Kozintseva N. A. Typology of the category of evidentiality. *Evidentiality in European and Asian languages*, ed. Khrakovsky V. S. St. Petersburg: Nauka, 2007, 13–36. (In Russ.)]
- Козловский Д. В. Категория «эвиденциальность» как средство передачи фейковой информации в англоязычном медиадискурсе. *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 1. С. 49–62. [Kozlovsky D. V. The category of "evidentiality" as a means of transmitting fake information in the English-language media discourse. *Terra Linguistica*, 2024, 15(1): 49–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JHSS.15104>
- Колупаева А. А. Национальные особенности концепта Запах в русском языке. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008. № 7. С. 86–89. [Kolupaeva A. A. The national peculiarities of the concept smell in the Russian language. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2008, (7): 86–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kuzjib>
- Ли М.-Ч., Катышев П. А. Парфюмерная критика как дискурсивная практика и речемыслительная деятельность. *Русский язык: система и функционирование: X Междунар. науч. конф.* (Минск, 22–23 октября 2024 г.) Мн.: БГУ, 2025. С. 137–140. [Li M.-C., Katyshev P. A. Perfume criticism as discursive practice and speech-thinking activity. *Russian language: System and functioning: Proc. X Intern. Sci. Conf.*, Minsk, 22–23 Oct 2024. Minsk: BSU, 2025, 137–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ipptxc>
- Муталов Р. О., Вагизиева Н. А. Средства выражения эвиденциальности в кадарском языке. *Litera*. 2019. № 5. С. 45–51. [Mutalov R. O., Vagizieva N. A. Means of expressing evidentiality in the Kadar language. *Litera*, 2019, (5): 45–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2019.5.31032>
- Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке. *Вопросы языкознания*. 2006. № 4. С. 27–45. [Nitsolova R. Interaction of evidentiality and admirativity with categories of verbal tense and person in Bulgarian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2006, (4): 27–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/huidpv>
- Павлова Н. С. Конкретная лексика с семантическим компонентом «запах» (на материале толкового словаря немецкого языка DUDEN). *Известия УрГУ. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2004. № 33. С. 33–45. [Pavlova N. S. Concrete vocabulary with the semantic component of "smell": An analysis of the German DUDEN dictionary. *Izvestiia UrGU. Serii 2. Gumanitarnye nauki*, 2004, (33): 33–45. (In Russ.)]
- Падучева Е. В. Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации. *Acta linguistica petropolitana*. 2014. Т. 10. № 3. С. 529–541. [Paducheva E. V. Evidential markers and their registers of interpretation. *Acta linguistica petropolitana*, 2014, 10(3): 529–541. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnpniv>
- Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. М.: ЯСК, 2019. 440 с. [Paducheva E. V. *Egocentric units of language*. Moscow: IaSK, 2019, 440. (In Russ.)]
- Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с. [Plungjan V. A. *General morphology. An introduction to the field*. Moscow: Editorial URSS, 2003, 384. (In Russ.)]
- Позднякова В. А. Актуализация категории эвиденциальности в аргументативном дискурсе (на материале английского и русского языков). СПб.: СПбГУ, 2016. 69 с. [Pozdniakova V. A. *The Actualization of the category of evidentiality in argumentative discourse in English and Russian*. St. Petersburg: SPbSU, 2016, 69. (In Russ.)]

- Старостина Ю. А. Концепты «запах» и «красота» в романе П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы». *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2009. № 7. С. 164–169. [Starostina Yu. A. The concepts of "smell" and "beauty" in Patric Suskind's novel "Perfume: The story of a murderer". *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2009, (7): 164–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lpaylx>
- Трипольская Т. А. Моделирование ментальной структуры «Восприятие запаха» в русской языковой картине мира. *Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение*, отв. ред. И. П. Матханова. Новосибирск: НГПУ, 2013. С. 50–61. [Tripolskaya T. A. Perfume discourse: Express modelling the mental structure "Odour perception" in Russian language picture of the world. *Problems of interpretative linguistics: Types of perception and their linguistic embodiment*, ed. Matkhanova I. P. Novosibirsk: NSPU, 2013, 50–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/shszxx>
- Турин Л., Санчес Т. Парфюмерный гид 2018. М., 2020. 450 с. [Turin L., Sanchez T. *Perfumes: The guide 2018*. Moscow, 2020, 450. (In Russ.)]
- Харченко В. К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 216 с. [Kharchenko V. K. *Sensory studies in linguistics: Fundamental and applied aspects*. Moscow: LIBROCOM, 2012, 216. (In Russ.)]
- Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*, ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 600–632. [Khrakovsky V. S. Evidentiality, epistemic modality, and (ad)mirativity. *Evidentiality in the languages of Europe and Asia*, ed. Khrakovsky V. S. St. Petersburg: Nauka, 2007, 600–632. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfxfpn>
- DeLancey S. The mirative and evidentiality. *Journal of pragmatics*, 2001, 33(3): 369–382. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(01\)80001-1](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(01)80001-1)
- Dendale P., Tasmowski L. Introduction: Evidentiality and related notions. *Journal of pragmatics*, 2001, 33(3): 339–348. <https://elibrary.ru/amgyhp>
- Haan F. De Evidentiality and epistemic modality: Setting boundaries. *Southwest Journal of Linguistics*, 1999, (18): 83–101.
- Kleiber G. De la dénomination à la désignation: Le paradoxe ontologico-déminatif des odeurs. *Langue Française*, 2012, (174): 45–58. <https://doi.org/10.3917/lf.174.0045>
- Luce R. D., Krumhansl C. L. Measurement, scaling, and psychophysics. *Stevens' handbook of experimental psychology: Perception and motivation; Learning and cognition*, eds. Atkinson R. C., Herrnstein R. J., Lindzey G., Luce R. D. John Wiley & Sons, 1988, 3–74.
- Majid A. Human olfaction at the intersection of language, culture, and biology. *Trends in Cognitive Sciences*, 2021, 25(2): 111–123. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.11.005>
- Moeran B. The colours of smell: Perfume advertising and the senses. *The 110th Annual Meeting of the American Anthropological Association*, Montreal, 16–20 Nov 2011. Montreal, 2011, 45.
- Nikitina L. Fragrance lexicon for analysis of consumer-generated perfume reviews in Russian and English. *Methods X*, 2024, 12. <https://doi.org/10.1016/j.mex.2024.102627>
- Nikitina L., Furuoka F. Words of scents: A linguistic analysis of online perfume reviews. *Linguistics Vanguard*, 2023, 9(1): 205–214. <https://doi.org/10.1515/lingvan-2022-0135>
- Nuyts J., Dendale P. Bibliographie sélective de l'évidentialité. *Langue Française*, 1994, (102): 121–125.
- Pala K., Gangashetty S. V. Lexical meanings are shaped by olfactory perception: On computational complexity. *Words for odours: Language skills and cultural insights*, eds. Barkat-Defradas M., Motte-Florac E. Cambridge Scholars Publishing, 2016, 39–54.
- Willet T. A Cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality. *Studies in Language*, 1988, 12(1): 51–97. <https://doi.org/10.1075/sl.12.1.04wil>
- Words for odours: Language skills and cultural insights*, eds. Barkat-Defradas M., Motte-Florac E. Cambridge Scholars Publishing, 2016, 265.

оригинальная статья

eLibrary EDN: JPPSOQ

Жанровая специфика интернет-рецензий ресторанных критиков

Передриенко Татьяна Юрьевна

Южно-Уральский государственный университет, Россия, Челябинск

eLibrary Author SPIN: 9647-6594

<https://orcid.org/0000-0001-8747-3692>

Scopus Author ID: 57210159856

peredrienkoti@susu.ru

Аннотация: В статье рассматривается жанровая специфика интернет-рецензий ресторанных критиков. Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования тенденций развития коммуникации в виртуальном формате для дальнейшего включения в современное жанроведение данных о специфике интернет-жанров. Цель – выявить жанровые характеристики интернет-рецензий ресторанных критиков. Материал исследования – 200 рецензий ресторанных критиков, отобранные с интернет-сайтов. Для описания традиционных характеристик применяется модель анализа жанров Т. В. Шмелевой, для определения специфических характеристик используются методы контент- и дискурс-анализа. В результате исследования установлено, что интернет-рецензии ресторанных критиков являются гибридным жанром с устойчивой композиционной структурой. Функции жанра заключаются в информировании о точках общественного питания, их оценке, а также воздействии на адресата их посетить / не посещать. Основной жанрообразующей составляющей является автор, передающий свой перцептивный опыт. В интернет-пространстве автор уходит от анонимности для получения большего доверия адресата. В качестве адресатов автор выделяет две группы получателей информации: неперсонифицированных адресатов, объединенных утилитарным интересом к местам общественного питания, и персонифицированных профессионалов, интересующихся оценкой своей работы. Языковое воплощение интернет-рецензий ресторанных критиков отличается употреблением перцептивной и эмоционально-оценочной лексики, терминов профессиональной тематики, использованием стилистических приемов и переходом на разговорный стиль общения. Специфическими признаками жанра, дополняющими традиционную модель анализа, являются оценка содержания диктума и поликодовость. Оцениванию подлежат все аспекты диктума, а способы выражения получают различные способы реализации (прямое, косвенное, имплицитное и поликодовое). Поликодовость создает многогранное представление о заведении, а также формируется новый уровень вовлеченности адресата в процесс выбора благодаря сочетанию текстовых, визуальных и интерактивных элементов.

Ключевые слова: речевой жанр, гибридный жанр, гастрономический код культуры, перцептивный опыт, интернет-рецензия, воздействие, оценка содержания диктума, поликодовость

Цитирование: Передриенко Т. Ю. Жанровая специфика интернет-рецензий ресторанных критиков. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 45–54. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-45-54>

Поступила в редакцию 01.05.2025. Принята после рецензирования 30.07.2025. Принята в печать 04.08.2025.

original article

Genre of Online Restaurant Reviews

Tatiana Yu. Peredrienko

South Ural State University, Russia, Chelyabinsk

eLibrary Author SPIN: 9647-6594

<https://orcid.org/0000-0001-8747-3692>

Scopus Author ID: 57210159856

peredrienkoti@susu.ru

Abstract: Contemporary genre studies need more research into the specifics of online communication. This paper describes the online genre of restaurant reviews. In this study, 200 restaurant reviews were subjected to T. V. Shmeleva's conventional genre analysis while the methods of content and discourse analysis revealed the online specifics. Online restaurant review proved to be a hybrid genre with a reliable structure. It provides information about restaurants, evaluates them, and encourages or discourages a visit. The main genre-forming component is the perceptual experience of the critic, who abandons anonymity to gain greater trust from the recipients, i.e., impersonalized users with a consumer interest vs. identified restaurateurs looking for feedback. Online restaurant reviews are rich in words of perception, emotional and evaluative vocabulary, professional terms, and stylistic devices. In addition, they are oriented toward colloquial communication. The assessment of dictum content and polycode character are the specific features of the internet genre that complement the conventional model. All aspects of the dictum are subjected to assessment; expressive means are implemented by direct, indirect, implicit, and polycode methods. The polycode character of the review creates a multifaceted idea of the object of description while engaging the recipient in the selection process via a synergy of verbal, visual, and interactive elements.

Keywords: speech genre, hybrid genre, gastronomic code of culture, perceptual experience, internet review, influence, assessment of dictum content, polycode

Citation: Peredrienko T. Yu. Genre of Online Restaurant Reviews. *SibScript*, 2026, 28(1): 45–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-45-54>

Received 1 May 2025. Accepted after peer review 30 Jul 2025. Accepted for publication 4 Aug 2025.

Введение

В каждом обществе существовала своя уникальная культура питания, которая формировалась под влиянием географических условий проживания, исторических событий, образа жизни и традиций. Особенности приема пищи и ее приготовления, выбор определенных продуктов, а позднее правила поведения за столом закладывались в детстве, корректировались в течение жизни и далее передавались последующим поколениям. По этой причине совместный процесс приготовления и потребления пищи позволял людям ощутить культурную идентичность в социальном пространстве.

Н. Л. Вигель полагает, что в глобальном развитии современного общества значение культуры питания в повседневной жизни человека продолжает актуализироваться, т. к. оно остается «неизменной ценностью» [Вигель 2016: 35]. Этим объясняется интерес к данной проблеме со стороны специалистов

из самых разных областей научного знания. В изучении питания можно выделить два общих подхода: естественно-научный и антропологический. В рамках естественно-научного подхода питание рассматривается с точки зрения биологии и медицины как способ сохранения здоровья граждан [Бельмер 2003; Кузьмин и др. 2024; Покида, Зыбуновская 2022]. При антропологическом подходе изучается роль питания в эволюции человечества и его культурном развитии [Павловская 2022; Фаис-Леутская 2019; Lévi-Strauss 2013].

Лингвисты исследуют, как специфика восприятия пищи, гастрономические особенности, эволюция вкусовых предпочтений и культурные традиции питания общества передаются по средствам языка. Ученые изучают концептуализацию вкусовых ощущений и способы ее языковой вербализации на материале русского и иностранных языков,

в сопоставительном аспекте, в рамках синхронического и диахронического подходов [Чеханова 2022; Юрина, Балдова 2017; Klitzing 2023; Nurutdinova 2022]. Анализ гастрономического кода культуры раскрывает вопросы взаимодействия языка и культуры [Волошина, Глебова 2022; Капелюшник 2011; Маркова 2017]. Данные работы позволяют понять, как воспринимаются вкусовые ощущения, как культурные традиции влияют на язык и как отражаются в нем, какие ценности и нормы культуры питания существуют в русской лингвокультуре, а какие актуализируются в других культурах, что их объединяет, а что делает уникальными. Изучение темы еды и вкуса в фокусе различных типов дискурса углубляет знание о социальных аспектах жизни людей, а также показывает, как контекст влияет на значение и интерпретацию данных понятий [Судина 2021; Терентьева 2016; Shevchenko 2019].

Интересный материал для лингвистического анализа представляет ресторанная критика, которая раскрывает особенности восприятия, описывает предпочтения и дает оценку не только еде, но и тому пространству, в котором ее предлагают. Ученые отмечают, что ресторанная критика в России зародилась в середине XIX в., когда начали выходить кулинарные колонки в «Литературной газете» и приложение «Записки для хозяев» [Бойко, Муха 2024]. В XX в. в России советского периода, как пишет А. Н. Тепляшина, общественное питание характеризовалось в ироническом аспекте, поскольку «считалось, что эта сфера, исключительно развлекательная, следовательно, поверхностная... не заслуживает внимания прессы» [Тепляшина 2015: 195]. В 1970–1980 гг. из-за активного развития туристической индустрии стали появляться путеводители по городам, помогающие ориентироваться в новом пространстве. В путеводителях содержались также данные о кафе и ресторанах, но не в форме критики, а как справочная информация [Бойко, Муха 2024].

В конце XX в. в обществе поменялось отношение к досугу как «знаковому явлению повседневности», и в медиатекстах того периода стали активно освещаться темы «культуры, хобби, моды и стиля жизни, путешествий, кулинарии» [Тепляшина 2015: 195]. Кроме того, в связи с экономическими изменениями в стране и появлением новых точек общественного питания возникла необходимость в путеводителях. Как ответ на потребность общества в это время «начал формироваться новый дискурс,

представленный жанром ресторанной критики» [Тепляшина 2020: 154], а также укрепился термин *ресторанный критик*.

В XXI в. ресторанная критика заметно эволюционировала, что было вызвано развитием технологий и появлением новых форматов медиа в сетевом пространстве. Эти изменения привели к доступности информации для более широкой аудитории, а также к некоторым изменениям характеристик жанра. Сейчас под ресторанной критикой понимается «совокупность медиатекстов, автор которой ставит целью анализ места общественного питания..., а также последующий выпуск материалов, содержащих оценочную информацию» [Старастенкова 2022: 137]. Однако, как отмечает А. Н. Старастенкова, ресторанная критика продолжает активно развиваться и «меняются не только сами материалы... критики, но и их упаковка» [Там же: 157]. Одним из видов реализации ресторанной критики являются рецензии ресторанных критиков, представленные в интернет-пространстве, которые отличаются доступностью широкому кругу читателей, скоростью представления информации, интерактивностью и фокусом на визуальном контенте.

Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования социальных аспектов жизни людей, в частности, тенденций развития коммуникации о питании и местах потребления пищи в формате интернет-пространства для дальнейшего включения в современное жанроведение данных о специфике интернет-жанров, в которых наблюдается некая трансформация ранее представленных характеристик.

Цель исследования – выявить жанровые характеристики интернет-рецензий ресторанных критиков.
Задачи:

- 1) проанализировать содержание интернет-рецензий для установления их структуры;
- 2) рассмотреть жанровые характеристики интернет-рецензий ресторанных критиков по модели анализа Т. В. Шмелевой для определения традиционных характеристик;
- 3) обозначить специфические жанровые характеристики интернет-рецензий ресторанных критиков для дополнения модели анализа.

Комплексный анализ интернет-рецензий позволяет выявить не только традиционные, но и специфические характеристики данного жанра, что определяет новизну исследования.

Методы и материалы

Материалом для анализа являются рецензии ресторанных критиков, отобранные с интернет-площадок¹. Общий объем выборки составляет 200 интернет-рецензий. При анализе примеров сохранены авторские орфография и пунктуация.

Для изучения и описания жанровых характеристик рецензий ресторанных критиков, представленных в интернет-пространстве, была применена традиционная модель анализа, предложенная Т. В. Шмелевой, а также были использованы методы контент- и дискурс-анализа для определения новых специфических характеристик интернет-рецензий. Жанры не статичны, они продолжают развиваться в зависимости от культурных и технологических изменений в обществе. По этой причине анализ жанров в современном контексте требует внесения изменений в традиционную модель анализа. Согласно модели Т. В. Шмелевой, у жанров определяются такие признаки, как коммуникативная цель, автор и адресат, образ прошлого и будущего, содержание диктума и языковое воплощение [Шмелева 1997]. Но, как отмечает О. С. Иссерс, «скорость изменения технологических возможностей виртуальной среды» [Иссерс 2023: 376] и новые формы коммуникативной реальности стали причиной трансформации «старых жанров», что потребовало добавления в модель анализа дополнительных аспектов.

Для изучения рецензий в контексте социального взаимодействия между участниками, для определения идеологических и ценностных составляющих национального сознания, которые находят вербализацию в языке, в работе используется когнитивно-дискурсивный подход. Для исследования структуры рецензий, определения значимых компонентов и обозначения их облигаторности или факультативности применяется метод контент-анализа.

Результаты

Коммуникативная цель жанра

При обозначении коммуникативной цели интернет-рецензии необходимо дифференцировать цели автора и цели адресата. Эксплицитно выраженной коммуникативной целью автора является

информирование адресатов о разнообразных точках общественного питания, предоставление актуальной и полезной информации о меню, атмосфере заведения, о качестве еды и сервиса. Имплицированно выраженными целями являются воздействие на адресата посетить или не посещать заведение, сформировать общественное мнение о нем, а также сообщить о трендах в сфере питания. Адресат обращается к рецензиям ресторанных критиков, чтобы получить актуальную информацию о разнообразных точках общественного питания и принять обоснованное решение относительно того, какое место стоит посетить. Имплицированно выраженная цель адресата состоит в желании развлечься, поскольку хорошо написанная интернет-рецензия интересна и увлекательна для чтения.

Образ автора

Автором является ресторанный критик, который должен обладать высоким профессионализмом, обширными теоретическими и практическими знаниями в области ресторанного бизнеса, безупречным вкусом и умением различать тончайшую вкусовую гамму блюд [Тепляшина 2015: 202]. Также очень важным для ресторанного критика является умение убедительно и доступно передавать свои ощущения, поскольку именно он выступает активным участником всех событий. Автором может быть как отдельный человек, так и группа лиц, работающих над одним проектом. Автор передает свое присутствие в тексте через местоимения *я*, *мое* (*мнение*), *мне* (*интересно*), коллективное авторство вербализуется местоимениями *мы*, *наше* (*мнение*), иногда автор раскрывает присутствие с ним третьих лиц (*я и моя спутница*; *мой беспристрастный компаньон*), а также говорит о себе в третьем лице *ваш самый правдивый рассказчик*.

Представляя свою рецензию, ресторанный критик может оставаться анонимным, но, как правило, рецензии в интернет-пространстве публикуются на персональных страницах или сайтах с указанием данных авторов и их фотографиями. Чтобы получить большее доверие от читающих, некоторые критики стараются предоставить о себе

¹ moscow-restaurants.ru. URL: <https://www.moscow-restaurants.ru>; allcafe.ru. URL: <https://allcafe.ru/reviews/colonka-restorannogo-kritika>; 66.ru. URL: <https://66.ru/news/tag/Яков+Можаяев>; resto74. URL: <https://resto74.ru/critic-gloriankinski>; Restorating.ru. URL: <https://www.restorating.ru/spb>; Restoran.ru. URL: <https://www.restoran.ru> (дата обращения: 16.04.2025). Здесь и далее в примерах сохранены авторская орфография и пунктуация.

дополнительную информацию в разделах «Можно ли мне верить», «Интервью» и т.д. О. С. Иссерс считает, что в интернет-пространстве происходит трансформация речевого поведения автора, т.к. «выходя на массовую аудиторию, он получает почти неограниченную социальную власть – возможность влиять на своего адресата, его картину мира, шкалу ценностей, поведенческие реакции» [Иссерс 2023: 377]. Действительно, автор выполняет просветительскую функцию, освещая историю создания заведений, правила приготовления блюд, нормы здорового питания не узкому кругу лиц, а неограниченному количеству адресатов.

Образ адресата

Поскольку интернет-рецензии ресторанных критиков являются частью массовой культуры, среди адресатов этого жанра выделяются несколько социальных групп. Рецензиями интересуются потенциальные посетители ресторанов, которые ищут место по рекомендациям, чтобы избежать разочарования. Рестораторы и бизнесмены изучают рецензии, чтобы узнать оценки их заведений и работы их сотрудников, а также получить идеи для новых проектов. Для шеф-поваров рецензии интересны с точки зрения анализа новых тенденций в области гастрономии. Исходя из этого, получается, что адресаты имеют различный уровень знаний в гастрономии, их интересуют различные аспекты заведений, они отличаются возрастом, а также не совпадают их цели изучения рецензий. Автору не всегда известны адресаты, а коммуникация между ними является отложенной, т.к. адресат выбирает время прочтения по своему усмотрению, но уже после публикации рецензии.

Изучение обращений авторов к адресатам показывает, что ресторанные критики выделяют две группы получателей информации. В первую очередь критики обращаются к персонифицированному адресату, т.е. к широкому кругу лиц с невыраженными индивидуальными характеристиками, но которые объединены общим утилитарным интересом к заведениям общественного питания. При обращении к этой группе лиц автор не применяет прямых обращений, а использует местоимения *вы, вам* (*вы будете удивлены; вам здесь точно понравится*), а для обозначения адресата критик употребляет собирательные существительные во множественном числе (*настоятельно рекомендую горожанам и гостям города посетить это место*).

На грамматическом уровне автор использует безличные повелительные предложения, призывающие к посещению заведения и получению перцептивного опыта (*давайте вместе зайдём и посмотрим; посмотрите, как удобно тут все обустроено; обязательно попробуйте это блюдо*).

Следующей группой лиц являются персонифицированные профессионалы, среди которых выделяются сотрудники заведения (шеф-повара, повара, официанты, администраторы, управляющие), отвечающие за качество блюд и сервис, и владельцы бизнеса (рестораторы), которых интересуют все аспекты работы их заведений. Апелляция к ним выражена прямыми обращениями (*Уважаемые ..., почему вы нас не предупредили об этом в меню?*) или вербализуется имплицитно, когда критик указывает на то, что следует исправить в заведении (*меню не доработали*), хвалит непосредственно их работу или высказывает предложения (*До чего же мастерски слеплены пельмени, надо признать. Нет ли в ресторане уроков по лепке? С удовольствием записался бы*).

Образ прошлого и будущего

Следующей характеристикой жанра является образ прошлого, который выражается в интернет-рецензии ресторанный критик через историю создания заведения (*в помещение закрывшегося не так давно ресторана... заехал новый совместный проект*), историю названия (*название – женское имя японского происхождения, означающее «ясная», «чистая» или «красивая», также это разновидность цитрусовых, придуманная в Японии в 1949 году и названная в честь храма Сэйкэн-дзи и лагуны Киэми-гата*), рассказ об изменениях после ремонта (*в прошлом году делали ремонт, но сохранили настроение и общий антураж*) или информацию о рестораторах и их других проектах (*о... в последние годы было почти ничего не слышно, а ведь когда то его имя гремело на весь город*). Для вовлечения адресата к размышлению о заведении автор апеллирует к его личному опыту (*Возможно, вы видели эту яркую закускую, прогуливаясь по ТК...*). Образ прошлого обычно освещается во введении, а образ будущего завершает рецензию.

Образ будущего – это прогноз, который делает автор о дальнейшем развитии заведения (*поглядим, что будет осенью после летнего ажиотажа; у меня нет уверенности, что дорогая Испания сможет надолго зацепить внимание капризной столичной публики; смогут ли создатели проекта вовремя*).

исправить недочеты). Образ будущего определяется не во всех рецензиях, а в основном в тех, где автор делает акцент на недостатках заведения.

Содержание диктума

Содержание диктума является ключевой жанро-образующей характеристикой. Структуру рецензии формирует коммуникативное намерение автора заинтересовать и передать информацию о том, что он увидел и почувствовал в рецензируемом заведении. Рецензия начинается со вступления, в котором автор привлекает внимание к ресторану, сообщая его локацию, краткую историю создания заведения и / или появление его названия. Далее следует описание интерьера и атмосферы, после чего автор предлагает ознакомиться с меню и барной картой. Обязательным является презентация нескольких блюд на выбор и информация о сервисе. Рецензия заканчивается выводами / итогами / резюме, в которых критик обобщает плюсы и минусы своего посещения, а также может сделать прогнозы о будущем рецензируемого заведения.

Рецензии ресторанный критика не бывают нейтральными, а оценочный компонент является основной характеристикой ресторанной критики. Оценка представляет собой инструмент, который позволяет быстро понять, насколько заведение, предлагаемые в нем блюда, напитки и сервис соответствуют ожиданиям. Оцениванию подлежат все аспекты, которые освещаются в содержании диктума, а способы представления оценки имеют различные способы реализации. Содержание диктума является фактической информацией, а оценка содержания диктума – субъективной, по этой причине видится необходимым рассматривать данные характеристики жанра отдельно.

Оценка содержания диктума

В интернет-рецензиях ресторанных критиков используются различные подходы к системе оценок, которые варьируются в зависимости от автора и имеют прямое или косвенное выражение. Под прямым оцениванием понимается выставление баллов или звезд. Подходы к прямому оцениванию также варьируются, баллы / звезды выставляются за каждый аспект (интерьер и атмосферу, еду, обслуживание) или суммарно за все в конце отзыва. Оценка основывается на том, насколько полно и качественно представлены все составляющие концепции заведения. Стараясь быть максимально

объективными при выставлении оценок, некоторые авторы подробно расписывают свои критерии оценок и систему расчета.

Еще одним способом прямого оценивания является рекомендация. Критик советует, какие блюда стоит попробовать, потому что они ему понравились, а какие пробовать не стоит, в какое время посещение ресторана будет удачным, а в какое нет (*я в них влюбился, и вам стоит попробовать; в обеденное время здесь суета, для наслаждения кухней лучше выбрать другое время*). В некоторых случаях рекомендации даются не посетителям, а владельцам или шеф-поварам ресторана, что представляет собой обратную связь (*ресторан рекомендую, но с вытяжкой нужно что-то решать*). Интересным подходом является также графическая рекомендация, вербализованная в виде эмодзи, которая стала доступна благодаря перемещению ресторанной критики в виртуальное пространство: ❤ Блюдо понравилось, ~ Нейтральное впечатление, 💜 Блюдо не понравилось.

Косвенные оценки выражаются в тексте лексическими единицами с положительной и отрицательной коннотацией. В тексте рецензии используются:

- прилагательные, характеризующие каждый аспект ресторана: положительная оценка: **качественная еда, удобная мебель, встреча гостеприимная**; отрицательная оценка: **неприятный запах, невкусный соус; неудобные диваны**;
- наречия: положительная оценка: **получилось свежо, все выглядит аккуратно**; отрицательная оценка: **детали интерьера выглядят потертто; мясо неряшливо залито соусом**;
- глаголы: положительная оценка: по вкусу морепродукты **не подвели**; нежность вкуса **впечатлила**; отрицательная оценка: салат **пересолили**, мясо **пересушили**;
- существительные: положительная оценка: **шедевр кулинарии**; не обошлось без искреннего **восхищения**; отрицательная оценка: еще один **минус в копилку кухни**; суп с лососем – **теплое разочарование**.

Негативное отношение может демонстрироваться при помощи словообразования, когда к названию блюда добавляются приставки *недо-*, имеющую значение *недостаточности в сравнении с какой-либо нормой (недоцезарь)*. Критики прибегают к графическим средствам для выражения иронического смысла (*бургер «радует» ватной булкой; булочки собственной выпечки особенно «впечатлили»*).

Чтобы установить более глубокое взаимодействие с адресатом, критики используют имплицитно выраженную оценку, которая передается через контекст и требует интерпретации. Например, чтобы избежать прямой критики, автор использует приемы ухода от озвучивания оценки (*умолкаю, чтобы не наговорить лишнего*) или выражает физические страдания, которые он испытал при посещении заведения (*я не могу на это смотреть, физически не могу, отворачиваюсь*).

Еще один способ косвенной оценки – сравнение ресторанов, которое «подсказывает», в чью пользу следует сделать выбор (*...запустился в 2017 и с тех пор работает в тихом режиме, при этом такая скромность не помешала ему пережить многих соседей; есть рестораны, которые ведут себя тихо и незаметно с точки зрения пиара, свою популярность не раскручивают, но стабильно выдают качественную еду даже при плотной посадке*). Каждый ресторанный критик выбирает свой способ выражения оценки, подходы к оцениванию могут комбинироваться, но она всегда присутствует в данном жанре.

Языковое воплощение

Следующей характеристикой жанра является языковое воплощение, которое позволяет критику вербализовать свой перцептивный опыт и донести его до адресата. Чувственное восприятие в языке передается посредством перцептивной лексики, в семантике которой есть сема *восприятие* и указание на определенную перцептивную модальность. Ресторанная критика максимально насыщена перцептивной лексикой, через которую автор пытается показать все то, что видит, пробует на вкус и на запах, а также что слышит в рецензируемом заведении (*чувствовать вкус, пахнуть, слышать*).

Для выражения оценки критик прибегает к эмоционально-оценочной лексике (*прекрасный, лучший*), активно использует такие стилистические средства, как эпитеты (*назойливый трюфель, кусачая цена*), метафоры (*цена – пощечина туристу, холестеринная бомба*), сравнения (*стейк резиновый как подошва; столы выглядят как концертные рояли в хрущевке*). Автор также активно прибегает к иронии, чтобы выразить отрицательную оценку (*еда для лилипутов; тонкая колбаска от стыда за бледную кожу укрылась безжизненным лавашом*).

На компетенции критика указывает использование терминов профессиональной тематики

(*эспума, даши, демиглас, буйабес*), названий конкурсов для шеф-поваров (*Золотой Бокюз (Bocuse d'Or), Global Chef Challenge*), иноязычных слов (*фул-бокс, шеф-тейбл*), интертекстуальных вкраплений. В то же время, чтобы не отдаляться от адресата, автор может переходить на разговорный стиль речи, обращаться к адресату (*давайте зайдем и попробуем; вы сейчас удивитесь*) и даже в некоторых случаях пренебрегать речевыми нормами (*шибко толстый и не шибко белый; война блиноов; такой-тыж-растакой*). Все эти приемы помогают создать насыщенное и многослойное восприятие и сделать текст более интересным для читателя.

Для передачи перцептивного опыта автор старается использовать все доступные средства, поэтому к характеристикам жанра ресторанной критики необходимо добавить поликодовость. Как справедливо отмечает Е. С. Солнцева, «поликодовость особенно актуальна для интернет-текстов, так как в веб-пространстве предоставляются наиболее широкие возможности для сочетания различных элементов в публикациях» [Солнцева 2018: 78]. Кроме того, поликодовость позволяет авторам не только иллюстрировать представленную текстовую информацию для подкрепления своего мнения, но также использовать эту тактику для воздействия на адресата [Резникова 2023: 227].

Поликодовость

Поликодовость в интернет-рецензии ресторанного критика выполняет несколько важных функций, которые способствуют глубокому восприятию информации и эффективному взаимодействию с адресатом. Автор использует поликодовость, чтобы привлечь внимание к наиболее важным аспектам, создать ассоциации и эмоциональный отклик на информацию. Для этого критик обращается к сочетанию текстовых и визуальных описаний, таких как фотографии интерьера, блюд и меню, а также применяет интерактивные элементы: баннеры, гиперссылки, хэштеги. Все эти приемы помогают адресату лучше прочувствовать атмосферу, ощутить настроение и сформировать свое личное представление о заведении. Например, красивые фотографии блюд не только дополняют текстовое описание, но и вызывают желание попробовать их, усиливая вербальное воздействие визуальным. Фотографии меню играют информирующую роль и помогают читателям оценить свои финансовые возможности перед посещением заведения.

Всплывающие баннеры, гиперссылки и хэштеги также позволяют адресату получить дополнительную информацию о времени работы заведения, ценах, о рестораторах, создавших заведение, и многом другом.

Кроме того, использование приемов поликодовости способствует эффективной коммуникации с целевой аудиторией, создавая эффект вовлеченности читателя. Например, возможность поставить лайк / дизлайк или прокомментировать материал позволяют адресату почувствовать себя соавтором или оценить работу ресторанного критика. Таким образом, благодаря поликодовости создается многослойный контекст, который формирует многогранное представление об атмосфере ресторана, еде, обслуживании, а также позволяет адресату взаимодействовать с автором.

Заключение

Интернет-рецензии ресторанных критиков выходят за пределы традиционного понимания рецензий, что объясняется «тенденцией к трансформации и гибридизации жанров» [Северина 2020: 84]. Данная тенденция вызвана динамичным развитием интернет-площадок, медийных технологий и появлением новых коммуникативных ситуаций. Под гибриднойностью понимается соединение признаков, характерных для разных жанров и знаковых систем [Роднова 2023: 111]. Интернет-рецензии ресторанных критиков предоставляют читателям всю необходимую информацию о месте общественного питания и национальных гастрономических особенностях, но через оценивание этой информации автором, который не только выражает оценку, но и имплицитно побуждает адресата посетить или не посещать заведение. Таким образом, в данном жанре объединяются признаки информативного, оценочного и императивного речевых жанров. Помимо смешения признаков разных жанров, в интернет-рецензиях ресторанных критиков отмечается также использование разных знаковых систем, что выражается в поликодовости текстов.

Жанрообразующая составляющая интернет-рецензий – автор, который передает свой перцептивный опыт от посещения заведения общественного питания адресату. В интернет-пространстве автор уходит от анонимности, представляя свое фото и дополнительную информацию для получения

большого доверия адресата. Адресат жанра интернет-рецензий ресторанных критиков неоднороден, автор выделяет две группы получателей информации: неперсонифицированных адресатов, объединенных утилитарным интересом к местам общественного питания, и персонифицированных профессионалов (сотрудников и владельцев бизнеса), которые из рецензий узнают оценку своей работы сторонним наблюдателем. Для достижения цели информирования о заведениях, передачи своего опыта и трендов в области культуры питания ресторанный критик использует перцептивную и эмоционально-оценочную лексику, ряд стилистических приемов, термины профессиональной тематики, а также переходит на разговорный стиль общения.

Специфическими признаками жанра интернет-рецензий, дополняющими традиционную модель анализа, являются оценка содержания диктума и поликодовость. В интернет-рецензии оцениванию подлежат все аспекты содержания диктума, а способы выражения получают различные способы реализации (прямое, косвенное, имплицитное и поликодовое). Данная характеристика является субъективной и зависит от автора, тогда как содержание диктума представляет собой фактическую информацию, что объясняет необходимость добавления оценки содержания диктума в модель анализа. Поликодовость способствует глубокому восприятию информации о месте общественного питания и помогает эффективному взаимодействию с адресатом. Благодаря сочетанию текстовых, визуальных и интерактивных элементов создается многогранное представление об интерьере, атмосфере, еде, обслуживании, а также формируется новый уровень вовлеченности адресата в процесс выбора. Добавление характеристики поликодовости в модель анализа вызвано появлением новых виртуальных площадок для коммуникации, которые приводят к изменениям традиционных жанров.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бельмер С. В. Безопасность продуктов детского питания. *Вопросы детской диетологии*. 2003. Т. 1. № 3. С. 55–58. [Belmer S. V. Safety of products for children's nutrition. *Pediatric Nutrition*, 2003, 1(3): 55–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iactzf>
- Бойко Д. О., Муха А. В. История становления профессии ресторанный критик. *Медиаисследования*. 2024. № 10. С. 6–12. [Boiko D. O., Mukha A. V. The history of the formation of the profession of a restaurant critic. *Mediaissledovaniia*, 2024, (10): 6–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/prmfie>
- Вигель Н. Л. Пищевая культура как маркер социокультурной идентичности. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2016. Т. 2. № 3. С. 35–42. [Wigel N. L. Food culture as a marker of socio-cultural identity. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija*, 2016, 2(3): 35–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhtzmb>
- Волошина Т. Г., Глебова Я. А. Гастрономический код как отражение лингвокультурной картины мира (на примере африканской лингвокультуры). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2022. Т. 41. № 4. С. 707–714. [Voloshina T. G., Glebova Ya. A. Gastronomic code as the mean linguistic and cultural environment reflection (based on the example of African languages and cultures). *Issues in Journalism, Educational, Linguistics*, 2022, 41(4): 707–714. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-4-707-714>
- Иссерс О. С. Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация в цифровую эпоху (на материале отзывов о докторсах). *Жанры речи*. 2023. Т. 18. № 4. С. 375–385. [Issers O. S. Speech genre of consumer reviews and its transformation in the digital age (based on reviews of doctors). *Zanry Reci*, 2023, 18(4): 375–385. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-375-385>
- Капелюшник Е. В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры. *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 345. С. 11–14. [Kapelyushnik E. V. Person in the light of the culinary code of culture. *Tomsk State University Journal*, 2011, (345): 11–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nsiehj>
- Кузьмин С. В., Русаков В. Н., Сетко А. Г. Оценка состояния фактического питания населения Российской Федерации. *Гигиена и санитария*. 2024. Т. 103. № 1. С. 58–66. [Kuzmin S. V., Rusakov V. N., Setko A. G. Assessment of the state of actual nutrition in the population of the Russian Federation. *Hygiene and Sanitation*, 2024, 103(1): 58–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2024-103-1-58-66>
- Маркова Е. М. Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков: лингвистический и методический аспекты. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2017. Т. 15. № 2. С. 152–174. [Markova E. M. Culinary culture code in the secondary naming of the Russian and Czech languages: Linguistic and methodological aspects. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*, 2017, 15(2): 152–174. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-2-152-174>
- Павловская А. В. От пищи богов к пище людей. Еда как основа возникновения человеческой цивилизации. М.: Ломоносовъ, 2022. 320 с. [Pavlovskaja A. V. *From food for the gods to food for the people. Food as the basis for the birth of human civilization*. Moscow: Lomonosov, 2022, 320. (In Russ.)]
- Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Культура питания российского населения (по результатам социологического исследования). *Здоровье населения и среда обитания – ЗНУСО*. 2022. Т. 30. № 2. С. 13–22. [Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. Food culture of the Russian population: Results of a sociological survey. *Public Health and Life Environment – PH&LE*, 2022, 30(2): 13–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2022-30-2-13-22>
- Резникова А. Р. Явление поликодности в англоязычных медиатекстах различных жанров. *Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики*. 2023. № 16. С. 220–228. [Reznikova A. R. Phenomenon of polycoding in English media texts of different genres. *Professional Communication: Top issues of linguistics and teaching methods*, 2023, (16): 220–228. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xgtmxq>
- Роднова М. А. Интеллект-шоу как гибридный жанр дискурса медиа. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2023. № 4. С. 110–118. [Rodnova M. A. Quiz show as a hybrid genre of media discourse. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, (4): 110–118 (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-110-118>

- Северина Е. А. Специфика гибридных жанров в СМИ и причины их гибридизации (на материале современного немецкого фельетона). *Вопросы прикладной лингвистики*. 2020. № 39. С. 82–105. [Severina E. A. Specificity of hybrid genres in the media and the reasons of their hybridization (based on the material of a modern German-language feuilleton). *Issues of Applied Linguistics*, 2020, (39): 82–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25076/vpl.39.04>
- Солнцева Е. С. Релевантность элементов поликодового текста. *Litera*. 2018. № 1. С. 77–84. [Solntseva E. S. Relevance of elements in multimodal texts. *Litera*, 2018, (1): 77–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rqsbllb>
- Старостенкова А. Н. Ресторанная критика в современной медиасреде. *Век информации*. 2022. Т. 6. № 1. С. 136–158. [Starostenkova A. N. Restaurant criticism in the modern media. *Information age*, 2022, 6(1): 136–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gjggvww>
- Судина Л. В. Особенности концепта «еда» в рекламном радиодискурсе. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*. 2021. № 2. С. 70–81. [Sudina L. V. Features of the concept "food" in advertising radio discourse. *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 2021, (2): 70–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25587/h8240-0973-2794-p>
- Тепляшина А. Н. К вопросу об эволюции и трансформации дискурса ресторанной критики. *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15. № 1. С. 153–162. [Teplyashina A. N. On the evolution and transformation of restaurant criticism discourse. *Humanitarian Vector*, 2020, 15(1): 153–162. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-1-153-162>
- Тепляшина А. Н. Профессиональная критика ресторанов в деловой прессе как фактор жанровой модификации рецензии. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015. № 2. С. 195–204. [Teplyashina A. N. Professional criticism of restaurants in the business press as a factor of genre modification of reviews. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2015, (2): 195–204. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19986645/34/16>
- Терентьева Е. Б. Британский ресторанный интернет-дискурс в аспекте межкультурной коммуникации. *Научный диалог*. 2016. № 5. С. 134–144. [Terentyeva E. B. British restaurant Internet-discourse in aspect of intercultural communication. *Nauchnyi Dialog*, 2016, (5): 134–144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/waewpb>
- Фаис-Леутская О. Д. К вопросу о современном состоянии антропологии питания. *Этнографическое обозрение*. 2019. № 2. С. 5–16. [Fais-Leutskaya O. D. On the current state of anthropology of food and nutrition. *Ethnographic review*, 2019, (2): 5–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S086954150004884-2>
- Чеханова И. В. Концепт Taste в английской языковой картине мира. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2022. № 1. С. 114–122. [Chekhanova I. V. Concept Taste in the English linguistic worldview. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2022, (1): 114–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-1-114-122>
- Шмелева Т. В. Модель речевого жанра. *Жанры речи*. 1997. № 1. С. 88–98. [Shmeleva T. V. Speech genre model. *Zanry Reci*, 1997, (1): 88–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vlxzcyj>
- Юрина Е. А., Балдова А. В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 48. С. 98–115. [Yurina E. A., Baldova A. V. Food metaphor in conceptualization, categorization and verbalization of representations about the world. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2017, (48): 98–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19986645/48/7>
- Klitzing A. The literary gestalt of the restaurant review. *European Journal of Food Drink and Society*, 2023, 3(1): 4–28. <https://doi.org/10.21427/ZF4H-YX38>
- Lévi-Strauss C. The culinary triangle. *Food and culture*, eds. Counihan C., Van Esterik P. New York-London: Routledge, 2013, 40–48.
- Nurutdinova A. R. Conceptualisation of taste in the context of cognitive research: Polymodality, intermodality, synaesthesia. *Russian Linguistic Bulletin*, 2022, 1(29): 131–142. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.29.1.32>
- Shevchenko V. D. Specifics of food-related cognitive models in the British media discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2019, (3): 88–95. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-88-95>

оригинальная статья

eLibrary EDN: KZQHEE

Лингвокультурная специфика текстов дипломатического дискурса

Рябова Марина Юрьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2543-4870

<https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

Scopus Author ID: 6602001589

Каруковец Наталья Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7128-0430

nkarukovec@mail.ru

Аннотация: Рассматривается проблема типологической характеристики текстов дипломатического дискурса современного международного общения. Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом к событиям международной политики, понимание которых связано с осмыслением природы и специфики международной коммуникации, посредником которой является язык дипломатии. Материалом исследования являются тексты документов, опубликованные на сайте Организации Объединенных Наций, которые представляют собой разнообразие жанров и форм актуализации дипломатического дискурса. Теоретической основой исследования являются работы отечественных и зарубежных ученых по теории дискурса, типологии дискурсивных форм, лингвокультурологии, политической лингвистике, дипломатии, медиакommunikации. Цель – определить лингвокультурную специфику и институциональный статус дипломатического дискурса как коммуникативного инструмента политического влияния государства или определенного органа в международном общении, при котором конструируется образ или культурная традиция данной политической силы. Методы исследования включают лингвостилистический, семантико-синтаксический, прагматический, коммуникативный, структурный анализ высказываний и текстов, сравнительно-сопоставительный метод и метод контекстного анализа. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении дипломатического дискурса в институциональном аспекте с позиций его промежуточного положения среди других типов коммуникаций, а также в выявлении его дифференцирующих признаков и прагматической семантики. В результате исследования ряда англоязычных текстов отчетов, резолюций и брифингов Организации Объединенных Наций было установлено, что дипломатический дискурс представляет собой дискурс международного общения, совмещающий признаки официально-деловой, научной и политической коммуникации. К дифференцирующим признакам дипломатического дискурса можно отнести жесткую структурную организацию, наличие терминологического аппарата (политического, военного, дипломатического или иного), интертекстуальность, точность изложения мысли, слабую выраженность лингвокультурного и эмотивного компонентов.

Ключевые слова: текст, дипломатический дискурс, международная коммуникация, политический дискурс, лингвокультурная специфика, этикетность, термин

Цитирование: Рябова М. Ю., Каруковец Н. С. Лингвокультурная специфика текстов дипломатического дискурса. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 55–68. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-55-68>

Поступила в редакцию 01.06.2025. Принята после рецензирования 26.08.2025. Принята в печать 01.09.2025.

original article

Linguacultural Profile of Diplomatic Discourse

Marina Yu. Ryabova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2543-4870

<https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

Scopus Author ID: 6602001589

Natalia S. Karukovets

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7128-0430

nkarukovets@mail.ru

Abstract: Effective international politics depends on the international communication encoded in the language of diplomacy. Diplomatic discourse is a communicative instrument of political influence in constructing the image or cultural tradition behind a particular political power. This article offers a new typology of modern international communication based on English-language reports, resolutions, and briefings published by the United Nations online. A review of domestic and foreign publications on the theory and typology of discourse, cultural linguistics, political linguistics, diplomacy, and media communication made it possible to determine the linguacultural profile and institutional status of diplomatic discourse. The methods of stylistic, semantic-syntactic, pragmatic, communicative, and structural analyses revealed the institutional aspect of diplomatic discourse, describing its position as a mediator for other types of communication. The methods of comparative and contextual analyses highlighted the specific profile and pragmatic semantics of diplomatic discourse. Diplomatic discourse proved to be a discourse of international communication that combines the features of business, scientific, and political communication. While lacking linguacultural and emotive components, its linguacultural profile included a rigid structure, a robust intertextuality, and an intense precision, reflected in a reliable glossary of political, military, or diplomatic terms.

Keywords: text, diplomatic discourse, international communication, political discourse, linguacultural profile, etiquette, term

Citation: Ryabova M. Yu., Karukovets N. S. Linguacultural Profile of Diplomatic Discourse. *SibScript*, 2026, 28(1): 55–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-55-68>

Received 1 Jun 2025. Accepted after peer review 26 Aug 2025. Accepted for publication 1 Sep 2025.

Введение

Дипломатический дискурс представляет собой разновидность институционального политического дискурса, обслуживающего сферу международной и межгосударственной коммуникации, представленной различными форматами общения: коммюнике, международные договоры, переговоры, послания, ноты, заявления, протоколы, резолюции, отчеты международных организаций и др. Целью дипломатического общения является прежде всего урегулирование международных споров, обеспечение интересов государства, достижение безопасности и мира невоенными средствами. В настоящее время в условиях резкого обострения международных отношений между глобальными державами, находящимися в состоянии гибридной войны [Рябова 2024] или ведущими горячие войны и военные конфликты, исследование особенностей успешного достижения международных переговоров становится актуальным как с точки зрения описания

лингвостилистических средств, так и с точки зрения исследования национально-культурной специфики языка дипломатии.

Дипломатический язык представляет собой в общем смысле официальный язык международного общения, который используется в сфере международной коммуникации для достижения определенных политических целей. Соответственно, дипломатический дискурс представляет собой реализацию дипломатического языка в условиях конкретной коммуникативной ситуации международного общения в форме соответствующих текстов, документов и т.д.

Некоторые авторы рассматривают дипломатический язык как разновидность публицистического или документального стиля, т.к. в нем встречаются термины экономического, правового и документального характера [Сун 2024; Akhmetzyanova 2024]. Но часть исследователей относят язык дипломатии

к форме научной коммуникации, т.к. дипломатический дискурс характеризуется такими признаками научного стиля, как определенная сложность, недоступность для посторонних, которая в данном случае обусловлена стремлением участников общения максимально точно раскрыть обсуждаемую проблему, наличие характерных оборотов речи – дискурсивных формул, употребление которых является маркером принадлежности говорящего к научному сообществу, интертекстуальные связи, представленные в виде цитат и ссылок на известные публикации и статьи, элементы полемики и др. [Карасик 2004; Терентий 2015: 178].

Другие ученые отмечают, что дипломатический дискурс семантически относится к сфере политики [Лю 2024; Dijk 2008; Wodak 2015] и поэтому может рассматриваться как политический, т.к. имеет общую систему терминологии и лексики, например: *declaration* (декларация), *resolution* (резолюция), *proposal* (попытка), *termination* (прекращение), *claims* (претензии), *states of belligerency* (состояния войны), *uniting for peace* (единство в пользу мира) [Ламрауи 2018].

В отличие от политического публицистического дискурса, дипломатический характеризуется особым дипломатическим этикетом или протоколом [Черняк 2013], который состоит в соблюдении специфических правил вежливой международной коммуникации, обязательных для всех участников общения [Рябова, Каруковец 2025; Bekulard 2020]. Как отмечает М. Н. Ламрауи, анализ языка русской дипломатии показал необходимость соблюдения правил речевого этикета в общении, т.е. соблюдения международных и национальных традиций в этикетном плане. В дипломатической речи, в официальных беседах, на пресс-конференциях требуется определенная торжественность и строгость. Желательно знать язык партнера, чтобы завоевать его доверие и достичь соглашения по обсуждаемым вопросам [Ламрауи 2018: 16]. Учет основных направлений в описании и анализе дипломатического дискурса будет способствовать более конструктивному формированию лингвокультурного профиля языка дипломатии как важного инструмента создания и поддержания влияния политического авторитета в международных отношениях.

Одной из важных задач для достижения успешности в международной коммуникации является задача выявления и описания национально-культурного

своеобразия дипломатического дискурса, его терминологических номинаций, функционирующих в данном контексте, национальных реалий и крылатых выражений, которые могут быть использованы во время переговоров с целью расшифровки образа иностранного дипломата. Дипломатический документ предполагает правильность написания фамилии и титула адресата. Особого внимания требует воспроизведение сложных имен и фамилий, нельзя допускать их сокращения. Правила написания дипломатических документов имеют жесткую структуру и форму, которую необходимо соблюдать. При написании дипломатического документа следует в первую очередь предугадать контраргументы партнера для защиты интересов страны [Егоров, Слинков 2025; Ламрауи 2018: 17].

Цель данного исследования – определить лингвокультурную специфику и институциональный статус дипломатического дискурса как коммуникативного инструмента политического влияния государства или определенного органа в международном общении, при котором конструируется образ или культурная традиция данной политической силы. Задачи:

- лингвистическое описание текстов дипломатической документации,
- характеристика их структурных признаков,
- лингвостилистический анализ лексикона, терминологии, культурно маркированной лексики,
- описание прагматического функционала текстов, т.е. их воздействия на адресата коммуникации (как конкретных иллокуций в терминологии Дж. Остина),
- выявление социального и политического контекста дипломатических документов,
- определение институционального статуса дискурса.

Методы и материалы

В работе используются методы сплошной выборки (эмпирического материала текстов, представленных на сайте Организации Объединенных Наций (ООН)), лингвостилистического анализа лексики, семантико-синтаксический, прагматический, коммуникативный, жанровый, структурный анализ высказываний и соответствующих им предложений и текстов, сравнительно-сопоставительный метод и метод контекстного анализа.

В качестве материала исследования лингвистического своеобразия дипломатического дискурса

послужили тексты документов и материалов (всего 48 документов), представляющих собой отчеты, резолюции и др., опубликованные на сайте ООН¹.

Результаты

Одним из рабочих документов, который стал объектом данного исследования, является отчет Генерального секретаря ООН «Операция Организации Объединенных Наций на Кипре»². Прежде всего, следует отметить, что структура данного отчета представляет собой четкую и стройную организацию [Матакова 2020], в соответствии с которой содержание композиционно разделяется на смысловые части: Introduction (Введение), Significant Developments (Важные события), Activities of the United Nations Peacekeeping Force in Cyprus (Деятельность Вооруженных сил Организации Объединенных Наций по поддержанию мира на Кипре), Committee on Missing Persons in Cyprus (Комитет по вопросу о пропавших без вести лицах на Кипре), Observations (Замечания), Annex (Приложение). При этом каждая из частей содержит подразделы, снабженные соответствующим номером. Данная структура сближает указанный текст со стилистикой деловой научной документации.

Стилевая черта научного дискурса проявляется и в том, что в тексте данного отчета приводятся иллюстрации в виде рисунков и схем, например: *Figure I. Number of incidents in the buffer zone* (Рисунок I. Число инцидентов в буферной зоне); *Figure II. Number of military violations* (Рисунок II. Число военных нарушений); *Figure III. Number of information exchanges in the Joint Contact Rooms* (Рисунок III. Число случаев обмена информацией в рамках объединенных центров связи). Также имеется приложение в виде карты Кипра с указанием контингента военного присутствия различных государств.

Признаком собственно дипломатического дискурса служит соответствующая терминология, которая отражает номинации международной политики и международных отношений, такие как:

- названия государств: *Greece* (Греция), *Cyprus* (Кипр), *Republic of Cyprus* (Республика Кипр), *Slovakia* (Словакия), *Lebanon* (Ливан), *Syrian Arab Republic* (Сирийская Арабская Республика) и др.;
- названия международных организаций: *United Nations Peacekeeping Force* (Вооруженные силы Организации Объединенных Наций по поддержанию мира), *the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees in Cyprus* (Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев на Кипре), *the Security Council* (Совет Безопасности), *the United Nations* (Организация Объединенных Наций), *the Aliens and Immigration Unit of the Greek Cypriot police* (Подразделение по делам иностранцев и иммиграционным вопросам кипрско-греческой полиции), *the Technical Committee on Crime and Criminal Matters* (Технический комитет по вопросам преступности и уголовным вопросам), *Greek Cypriot and Turkish Cypriot non-governmental organizations* (Неправительственные организации киприотов-греков и киприотов-турок), *United Nations Youth Champions for Environment and Peace Programme* (Программа «Молодежные активисты Организации Объединенных Наций в защиту окружающей среды и мира»), *the Fashion Heritage Network of Cyprus* (Сеть модного наследия Кипра), *The European Commission* (Европейская комиссия), *Greek Cypriot and Turkish Cypriot political parties* (Политические партии киприотов-греков и киприотов-турок) и др.;
- акронимы: *UNFICYP* (ВСООНК) – *United Nations Peacekeeping Force in Cyprus* (Вооруженные силы Организации Объединенных Наций по поддержанию мира на Кипре), *UNHCR* (УВКБ ООН) – *United Nations High Commissioner for Refugees* (Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев), *COVID-19* (пандемия коронавирусного заболевания);
- термины, обозначающие названия органов государственного управления, полиции и других официальных служб: *the Special Representative of the Secretary-General and Deputy Special Adviser* (Специальный представитель Генерального секретаря и заместитель Специального советника), *the Office of the United Nations High*

¹ United Nations. Security Council. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/content/reports-submitted-transmitted-secretary-general-security-council-2025> (accessed 19 May 2025).

² United Nations operation in Cyprus. Report of the Secretary-General. *Security Council*. 3 Jan 2025. URL: <https://docs.un.org/en/s/2025/6> (accessed 19 May 2025).

Commissioner for Refugees (Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев), *the Greek Cypriot immigration police unit* (Кипрско-греческая иммиграционная полиция), *Turkish Cypriot police* (Кипрско-турецкая полиция), *the Council of Ministers* (Совет министров), *the Turkish Forces* (Турецкие силы), *the Government of Türkiye* (правительство Турции), *Turkish Cypriot security forces* (Кипрско-турецкие силы безопасности), *the National Guard* (Национальная гвардия), *Republic of Cyprus authorities* (Власти Республики Кипр), *the Force Commander and Military Chief of Staff levels* (Командующий Силами и начальник военного штаба), *the Secretary-General* (Генеральный секретарь), *the Minister of Foreign Affairs of the Republic of Cyprus* (Министр иностранных дел Республики Кипр) и др.;

- специальная терминология, отражающая действия и политику данных органов: *Security Council resolution 186* (1964) (резолюция 186 (1964) Совета Безопасности), *the strength of the military component* (численность военного компонента операции), *global peace operations target* (общий целевой показатель), *military violations on both sides persisted* (с обеих сторон продолжались военные нарушения), *in the buffer zone through repeated incursions* (в буферной зоне, неоднократно вторгаясь), *to deny them access to asylum procedures* (отказать просителям убежища в доступе к процедурам предоставления убежища), *to provide emergency humanitarian support* (оказать экстренную гуманитарную помощь), *reception and accommodation centres* (центры приема и размещения), *preventive efforts* (превентивные усилия), *through liaison and engagement* (заклучавшиеся в поддержании связи и взаимодействия), *to foster connections between actors across the island* (укреплять связи между субъектами с разных сторон острова) и др.

Интертекстуальность дипломатического дискурса, представленного текстом отчета, иллюстрируется отсылками на соответствующие резолюции и постановления:

- *Security Council resolution 186* (1964) – резолюция 186 (1964) Совета Безопасности;
- *the reports of the Secretary-General dated 5 July 2024 on UNFICYP* (S/2024/527) – доклады

Генерального секретаря о ВСООНК от 5 июля 2024 года (S/2024/527);

- *More details are provided in the report of the Secretary-General on his mission of good offices in Cyprus* (S/2025/7) – Более подробная информация по этому вопросу содержится в докладе Генерального секретаря о его миссии добрых услуг на Кипре (S/2025/7);
- *the implementation of Security Council resolution 2723* (2024) – выполнение резолюции 2723 (2024) Совета Безопасности;
- *Representatives of Greek Cypriot and Turkish Cypriot political parties held monthly meetings under the auspices of the Embassy of Slovakia* (see the report of the Secretary-General on his mission of good offices in Cyprus (S/2025/7) for more information) – Представители политических партий киприотов-греков и киприотов-турок продолжали проводить ежемесячные совещания под эгидой посольства Словакии (подробнее об этом см. в докладе Генерального секретаря о его миссии добрых услуг на Кипре (S/2025/7)) и др.

Важнейшим атрибутом дипломатического дискурса является его ориентированность на сообщение определенной информации, причем эта информация должна быть достоверной, на которую можно положиться [Попов 2022]. Как указывает Л. М. Терентий, правдивость считается первой добродетелью дипломата, причем правдивость заключается в стремлении не скрывать истину [Терентий 2015: 182]. Достоверность сообщаемой информации, т.е. ее верифицируемость, проявляется в тексте дипломатического документа в наличии статистических данных, представленных в виде указаний на точное количество тех или иных явлений, участников, событий и т.д. Например:

- *As at 11 December 2024, the strength of the military component stood at 800 (683 men and 117 women, or 14.6 per cent women for all ranks), compared with the global peace operations target of 12 per cent women by 2025, while that of the police component stood at 69 (38 men and 31 women, or 44 per cent women compared with the overall global target for the year 2025 of 25 per cent women)* (see annex) – По состоянию на 11 декабря 2024 г. численность военного компонента операции составляла 800 военнослужащих (683 мужчины и 117 женщин, то есть 14,6 процента женщин всех званий, при общем целевом показателе доли женщин

в миротворческих операциях 12 процентов к 2025 г.), а численность полицейского компонента – 69 человек (38 мужчин и 31 женщина, то есть 44 процента женщин, при общем целевом показателе доли женщин 25 процентов на 2025 г.) (см. приложение).

- *From 13 June to 30 November, the mission observed 227 military violations, 118 by the Turkish Forces and 109 by the National Guard. While the number of violations decreased overall, unauthorized military constructions increased and represented 57 per cent of violations as both sides continued to reinforce and enhance their military and security infrastructure* – В период с 13 июня по 30 ноября миссия зафиксировала 227 военных нарушений, 118 из которых совершили турецкие войска, а 109 – Национальная гвардия. В то время как число нарушений в целом сократилось, несанкционированное возведение военных сооружений возросло и составило 57 процентов нарушений, т.к. обе стороны продолжали укреплять и наращивать свою военную инфраструктуру и инфраструктуру безопасности.

Другой важной чертой дипломатического языка является значительное количество заимствований и интернационализмов, т.е. лексики, имеющей латино-греческое происхождение и функционирующей в различных языках в одинаковой форме, например: *maintenance of the military status quo* (поддержание военного статус-кво), *aide-memoire* (памятная записка) и др.

С точки зрения прагматического функционала дискурс отчета Генерального секретаря ООН представляет собой характерный набор иллокуций [Остин 1986], т.е. высказываний, прагматический потенциал которых характеризуется следующими речевыми действиями:

Констативами, с помощью которых дается описание событий и фактов международного конфликта на территории Кипра:

- *The present report on the United Nations Peacekeeping Force in Cyprus (UNFICYP) covers developments...* – Настоящий доклад о Вооруженных силах Организации Объединенных Наций по поддержанию мира на Кипре (ВСООНК) **охватывает** события...;
- *More details are provided in the report of the Secretary-General...* – **Более подробная**

информация по этому вопросу содержится в докладе Генерального секретаря...;

- *In Varosha, no steps were taken to address the call made by the Security Council...* – В Вароше **не было предпринято никаких шагов в ответ** на содержащийся в резолюции 2723 (2024) Совета Безопасности призыв...;
- *From 13 June to 30 November, the mission observed 227 military violations...* – В период с 13 июня по 30 ноября миссия **зафиксировала**...;
- *The mission continued to observe the disguising of military positions within civilian structures by the Greek Cypriots* – Миссия **продолжала наблюдать** за тем, как киприоты-греки скрытно оборудуют военные позиции в гражданских строениях.

Перформативами, класс которых включает, согласно номенклатуре Дж. Остина, следующие группы:

1. **Вердиктивы**, выражающие оценку, мнение или одобрение положения дел или факта:

- *I note that little concrete progress was made by the sides to halt the militarization and to reverse their actions in and around the buffer zone. The ongoing and large-scale installation of military-grade surveillance equipment, the mission's protests and engagements notwithstanding, indicates a concerning disregard for maintaining a stable status quo in the buffer zone* – **Я отмечаю, что стороны не добились значительного конкретного прогресса** в прекращении милитаризации и отмены действий, принятых ими в буферной зоне и вокруг нее. Продолжающаяся широкомасштабная установка военных средств наблюдения, несмотря на протесты и обращения миссии, **свидетельствует о вызывающем обеспокоенность пренебрежении** сохранением стабильного статус-кво в буферной зоне;
- *I welcome the fact that all individuals stranded in the buffer zone over the course of six months have finally been accepted into the asylum procedures of the Republic of Cyprus and provided access to reception centres. However, I regret the continued forcible pushbacks of asylum-seekers into the buffer zone by Republic of Cyprus authorities* – **Я с удовлетворением отмечаю**, что всем лицам, оказавшимся в буферной зоне в течение шести месяцев, в итоге был предоставлен доступ

к процедурам получения убежища в Республике Кипр и к центрам приема. Вместе с тем **я с сожалением отмечаю** насильственное вытеснение просителей убежища в буферную зону властями Республики Кипр.

2. **Экзерситивы**, которые являются осуществлением власти, прав или влияния, например:

- *I further recall the Council's decisions related to Varosha, notably in its resolutions 550 (1984) and 789 (1992), and the importance of adhering fully to those resolutions, underscoring that the position of the United Nations on this matter remains unchanged* – Кроме того, я **напоминаю** о решениях Совета, касающихся Вароши, прежде всего о резолюциях 550 (1984) и 789 (1992), и о важности полного соблюдения этих резолюций и подчеркиваю, что позиция Организации Объединенных Наций по этому вопросу остается неизменной);
- *I also deplore the restrictions on the freedom of movement of UNFICYP imposed in the area and elsewhere, as in Strovolia, and reiterate my expectation that the ability of the mission to patrol and implement its mandated activities will be restored in full* – Я **также осуждаю** ограничения свободы передвижения ВСООНК в этом районе и других местах, например в Стровилии, и **вновь выражаю** надежду на то, что миссии будет полностью возвращена возможность патрулировать и полностью осуществлять предусмотренную ее мандатом деятельность;
- *Considering the continued contribution of UNFICYP to peace and stability and to the creation of conditions conducive to a political settlement, I recommend that the Security Council extend the mandate of the mission for 12 months, until 31 January 2026* – Учитывая неизменный вклад ВСООНК в дело мира и стабильности и в создание условий, способствующих политическому урегулированию, я **рекомендую** Совету Безопасности продлить мандат миссии на 12 месяцев, до 31 января 2026 года.

3. **Комиссивы**, речевые действия, которые представляют собой обещания или другие обязательства, например:

- *I recall that the mandate provided by the Council to UNFICYP is not limited to the buffer zone but, rather, extends to the entire island* – Напоминаю,

что мандат, предоставленный Советом ВСООНК, не ограничивается буферной зоной, а распространяется на весь остров;

- *UNFICYP remains committed to the preservation and implementation of the understanding – ВСООНК по-прежнему привержены сохранению достигнутого взаимопонимания и реализации согласованных положений;*
- *I call upon community leaders and local authorities to work with their communities to abide with the rules and regulations of the buffer zone* – Я призываю лидеров сообществ и местные власти убеждать население соблюдать правила и положения, касающиеся буферной зоны.

4. **Бехабитивы**, речевые действия, которые представляют собой поведенческие акты – извинения, поздравления, благодарности, похвала и др.:

- *I would like to thank the partners, in particular the European Commission, that have provided support for the work of both United Nations missions in Cyprus, the United Nations Development Programme and the Committee on Missing Persons in Cyprus, and that have contributed to the implementation of important confidence-building measures* – Я **хотел бы поблагодарить** партнеров, в частности Европейскую комиссию, которые поддерживают деятельность обеих миссий Организации Объединенных Наций на Кипре, Программы развития Организации Объединенных Наций и Комитета по вопросу о пропавших без вести лицах на Кипре, а также содействуют важным мерам по укреплению доверия.

5. **Экспозитивы**, выражающие речевое действие – высказывание как таковое, например:

- *I also note that one year has passed since an understanding regarding arrangements for the Pyla / Pile plateau was reached* – Я **также отмечаю**, что прошел год с тех пор, как было достигнуто взаимопонимание относительно договоренностей по плато Пила / Пиле;
- *I also ask the Republic of Cyprus to provide more support to the mission to prevent dangerous and unauthorized civilian practices in the buffer zone* – Я **также прошу** Республику Кипр оказывать миссии больше поддержки для предотвращения опасных и несанкционированных действий гражданских лиц в буферной зоне;

- *I note that little concrete progress was made by the sides to halt the militarization and to reverse their actions in and around the buffer zone* – Я **отмечаю**, что стороны не добились значительного конкретного прогресса в прекращении милитаризации и отмены действий, предпринятых ими в буферной зоне и вокруг нее.

Следует отметить, что констативы содержатся в констатирующей части отчета, дающей описание сложившейся ситуации в целом, характеризующей условия и причины возникновения конфликта. Перформативные высказывания присутствуют в заключительной части отчета, озаглавленной *VII. Observations* (Замечания), где перечисляются необходимые шаги и действия, которые должны быть направлены на разрешение конфликта.

Если описывать документ доклада Генерального секретаря ООН «Операция Организации Объединенных Наций на Кипре», можно заключить, что текст этого доклада лишен каких-либо признаков лингвокультурной специфики в силу того, что он предназначен для широких политических кругов, имеет жесткую структуру и форму и соответствует дипломатическому протоколу и стилю изложения.

Другим рабочим документом ООН является резолюция 2776 (2025) Совета безопасности ООН «Мир и безопасность в Африке»³. В первую очередь, необходимо отметить, что, как и отчет, резолюция обладает высокой степенью структурированности. Ее содержание представлено в двух частях: преамбуле (*Resolution 2776 (2025) Adopted by the Security Council at its 9872nd meeting, on 3 March 2025* – Резолюция 2776 (2025), принятая Советом Безопасности на его 9872-м заседании 3 марта 2025 г.) и постановляющих положениях (резюлютивная часть) (*Degrading the threat posed by Al-Shabaab, and the Arms Embargo targeting Al-Shabaab* – Ослабление угрозы, исходящей от «Аш-Шабааб»⁴, и оружейное эмбарго в отношении «Аш-Шабааб»); *A. Targeted sanctions* – А. Адресные санкции; *B. Arms embargo targeting Al-Shabaab* – В. Оружейное эмбарго в отношении «Аш-Шабааб»; *C. Disrupting Al-Shabaab's finances* – С. Подрыв финансовых

операций «Аш-Шабааб»; *D. Charcoal Ban* – D. Запрет на торговлю древесным углем; *E. Reducing the threat posed by Improvised Explosive Devices (IEDs)* – E. Снижение угрозы, создаваемой самодельными взрывными устройствами; *F. Maritime interdiction and maritime domain awareness* – F. Пресечение незаконной деятельности на море и осведомленность об обстановке на море; *G. Panel of Experts and Security Council Committee* – G. Группа экспертов и Комитет Совета Безопасности; *H. Preventing Al-Shabaab from accessing weapons, ammunition and military equipment* – H. Пресечение доступа «Аш-Шабааб» к оружию, боеприпасам и военному имуществу; *I. Reporting* – I. Отчетность) [Rafalovitch, Dale 2009]. Кроме того, обязательным элементом всех резолюций является приложение (*Annex*). В данном документе оно содержит список предметов, на которые распространяется процедура отсутствия возражений, и компонентов самодельных взрывных устройств.

Следует отдельно выделить особенность синтаксиса предложений в тексте данной резолюции. Согласно мнению А. А. Абдуллаева, текст резолюции – это предложение-текст, сложные мысли в нем выражаются простыми предложениями, осложненными причастными оборотами или инфинитивами [Абдуллаев 2011]. В преамбуле, как правило, употребляются причастные обороты: *reaffirming* (вновь заявляя), *commending* (высоко оценивая), *stressing* (особо отмечая), *recognising* (признавая); в резолютивной части – глагол в форме настоящего времени: *calls upon* (призывает), *reaffirms* (подтверждает), *decides* (постановляет).

В. В. Калюжная считает, что вышеупомянутые функциональные и синтаксические особенности текста резолюции сближают его с текстами официально-делового стиля, имеющего строгую систему композиционной организации текста [Калюжная 1982].

Отличительной чертой стиля дипломатического дискурса является терминологический аппарат резолюции. Он включает в себя следующие группы лексических единиц:

1. Названия уполномоченных органов и их акронимы: *Somalia's Federal Member States (FMS)* (Члены федерации Сомали); *the Government of the Federal*

³ Resolution 2776 (2025). Adopted by the Security Council at its 9872nd meeting, on 3 March 2025. Security Council. 3 Mar 2025. URL: [https://docs.un.org/en/S/RES/2776\(2025\)](https://docs.un.org/en/S/RES/2776(2025)) (accessed 19 May 2025).

⁴ Верховный суд Российской Федерации признал организацию «Аш-Шабааб» террористической, ее деятельность в Российской Федерации официально запрещена.

Republic of Somalia (GFRS) (Правительство Федеративной Республики Сомали); *the United Nations Transitional Assistance Mission in Somalia (UNTMIS)* (Переходная миссия Организации Объединенных Наций по содействию Сомали (ЮНТМИС)); *the African Union Support and Stabilisation Mission in Somalia (AUSSOM)* (Миссия Африканского союза по поддержке и стабилизации в Сомали (МАСПСС)); *the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC)* (Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН)); *the Central Monitoring Department (CMD)* (Департамент централизованного контроля (ДЦК)).

2. Термины, передающие специфику работы этих органов: *to finalise the establishment of a centralised licensing authority* (завершить работу по созданию органа централизованной регистрации оружия); *to register all weapons, ammunition and military equipment* (регистрировать все оружие, боеприпасы и военное имущество); *to implement the draft* (реализовать проект); *to encourage continued cooperation at the regional and international level to address the threat* (призывать к дальнейшему сотрудничеству на региональном и международном уровнях для устранения угрозы); *to strengthen supervision of, and compliance with, regulations and standards across financial institutions* (усилить надзор за соблюдением положений и стандартов финансовыми учреждениями); *to seek feedback* (запрашивать замечания).

3. Иллокуции, среди которых преобладают перформативы, а именно экзерситивы, комиссивы, бегахитивы и экспозитивы соответственно:

- **Calling for compliance with international law...** – **Призывая** к соблюдению международного права...;
- **Strongly encouraging Member States to work with the GFRS to prevent Al-Shabaab from using social media platforms for criminal purposes and to counter terrorist propaganda...** – **Решительно призывая** государства-члены сотрудничать с правительством Федеративной Республики Сомали в целях недопущения использования боевиками «Аш-Шабааб» платформ социальных сетей в преступных целях и противодействия террористической пропаганде...;
- **Welcoming the progress made by the GFRS in developing the firearms bill...** – **Приветствуя** прогресс, достигнутый правительством

Федеративной Республики Сомали в подготовке законопроекта...;

- **Expressing grave concern that Al-Shabaab continues to pose a serious threat to the peace, security and stability of Somalia and the region...** – **Выражая** глубокую обеспокоенность по поводу того, что «Аш-Шабааб» продолжает представлять серьезную угрозу миру, безопасности и стабильности в Сомали и регионе...

Вместе с чертами официально-делового стиля в резолюции ООН обнаруживаются черты научной деловой коммуникации. Прежде всего, это интертекстуальность. В тексте резолюции она представлена отсылками к ранее принятым резолюциям и отчетам по смежной тематике: *in paragraph 11 of resolution 2444 (2018) and paragraph 26 of resolution 2713 (2023)* (в пункте 11 резолюции 2444 (2018) и пункте 26 резолюции 2713 (2023)); *in the resolution 2713 (2023) (Panel), including in its final report (S/2024/748)* (в резолюции 2713 (2023) (Группа), в том числе в ее заключительном докладе (S/2024/748)); *the 2024 Report of the Secretary-General on Children and Armed Conflict (S/2024/384)* (доклад Генерального секретаря по вопросу о детях и вооруженных конфликтах за 2024 год (S/2024/384)); *reports of 1 September 2022 (S/2022/754) and 25 August 2023 (S/2023/724)* (доклады от 1 сентября 2022 года (S/2022/754) и доклады от 25 августа 2023 года (S/2023/724)); *the Charter of the United Nations* (Устав Организации Объединенных Наций) и др.

Другой чертой научного стиля является специальная лексика. В проанализированной резолюции речь идет о безопасности в Африке, в особенности Сомали, стране, находящейся под угрозой нападения запрещенной в России исламистской группировки «Аш-Шабааб». Соответственно, в тексте присутствуют термины, обозначающие различные виды оружия и взрывчатых веществ: *Man-Portable Air-Defence Systems (MANPADS)* (переносные зенитные ракетные комплексы (ПЗРК)); *non-lethal military equipment* (несмертоносное военное имущество); *anti-tank rocket launchers* (противотанковые ракетные комплексы); *lot / batch* (номер партии); *serial numbers* (серийные номера); *ammunition* (боеприпасы); *nitroglycol* (нитрогликоль); *potassium nitrate* (азотнокислый калий) и др.

Следует сделать вывод, что резолюция, являясь текстом дипломатической коммуникации, совмещает в себе черты как официально-делового, так и научного стиля. В рамках этих двух стилей

выявление национально-культурного своеобразия дипломатического дискурса представляется сложной задачей. Тем не менее, в отличие от текста отчета, в резолюции можно обнаружить скрытые признаки лингвокультурной специфики.

Национально-культурный компонент резолюции раскрывается в ее терминологическом аппарате. По мнению И. А. Самедовой, употребление лексических единиц, передающих культурные оттенки значений, ограничено [Самедова 2013]. Как было отмечено выше, причиной этому является унификация дипломатической коммуникации согласно международным протоколам и ее ориентация на широкий политический круг. Обычно лингвокультурный компонент находит свое отражение в названиях организаций (*Al-Shabaab* (Аш-Шабааб), *ISIL / Da'esh* (ИГИЛ (ДАИШ)⁵), которые заимствованы из других языков, поскольку они не имеют эквивалентов в английском языке. Ср.:

- *Expressing grave concern that Al-Shabaab continues to pose a serious threat to the peace, security and stability of Somalia and the region, and further expressing concern about the continued presence in Somalia of affiliates linked to ISIL/Da'esh* – Выражая глубокую обеспокоенность по поводу того, что «Аш-Шабааб» продолжает представлять серьезную угрозу миру, безопасности и стабильности в Сомали и регионе, и выражая также обеспокоенность по поводу сохраняющегося присутствия в Сомали организаций, связанных с ИГИЛ (ДАИШ).

Итак, на основании проанализированных рабочих документов ООН можно сделать вывод о низкой представленности лингвокультурных компонентов в текстах документов ООН, что соответствует требованиям международной дипломатической коммуникации.

Помимо рабочих документов ООН, были проанализированы тексты документов, предназначенные для СМИ и широкой мировой общественности. Они не входят в перечень официальных документов, поэтому характеризуются меньшей степенью стандартизованности и большей степенью

культурологической наполненности и эмотивности. К ним относятся тексты пресс-релизов, пресс-конференций и брифингов, опубликованные на сайте ООН. Наиболее показательным документом для исследования лингвокультурного аспекта является текст брифинга Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша *Мы должны направить наши коллективные усилия на ускорение, чтобы достичь целей Парижского соглашения*⁶.

В период усиления конфликтности дипломатического дискурса пресс-брифинг становится важным инструментом международной коммуникации, информирования общественности и формирования имиджа [Bhatia 2006]. По мнению Е. Л. Загайновой и И. Г. Ищенко, брифинг представляет собой форму устной коммуникации между политическими деятелями и журналистами, результаты которой отражаются в отчете, или брифе [Загайнова, Ищенко 2017]. Согласно М. С. Фирстову, брифинг можно отнести к ораторскому гиперстилю дипломатического дискурса. Как следствие, в нем прослеживается традиционная связь с разговорно-бытовым стилем [Фирстов 2014]. В особенности предполагается употребление разговорной лексики и лингвокультурных компонентов (фразеологических оборотов, неологизмов), что обусловлено желанием оратора оказать на аудиторию эмоциональное воздействие. Следовательно, брифинг выполняет функцию информирования и оценивания.

Текст брифинга Генерального секретаря ООН отличается объемом, структурой и функциями от вышеупомянутых документов, отчета и резолюции. По объему он не превышает двух страниц и состоит из двух частей: введения, или лид-абзаца, в котором кратко сообщается основная тема (*Following is UN Secretary-General António Guterres' briefing to the General Assembly meeting on the priorities of the Organization for 2025* – Ниже приводится брифинг Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша после заседания Генеральной Ассамблеи, посвященного рассмотрению приоритетов на 2025 год⁷), и содержательной части, которая представляет собой прямую речь (*Let me begin by wishing you and your families a very happy and healthy 2025.*

⁵ По решению Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424С ДАИШ признана террористической организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 19.05.2025).

⁶ We Must 'Shift Our Collective Efforts into Overdrive, Deliver on Goals of Paris Agreement', Says Secretary-General, Outlining 2025 Priorities. *United Nations*. SG/SM/22522. 15 Jan 2025. URL: <https://press.un.org/en/2025/sgsm22522.doc.htm> (accessed 19 May 2025).

⁷ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

Let's start with the good news – Позвольте мне прежде всего пожелать вам и вашим семьям счастливого и здорового 2025 года. Давайте начнем с хороших новостей).

Стоит отметить относительно небольшое количество канцеляризмов и собственно дипломатических терминов в языке текста брифинга:

- *Meanwhile, the ceasefire in Lebanon is largely holding and the country was finally able to elect a president after over two years of stalemate* – Пока в Ливане соблюдается режим прекращения огня, был избран президент после более чем двухлетнего его отсутствия.

В большинстве своем используется нейтральная лексика:

- *On the climate front, the world now invests almost twice as much in clean energy as it does in fossil fuels. And almost everywhere, solar and wind are now the cheapest sources of new electricity – and the fastest growing in history* – Что касается изменения климата, то в настоящее время мир инвестирует в экологически чистую энергию почти в два раза больше, чем в ископаемое топливо. Сегодня в большинстве стран мира энергия солнца и ветра является самым дешевым и самым быстро развивающимся новым источником электроэнергии в истории.

Среди иллокуций в основном присутствуют констативы, описывающие ситуацию на международной арене (*In Iran, will we see concrete actions to ensure a clear renunciation of any nuclear weapons programme...* – **Примет** ли Иран конкретные действия, направленные на прекращение любых программ по созданию ядерного оружия...), и перформативы, а именно комиссивы, выражающие обещания и обязательства (*It calls on donors to meet official development assistance (ODA) commitments and for the private sector to invest in sustainable development* – Мы **призываем** страны-доноры выполнять свои обязательства по предоставлению официальной помощи в целях развития (ОПР), а частный сектор – инвестировать в устойчивое развитие).

Таким образом, для текста брифинга как жанра дипломатического дискурса характерно, в частности, отсутствие жесткой композиционной структуры, наличие эмоционально окрашенной лексики и меньшая степень унифицированности содержания,

что обуславливает появление в тексте брифинга лингвокультурных компонентов.

Одним из таких компонентов являются фразеологизмы. Они отражают культурные ценности той или иной страны и способствуют более точному и лаконичному описанию действительности. Так, в тексте брифинга встречаются следующие фразеологизмы:

- *to unleash a modern-day Pandora's box of ills* (открыть ящик Пандоры): *Our actions or inactions have unleashed a modern-day Pandora's box of ills* – Наши действия – или наше бездействие – открыли современный ящик Пандоры;
- *to reinvent the wheel* (изобретать колесо): *The good news is that we have the plans to tackle these challenges. We don't need to reinvent the wheel. We need to get the wheel moving* – Хорошей новостью является то, что у нас есть план решения этих проблем. Нам не нужно изобретать велосипед. Нам нужно привести его в движение;
- *to add fuel to the fire* (добавить масла в огонь): *Deepening geopolitical divisions and mistrust are adding fuel to the fire* – Углубляющиеся геополитические разногласия и недоверие между странами только подливают масла в огонь;
- *to be a beacon of different faiths* (быть примером): *In Syria, after years of bloodshed, will we see a country that can finally be a beacon of different faiths, traditions and communities shaping an inclusive, free and peaceful future as we continue to do everything to support?* – Увидим ли мы, как Сирия после многих лет кровопролития становится страной-маяком для различных конфессий и сообществ, формирующих инклюзивное, свободное и мирное будущее, если продолжим его поддерживать?

Важно подчеркнуть тот факт, что лингвокультурный компонент этих фразеологизмов имплицитирован. Чтобы его извлечь, необходимо знать их этимологию.

Еще одним лингвокультурным компонентом являются неологизмы. Как правило, их культурный компонент эксплицитирован по сравнению с фразеологическими единицами, они встречаются реже, но их воздействие на реципиента сильнее:

- *Speakers in the Security Council today warned of the expansion of illegal settlements in the West Bank and its "Gazafication" amid Israel's ongoing counter-terrorism operations,*

which its representative described as efforts to dismantle Iran's terror networks – В Совете Безопасности предупредили о расширении незаконных поселений на Западном берегу и его «газаификации» на фоне продолжающихся контртеррористических операций Израиля, которые его представитель охарактеризовал как усилия по ликвидации «террористических сетей» в Иране.

В данном предложении наглядно продемонстрировано употребление неологизма *Gazafication*, который произошел от названия города Газа. Под этим неологизмом понимается процесс захвата израильскими боевиками территорий, принадлежавших сектору Газа.

Заключение

Дипломатический дискурс может быть представлен текстами различных жанров. Официальные рабочие документы Организации Объединенных Наций, такие как отчет и резолюция, можно отнести к официально-деловому стилю, которые в то же время обладают чертами научного стиля. Они характеризуются строгой структурной организацией, определенным терминологическим аппаратом, большим количеством канцеляризмов, точностью изложения мысли, исключающей проникновение лингвокультурного и эмотивного компонентов. Документы, предназначенные для СМИ и широкой мировой общественности, напротив, относятся к ораторскому стилю дипломатического дискурса и демонстрируют гибкость структуры и формы изложения, а также использование разговорной, эмоционально окрашенной и культурно-специфической лексики.

Проведенное исследование текстов официальных документов Организации Объединенных Наций позволило предложить следующее определение понятия *дипломатический дискурс* –

это институциональный дискурс политической международной коммуникации, совмещающий признаки официально-деловой, научной и медийной коммуникации. Дифференцирующими признаками дипломатического дискурса являются четкая структурная организация, наличие терминологического аппарата (политического, военного, дипломатического, медийного и др.), интертекстуальность, точность формулировок, слабая выраженность лингвокультурного и эмотивного компонентов, наличие официально-деловых клише и оборотов, свойственных деловой коммуникации, практическая немаркированность лингвокультурной специфики. Прагматическая семантика текстов дипломатической документации в основном представлена речевыми актами – констативами и перформативами, которые, с одной стороны, репрезентируют определенное положение дел в мире, с другой стороны, предписывают конкретные действия по изменению или закреплению сложившегося мироустройства.

Перспектива дальнейшего изучения проблемы видится в описании других жанров и форм дипломатического дискурса, например дискурса цифровой медийной дипломатии, которая становится все более актуальной в современном мире.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

- Абдуллаев А. А. Актуальное членение, текст и дискурс. Баку: Зардаби, 2011. 272 с. [Abdullaev A. A. *Actual linking, text, and discourse*. Baku: Zardabi, 2011, 272. (In Russ.)]
- Егоров В. П., Слиньков А. В. Дипломатический протокол и этикет. 4-е изд, стер. СПб.: Лань, 2025. 204 с. [Egorov V. P., Slinkov A. V. *Diplomatic protocol and etiquette*. 4th ed. St. Petersburg: Lan, 2025, 204. (In Russ.)]
- Загайнова Е. Л., Ищенко И. Г. Использование специальной лексики в американском дипломатическом дискурсе (на материале брифингов Государственного департамента США). *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 78. С. 165–169. [Zagainova E. L., Ishchenko I. G. Special

- lexis in American diplomatic discourse in the press briefings published by the U.S. State Department. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2017, (78): 165–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znhvcv>
- Калужная В. В. Стиль англоязычных документов международных организаций. Киев: Наук. думка, 1982. 122 с. [Kalyuzhnaya V. V. *Style of English documents of international organizations*. Kiev: Nauk. Dumka, 1982, 122. (In Russ.)]
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с. [Karasik V. I. *Linguistic circle: Personality, concepts, and discourse*. Moscow: Gnozis, 2004, 390. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqwtkl>
- Ламрауи М. Н. Особенности языка русской дипломатии. *Вестник магистратуры*. 2018. № 3-1. С. 15–18. [Lamraui M. N. Peculiarities of the language of Russian diplomacy. *Vestnik magistratury*, 2018, (3-1): 15–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ahiiyb>
- Лю С. Механизмы кросс-культурной коммуникации на базе китайской культурной традиции в современном китайском дипломатическом дискурсе. *Политическая лингвистика*. 2024. № 6. С. 216–222. [Liu X. The mechanisms of cross-cultural communication on the basis of the Chinese cultural tradition in contemporary Chinese diplomatic discourse. *Political Linguistics*, 2024, (6): 216–222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xkfnsj>
- Матакова М. В. Жанровые особенности текстов выступлений в ООН. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2020. № 8. С. 191–203. [Matakova M. V. Genres of public speech at United Nations. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2020, (8): 191–203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qfrnpo>
- Остин Дж. Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов*, ред. Б. Ю. Городецкий. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129. [Austin J. Word as action. *New in foreign linguistics. Iss. 17. Theory of speech acts*, ed. Gorodetskiy B. Yu. Moscow: Progress, 1986, 22–129. (In Russ.)]
- Попов В. И. Современная дипломатия: Теория и практика. Дипломатия – наука и искусство. 3-е изд. М.: Междунар. отношения, 2022. 576 с. [Popov V. I. *Contemporary diplomacy: Theory and practice. Diplomacy as an art and science*. 3th ed. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2022, 576. (In Russ.)]
- Рябова М. Ю. Концепт «гибридная война» в современном русскоязычном медиадискурсе. *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. 2024. № 8. С. 330–335. [Ryabova M. Yu. The concept of "hybrid warfare" in modern Russian media discourse. *Dinamika iazykovykh i kulturnykh protsessov v sovremennoi Rossii*, 2024, (8): 330–335. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vlrzgc>
- Рябова М. Ю., Каруковец Н. С. Речевой этикет в дискурсе дипломатической коммуникации (на материале текста речи министра иностранных дел Великобритании). *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 2025. Т. 18. № 3. С. 928–932. [Ryabova M. Yu., Karukovets N. S. Speech etiquette in the discourse of diplomatic communication (based on the British Foreign Secretary's speech). *Philology. Theory & Practice*, 2025, 18(3): 928–932. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20250132>
- Самедова И. А. Функционально-стилистический анализ англоязычных текстов резолюций Совета Безопасности ООН (на примере резолюций 853, 874 и 884). *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 2013. № 4-2. С. 167–170. [Samedova I. A. Functional-stylistic analysis of English-language texts of UN Security Council resolutions (by the example of resolutions 853, 874 and 884). *Philology. Theory & Practice*, 2013, (4-2): 167–170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxsmcj>
- Сун С. Когнитивно-прагматические аспекты дипломатического дискурса и конструирования имиджа страны в эпоху цифровизации. *Политическая лингвистика*. 2024. № 5. С. 303–309. [Song X. Cognitive-pragmatic aspects of diplomatic discourse and the construction of national image in the era of digitalization. *Political Linguistics*, 2024, (5): 303–309. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hfzrlq>
- Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма научной коммуникации. *Вопросы психолингвистики*. 2015. № 24. С. 176–185. [Terentiy L. M. Diplomatic discourse as a specific form of scientific communication. *Journal of Psycholinguistics*, 2015, (24): 176–185. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txixer>
- Фирстов М. С. Ораторский гиперстиль в системе функциональных стилей. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2014. № 8. С. 89–97. [Firstov M. S. Oratorical hyperstyle in the system

- of functional styles. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2014, (8): 89–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgerop>
- Черняк Л. Ю. К вопросу о природе дипломатического этикета. *Сибирский юридический вестник*. 2013. № 4. С. 136–143. [Chernyak L. Yu. Nature of diplomatic etiquette. *Sibirskii iuridicheskii vestnik*, 2013, (4): 136–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ruzhdh>
- Akhmetzyanova P. A. British political discourse: Strategies and tactics of mitigation in debates. *Political Linguistics*, 2024, (6): 35–41. <https://elibrary.ru/odguuj>
- Bekulard B. Etiquette, diplomatic protocol and savoir-vivre as the code of conduct for police officers. *Internal Scrutiny*, 2020, 12(2): 287–300. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0014.6701>
- Bhatia A. Critical discourse analysis of political press conferences. *Discourse & Society*, 2006, 17(2): 173–203. <https://doi.org/10.1177/0957926506058057>
- Dijk T. A. van. *Discourse and power*. London: Palgrave Macmillan, 2008, 162. <https://doi.org/10.1177/17504813090030020>
- Rafalovitch A., Dale R. United Nations Assembly Resolutions: A six-language parallel corpus. *Machine Translation Summit: 12th Conf.*, Ottawa, 26–30 Aug 2009. Ottawa, 2009, 150–158.
- Wodak R. *The politics of fear: What right-wing populist discourses mean*. London: SAGE Publications, 2015, 24. <https://doi.org/10.4135/9781446270073>

оригинальная статья

eLibrary EDN: LBSSAU

Лексико-семантические группы существительных как воплощение русской языковой картины мира (на материале текстов учебников русского языка)

Суркова Мария Васильевна

Саратовский национальный исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, Саратов

eLibrary Author SPIN: 1560-7219

<https://orcid.org/0009-0006-6723-0961>

marysinv@gmail.com

Аннотация: Исследование языковой картины мира на материале лексико-семантических групп слов, выделенных из ограниченного корпуса текстов, получило распространение в начале XXI в. В основе такого подхода лежит исходное положение о том, что языковая картина мира формируется в первую очередь лексической системой языка, которая представляет собой систему тематически связанных между собой содержательных единиц. Цель – определить, какие лексико-семантические группы существительных актуализированы в текстах упражнений из учебников русского языка, и выявить среди них значимые с точки зрения воплощения аксиологического ядра русской языковой картины мира. Актуальность работы обусловлена осмыслением в духе антропологической парадигмы понятий, соответствующих системно-структурной лингвистике. Научная новизна обусловлена тем, что впервые рассмотрены текстовые упражнения школьных учебников русского языка с точки зрения их аксиологического потенциала, предлагается новый взгляд на термин *код культуры*, в рамках которого коды изучены на базе текстов, а не на основе словарных статей или фразеологизмов. Исследование проводится на материале текстовых упражнений из трех самых распространенных современных школьных учебников русского языка. В общей сложности проанализировано 10373 словоформы существительных (с учетом повторений), которым соответствует 4455 лексико-семантических вариантов значений (выбор в качестве предмета рассмотрения лексико-семантического варианта, а не всего слова, обусловлен тем, что значения многозначного слова могут относиться к различным лексико-семантическим группам). Сделан вывод, что количественные показатели свидетельствуют о значимости лексико-семантической группы во фрагменте языковой картины мира, реконструируемом на основе анализируемого корпуса текстов, только в том случае, когда элементы лексико-семантической группы обладают аксиологическим потенциалом, образуют синонимические ряды и способны репрезентировать коды культуры, и что ядро языковой картины мира учебника составляют лексико-семантические группы, отражающие вербальный, временной, антропный и телесный коды культуры.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, существительные, языковая картина мира, коды культуры, аксиологическое ядро языковой картины мира, школьный учебник русского языка

Цитирование: Суркова М. В. Лексико-семантические группы существительных как воплощение русской языковой картины мира (на материале текстов учебников русского языка). *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 69–81. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-69-81>

Поступила в редакцию 25.04.2025. Принята после рецензирования 30.07.2025. Принята в печать 04.08.2025.

original article

Reconstructing Linguistic Worldview from Lexical-Semantic Noun Groups in Russian Textbook Exercises

Maria V. Surkova

Saratov State University, Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 1560-7219

<https://orcid.org/0009-0006-6723-0961>

marysinv@gmail.com

Abstract: Worldview linguistics extracts lexical-semantic vocabulary from a limited corpus of texts. Such studies were especially popular at the beginning of the 21st century. This approach relied on the presumption that the linguistic worldview is formed primarily by the vocabulary, which is a system of interconnected topics. This research featured lexical-semantic groups of nouns used in exercises from Russian textbooks. It offers a new perspective on the cultural code, where codes are based on texts rather than dictionary entries or phraseological units. The research relied on the anthropological paradigm, consistent with systemic-structural linguistics. For the first time, exercises in Russian textbooks were examined in terms of their axiological potential. The exercises came from three of the most popular modern Russian textbooks for high schools. The author extracted 10,373 word forms, which corresponded to 4,455 lexical-semantic variants of meaning. The lexical-semantic forms, not words, were chosen as research units because the meanings of a polysemantic word can be attributed to various lexical-semantic groups. Based on the quantitative analysis, a lexical-semantic group is an important fragment of the linguistic worldview. Such fragments can be reconstructed from text corpora if the elements of the lexical-semantic group possess axiological potential, provide synonymous series, and represent cultural codes. In this research, the linguistic worldview reconstructed from Russian textbook consisted of lexical-semantic groups that reflected verbal, temporal, anthropic, and bodily codes of culture.

Keywords: lexical-semantic group, nouns, linguistic worldview, cultural codes, axiological core of linguistic worldview, school textbook of the Russian language

Citation: Surkova M. V. Reconstructing Linguistic Worldview from Lexical-Semantic Noun Groups in Russian Textbook Exercises. *SibScript*, 2026, 28(1): 69–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-69-81>

Received 25 Apr 2025. Accepted after peer review 30 Jul 2025. Accepted for publication 4 Aug 2025.

Введение

Исследование языковой картины мира (ЯКМ) основано на лингвофилософской концепции В. фон Гумбольдта. По мнению ученого, язык – это «беспрерывная деятельность духа» народа [Гумбольдт 1964: 91]. В. И. Карасик определяет ЯКМ как «систему отраженных в языковой семантике образов, интерпретирующих опыт народа, говорящего на данном языке» [Карасик 2004: 280]. Анализ лексико-семантических групп (ЛСГ) как способ исследования ЯКМ сформировался в начале XXI в., хотя связь лексической системы с ЯКМ отмечалась и ранее, однако в рамках системно-структурной парадигмы самого понятия ЯКМ не существовало: Ф. П. Филин, анализируя ЛСГ с точки зрения синхронического подхода, указывает на то, что ЛСГ являются продуктом исторического развития языка.

Несмотря на то что в основу выделения ЛСГ ученым положен структурный критерий (наличие у слов общей семы), он отмечает непосредственную связь ЛСГ как части языка с историческим развитием, которое, что очевидно, происходит под влиянием развития общества и культуры [Филин 1957].

Осуществлять построение языкового воплощения фрагмента ЯКМ посредством семантических группировок в начале XXI в. предлагает О. А. Корнилов: «Логическая организация ЛСГ выстраивается только путем анализа толкований всех ее членов, фиксируемых толковыми словарями, а также путем определения места этой ЛСГ в синопсисе идеографической классификации словаря национального языка» [Корнилов 2003: 25–26]. Л. Ф. Шарафутдинова, обращаясь к проблеме

метаязыка описания содержательных объектов языка и культуры, утверждает, что «реальные объекты окружающей нас действительности и выраженные в языке представления о них могут быть соединены посредством выделения семантических признаков как языкового средства, выводящего на один когнитивный уровень языковую семантику и воспринимаемую человеком внеязыковую действительность» [Шарафутдинова 2010: 86]. Рассматривая семантические множества в качестве единицы анализа ЯКМ, А. В. Цивилева отмечает, что исследования такого типа стремятся к изучению ЯКМ как целого, системность которого представлена не только на уровне семантики, но и на уровне парадигматических отношений, т. к. «каждый из подобных классов образует отдельный фрагмент языковой картины мира» [Цивилева 2008: 53]. О. В. Кольцова делает акцент на том, что, являясь инструментом изучения системных связей слов, ЛСГ «раскрывает семантические тождества и различия в лексических совокупностях, описывающих какой-то фрагмент мира» [Кольцова 2010: 67]. Составители «Русского семантического словаря» сравнивают ЛСГ (в их терминологии – лексические классы, множества и подмножества) с «картинками жизни», благодаря существованию которых формируется следующее соотношение: «1) лексическая система – языковая картина мира, 2) конечное или предконечное подмножество лексического класса – реальное представление некоего участка бытия»¹.

В лингвокультурологии при анализе ЯКМ используются термины *коды культуры*, *ключевые слова*, *константы культуры*. Стоит различать термины *культурный код* и *код культуры*. Понятие *культурный код* активно используется в культурологии и представляет собой «совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода, получившую вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры, обладающую интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме и сохраняющую коммуникативный потенциал на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик» [Симбирцева 2016: 163]. Термин *код культуры* применяется преимущественно при анализе фразеологизированных языковых единиц: «это таксономический субстрат

ее текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума во входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, менто-фактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [Телия 1999: 20–21]. В. В. Красных, расширяя область применения термина, понимает код культуры как «совокупность имен и их сочетаний, которые обладают, помимо денотативного значения, культуроносными смыслами» [Красных 2016: 132]. В. А. Маслова отмечает, что кодом культуры становится любая или почти любая чувственно воспринимаемая часть действительности, которая обретает символическое содержание (небесные тела, природные объекты, животные, пища, одежда и т. д.) [Маслова 2022: 99].

Коды культуры отражаются в текстах культуры и представляют собой, как отмечалось ранее, «таксономический субстрат ее текстов» [Телия 1999: 20–21]. Именно текст является выразителем целостного значения: «Текст – носитель целостного значения и целостной функции... В этом смысле он может рассматриваться как первоэлемент (базисная единица) культуры. Соотнесенность текста с целым культуры и ее системой кодов проявляется в том, что на разных уровнях одно и то же сообщение может представлять как текст, часть текста или совокупность текстов» [Иванов и др. 2000: 507]; «Текст как особая речемыслительная форма позволяет, в отличие от неразвернутых форм, представить некоторую картину мира (фрагмента мира) в виде развернутой системы представлений, суждений, идей, окрашенной субъективным отношением автора к этим представлениям и идеям, – концепции» [Дымарский 1999: 267]. О. В. Мякшева обращает внимание на то, что предложение обладает лишь относительной завершенностью, а понятие *наращение смысла* применимо только к текстовому уровню языка [Мякшева 2007; 2015: 288].

Школьный учебник представляет собой специфический жанр, содержание которого во многом определяется образовательными и воспитательными целями. Адресатом учебника, который анализировался в данном исследовании, является

¹ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1. Слова указывающие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос), под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: ИРЯ РАН, 2002. С. 11. (далее по тексту – РСС1 в круглых скобках с указанием страниц примера).

обучающийся 9 класса, т. е. носитель русского языка, завершающий этап основного общего образования. Перечень текстов, включенных в дидактический материал учебника, таким образом, отражает представление авторов учебника (адресантов) о наиболее удачном типе общения с обучающимися (адресатами) [Мякшева, Суркова 2023: 246].

Во всех анализируемых учебниках русского языка представлены фрагменты текстов, написанных классиками русской литературы, философами, публицистами, общественными деятелями. Такие тексты могут быть названы константными текстами культуры: «Текст культуры представляет собой наиболее абстрактную модель действительности с позиции данной культуры. Поэтому его можно определить как картину мира данной культуры. ...картина мира соотнесена всему миру и в принципе включает в себя всё» [Лотман 2000: 465], «текст культуры характеризуется не только как определенная классификационная система, воспроизводящая конструкцию мира. Он включает также категорию оценки, представление об аксиологической иерархии тех или иных ячеек общей классификации» [Там же: 466]; текст – это «любого вида знаковое пространство, во временных рамках которого имеет (или имела) место культурно маркированная деятельность, ориентированная на характерные для нее идеологемы, играющие роль установок этой деятельности, и столь же характерные способы их выражения, что придает этой деятельности структурообразующие и смыслообразующие свойства (напр., ритуал, миф, религия, фольклор, романтизм и т. п., а также социальные формации обустройства жизни и под.)» [Телия 1999: 19–20].

Цель – определить, какие лексико-семантические группы существительных актуализированы в текстах упражнений из учебников русского языка, и выявить среди них значимые с точки зрения воплощения аксиологического ядра русской языковой картины мира. Задачи:

- 1) систематизировать имена существительные по ЛСГ;

- 2) определить частотность и разработанность ЛСГ;
- 3) выявить среди ЛСГ значимые с точки зрения количественных показателей;
- 4) методом контекстного анализа определить аксиологический потенциал слов, входящих в частотные ЛСГ;
- 5) выявить ЛСГ, значимые с точки зрения выражения кодов культуры, на основе аксиологического потенциала входящих в них слов.

Актуальность исследования фрагмента русской русской языковой картины мира, отраженного в корпусе текстов, посредством анализа ЛСГ обусловлена осмыслением в духе антропологической парадигмы понятий структурной лингвистики. Теоретическая значимость результатов обусловлена их вкладом в изучение ЯКМ, лингвоаксиологию и лингвокультурологию. Практическая значимость состоит в возможности проекции полученных результатов в сферу лингводидактики. Исследование выполнено в рамках антропоцентрической научной парадигмы.

Методы и материалы

Материалом исследования являются тексты упражнений из учебников русского языка, объектом – предметная лексика, отобранная методом сплошной выборки и распределенная по ЛСГ, предметом – формируемая на основе ЛСГ русская ЯКМ. Источником материала послужили школьные учебники русского языка для 9 классов². В исследовании применяются семантический, семантико-стилистический, таксономический, контекстно-сопоставительный, дискурсивный методы анализа и количественные подсчеты.

Элементами ЛСГ у однозначных слов является само слово, а у многозначных – его лексико-семантический вариант (ЛСВ), потому что ЛСВ многозначного слова могут быть распределены в разные ЛСГ. Метод таксономического анализа [Болдырев 2007] применялся для формирования ЛСГ, в случае затруднений распределения использовался «Русский семантический словарь» под общей

² Бархударов С. Г., Крючков С. Е., Максимова Л. Ю., Чешко Л. А., Николина Н. А., Мишина К. И., Текучева И. В., Курцева З. И., Комиссарова Л. Ю. Русский язык. 9 класс: учебник для общеобразовательных организаций. 4-е изд., стер. М.: Просвещение, 2022. 255 с. (далее по тексту – РЯ1 в круглых скобках с указанием страниц примера); Рыбенкова Л. М., Александрова О. М., Загоровская О. В., Нарушевич А. Г. Русский язык. 9 класс: учебник для общеобразовательных организаций. 5-е изд. М.: Просвещение, 2013. 151 с. (далее по тексту – РЯ2 в круглых скобках с указанием страниц примера); Разумовская М. М., Львова С. И., Капинос В. И., Львов В. В. Русский язык. 9 класс: учебник для общеобразовательных организаций. 7-е изд. М.: Дрофа, 2019. 246 с. (далее по тексту – РЯ3 в круглых скобках с указанием страниц примера).

редакцией Н. Ю. Шведовой³. Из учебника РЯ1 была выписана 4671 словоформа существительных, репрезентирующая 1851 ЛСВ существительных; из учебника РЯ2 – 2194 словоформы и 1140 ЛСВ; из учебника РЯ3 – 3511 словоформ и 1467 ЛСВ. Частотность проанализирована с помощью программы для создания конкордансов AntConk, омонимия снята с помощью применения контекстного анализа, многозначные слова проанализированы во всех представленных ЛСВ, зафиксированных в текстах.

Наше исследование строится на теории А. Вежицкой, которая по отношению к выявлению культурно специфичных слов культуры называет три фактора, служащие сигналом того, что то или иное слово значимо в ЯКМ: принцип культурной разработанности, фактор частотности и принцип ключевых слов [Вежицкая 2001: 27–37]. В своем исследовании мы также исходим из того, что коды культуры представляют собой вербализованное воплощение культурных кодов (о чем пишет Д. Б. Гудков, называя вербальный код базовым для лингвокультурологии [Гудков 2005]) в ЯКМ, представленной в анализируемом корпусе текстов в виде ЛСГ, т. к. языковой знак обретает дополнительные (культуроносные, символические, мифологические, коннотативные) значения под влиянием менталитета и является одной из форм существования ментальности.

Как можем предположить, при анализе ЯКМ, формируемой в пределах ограниченного текстового пространства, именно фактор частотности может сигнализировать о значимости ЛСГ и конкретного слова. В нашем исследовании этот фактор учтен в виде индекса частотности (ИЧ), вычисляемого как отношение количества употреблений ЛСВ в ЛСГ к общему количеству словоформ в тексте.

Принцип культурной разработанности подразумевает заполненность ЛСГ в лексической системе анализируемого корпуса текстов. Показателем культурной разработанности по отношению к ЛСГ, на наш взгляд, служит индекс разработанности (ИР), представляющий собой отношение количества ЛСВ

в ЛСГ к общему количеству ЛСВ в соответствующем корпусе текстов. Как частотные рассматриваются ЛСГ с ИЧ и ИР выше 0,015. Предельный показатель низкой частотности и разработанности (0,015) был зафиксирован потому, что в этом случае количественные характеристики остаются обозримыми для качественного анализа.

Для наглядности приведем пример подсчета ИЧ и ИР для ЛСГ *Названия периодов времени*. Из учебника РЯ1 были выписаны 4668 словоформ (с учетом повторов), в ЛСГ *Названия периодов времени* вошли 169 словоформ (с учетом повторов), следовательно, ИЧ данной ЛСГ = $169 / 4668 = 0,036$. В текстах из учебника РЯ1 зафиксировано 1850 ЛСВ, в ЛСГ *Названия периодов времени* – 26 ЛСВ, соответственно, ИР данной ЛСГ = $26 / 1850 = 0,014$.

Таким образом, ИЧ отражает формальную значимость ЛСГ, ее вес в лексической системе анализируемого корпуса текстов, а ИР отражает заполненность семантической области, т. к. иллюстрирует разнообразие номинаций, входящих в ЛСГ. Кроме ИР в качестве показателя, свидетельствующего о разработанности соответствующей ЛСГ, может выступать наличие в ЛСГ синонимических отношений. Данный факт обусловлен тем, что наличие синонимии в ЛСГ позволяет конкретизировать значение каждого из синонимов в ЯКМ соответствующего корпуса текстов с помощью семантического и контекстуально-сопоставительного анализа. По словам В. Д. Черняк, синонимия «естественно соотносится с интерпретационным компонентом семантики языковых единиц» [Черняк 2015: 48]. Как отмечает А. Ю. Саркисова, «синонимическая оппозиция выступает в аутентичных контекстах средством уточнения, акцентирования и верификации аксиологического содержания значимых концептов русской культуры» [Саркисова 2020: 213].

Результаты

На первом этапе анализа рассмотрим соотношение ИЧ выше 0,03 с ИР в ЛСГ в учебниках РЯ1, РЯ2, РЯ3 (табл.). Анализ содержания таблицы показал,

³ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 2: Имена существительные с конкретным значением. Всё создаваемое руками и умом человека (населенные места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда; организации и учреждения). Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению, под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: ИРЯ РАН, 2002. 762 с. (далее по тексту – РСС2 в круглых скобках с указанием страниц примера); Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество, под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: ИРЯ РАН, 2003. 720 с. (далее по тексту – РСС3 в круглых скобках с указанием страниц примера).

Табл. Соотношение индекса частотности и индекса разработанности в ЛСГ
Tab. Frequency index vs. development index in lexical-semantic groups

РЯ1			РЯ2			РЯ3		
ЛСВ	ИЧ	ИР	ЛСВ	ИЧ	ИР	ЛСВ	ИЧ	ИР
ИЧ = 0,03–0,05								
Термины языкознания	0,039	0,031	Названия периодов времени	0,037	0,019	Названия периодов времени	0,050	0,017
Речь, высказывание, единицы языка, обмен сообщениями, именование	0,050	0,012	Нейтральные номинации лиц	0,036	0,005	Названия тел живых организмов, их части	0,033	0,029
Названия периодов времени	0,036	0,014	Группы лиц	0,030	0,028	Речь, высказывание, единицы языка, обмен сообщениями, именование	0,033	0,010
			Речь, высказывание, единицы языка, обмен сообщениями, именование	0,030	0,012	Нейтральные номинации лиц	0,030	0,004
ИЧ = 0,015–0,03								
Нейтральные номинации лиц	0,027	0,003	Названия лиц по виду профессиональной деятельности	0,029	0,048	Печатные издания. Рукописи. Полиграфия	0,028	0,010
Бытие, его стадии и характеристики	0,028	0,018	Названия тел живых организмов, их части	0,022	0,019	Участки растительности: поля, леса, заросли	0,024	0,013
Названия лиц по виду профессиональной деятельности	0,027	0,034	Термины языкознания	0,019	0,017	Населенные пункты	0,021	0,013
Названия тел живых организмов, их части	0,026	0,023	Наименования лиц по совершаемому действию	0,018	0,020	Названия лиц по виду профессиональной деятельности	0,019	0,047
Печатные издания. Рукописи. Полиграфия	0,021	0,010	Воля, желание, интерес	0,017	0,012	Жанры, роды, виды литературы	0,019	0,014
Атмосфера земли, воздух	0,017	0,006	Норма, правило, отклонение от них	0,016	0,007	Бытие, его стадии и характеристики	0,018	0,008
Группы лиц	0,016	0,010	Печатные издания. Рукописи. Полиграфия	0,016	0,009	Водоемы	0,017	0,010
Участки растительности: поля, леса, заросли	0,016	0,003	Бытие, его стадии и характеристики	0,015	0,01	Цветы и травы	0,017	0,014
			Участки растительности: поля, леса, заросли	0,008	0,008	Группы лиц	0,017	0,010

что среди ЛСГ с наибольшим ИЧ (выше 0,03) во всех трех учебниках выявляются ЛСГ *Речь, высказывание, единицы языка, обмен сообщениями, именование* (РЯ1 – 0,05; РЯ2 – 0,030; РЯ3 – 0,033) и ЛСГ *Названия периодов времени* (РЯ1 – 0,036; РЯ2 – 0,037; РЯ3 – 0,05). В РЯ2 и РЯ3 также имеет высокую частотность ЛСГ *Нейтральные номинации лиц* (РЯ1 – 0,027; РЯ2 – 0,036; РЯ3 – 0,030). Для нашего анализа значимо то, что ИР не имеет прямой соотнесенности с ИЧ. Так, ЛСГ с ИЧ = 0,015–0,03 имеют сравнительно низкий ИР, что может свидетельствовать о том, что эти ЛСВ выступают в качестве общего фонда номинаций. В то же время некоторые из них могут оказаться значимыми в ЯКМ при условии выявления у них в ходе контекстного анализа оценочного компонента значения или при наличии ценностной составляющей соответствующего культурного кода. Перейдем к анализу конкретных ЛСГ.

ЛСГ *Названия периодов времени* имеет ИЧ для РЯ1 – 0,036; РЯ2 – 0,037; РЯ3 – 0,050. Индекс разработанности данной ЛСГ в РЯ1 значительно выше (0,036), чем в РЯ2 и РЯ3 (0,019 и 0,017 соответственно). Данная ЛСГ содержит следующие наиболее частотные номинации: РЯ1 – *время* (130), *год* (25), *день* (23); РЯ2 – *время* (16), *год* (9), *век* (8), *день* (8); РЯ3 – *год* (40), *день* (25), *время* (23). Номинации *время* и *день* представлены в следующих основных ЛСВ: *время*: 1) *определённый момент, в к-рый происходит что-н.* (РСС3: 56), 2) *период или момент, не занятый чем-н., свободный от чего-н.* (РСС3: 59); *день*: 1) *то же, что сутки* (РСС3: 49), 2) *часть суток от восхода до захода солнца, между утром и вечером* (РСС3: 60). В группе не развита синонимия. Е. А. Прихода отмечает, что время – это «категория, которая составляет основу языковой и научной картины мира. Эта категория в восприятии бытия демонстрирует состояние постоянного изменения и движения» [Прихода 2021: 414]. Контекстный анализ показал, что в существенной части контекстов номинации выступают в качестве общего фона повествования. Высокая частотность слов данной ЛСГ обусловлена также наличием в учебниках текстов о выдающихся россиянах, исторических событиях и периодах в развитии государства. Использование слов данной ЛСГ в этих контекстах, на наш взгляд, сосредоточивает внимание на значимости исторического опыта наших предков и вклада наших предшественников в развитие науки и культуры:

- 1596 июня 1943 года, **в день**, когда исполнилось 144 **года** со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, в осаждённом Ленинграде на набережной реки Мойки появились пешеходы, шедшие в одном направлении (РЯ1: 82);
- За **четыре года** войны моё поколение познало многое, но наше внутреннее зрение воспринимало лишь две краски: солнечно-белую и масляно-черную (РЯ2: 43);
- Прошло много **лет** с тех пор, как мы расстались со Сталинградом. Окопы заросли травой (РЯ3: 32).

ЛСГ *Речь, высказывание, единицы языка, обмен сообщениями, именование* имеет высокий ИЧ (РЯ1 – 0,05; РЯ2 – 0,030; РЯ3 – 0,033) и в сравнении с ним низкий ИР (0,012; 0,012; 0,010 соответственно). В данной ЛСГ лидируют следующие слова: РЯ1 – *слово* (123), *язык* (42); РЯ2 – *слово* (23), *язык* (23); РЯ3 – *язык* (62), *слово* (16). В группе не развита синонимия.

Вершинное место ЛСГ в качестве одной из ключевых групп связано с предметной направленностью учебников, а также обусловлено тем, что «возвышенность понимания "слова" как высшей духовной ценности сохраняется в рассуждениях многих современных филологов-"словесников", особенно литераторов, поскольку в русской словесной культуре именно художественная литература всегда представлялась наивысшим достижением мысли и языка как способа выражения "дара слова"» [Аннушкин 2021: 20]. Частотность слова *язык* с точки зрения ценностных приоритетов косвенно обосновывается Н. М. Кишлаковой: «Неотъемлемым признаком национальной идентичности является понятие о родном языке, которое имманентно соединяет в себе ориентацию на прошлое своего народа, его культуру и способствует осознанию отдельным индивидом своей сопричастности форме национально-языкового единства – этносу. Рассмотрение языка в качестве символа этноса и ценности этнической культуры способствует сохранению родного языка» [Кишлакова 2017: 159].

Установка на отражение в текстах учебников значимости русского языка в современном мире подтверждается использованием слов данной лексико-семантической группы с оценочными прилагательными, наречиями и образованными от них существительными:

- На русском языке написаны **важнейшие** международные договоры и соглашения, он используется на научных конференциях, в которых участвуют учёные разных стран (РЯ1: 4);
- Справедливо сказал Гоголь, что в Пушкине, «будто в лексиконе, заключилось всё: **богатство, сила и гибкость** нашего языка». Дела наши в совокупности с прошлым, в совокупности с окружающим миром природы и огнём домашнего очага выражаются **дорогим** словом ОТЕЧЕСТВО (РЯ2: 115);
- Взирая на блистательные качества, которыми Бог одарил народ русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему **звучному, богатому, мощному** языку (и это для писателя не последнее), коему в Европе нет подобного, наконец, по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобю, ему перед всеми свойственному, я душою скорбел, что всё это подавляется, всё это вянет и, может быть, опадёт, не принеся никакого плода в нравственном мире (РЯ3: 5);
- Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, **волшебным** словом
Заворожённый, замолчит (РЯ3: 189).

ЛСГ **Термины языкознания**, частотная в РЯ1 и РЯ2 (табл.), несмотря на относительно высокий ИР, в силу специфики терминов (*морфема, синоним, подлежащее* и др.), которые не содержат оценочного компонента значения и практически не имеют синонимов, относится к общему фонду номинаций, связанных с предметной областью учебника. ЛСГ *Термины языкознания*, значимая с точки зрения предметной направленности учебника, не имеет аксиологического потенциала.

Частотными в учебниках являются три ЛСГ, связанные с общей номинацией человек: *Нейтральные номинации лиц*; *Названия лиц по виду профессиональной деятельности* и в РЯ2 *Наименования лиц по совершаемому действию*.

В ЛСГ *Нейтральные номинации лиц* абсолютно лидирует номинация человек: РЯ1 – 99, РЯ2 – 71, РЯ3 – 89. В данной ЛСГ содержатся синонимические пары и синонимические ряды: РЯ1 – герой (15), лицо (6), личность (4), персонаж (2); РЯ2 – герой (4), личность (2), персонаж (1); РЯ3 – личность (6), герой (5), персонаж (4), существо (3). Рассмотрим

употребление синонимов, актуализированных в текстах, с целью выявить отличия в их семантике.

Синонимическая пара человек – личность имеет ряд отличий. Человек – базовая номинация, употребляемая в двух значениях (ЛСВ относятся к одной ЛСГ):

- Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда (РСС1: 67–68);
- Умение сочувствовать, понимать состояние другого **человека** – самая, вероятно, важная магистраль коммуникабельности (РЯ1: 20);
- Ведь **человек**, чтобы приобщиться к великому миру книг, должен сначала одолеть грамоту, должен научиться читать (РЯ3: 46);
- обычно с определением. Такое существо как носитель каких-н. свойств, качеств, признаков (РСС1: 67–68);
- Освоить эти богатства, да ещё и приумножить, и сохранить их – такова общекультурная задача для каждого цивилизованного человека (РЯ2: 9);
- Умение понять друг друга не дается от природы, **совестливый человек** развивает его в самом себе кропотливым трудом души (РЯ1: 20).

Как видим, оба ЛСВ используются преимущественно метонимически, чем обусловлена высокая частотность и низкий ИР (РЯ1 – 0,003; РЯ2 – 0,005; РЯ3 – 0,004). Стертая семантика слова человек смещает семантический центр тяжести на синтагматику: в ряде контекстов номинация человек сопровождается оценочными прилагательными и иллюстрирует положительные или отрицательные качества личности, значение которых создает оценочный компонент значения слова человек:

- Работая над портретами, Кипренский неустанно стремился к образу цельной, гармонической личности – это образ **человека чувствующего, но не чувствительного, сдержанно уравновешенного, но не холодного, человека с открытой душой, но способного сосредоточиться** (РЯ1: 135);
- Строго говоря, есть два необходимейших условия жизни **высоконравственного человека**: умение видеть другого, особенно страдающего другого, и умение видеть себя без прикрас (РЯ2: 140–141);

- *Дмитрий Николаевич был не только талантливым учёным, он был **человеком высокой культуры, добрым, мягким, гуманным**, с которым, по словам его коллег и студентов, было легко и радостно работать (РЯ3: 39).*

Слово *личность* используется в двух ЛСВ: 1) *Отдельный человек как носитель своих собственных свойств* (РСС1: 65), 2) *Выдающийся человек, а также вообще человек, положительно характеризующийся* (РСС1: 65). Личность – это не просто человек, она обладает рядом качеств и преимуществ, таких как осознанность, развитость духовного мира; предполагается, что быть личностью – значит достичь определенного уровня развития:

- ***Строительство личности** начинается с внимания к себе, а заканчивается состраданием к другим, милосердием к другим, ответственностью перед другим (РЯ2: 141);*
- *Однако главное внимание автор сосредоточивает на примерах, ставших **достоянием** нашей истории, на **личностях**, имевших истинные **заслуги** (РЯ3: 137).*

Обратим внимание на то, что синтагматика иллюстрирует связь понятий *личность* и *душа* (внутренний мир):

- *Так, Ф. С. Рокотову на полотне удаётся искусно передать **внутренний мир** героя, его неповторимую **личность**, внешность которой является лишь слабым отражением **богатства души** (РЯ1: 27);*
- *Мы высоко духовны, когда чувствуем бесценность жизни и хотим оставить в мире скромный отпечаток собственной **личности**... (РЯ3: 157).*

ЛСГ **Названия лиц по виду профессиональной деятельности** имеет высокий ИЧ (РЯ1 – 0,027; РЯ2 – 0,029; РЯ3 – 0,019) и ИР (РЯ1 – 0,034; РЯ2 – 0,048; РЯ3 – 0,047). В данной ЛСГ широко представлены профессии, связанные с лингвистикой и писательством, а также различные военные профессии и звания: *поэт, художник, филолог, ученый, учитель, лексикограф, военачальник, военнослужащий* и др.; присутствуют историзмы: *атаман, штабс-капитан, ящик, подъячий, становой, ревизор, градоначальник* и др. Разнообразие номинаций, входящих в эту группу, и наличие в ней историзмов формирует представление об изменениях, происходящих в обществе, отражает историко-культурные

реалии, существовавшие в разные времена, и свидетельствует о сохранении в текстах учебников культурной памяти.

ЛСГ **Названия лиц по совершаемому действию** имеет средний ИЧ и ИР в РЯ2 (0,018 и 0,02) и более низкий – в РЯ1 (0,011 и 0,011) и РЯ3 (0,014 и 0,019). Как показал контекстный анализ, ЛСГ **Названия лиц по совершаемому действию** (*автор, читатель, зритель, покупатель* и др.) относится к общему фонду номинаций, т. к. в данной ЛСГ не развита синонимия и входящие в нее ЛСВ не иллюстрируют ключевых кодов культуры.

ЛСГ **Названия тел живых организмов, их части** имеет в анализируемых учебниках высокие ИЧ и ИР (табл.). Несмотря на то что в данную лексико-семантическую группу входят не только названия частей тела человека, но и части тел животных (*крыло, клюв, копыто*), наиболее частотны части тела человека: *сердце* (РЯ1 – 16, РЯ2 – 5, РЯ3 – 12) и *глаза* (РЯ1 – 16, РЯ2 – 5, РЯ3 – 11), в РЯ2 также частотно слово *лицо* (8). Сердце и глаза в русской культуре ассоциативно связаны с проявлениями чувств. Как отмечает А. Д. Шмелев, в русской культуре принято представление о том, что сердце является инструментом познания [Шмелев 2002: 13], и именно сердце, как и в общеевропейской традиции, связывается с проявлением чувств [Там же: 19], при этом сердце ассоциативно связано с душой [Там же: 22]. И. В. Заманова отмечает универсальный характер лексемы *сердце* в качестве гиперонима всех психических лексем [Заманова 2024: 13]. Описанные свойства лексемы *сердце* проявляются в нашем материале в следующих контекстах:

- *Прекрасное оно проникает в самое **сердце**, где **хранятся настоящие чувства** (РЯ1: 75);*
- *И в нашем **сердце** тогда будет место лишь для **светлых и жизнерадостных мыслей**, для **добрых планов** на будущее, для ощущения полноты жизни (РЯ2: 133);*
- *И всё же она остаётся самой дорогой, и каждый раз едва уловимая **боль сжимает сердце**, когда листаешь её страницы (РЯ3: 139).*

Глаза традиционно являются символом искреннего проявления чувств, как отмечает М. В. Громенко, *глаза* – «зеркало внутреннего состояния героя» [Громенко 2021: 150], что находит отражение в русских пословицах: *глаза – зеркало души; у страха глаза велики; не верь ушам, а верь глазам*. Подобные контексты видим и в анализируемом материале:

- *Солнце в моих глазах померкло от этих слов* (РЯ1: 163);
- *Но это светлая грусть, без которой невозможно большая любовь. Осенью мы лучше видим и глазом, и сердцем* (РЯ2: 96).

ЛСГ Печатные издания. Рукописи. Полиграфия имеет средний ИЧ (РЯ1 – 0,0216; РЯ2 – 0,016; РЯ3 – 0,028) и низкий ИР (РЯ1 – 0,01; РЯ2 – 0,009; РЯ3 – 0,01). Средний ИЧ связан прежде всего с предметной маркированностью учебника. Наиболее частотно в этой группе слово *книга* (РЯ1 – 16; РЯ2 – 21; РЯ3 – 68), в учебнике РЯ1 лидирует слово *словарь* (28). Культуроносный смысловой интерес с точки зрения анализа ЯКМ представляют контексты, в которых книга является ценностью, выполняет функцию хранилища знаний и средства познания:

- *Книга – это духовное завещание* одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить, приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему на его место (РЯ1: 235);
- *Книгу трудно заменить. У книги, безусловно, есть одна особенность: с ней беседуешь, перечитывая страницы, один на один вступаешь с автором в немой диалог* (РЯ2: 127);
- *Вторая книга – это «Война и мир» Льва Толстого. Это книга глубочайшего проникновения в человеческий материал* (РЯ3: 156);
- *Книга же утверждает нашу индивидуальность, оберегает нашу личность от напора всего того грубого, крикливого, агрессивного, что имеется в современной культуре* (РЯ3: 204).

ЛСГ Бытие, его стадии и характеристики имеет средний ИЧ (РЯ1 – 0,028; РЯ2 – 0,015; РЯ3 – 0,018), низкий ИР в РЯ2 (0,010) и РЯ3 (0,008), средний – в РЯ1 (0,018). Группа отражает представление о течении бытия, его начале и конце, т. е. о жизни, развитии и смерти. В данной ЛСГ наиболее частотно слово *жизнь*: РЯ1 – 54, РЯ2 – 21, РЯ3 – 46. Частотность слова *смерть* значительно ниже: РЯ1 – 4, РЯ2 – 2, РЯ3 – 2. Контекстный анализ показал, что данная ЛСГ относится к общему фонду и ее частотность не свидетельствует о значимости группы в ЯКМ учебника.

ЛСГ Участки растительности: поля, леса, заросли частотна в учебниках РЯ1 и РЯ3, в учебнике РЯ2 ее ИЧ значительно ниже (табл.). ЛСГ имеет низкий ИР. В данной группе наиболее частотны номинации *лес* (РЯ1 – 25, РЯ2 – 4, РЯ3 – 33) и *поле*

(РЯ1 – 13, РЯ2 – 4, РЯ3 – 17). Частотность слов данной ЛСГ отражает представление о том, что природа является неотъемлемой частью России [Мякшева, Суркова 2023: 248], влияние природы на русский национальный характер, в частности на стремление к свободе и на широту русской души, отмечалось Ю. С. Степановым, А. Д. Шмелевым [Степанов 2001: 170–171; Шмелев 2002: 78]. Наш материал также подтверждает данное утверждение:

- *Завеса мутного дождя*
Заволокла лесные дали (РЯ1: 170);
- *Тем, что воля вольная – это свобода, соединённая с простором, с ничем не преграждённым пространством. <...> И природа нужна была человеку большая, открытая, с огромным кругозором. Поэтому так любимо в народной песне полюшко-поле* (РЯ2: 30);
- *В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нём претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук – небо отчизны, её воздух, её физические явления, её климат, её поля, горы и долины, её леса и реки, её бури и грозы – весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко о любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов* (РЯ3: 7).

Заключение

Анализ лексико-семантических групп существительных, представленных в текстах из школьных учебников русского языка для 9 классов, показал, что наиболее выраженными в ЯКМ учебников являются следующие ЛСГ: Названия периодов времени; Речь, высказывание, единицы языка, обмен сообщениями, именование; Термины языкознания; Нейтральные номинации лиц; Названия лиц по виду профессиональной деятельности; Названия тел живых организмов, их части; Печатные издания. Рукописи. Полиграфия; Бытие, его стадии и характеристики; Участки растительности: поля, леса, заросли. Частотность одних из них отражает общий фонд лексики и константы номинаций окружающего мира (Бытие, его стадии и характеристики; Наименования лиц по совершаемому действию), других – является следствием предметной направленности учебника (Термины языкознания). ЛСГ Речь, высказывание, единицы языка, обмен сообщениями, именование и Нейтральные номинации

лиц, частотность которых обусловлена предметной областью учебника, содержат номинации, аксиологический потенциал которых раскрывается в синтагматике.

Важными с точки зрения отражения аксиологического ядра ЯКМ являются следующие ЛСГ: Речь, высказывание, единицы языка, обмен сообщениями, именование; Названия периодов времени; Названия частей тел живых организмов, их части; Участки растительности: поля, леса, заросли. Исследование показало, что наиболее частотные элементы проанализированных ЛСГ выступают в качестве репрезентантов соответствующих кодов культуры: антропного, вербального, временного (темпорального) и телесного (соматического) [Красных 2016: 380–382].

Значимой чертой русской ЯКМ школьного учебника является антропоцентризм. Во всех проанализированных учебниках человек является центральной фигурой ЯКМ, что подтверждается развитостью синонимии в ЛСГ *Нейтральные номинации лиц*, стилистическим разнообразием номинаций в ЛСГ *Человек по виду профессиональной деятельности*. Антропоцентризм ЯКМ связан как с предметной

маркированностью учебника (учебник по гуманитарной дисциплине), так и со стремлением авторов создать образ высокодуховного, всесторонне развитого, эмпатичного человека, который представляет собой некий идеал, к которому надлежит стремиться.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Автор выражает глубокую благодарность своему научному руководителю – доктору филологических наук, профессору О. В. Мякшевой – за ценные советы при разработке методологии исследования.

Acknowledgments: The author expresses her deep gratitude to her academic supervisor, Doctor Philology, Professor O. V. Myaksheva, for valuable advice in developing the research methodology.

Литература / References

- Аннушкин В. И. Концепты *язык – речь – слово* в отечественной филологии: история и современность. *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*. 2021. № 26-1. С. 7–21. [Annushkin V. I. Language-speech-word concepts in Russian philology: History and modernity. *Lingvoritoricheskaia paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*, 2021, (26-1): 7–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vgutqv>
- Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2007. № 4. С. 17–27. [Boldyrev N. N. Knowledge representation in the system of language. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2007, (4): 7–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iqypd>
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: ЯСК, 2001. 288 с. [Wierzbicka A. *Understanding cultures through their key words*. Moscow: IaSK, 2001, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sumhvv>
- Громенко М. В. Реализация концептов «глаз» и «бровь» в русском языке (на примере произведений фольклора). *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 11-4. С. 149–152. [Gromenko M. V. On the implementation of the concepts of "glaz" (eye) and "brov" (eyebrow) in Russian folklore. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2021, (11-4): 149–152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nzstaa>
- Гудков Д. Б. Коды русской культуры: проблемы описания. *Мир русского слова*. 2005. № 1-2. С. 25–30. [Gudkov D. B. Russian cultural codes: Problems of description. *Mir russkogo slova*, 2005, (1-2): 25–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jlboxd>
- Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (Извлечения). In: Звегинцев В. А. *История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях*. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. С. 85–105. [Humboldt W. von. On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race: Extracts. In: Zvegintsev V. A. *History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts*. Moscow: Prosveshchenie, 1964, pt. 1, 85–105. (In Russ.)]

- Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). СПб.: СПбГУ, 1999. 281 с. [Dymarsky M. Ya. *Problems of text formation and the literary text in the Russian prose of the 19th–20th centuries*. St. Petersburg: SPbSU, 1999, 281. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sixjlf>
- Заманова И. В. «Сердце» как универсальный психический концепт (на примере китайской и русской языковой картины мира). *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2024. Т. 16. № 1. С. 13–24. [Zamanova I. V. 'Heart' as a universal mental concept (a case study of Chinese and Russian language worldviews). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2024, 16(1): 13–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2024-1-13-24>
- Иванов В. В., Лотман Ю. М., Пятигорский А. М., Топоров В. Н., Успенский Б. А. Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам). In: Лотман Ю. М. *Семiosфера*. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 504–524. [Ivanov V. V., Lotman Yu. M., Pyatigorskiy A. M., Toporov V. N., Uspenskiy B. A. Theses of the semiotic study of cultures (as applied to Slavic texts). In: Lotman Yu. M. *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskustvo-SPB, 2000, 504–524. (In Russ.)]
- Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры. In: Лотман Ю. М. *Семiosфера*. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 462–484. [Lotman Yu. M. Metalanguage of typological descriptions of culture. In: Lotman Yu. M. *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskustvo-SPB, 2000, 462–484. (In Russ.)]
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с. [Karasik V. I. *Language circle: Personality, concepts, discourse*. Moscow: Gnozis, 2004, 389. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqwtkl>
- Кишлакова Н. М. Язык как этнонациональная ценность в глобальном мире. *Проблемы языка в глобальном мире*, отв. ред. Е. В. Ганина, А. Н. Чумаков. М.: Проспект, 2017. С. 158–168. [Kishlakova N. M. Language as an ethnonational value in the global world. *Problems of language in the global world*, eds. Ganina E. V., Chumakov A. N. Moscow: Prospekt, 2017, 158–168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uckddk>
- Кольцова О. В. Лексико-семантическая группа как единица описания языковой картины мира. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2010. Т. 10. № 1. С. 66–72. [Koltzova O. V. Lexical-semantic group as descriptive unit in the language world picture. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2010, 10(1): 66–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lmckat>
- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с. [Kornilov O. A. *Language pictures of the world as derivatives of national mentalities*. 2nd ed. Moscow: CheRo, 2003, 349. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqnudr>
- Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с. [Krasnykh V. V. *Dictionary and grammar of linguistic culture: Fundamentals of psycholinguistic culturology*. Moscow: Gnozis, 2016, 496. (In Russ.)]
- Маслова В. А. Код языка как пространство реализации культуры. *Коммуникативные стратегии*: 11 Междунар. науч. конф. (Минск, 24 ноября 2021 г.) Мн.: МГЛУ. 2022. С. 99–102. [Maslova V. A. Language code as a space for culture realization. *Communicative strategies*: Proc. 11th Intern. Sci. Conf., Minsk, 24 Nov 2021. Minsk: MSLU, 2022, 99–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kbopqw>
- Мякшева О. В. «Наращение» или создание смысла в тексте (на материале функционирования местоимений в текстах одного автора). *Экология языка и коммуникативная практика*. 2015. № 2. С. 287–302. [Myaksheva O. V. "Augmentation" or creation of the meaning in the text (on the material of pronouns functioning in texts of the same author). *Ekologiia iazyka i kommunikativnaia praktika*, 2015, (2): 287–302. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vehwqt>
- Мякшева О. В. Пространственная семантика: реализация языковых ресурсов в разных сферах и средах общения. Саратов: СарГУ, 2007. 355 с. [Myaksheva O. V. *Spatial semantics: Implementing language resources in different spheres and media of communication*. Saratov: SarSU, 2007, 355. (In Russ.)]
- Мякшева О. В., Суркова М. В. Образ России в учебниках русского языка. *Жанры речи*. 2023. Т. 18. № 3. С. 245–251. [Myaksheva O. V., Surkova M. V. The image of Russia in Russian language textbooks. *Zanry Reci*, 2023, 18(3): 245–251. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-245-251>
- Прихода Е. А. Концепт «время» в полихронной лингвокультуре. *Язык и культура: взгляд молодых*: IV Междунар. науч. студ. конф. (Москва, 26 мая 2021 г.) М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 414–419.

- [Prikhoda E. A. The concept of "time" in polychronous linguoculture. *Language and culture: A young look*: Proc. IV Intern. Sci. Student Conf., Moscow, 26 May 2021. Moscow: Pushkin Institute, 2021, 414–419. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twvice>
- Саркисова А. Ю. Синонимическая оппозиция как средство аксиологической актуализации национально значимых концептов русской языковой картины мира. *Вестник Марийского государственного университета*. 2020. Т. 14. № 2. С. 209–215. [Sarkisova A. Yu. Synonymic opposition as a means of axiological actualization of nationally significant concepts of the Russian language picture of the world. *Vestnik of the Mari State University*, 2020, 14(2): 209–215. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2020-14-2-209-215>
- Симбирцева Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория. *Знание. Понимание. Умение*. 2016. № 1. С. 157–167. [Simbirtseva N. A. "Culture code" as a category of culturology. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2016, (1): 157–167. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 990 с. [Stepanov Yu. S. *Constants: Dictionary of Russian culture*. 2nd ed. Moscow: Akad. proekt, 2001, 990. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qofub>
- Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. *Фразеология в контексте культуры*, отв. ред. Телия. М.: ЯПК, 1999. С. 13–24. [Teliya V. N. Priority tasks and methodological problems of researching the phraseological composition of language in the context of culture. *Phraseology in the context of culture*, ed. Teliya V. N. Moscow: IaRK, 1999, 13–24. (In Russ.)]
- Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов. *Языковедски изследование в чест на академика Ст. Младенов*. Sofia: Izd. na Bŭlgarskata Akademiâ na Naukite, 1957. С. 537–538. [Filin F. P. Lexical-semantic groups of words. *Linguistic study in honor of academician St. Mladenov*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 1957, 537–538. (In Russ.)]
- Цивилева А. В. Функционирование компонентов лексико-семантических групп как способ реконструкции языковой картины мира. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2008. № 2. С. 52–57. [Tsivileva A. V. Functions of lexical semantic groups' components as a means of world's language map reconstruction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2008, (2): 52–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kuvtpj>
- Черняк В. Д. Динамика синонимических рядов: равнение вниз. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2015. № 5. С. 47–55. [Chernyak V. D. The dynamic of synonymic groups: Going down. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (5): 47–55. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.04>
- Шарафутдинова Л. Ф. К проблеме метаязыка описания содержательных объектов языка и культуры. *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. 2010. № 2. С. 84–87. [Sharafutdinova L. F. As to the problem of the metalanguage describing substantial language and culture units. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, 2010, (2): 84–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/1depbp>
- Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: ЯСК, 2002. 224 с. [Shmelev A. D. *Russian language model of the world: Materials for the dictionary*. Moscow: IaSK, 2002, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qscolp>

оригинальная статья

eLibrary EDN: ODIMKZ

Феномен El Niño / La Niña и векторная номинация в индоевропейской культуре

Щеголев Максим Андреевич

Новосибирский государственный технический университет,

Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 3011-8194

<http://orcid.org/0009-0003-2207-7316>m.schegolev@corp.nstu.ru

Проскурин Сергей Геннадьевич

Новосибирский государственный технический университет,

Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 3297-4245

<http://orcid.org/0000-0001-7244-264X>

Scopus Author ID: 36864449900

Аннотация: Исследование посвящено изучению спациальной генерации – механизма семиозиса, связанного с пространственным восприятием и языковыми и культурными структурами. Актуальность работы обусловлена необходимостью понимания когнитивных и семиотических основ формирования человеческого мышления под влиянием окружающей среды. Новизна заключается в разработке модели векторной номинации, выявляющей универсальные паттерны ассоциаций между пространственными направлениями (восходящий / нисходящий векторы) и культурными концептами (мужское / женское, активное / пассивное). Цель – доказать, что спациальная генерация проявляется как в интранаправленном (влияние среды на мышление), так и в экстранаправленном (влияние мышления на культурные практики) аспектах. Методология включает междисциплинарный подход: семиотический, мифологический и когнитивный анализ данных из индоевропейских традиций, а также климатических феноменов. Результаты показали, что восходящий вектор (земля → небо) устойчиво ассоциируется с мужским, сакральным началом (Индра, Зевс, курганные погребения), а нисходящий (небо → земля) – с женским, плодородным (богини земли, погребальные ритуалы). Климатические явления Эль-Ниньо (активное, разрушительное) и Ла-Нинья (стабилизирующее) подтверждают универсальность этой бинарности. Выводы работы подчеркивают, что спациальная генерация является ключевым механизмом мифологизации природных процессов, сохраняющимся в современных дискурсах. Перспективы исследования связаны с расширением анализа на другие культурные традиции и экспериментальной проверкой влияния пространственных векторов на ассоциативное мышление.

Ключевые слова: спациальная генерация, векторная номинация, индоевропейская культура, пространственные метафоры, гендерные архетипы, мифологизация природы, климатическая антропология

Цитирование: Щеголев М. А., Проскурин С. Г. Феномен El Niño / La Niña и векторная номинация в индоевропейской культуре. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 82–90. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-82-90>

Поступила в редакцию 22.05.2025. Принята после рецензирования 05.08.2025. Принята в печать 11.08.2025.

original article

El Niño / La Niña Phenomenon and Vector Nomination in Indo-European Culture

Maxim A. Schegolev

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 3011-8194

<http://orcid.org/0009-0003-2207-7316>m.schegolev@corp.nstu.ru

Sergey G. Proskurin

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

eLibrary Author SPIN: 3297-4245

<http://orcid.org/0000-0001-7244-264X>

Scopus Author ID: 36864449900

Abstract: Human cognition and semiotics have their roots in the natural environment. Spatial generation is a mechanism of semiosis associated with spatial perception reflected in linguistic and cultural structures. The article introduces a vector nomination model of universal associative patterns between ascending /

descending vectors and the cultural concepts of male / female or active / passive. The spatial perception manifests itself in intradirectional aspects, when the environment affects cognition, as well as in extradirectional, when cognition affects cultural practices. The research relied on an interdisciplinary approach that united semiotic, mythological, and cognitive analyses of Indo-European traditions and climatic phenomena. The ascending vector (earth → sky) was consistently associated with the masculine and the sacred (Indra, Zeus, burial mounds, etc.) while the descending vector (heaven → earth) was connected with the feminine and the fertile (earth goddesses, funeral rituals). The climatic phenomena of *El Niño* (active, destructive) and *La Niña* (stabilizing) confirm the universal character of this binary, which makes spatial generation a key mechanism for mythologizing natural processes. This mechanism persists in modern discourses. The research can be expanded onto other cultural traditions, with a subsequent experimental verification of the effect of spatial vectors on associative thinking.

Keywords: spatial generation, vector nomination, Indo-European culture, spatial metaphors, gender archetypes, mythologization of nature, climatic anthropology

Citation: Schegolev M. A., Proskurin S. G. *El Niño / La Niña Phenomenon and Vector Nomination in Indo-European Culture. SibScript*, 2026, 28(1): 82–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-82-90>

Received 22 May 2025. Accepted after peer review 5 Aug 2025. Accepted for publication 11 Aug 2025.

Введение

Как отмечает Ю. С. Степанов в предисловии к «Общей лингвистике» Э. Бенвениста, «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [Степанов 1974: 15]. Изучение взаимосвязи между природными явлениями и культурными концептами представляет значительный интерес для современной науки, поскольку позволяет проследить механизмы формирования человеческого мышления и языка под влиянием окружающей среды. Одним из таких механизмов является спациальная генерация [Щеголев 2025]. Под последней мы понимаем особый вид (наравне с визуальным, аудиальным, жестовым, социокультурным и т. п.) семиозиса, вызванный взаимной соотнесенностью окружающего пространства (первоначально непосредственное физическое окружение, а затем и более широкий социокультурный контекст) с ментальной картиной мира.

Зачастую это иконический семиозис: так, в протоиндийских надписях форма объектов с надписями и печатями тесно связана с текстом. Иногда объект входит в состав надписи или образует для нее определенный контекст. Например, форма рыбы у тонких пластинок передает название второго большого сезона, форма полумесяца указывает на жертвоприношение в новолуние, а форма круглой тонкой пластинки – в полнолуние [Альбедиль

1986: 50, 52]. В более широком смысле мир предписывает направление мысли, определяет характер ментальных конструкций, репрезентирующих окружающий древнего человека мир. Объективная действительность, подлинная реальность, которая подвергалась интерпретации первобытного сознания, была «многообразно-множественной и подвижной, объективно проявляясь в общественном мышлении, переходя из категории внешнего явления во внутреннее» [Фрейденберг 1997: 51].

В спациальной генерации выделяется два типа: интра- и экстранаправленная¹. «Очевидна интерференция, в частности влияние культуры как на экстра-, так и на интранаправленную генерацию. Пространство, таким образом, имеет некоторый предел влияния, ограниченный воздействием других факторов. Принять во внимание стоит и то, что сама культура становится субъектом спациальной генерации, запуская бесконечный цикл взаимовлияний» [Щеголев 2025: 361]. «Социально-экономические условия могут определять те или иные функции мифов, но не менее справедливо и обратное утверждение о том, что социально-экономические условия могут определяться мифами» (перевод авторов статьи) [Chelariu 2023: 49].

В лингвистике и антропологии хорошо изучены примеры взаимосвязей пространства и мышления. В индоевропейской культуре земля ассоциируется

¹ Подробно о типах спациальной генерации см. в статье [Щеголев 2025].

с материнским началом, а небо – с отцовским [Топоров 1983: 237]. Эти архетипы прослеживаются от дописьменной культуры (Мать-земля у Эмпедокла [Burnet 1920: 161]) до мифов Дальнего Востока [Серкин 2024: 478], китайской традиции [Духовная культура Китая 2007: 16–25] и бурятских верований [Михайлов 1980: 104]. Семантические смещения в старшерунических надписях также подтверждают связь центра мира с женским началом [Степанов, Проскурин 1993: 127].

Правая сторона часто ассоциируется с мужским началом, а левая – с женским [Проскурин 1990: 39]. В индоевропейских культурах левое связывается с земным, а правое – с божественным [Там же: 47]. Эта оппозиция отражена в сербской традиции [Толстой 1987: 171], индийской [Nocart 1968], древнегреческой [Lloyd 1962] и других. В индоевропейской традиции правое включает признаки *высокое – светлое – мужское*, а левое – *низкое – темное – женское* [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 786]. У ессеев мужчины сидели справа, женщины – слева [Иванов, Топоров 1974: 267]. В древнеиндийской традиции правый глаз связывался с Индрой, левый – с женским божеством («Брихадараньяка-упанишада», IV, 2.2-3; «Майтри-упанишада», V, 11 [Principal Upanishads 1994]). Аналогичные параллели есть в китайской [Евсюков 1988: 88] и древнеанглийской [Маковский 1996: 208] традициях. Данные паттерны не случайны – они отражают глубокую связь между восприятием пространства и базовыми культурными категориями.

Цель – доказать, что спациальная генерация проявляется как в интранаправленном (влияние среды на мышление), так и в экстранаправленном (влияние мышления на культурные практики) аспектах.

Методы и материалы

В настоящем исследовании применяется междисциплинарный подход, объединяющий методы лингвистики, культурной антропологии, когнитивистики и климатологии. Используется филологический метод, семиотический анализ (исследование иконических связей между природными явлениями и языковыми структурами), мифологический анализ, а также когнитивные и психолингвистические методы (концептуальный анализ метафор вертикальности (подъем / спуск) в языке и культуре). Используются климатические и исторические

данные, тексты «Ригведы» (20 гимнов), «Авесты» (10 яштов), древнегреческие (10 ключевых сюжетов о Зевсе, о хтонических существах, о героических подвигах) и германские (8 текстов из «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды») мифы, археологические (12 погребальных комплексов ямной культуры, 5 культовых объектов эпохи бронзы) и этнографические источники, связанные с ритуальными практиками. Данная методология позволяет проследить взаимосвязь между природными феноменами и культурными концептами, подтверждая гипотезу о спациальной генерации как ключевом механизме формирования языковых и когнитивных структур.

Результаты

Векторная номинация

Спациальная генерация не только отражает, но и моделирует языковые структуры. В индоевропейской культуре мы выделяем векторную направленность номинации:

1. **Восходящий вектор** (земля → небо) ассоциируется с мужским, активным, сакральным. В качестве примеров выделяются следующие:

- Разделение неба (*Dyēus*) и земли (*Dhéghom*) как акт мужского начала (небо-отец) над пассивной землей-матерью.

- Зевс, побеждающий хтонических существ (Тифон, Пифон), поднимает порядок над хаосом [Гесиод 2001].

- Индра, убивающий змея Вритру, освобождает воды и утверждает космический порядок:

- *yo rājā carṣaṇīnām yātā rathebhīr adhriguḥ viśvāsām tarutā pṛtanānām jyeṣṭho yo vṛtrahā gr̥ṇe* (Ригведа², 8.70) –

- Тот, кто является царем народа, кто едет на колеснице, великий, победитель во всех битвах, кого воспевают как могущественного убийцу Вритры (перевод авторов статьи).

- В курганных погребениях ямной культуры насыпь могла использоваться как имитация мировой горы, связывающей землю и небо [Энтони 2023].

- Мировое древо (*Yggdrasil*) – ось, соединяющая нижний (Хельхейм), средний (Мидгард) и верхний (Асгард) миры [Bintley 2024; Thyse 2022: 22].

- Жертвенные столбы (*irminsul*) и дубы использовались в качестве символов связи с небом [Проскурин 1991].

² Rig Veda. Wisdom Library. URL: <https://www.wisdomlib.org/hinduism/book/rig-veda-english-translation> (accessed 12 May 2025).

– Праиндоевропейский корень **h₃rēǵ* – в лат. *rēx*, ирл. *rí*, вед. *ráj-*, авест. *bərəzi-rāz* – *правящий на высоте*. Это существительное происходит от греч. *ὀρέω* – *вытягиваться*, лат. *regō* – *править*, вед. *ráj* – *вытягиваться прямо* и целого набора форм, построенных на метафоре *прямой, правильное и править, повелевающий, регулирующий*. Авест. *rāzərə* переводится по-разному – как *таинство, приказ* и даже *молитва*.

– Метафора эрекции (вытягивания) наблюдается в ритуальных текстах:

- *kaprñ narah kaprthamud dadhātana codayata khudatavājasātaye* (Ригведа, 10.101.12) – Поднимайте детородный орган, о мужи, поднимайте фаллос, приводите его в движение, вводите внутрь для захвата награды (перевод авторов статьи).

У Афиня Навкратийского встречаем похожее:

- ἀνάγες, εὐρυχωρίαν
τῶι θεῶι ποιεῖτε
θέλει γάρ ὁ θεός ὀρθὸς ἐσφωδόμενος
δια μέσου βαδίξειν [Campbell 1993] –
Освободите место,
Для бога освободите!
Ибо бог, стоящий прямо (*erect*), готовый
выплеснуть желание,
желает шествовать среди людей
(перевод авторов статьи).

– Короли и воины как возникшие (метафора управления колесницей – контроль над пространством). Метафора правителя как возникшего есть в древнеирландском тексте «Завещание Моранна» [Kelly 1988] и часто встречается в «Ригведе». Вед. *ásura*, прагерм. **ansuz*, хетт. *ḫaššu* могут быть связаны с техническим термином, обозначающим средство, с помощью которого возница направляет своих лошадей и управляет ими: *вожжи* греч. и ирл. **ans-io* – от одного и того же индоевропейского корня **h₂ns* или **h₂ans*. Поводья и вожжи в анатolianской культуре также указывают на власть³. Колесница *hulugaanni* выступает в хеттском ритуале как символ царской власти: *LUGAL-u-e-tu ta-ni-ia-ah-ha-en GIŠhu-lu-ga-an-ni-en GIŠDAG-iz a-ru-na-za ú-da-aš* – Мне, царю, царствование колесницу Бог-Престол из-за моря принес (KUB XXIX I 23–24 [Ардзинба 1982]).

2. **Нисходящий вектор** (небо → земля) ассоциируется с женским, принимающим, порождающим.

– Земля (*Prithvi, Zemlja*) как мать, принимающая семя неба (дождь, молния) для рождения жизни [Иванов, Топоров 1974: 9; Маковский 1996: 188].

– Богини плодородия (Деметра, Анахита) – посредницы между небом (дающим) и землей (рождающей) [Козырев 2024].

– Змеи и хтонические существа (Вритра, Пифон) как порождения земли, побеждаемые небесными богами [Fontenrose 1980].

– Погребение в землю: возвращение к матери-земле. В «Ригведе» умершему поют:

- *upa sarpa mātaraṃ bhūtimetāmuruvyacasam prthivīṃsuśevām* (Ригведа, 10.18.21) –
Сползай в эту мать-землю, необъятную,
дружелюбную землю!
(перевод авторов статьи)

А земле в это время:

- *ucchvañcasva prthivi mā ni bādhatāḥ sūpāyanāsmāi bhavasūpavañcanā mātā putraṃ yathā sicābhyenaṃ bhūmaūrṇuhi* (Ригведа, 10.18.21) –
Расступись, земля! Не дави его! Будь ему легким входом, легким прибежищем!
Как мать сына краем одежды, укрой его, о земля!
(перевод авторов статьи)

– Жертвоприношения плодородия находим в «Авесте», где поются восхваления богине вод и плодородия Ардви – единственной богине, которая изображена в «Авесте» антропоморфно:

- *Молись ей, о Спитама,
Ей, Ардви полноводной,
Широкой и целебной;
Молись враждебной дэвам
И преданной Ахуре,
Достойной всего мира
Молитв и восхвалений;
Молись растящей жито,
Молись кормящей стадо,
Ей, множащей богатства
И ширящей имения,
Ей, праведной, дающей
Всем странам процветанье,
Молись, о Заратуштра! (Яшт⁴, 5.1)
(перевод И. М. Стеблина-Каменского).*

³ Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии, вступит. статья и коммент. В. В. Иванова. М.: Худ. лит., 1977. С. 142.

⁴ Авеста в русских переводах (1861–1996), сост., общ. ред., примеч., справ, разд. И. В. Рака. СПб.: РХГИ, Журнал Нева, 1997. С. 173–174.

Вышеперечисленные векторы представлены в таблице.

Табл. Векторы номинации
Tab. Nomination vectors

Восходящий (маскулинный)	Нисходящий (феминный)
Индра убивает Вритру	Вритра рожден землей
Зевс поражает Тифона молнией	Тифон – порождение Геи
Курган как путь к небу	Погребение в землю
Иггдрасиль – ось к Асгарду	Корни дерева – в Хельхейм
Правая рука (меч, власть)	Левая рука (магия, прядение)

В контексте спациональной генерации *прямая* – это не только геометрическое понятие, но и линия восприятия, соединяющая наблюдателя с объектом. Так, по Ю. С. Степанову, существуют:

1) сигнификат (понятие): «кратчайшее расстояние между двумя точками» [Степанов 1981: 11],

2) денотат (образ в сознании): «линия, которая не уклоняется ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз» [Там же].

Таким образом, лексический состав языка моделируется через линию взгляда, которая, в свою очередь, зависит от культурных паттернов восприятия пространства.

Климатический феномен

Исходя из понимания векторной номинации, обратимся к ее яркому примеру. Эль-Ниньо (Южная осцилляция) представляет собой периодическое потепление поверхностных вод Тихого океана, оказывающее глобальное влияние на погоду, экосистемы и человеческие сообщества. При этом ослабевают или вообще прекращаются пассаты, замедляется подъем глубинных вод океана к поверхности в восточной части Тихого океана [Халяк 2014].

Противоположная фаза осцилляции, Ла-Нинья, характеризуется аномальным охлаждением вод. Уже само наименование этих явлений – исп. El Niño (мальчик) и La Niña (девочка) – указывает на их гендерную маркировку, что не является случайным, а отражает более широкую тенденцию антропоморфизации природных процессов. Исторически Эль-Ниньо ассоциировался с разрушительными явлениями (засухами, наводнениями, эпидемиями),

в то время как Ла-Нинья часто воспринималась как период восстановления баланса. Эта дуальность соответствует распространенным в мифологии оппозициям мужского (активного, иногда агрессивного) и женского (восстанавливающего, стабилизирующего) начал.

Влияние Эль-Ниньо на человеческие сообщества можно рассматривать как пример интранаправленной спациональной генерации. Исследования показывают, что Эль-Ниньо вызывает экстремальные погодные условия, которые, в свою очередь, влияют на частоту эпидемических циклов заболеваний [Schiermeier 2011]. Это климатическое явление повышает риск заболеваний, переносимых комарами, включая малярию, лихорадку денге [Kovats et al. 2003] и пр. В таких регионах, как Индия, Венесуэла и Колумбия, вспышки малярии были связаны с явлениями Эль-Ниньо. Кроме того, они могут играть определенную роль в циклическом возникновении войн и гражданских конфликтов: анализ данных за период с 1950 по 2004 г. показал, что 21 % всех гражданских конфликтов за этот период были связаны с Эль-Ниньо [Hsiang et al. 2011]. Эта связь между климатом и конфликтами, вероятно, обусловлена неурожаями, которые чаще случаются в периоды экстремальной жары и погодных катаклизмов. Однако помимо прямых последствий Эль-Ниньо оказывает влияние и на когнитивные структуры: в культурах, сталкивающихся с этим явлением, формируются специфические нарративы, объясняющие климатические циклы через мифологические или религиозные концепции. Например, в доколумбовых обществах Южной Америки Эль-Ниньо мог ассоциироваться с гневом божеств, требующих умиловствования, что находило отражение в ритуальных практиках.

Ответом на данное природное явление становится экстранаправленная спациональная генерация – создание культурных и социальных механизмов, призванных интерпретировать и адаптироваться к климатическим изменениям. Так, в некоторых традиционных обществах развивались сложные системы предсказания погоды, основанные на наблюдениях за природными знаками, которые затем кодифицировались в виде поверий и обрядов. Кроме того, дуальность Эль-Ниньо / Ла-Нинья находила отражение в мифологических сюжетах, где противоборствующие силы (например, божества засухи и дождя) воплощали мужское и женское

начала. Эти представления, в свою очередь, влияли на социальную организацию, включая распределение ролей в ритуалах, связанных с контролем над природными силами [Иванов 1983; Иванов, Топоров 1974: 9; Watkins 1995: 300].

Сопоставив направления воздушных потоков и культурные интерпретации феномена Эль-Ниньо / Ла-Нинья, можно выделить следующие векторы:

1. Вектор *низ* → *верх* (восходящий, маскулинный) проявляется в активном, разрушительном характере Эль-Ниньо. Теплые воды, поднимающиеся к поверхности океана, вызывают хаотичные изменения климата, что ассоциируется с мужской агрессией, вторжением и нарушением порядка. Этот вектор соответствует мифологическим сюжетам о небесных богах (Индра, Зевс), побеждающих хтонических существ, а также культурным паттернам, связывающим восходящее движение с властью, сакральностью и мужским началом.

2. Вектор *верх* → *низ* (нисходящий, феминный) отражает стабилизирующую роль Ла-Нинья. Холодные воды, опускающиеся в глубь океана, возвращают систему к балансу, что ассоциируется с женским, принимающим началом, плодородием и восстановлением. Этот вектор перекликается с образами богинь земли (Деметра, Ардвиги), принимающих дождь как семя неба, а также с ритуалами погребения, где тело возвращается в материнскую утробу земли.

В гидрологическом аспекте при Ла-Нинья, в отличие от Эль-Ниньо, усиливаются пассаты, что способствует активному перемешиванию вод и насыщению поверхности питательными веществами. Это создает благоприятные условия для морских экосистем и рыболовства. В атмосфере преобладают нисходящие потоки, что приводит к засухам в одних регионах (например, на западном побережье Южной Америки) и обильным осадкам в других (Юго-Восточная Азия, Австралия).

С точки зрения культурной интерпретации в мифологическом сознании Ла-Нинья может восприниматься как нисхождение плодородных, женских сил: дождь, дарующий жизнь, возвращение баланса после хаоса. В традиционных обществах это явление могло связываться с богинями плодородия (например, Пачамама в андской традиции), которые принимают дары неба (дождь) и преобразуют их в урожай. В ритуальных практиках нисходящий вектор мог символизировать жертвоприношение (возлияния, подношения земле), где дар

спускается вниз, обеспечивая цикличность природных процессов.

Как было отмечено в отношении социальных последствий, в отличие от периодов Эль-Ниньо, когда учащаются конфликты из-за нехватки ресурсов, Ла-Нинья чаще ассоциируется с восстановлением: улучшение урожаев, стабилизация экономики. В некоторых культурах существовали ритуалы благодарения, направленные на поддержание нисходящего вектора – например, праздники дождя или церемонии в честь божеств земли.

Обсуждение

Предложенная модель векторной номинации демонстрирует, что пространственные метафоры (восходящий / нисходящий векторы) не являются исключительной особенностью индоевропейской традиции, но отражают более универсальные когнитивные механизмы восприятия мира. Однако их конкретное наполнение (например, связь восходящего вектора с мужским началом, а нисходящего – с женским в индоевропейской культуре) может варьироваться в зависимости от культурного контекста. Так, в китайской традиции нисходящий вектор (Инь) ассоциируется с пассивным, холодным, женским началом, а восходящий (Ян) – с активным, горячим, мужским. В то же время в некоторых мезоамериканских культурах (в частности, у ацтеков) земля могла восприниматься как агрессивная, пожирающая сила (богиня Тлальтеккутли), а небо – как источник жизни (солнечный бог Тонатиу). Это указывает на то, что сама бинарность векторов универсальна, но их семантическое наполнение зависит от экологических и социальных условий.

Феномен Эль-Ниньо / Ла-Нинья представляет собой яркий пример того, как природные циклы становятся основой для мифологизации и ритуализации. В традиционных обществах, где климатические изменения напрямую влияли на выживание, эти явления неизбежно получали антропоморфные черты и встраивались в систему религиозных представлений. Важно отметить, что гендерная маркировка этих феноменов (El Niño – мальчик, La Niña – девочка) не случайна: она отражает более глубокую тенденцию ассоциировать разрушительные, хаотичные явления с мужским началом (как в мифах об Индре, Зевсе или Торе), а стабилизирующие, восстанавливающие – с женским (как в культах богинь плодородия). Это согласуется с концепцией мужского как агента изменения,

а женского как хранителя порядка (хотя возможны и исключения, например, хтонические богини вроде Кали или Гекаты).

Интересно, что аналогичные паттерны прослеживаются и в современных дискурсах о климате. Катастрофические последствия Эль-Ниньо (засухи, наводнения) часто описываются в терминах агрессии, удара, нападения, что соответствует восходящему вектору (активное нарушение баланса). Ла-Нинья, напротив, ассоциируется с восстановлением, успокоением, возвращением к норме, что соответствует нисходящему вектору (стабилизация, принятие). Более того, в публицистике и научно-популярной литературе климатические изменения нередко антропоморфизируются: *гнев природы* – метафора, восходящая к мифологическим представлениям о карающих божествах; *земля мстит* – нарратив, в котором планета персонифицируется как живое существо с собственной волей. Это подтверждает гипотезу о том, что экстранаправленная спациальная генерация продолжает работать и в современном мире, хотя ее формы эволюционируют от мифологии к медиадискурсу.

Несмотря на убедительные параллели, важно учитывать, что не все культуры строго следуют бинарной логике – в некоторых традициях (например, полинезийских) природные явления могут кодироваться через более сложные, недюальные системы. Гендерные ассоциации не всегда жестко закреплены – в отдельных мифологиях женские божества (например, индийская Дурга) могут воплощать разрушительную силу, а мужские (например, египетский Осирис) – стабилизирующую. Влияние климата на культуру нелинейно – помимо природных факторов на формирование нарративов влияют социальные структуры, миграции, технологические изменения.

Заключение

Дюальность Эль-Ниньо / Ла-Нинья не только отражает климатическую цикличность, но и вписывается в универсальную модель векторной номинации, где восходящий вектор (Эль-Ниньо) – мужской, активный, разрушительный, связанный с нарушением баланса; нисходящий вектор (Ла-Нинья) – женский, восстанавливающий, стабилизирующий, обеспечивающий возвращение к гармонии.

Эта оппозиция подтверждает тезис о спациальной генерации как механизме, связывающем природные явления с культурными концептами. Климатические феномены не просто влияют на человеческое мышление (интранаправленная генерация), но и становятся основой для мифологизации, ритуализации и социальной адаптации (экстранаправленная генерация).

Настоящее исследование подтверждает универсальность предложенной модели векторной номинации, в которой восходящий и нисходящий векторы соотносятся с бинарными оппозициями (мужское / женское, активное / пассивное, хаос / порядок), характерными для индоевропейской культурной традиции.

Перспективы дальнейших исследований могут включать:

- сравнительный анализ других природных дюальностей (муссоны, приливы / отливы, вулканическая активность) в различных культурных традициях;
- изучение современных нарративов – как сегодняшние СМИ и научно-популярные дискурсы антропоморфизируют климатические изменения (*гнев природы*, *месть земли* и т.п.);
- экспериментальные исследования – проверку гипотезы о влиянии вертикальных векторов (подъем / спуск) на ассоциативное мышление в разных языковых группах.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. А. Щеголев – набор материала, обработка данных, подготовка текста. С. Г. Проскурин – концептуализация, научное руководство.

Contribution: M. A. Schegolev was responsible for data collection, data processing, and drafting. S. G. Proskurin conceptualized the idea and supervised the research design.

Литература / References

- Альбедиль М. Ф. Типы протоиндийских надписей. *Древние системы письма. Этническая семиотика*, отв. ред. Ю. В. Кнорозов. М.: Наука, 1986. С. 36–66. [Albedil M. F. Types of Proto-Indian inscriptions. *Ancient writing systems. Ethnic semiotics*, ed. Knorozov Yu. V. Moscow: Nauka, 1986, 36–66. (In Russ.)]
- Ардзинба В. Г. Хеттский строительный ритуал. *Вестник древней истории*. 1982. № 1. С. 109–119. [Ardzinba V. G. Hittite construction ritual. *Vestnik Drevnei Istorii*, 1982, (1): 109–119. (In Russ.)]
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Тбилисский ун-т, 1984. Т. 2. 990 с. [Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. *Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical-typological analysis of the proto-language and proto-culture*. Tbilisi: Tbilisi University, 1984, vol. 2, 990. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xdlzrp>
- Гесиод. Полное собрание текстов. М.: Лабиринт, 2001. 256 с. [Hesiod. *The complete collection of texts*. Moscow: Labirint, 2001, 256. (In Russ.)]
- Духовная культура Китая. Т. 2. Мифология. Религия, гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2007. 869 с. [Spiritual culture of China. Vol. 2. *Mythology. Religion*, ed. Titarenko M. L. Moscow: Vost. lit., 2007, 869. (In Russ.)]
- Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 177 с. [Evsiukov V. V. *Myths about the universe*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1988, 177. (In Russ.)]
- Иванов В. В. Хеттская и хурритская литература. *История всемирной литературы*, отв. ред. И. С. Брагинский. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 118–130. [Ivanov V. V. Hittite and Hurrian literature. *History of world literature*, ed. Braginskii I. S. Moscow: Nauka, 1983, vol. 1, 118–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtmjpe>
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с. [Ivanov V. V., Toporov V. N. *Research in the field of Slavic antiquities: Lexical and phraseological issues of text reconstruction*. Moscow: Nauka, 1974, 342. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uftqfj>
- Козырев А. П. Концепт «мать сыра земля»: народная вера и религиозная философия. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2024. Т. 46. № 6. С. 3–21. [Kozyrev A. P. The concept of "mat'-syra-zemlya": Folk belief and religious philosophy. *Lomonosov Philosophy Journal*, 2024, 46(6): 3–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vwcxdp>
- Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 416 с. [Makovskii M. M. *Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages. The image of the world and the worlds of images*. Moscow: Vlados, 1996, 416. (In Russ.)]
- Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII век). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с. [Mikhailov T. M. *From the history of Buryat shamanism from ancient times to the 18th century*. Novosibirsk: Nauka, 1980, 320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/urwamd>
- Проскурин С. Г. Мифопоэтический мотив «мирового дерева» в древнеанглийском языке и англосаксонской культуре (концептуальный анализ). *Логический анализ языка. Культурные концепты*, отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. С. 124–129. [Proskurin S. G. The mythopoeic motif of the world tree in the Old English language and Anglo-Saxon culture: Conceptual analysis. *Logical analysis of language. Cultural concepts*, Arutjunova N. D. Moscow: Nauka, 1991, 124–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhkmbx>
- Проскурин С. Г. О значении «правый-левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции. *Вопросы языкознания*. 1990. № 5. С. 37–50. [Proskurin S. G. The semantics of right-left in the light of the ancient German linguistics and culture. *Voprosy Jazykoznanija*, 1990, (5): 37–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/towqoj>
- Серкин В. П. Большая книга Шамана. М.: АСТ, 2024. 592 с. [Serkin V. P. *Big Shaman's book*. Moscow: AST, 2024, 592. (In Russ.)]
- Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 360 с. [Stepanov Yu. S. *Names, predicates, and sentences: Semiological grammar*. Moscow: Nauka, 1981, 360. (In Russ.)]
- Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья. In: Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974. С. 5–16. [Stepanov Yu. S. Émile Benveniste and Linguistics

- on the Path of Transformation. Introduction. In: Benveniste É. *General linguistics*. Moscow: Progress. 1974, 5–16. (In Russ.)]
- Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М.: Наука, 1993. 158 с. [Stepanov Yu. S., Proskurin S. G. *Constants of world culture. Alphabets and alphabetic texts during the period of dual faith*. Moscow: Nauka, 1993, 158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tsthfl>
- Толстой Н. И. О природе связей бинарных противопоставлений типа правый – левый, мужской – женский. *Языки культуры и проблемы переводимости*, отв. ред. Б. А. Успенский. М.: Наука, 1987. С. 169–183. [Tolstoy N. I. Binary oppositions right – left, male – female. *Cultural languages and problems of translatability*, ed. Uspensky B. A. Moscow: Nauka, 1987, 169–183. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlotvr>
- Топоров В. Н. Пространство и текст. *Текст: семантика и структура*, отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227–284. [Toporov V. N. Space and text. *Text: Semantics and structure*, ed. Tsivyan T. V. Moscow: Nauka, 1983, 227–284. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tzoxml>
- Фрейдсберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 449 с. [Freidenberg O. M. *Poetics of the plot and genre*. Moscow: Labirint, 1997, 449. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qznkel>
- Халык А. С. Влияние Эль-Ниньо на глобальный климат. *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2014. Т. 1. № 10. С. 240–241. [Khaliak A. S. The impact of El Niño on the global climate. *Aktualnye problemy aviatsii i kosmonavтики*, 2014, 1(10): 240–241. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/taqfcr>
- Энтони Д. Лошадь, колесо и язык. Как наездники бронзового века из евразийских степей сформировали современный мир. М.: ВШЭ, 2023. 672 с. [Anthony D. *The horse, the wheel, and language. How Bronze Age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world*. Moscow: HSE, 2023. 672. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2548-7>
- Шеголев М. А. Спациальная генерация в индоевропейских языках и культуре. *Идеи и идеалы*. 2025. Т. 17. № 3-2. С. 355–373. [Schegolev M. A. Spatial generation in Indo-European languages and culture. *Idey i idealy*, 2025, 17(3-2): 355–373. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2025-17.3.2-355-373>
- Bintley M. D. J. Trees of life in Old English and Old Norse literatures. *Sacra Silva: Bosco E Religione Tra Tarda Antichità E Medioevo*, eds. Carta F., Michetti R., Noce C. Rome: Viella, 2024, 81–98.
- Burnet J. Early Greek philosophy. London: A & C Black, 1920, 270.
- Campbell D. A. *Greek lyric. Vol. 5. The new school of poetry and anonymous songs and hymns*. Cambridge, MA, 1993, 461.
- Chelariu A. R. *Romanian folklore and its archaic heritage: A cultural and linguistic comparative study*. Palgrave Macmillan, 2023, 452.
- Fontenrose J. *Python: A study of Delphic myth and its origins*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1980, 637.
- Hocart A. M. *Caste. A comparative study*. New York: Russell & Russell, 1968, 158.
- Hsiang S. M., Meng K. C., Cane M. A. Civil conflicts are associated with the global climate. *Nature*, 2011, 476: 438–441. <https://doi.org/10.1038/nature10311>
- Kelly F. *A guide to early Irish law*. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1988, 358.
- Kovats R. S., Bouma M. J., Hajat h., Worrall E., Haines A. El Niño and health. *The Lancet*, 2003, 362(9394): 1481–1489. [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(03\)14695-8](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(03)14695-8)
- Lloyd G. E. Right and left in Greek philosophy. *The Journal of Hellenic Studies*, 1962, 82, 56–66.
- Principal Upanishads*, ed. with introduction, text, translation and notes by Radhakrishnan S. (1888). London: India HarperCollins, 1994, 958.
- Schiermeier Q. Climate cycles drive civil war. *Nature*, 2011, 476: 406–407. <https://doi.org/10.1038/news.2011.501>
- Thyssen A. Men and trolls: A discussion of race and the depiction of the Sámi in the Hrafnistumannasögur. *Scandinavian-Canadian studies. Études Scandinaves au Canada*, 2022, 29: 1–28. <https://doi.org/10.29173/scancan221>
- Watkins C. *How to kill a dragon: Aspects of Indo-European poetics*. New York: Oxford University Press, 1995, 640.

оригинальная статья

eLibrary EDN: RRCVEB

Исследование ценностных ориентаций моногорода на основе лингвистической базы данных вербальных ассоциатов ценностей

Адамова Зоя Гаврильевна

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3784-8452

zoya_adamova@mail.ru

Иванова Раиса Петровна

Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного
федерального университета имени М. К. Аммосова в г. Мирном,
Россия, Мирный

eLibrary Author SPIN: 5938-5372

<https://orcid.org/0000-0002-9757-1779>

Scopus Author ID: 57191432729

Аннотация: Статья посвящена исследованию ценностных ориентаций жителей моногородов на основе анализа лингвистических данных, полученных в ходе ассоциативного эксперимента. Цель исследования заключается в моделировании системы ценностных ориентаций через анализ отношения *стимул – реакция*, рассматриваемого как речевое действие. В работе использованы методы корпусной лингвистики и психолингвистики, позволяющие выявить ключевые ценности и их взаимосвязи в сознании респондентов. Материалом исследования послужили данные, собранные в г. Мирном (Республика Саха, Якутия), включающие результаты опроса, ранжирования и свободного ассоциативного эксперимента. Это позволяет определить наиболее значимые для жителей моногорода ценности, их иерархию и смысловое содержание. Были выявлены такие ключевые ценности, как *здоровье, семья, любовь, дружба и безопасность*, а также проанализированы их смысловые связи. Особое внимание уделено методике вычисления таких характеристик речевого действия, как индекс пересечения (O – Number of Overlapping Associates) и сила пересечения (OSG – Overlapping Associate Strength), отражающих степень психологической близости значений ценностей в актуальной деятельности общения респондентов. Продемонстрирована методика выявления интегрирующей и регулирующей роли ценностей на основе параметров речевого действия как социального. Результаты исследования демонстрируют, как язык фиксирует и транслирует ценностные ориентиры, отражая как универсальные, так и этнокультурно обусловленные представления. Полученные данные вносят вклад в развитие методик исследования междисциплинарных проблем лингвистики, расширяя понимание механизмов формирования ценностных систем в условиях моногородов. Практическая значимость работы связана с возможностью применения ее результатов в социальном проектировании, образовательных программах и межкультурных исследованиях.

Ключевые слова: ценностные ориентации, ассоциативный эксперимент, психолингвистика, лингвистическая база данных, параметры речевого действия, моногород, Республика Саха (Якутия)

Цитирование: Адамова З. Г., Иванова Р. П. Исследование ценностных ориентаций моногорода на основе лингвистической базы данных вербальных ассоциатов ценностей. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 91–104. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-91-104>

Поступила в редакцию 01.06.2025. Принята после рецензирования 05.09.2025. Принята в печать 08.09.2025.

original article

Value Orientations of Monotown Community: Linguistic Database of Verbal Value Associates

Zoya G. Adamova

Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3784-8452

zoya_adamova@mail.ru

Raisa P. Ivanova

Mirny Polytechnic Institute (branch) of North-Eastern Federal

University, Russia, Mirny

eLibrary Author SPIN: 5938-5372

<https://orcid.org/0000-0002-9757-1779>

Scopus Author ID: 57191432729

Abstract: The article explores the value orientations typical of residents in monotowns, i.e., single-industry towns. The linguistic data were obtained from an indirect associative experiment through an analysis of stimulus-response speech acts. The methods from corpus linguistics and psycholinguistics made it possible to identify the hierarchical framework of key values in the consciousness of respondents from the diamond mining town of Mirny, Republic of Sakha. The core values included *health, family, love, friendship*, and *security*, as well as their semantic associations. The methodology for calculating speech act characteristics included the intersection index (O – Number of Overlapping Associates) and intersection strength (OSG – Overlapping Associate Strength), which reflected the psychological proximity of value meanings in communicative practices. The method revealed the integrative and regulatory role of values based on parameters of speech acts as social actions. The results show how language captures and transmits value orientations, reflecting both universal and ethnocultural perceptions. The findings contribute to the development of interdisciplinary linguistics, enhancing the understanding of value system in single-industry settlements. The method can be used for social planning, academic programs, and cross-cultural studies.

Keywords: value orientations, associative experiment, psycholinguistics, linguistic database, speech act parameters, monotown, Republic of Sakha (Yakutia)

Citation: Adamova Z. G., Ivanova R. P. Value Orientations of Monotown Community: Linguistic Database of Verbal Value Associates. *SibScript*, 2026, 28(1): 91–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-91-104>

Received 1 Jun 2025. Accepted after peer review 5 Sep 2025. Accepted for publication 8 Sep 2025.

Введение

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется активной цифровизацией исследовательских методов, особое место среди них занимают технологии работы с базами данных. Как отмечают Т. Макэнери и А. Харди, переход от традиционных картотек к цифровым хранилищам языковых данных произвел настоящую революцию в методологии лингвистических исследований [McEnery, Hardie 2012: 15]. Лингвистические базы данных являются мощным инструментарием для систематизации и анализа языковых явлений, позволяя исследователям работать с большими массивами информации. В условиях цифровой трансформации науки такие ресурсы становятся необходимыми для проведения

корпусных исследований, лексикографических проектов и психолингвистических экспериментов [Плунгян, Сичинава 2004].

В современной психолингвистике особое значение приобретает использование специализированных баз данных, позволяющих системно изучать закономерности языкового восприятия и речепорождения.

Российские исследователи внесли существенный вклад в разработку подобных ресурсов, создав уникальные электронные корпуса и базы данных, которые находят широкое применение в научных исследованиях. Ассоциативные базы данных, такие как Ассоциативная грамматика русского языка¹

¹ Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Наука, 2002. 330 с.

и Русский региональный ассоциативный словарь², представляют особый интерес для изучения механизмов языкового сознания. Эти ресурсы позволяют анализировать глубинные связи между языковыми единицами и когнитивными структурами, что подтверждается исследованиями динамики языкового сознания [Уфимцева 2011] и кросс-культурными сопоставлениями [Залевская, Медведева 2002].

Современные исследования ценностных ориентаций и языкового сознания городских жителей развиваются в русле междисциплинарного подхода, объединяющего социологические и лингвистические перспективы [Зубко, Ключев 2022]. В частности, изучают, как региональная специфика влияет на формирование психолингвистического образа города [Бутакова 2023]. При этом особый случай представляют моноэтнические промышленные города, где наблюдаются уникальные модели языкового поведения, отражающие сложное взаимодействие производственной среды и этнокультурной идентичности [Данилов 2024].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью междисциплинарного изучения ценностной проблематики, что ставит проблему разработки междисциплинарных методик исследования, позволяющих выявить как универсальные, так и социокультурно обусловленные факторы, от которых зависит целостность культуры. Эти факторы фиксируются в ценностях, закреплённых в языке, поэтому они становятся важным инструментом регуляции социального поведения. Вместе с тем специфика моногородов, где экономические и социальные факторы тесно переплетены, требует особого внимания к локальным ценностным системам.

Цель исследования заключается в моделировании системы ценностных ориентаций через анализ отношения *стимул – реакция*, рассматриваемого как речевое действие. Теоретической основой выступает деятельностный подход [Ананьев 2010; Леонтьев 1977], позволяющий рассматривать ценности как продукт социально-исторического развития.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов для разработки социальных программ, направленных на укрепление ценностных ориентиров

в моногородах. Кроме того, полученные данные могут быть использованы в кросс-культурных исследованиях и прикладной лингвистике.

Методы и материалы

Лабораторией психолингвистики Московского государственного лингвистического университета осуществляется лонгитюдный проект «Карта ценностей городов России»³. Как лингвистическая база данных вербальных ассоциатов ценностей он основан на фундаментальных принципах отечественной психологической теории деятельности и теории речевой деятельности. Согласно отечественной традиции изучения человека как субъекта деятельности и исторического процесса, сущность структуры деятельности субъекта определяет не столько структура его личности, сколько структура его внешней деятельности: включённость деятельности во взаимоотношения с другими людьми и средства, способы деятельности, имеющие социально наследуемый характер [Леонтьев 1977]. «Центром» структуры такой деятельности, определяющим сложную цепь взаимосвязей макросреды, микросреды и личности, в котором сходятся междисциплинарные проблемы гуманитарных наук, является «ценностная ориентация групп и личности, общность целей деятельности, жизненная направленность или мотивация поведения людей» [Ананьев 2010: 254]. Следовательно, исследование формирования и развития личности субъекта и общества невозможно без специального изучения ценностей и ценностных ориентаций.

Для деятельностной психологии процесс формирования ценностных ориентаций человека есть процесс психической деятельности человека по присвоению и созданию имеющих культурно-исторический характер способов и средств социальной (межсубъектной, или интерпсихологической) деятельности, наследуемых только в форме внешнего действия или форм общения. Эти способы действия и общения формируются в процессе «теоретической» деятельности регуляции и саморегуляции человека и общества: формой их существования являются фиксированные в значениях естественного языка ценности, а процессом осуществления – речевая деятельность как процесс

² Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). Т. 1. От стимула к реакции. М.: Московская международная академия, 2018. 542 с.

³ Карта ценностей городов России. URL: https://science.linguanet.ru/wp-content/uploads/2022/12/КАРТА-ЦЕННОСТЕЙ_Сокр.pdf (дата обращения: 18.04.2025).

усвоения смысла ценностей или формирования ценностных ориентаций у субъекта деятельности [Леонтьев 1969]. Благодаря закреплению языком ценности «превращаются в общественный факт, достояние общественного человека» [Ильенков 2006: 21], которое призвано регулировать деятельность человека и общества. Однако язык является лишь формой выражения ценностей как продуктов «идеального»; чтобы ценности могли выполнять регулирующие социальное поведение функции, их фиксированный в языке «идеализованный» характер (Э. В. Ильенков) должен быть воссоздан в процессе формирования ценностных ориентаций у текущего поколения.

Как процесс интериоризации ценностей в ходе социализации, так и процесс экстериоризации ценностей в ходе обретения субъектности опосредованы коллективной деятельностью, а именно деятельностью общения, средством и способом которой выступает коллективное языковое знание; поэтому особую роль в изучении ценностных ориентаций обретает моделирование речевой деятельности как деятельности общения [Леонтьев 2005]. В деятельности общения, обеспечивающего «взаимодействие людей в коллективной деятельности, реализующих общественные и личностные, психологические отношения» [Там же: 240], предстают две стороны социальной природы человека: с одной стороны – взаимодействие с миром как познавательная или теоретическая деятельность, с другой – взаимодействие с другими людьми как средство регуляции и саморегуляции [Леонтьев, Ханина 2011]. Кроме того, в деятельности общения осуществляется «взаимодействие образов мира его участников и формирование групповых инвариантов этих образов» [Там же: 26].

Как и любая деятельность, деятельность общения имеет мотивационную, целевую и исполнительную стороны. Она основана на потребностях, направлена на достижение цели и опосредована задающими направлением и формы речевой деятельности социально обусловленными речевыми действиями и операциями. Следовательно, моделируя речевую деятельность как деятельность общения, можно моделировать как коллективные формы общения, лежащие в основе формирования смысловых связей внутри системы ценностных ориентаций, так и специфику формирования личностного смысла и ценностных ориентаций субъекта и общества, основанных на аксиологическом отношении.

Материалом для моделирования деятельности общения служат данные ассоциативного эксперимента – активированные заданными словами-стимулами, а именно наименованиями ценностей, соотношение *стимул – реакция*. Оно рассматривается как речевое действие и анализируется как «механизм вербализации личностного смысла в актах функционального оперирования знаком» [Пищальникова 2019: 756].

Методологическая база исследования основана на интеграции современных психолингвистических подходов и включает следующие ключевые компоненты:

1. Анализ ассоциативных полей (АП), разработанный в рамках отечественной психолингвистической школы. Данный метод позволяет выявлять глубинные смысловые связи между словами в сознании носителей.

2. Количественный анализ ассоциативных данных с использованием:

- индексов пересечения (О), отражающих количество общих ассоциатов;
- показателей силы пересечения (OSG), демонстрирующих степень смысловой близости слов [Пищальникова, Степыкин 2024].

Сбор эмпирических данных для создания базы вербальных ассоциатов ценностей осуществляется посредством методов опроса, ранжирования и проведения свободного ассоциативного эксперимента. Обработка результатов ассоциативного эксперимента проводится по формальным и количественным показателям, характеризующим смысловые связи в составе ассоциативного поля [Степыкин 2021]. Для анализа содержания АП ценностей как модели деятельности общения, репрезентирующей характер взаимодействия образов мира участников общения и специфику формирования инвариантов этих образов на основе аксиологического отношения, выделяются социальные параметры речевого действия [Адамова 2023].

Результаты

В настоящей статье рассматривается процедура создания лингвистической базы данных вербальных ассоциатов ценностей и анализа данных свободного ассоциативного эксперимента по формализованным параметрам речевого действия на примере сбора и обработки языкового материала, полученного в г. Мирном в Республике Саха (Якутия).

Так как ценностные ориентации рассматриваются как «представления о системе значимых ценностей, определяющих наиболее общие ориентиры жизнедеятельности» [Леонтьев 1992: 2], на первом этапе создания базы данных вербальных ассоциатов ценностей был проведен опрос. Опросник состоял из 30 ценностей: безопасность, богатство, вера, власть, гармония, деньги, доверие, дружба, жизнь, здоровье, интеллект, комфорт, любовь, милосердие, мир, независимость, образование, порядочность, природа, работа, Родина, свобода, семья, справедливость, счастье, творчество, толерантность, уважение, успех, честность. Данный список был сформирован сотрудниками лаборатории на базе сравнения и объединения имеющихся в психологии, социологии и лингвистике списков базовых ценностей.

В ассоциативном эксперименте участвовало 99 человек: 83,8 % женщин и 16,2 % мужчин. Имеют высшее образование 52,5 % респондентов, среднее – 17,2 %, среднее специальное – 16,2 %, неоконченное высшее – 14,1 %. На рисунке представлено распределение респондентов по возрасту.

Участникам ассоциативного эксперимента в г. Мирном было предложено отметить 10 наиболее значимых ценностей из предложенного списка. В результате обработки результатов опроса были определены 10 наиболее значимых с точки зрения респондентов ценностей. Для демонстрации необходимости проведения такого опроса приведем таблицу с результатами опроса в сравнении с данными по другим городам Республики Саха (Якутия) (табл. 1).

На втором этапе респондентам было предложено провести ранжирование ценностей. Результаты

ранжирования позволяют определить весомость каждой ценности и построить на этом основании их иерархию по весомости каждой ценности. Результирующие ранги ценностей определяются как сумма рангов для каждой ценности: первый ранг присваивается ценности, которая получила наименьшую сумму рангов, а последний ранг – наименее значимой ценности, у которой оказалась наибольшая сумма рангов. В таблице 2 приведены результаты ранжирования и статистическая иерархия ценностей.

На третьем этапе был проведен свободный ассоциативный эксперимент и сформированы ассоциативные поля по 10 наиболее значимым ценностям.

Табл. 1. Статистический ранг 10 наиболее значимых ценностей в городах Республики Саха (Якутия)
Tab. 1. Ten core values in urban Sakha Republic

Ранг	Мирный	Нерюнгри	Якутск
1	Здоровье	Здоровье	Здоровье
2	Семья	Семья	Семья
3	Любовь	Любовь	Счастье
4	Дружба	Безопасность	Любовь
5	Доверие	Жизнь	Безопасность
6	Безопасность	Счастье	Жизнь
7	Счастье	Дружба	Деньги
8	Жизнь	Деньги	Дружба
9	Мир	Комфорт	Доверие
10	Гармония	Доверие	Уважение

99 ответов

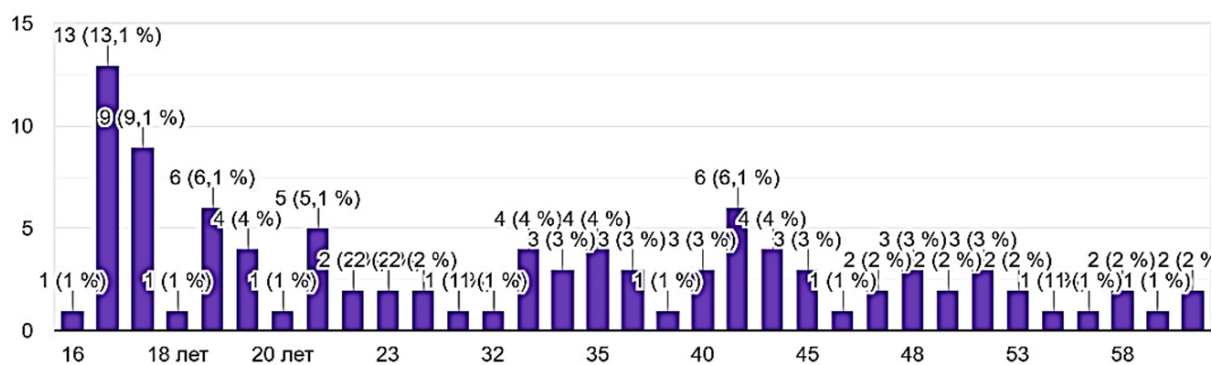

Рис. Возраст респондентов
Fig. Respondents' age

Табл. 2. Иерархия по весомости и статистическая иерархия ценностей
Tab. 2. Weighted hierarchy and statistical value ranking

Ценность	Ранг	Весомость	Статистический ранг	%
Здоровье	1	0,046	1	88,9
Счастье	2	0,038	7	57,6
Жизнь	3	0,033	8	53,5
Семья	4	0,029	2	85,9
Любовь	5	0,023	3	68,7
Мир	6	0,018	9	45,5
Безопасность	7	0,014	5	60,6
Доверие	8	0,010	6	60,6
Дружба	9	0,006	4	63,6
Гармония	10	0,003	10	44,4

Для анализа специфики речевых действий и операций в составе АП ценностей определяются параметры речевого действия, существенные с точки зрения изучения ценностей как категорий, «в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в единое целое все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [Степин 2011: 10].

Так, кроме таких параметров, как общее количество реакций, количество отказов от реагирования, количество разных и единичных реакций, характеризующих непосредственные связи слов в составе АП, выделяются формализованные параметры речевого действия [Степыкин 2021]. В частности, параметры, отражающие пересекающиеся связи между стимулом и реакцией, которые позволяют интерпретировать смысловые связи между ассоциатами внутри АП и тем самым выявить специфику ассоциативно-вербальной сети индивида и моделировать ее этнокультурную специфику [Пищальникова, Степыкин 2024]. Поскольку при изучении ценностных ориентаций речь идет о системе ценностей, основными характеристиками которой являются упорядоченность, целостность в формировании, функционировании и развитии, можно предположить, что формализованные параметры речевого действия применимы для обнаружения смысловых связей между ценностями в процессе формирования ценностных ориентаций. Для нас важно, что целостность системы ценностей

наблюдается в обнаружении ценностей как ассоциатов в составе моделируемых АП ценностей. Продемонстрируем порядок обнаружения смысловых связей в системе ценностей посредством вычисления параметра количества и силы пересечения на примере анализа базы данных вербальных ассоциатов ценностей, полученных в г. Мирном.

Согласно словарю ассоциаций Южной Флориды (USF), число пересечений обозначается аббревиатурой О (Number of Overlapping Associates) и отражает количество одинаковых ассоциатов, продуцируемых словом-стимулом и словом-реакцией [Там же]. Например, в АП *здоровье* (всего 64 реакции) наиболее частотной реакцией является *жизнь* (7 реакций). Кроме того, в составе АП обнаружены реакции *счастье* (3 реакции), *деньги* (2) и *свобода* (1). Однако *деньги* и *свобода* не входят в список 10 наиболее значимых для респондентов в г. Мирном ценностей, поэтому в базе данных вербальных ассоциатов ценностей по г. Мирном нет сформированных АП по ним. Следовательно, мы можем вычислить индексы числа пересечений (О), сопоставляя АП *здоровье* и *жизнь*, *здоровье* и *счастье*.

Так, сопоставив АП *здоровье* и *жизнь*, мы обнаружили следующие пересекающиеся ассоциаты: *свобода* и *счастье*. Они рассматриваются как маркеры смысловой близости психологического значения *здоровья* и *жизни* [Там же]. Индекс О, обозначающий число пересечений, равен 2.

Далее вычисляем индекс силы пересечения (OSG – Overlapping Associate Strength), который является показателем психологически актуальной для индивида близости значения слов: «чем выше параметр OSG, тем более близки по смыслу анализируемые слова» [Там же: 9], и служит основанием моделирования этнокультурной специфики ассоциативно-вербальной сети индивида. Для этого сначала необходимо вычислить индекс прямой ассоциативной силы FSG (Forward Cue-to-Target Strength) от стимула к реакции, поделив количество той или иной реакции на общее количество реакций в составе исследуемого АП. Индексы FSG по каждому из общих ассоциатов в составе АП *здоровье* обозначим FSG1: FSG1 *здоровье* – *счастье*, где общее количество реакций *счастье* на слово-стимул *здоровье* составляет 3, а общее количество реакций – 64, равен 0,046; FSG1 *здоровье* (64) – *свобода* (1) равен 0,015. В составе АП *жизнь* индекс обозначим как FSG2: FSG2 *жизнь* (64) – *счастье* (3) равен 0,046; *жизнь* (64) – *свобода* (5) равен 0,078.

Затем для вычисления индекса OSG используем следующую формулу:

$$OSG = FSG1 \times FSG2 \text{ (счастье)} + FSG1 \times FSG2 \text{ (свобода)}.$$

Таким образом, индекс OSG для ценностей *здоровье* и *жизнь* составил 0,0032: $0,046 \times 0,046 + 0,015 \times 0,078$. Сопоставление АП *здоровье* и *счастье* выявило 2 общих ассоциата: *жизнь, деньги*. Индекс OSG для *здоровья* и *счастья* равен 0,0031.

Результаты обработки зон пересечения в АП наиболее значимых ценностей по параметрам пересечения (O) и силы пересечения (OSG) приведены в таблице 3.

Анализ содержания зон пересечения в АП наиболее значимых ценностей выявил общие ассоциаты, которые продуцируются базовыми ценностями:

- *спокойствие* у стимулов *безопасность* и *счастье, доверие* и *безопасность, гармония* и *мир*;

Табл. 3. Зоны пересечения в АП наиболее значимых ценностей: индексы O и OSG

Tab. 3. Core value overlaps in associative field: O and OSG indices

Стимул →	Пересечения	Число пересечений (O)	Сила пересечения (OSG)	Совокупный индекс пересечения (OSG)	→ Реакции ← Стимул
Здоровье	свобода, счастье	2	0,0032	0,0065	жизнь
	жизнь, деньги, радость	3	0,0031		счастье
Счастье	радость, любовь, гармония, дети, дом, родители, тепло, большое / большая	8	0,0075	0,0227	семья
	семья, счастье, гармония, жизнь, тепло	5	0,0026		любовь
	семья, тишина, во всем, жизнь, здоровье, мечта, мир, спокойствие	8	0,0045		гармония
	любовь, путешествия, благополучна / благополучное, дети, здоровье, коротка / коротко, мир, семья, это жизнь	9	0,0037		жизнь
	деньги, жизнь	2	0,0020		здоровье
	любовь, большое / большой, жизнь, мечта, путешествие, спокойствие	6	0,0024		мир
Жизнь	смерть, счастье, семья	3	0,0045	0,0228	любовь
	любовь, путешествия, благополучна / благополучное, дети, здоровье, коротка / коротко, мир, семья, это жизнь	9	0,0037		счастье
	счастье	1	0,0020		здоровье
	свобода, любовь, путешествия, безопасность	4	0,0038		мир
	любовь, счастье, безопасность / безопасно, дети	4	0,0088		семья
Семья	счастье, мама, тепло, гармония, нежность, родственники / родные	6	0,0040	0,0248	любовь
	радость, любовь, дом, дети, тепло, большая / большое, гармония, родители	8	0,0075		счастье
	любовь, дети / детям, безопасно / безопасность, поддержка, понимание	5	0,0123		доверие
	счастье, доверие, уют	3	0,0010		гармония

Стимул →	Пересечения	Число пересечений (O)	Сила пересечения (OSG)	Совокупный индекс пересечения (OSG)	→ Реакции ← Стимул
Любовь	семья, гармония, жизнь, тепло	4	0,0036	0,0141	счастье
	счастье, семья, сила	3	0,0020		гармония
	счастье, семья, любить, смерть	4	0,0047		жизнь
	счастье, гармония, мама, нежность	4	0,0038		семья
Мир	друзья, жизнь	2	0,0004	0,0068	любовь
	спокойствие, всем, жизнь, свобода	4	0,0024		безопасность
	свобода	1	0,0002		дружба
	свобода, любовь, путешествия, безопасность	4	0,0038		жизнь
Безопасность	жизнь, спокойствие, мир, семья, дом, обязательно / обязательно, тепло, деньги	8	0,0079	0,0227	счастье
	дом, счастье	2	0,0076		семья
	мир, семья, свобода, счастье	4	0,0048		жизнь
	жизнь, свобода, всем, спокойствие	4	0,0024		мир
Доверие	уважение, жизнь, понимание, принятие, семья, хорошо	6	0,0018	0,0233	любовь
	друг, поддержка, понимание, предательство, рука, семья, собака, ценность	8	0,0023		дружба
	любовь, дети, безопасность / безопасно, поддержка, понимание	5	0,0123		семья
	любовь, безопасность, семья	3	0,0036		жизнь
	важно, жизнь, замок, комфорт, семья, спокойствие	6	0,0033		безопасность
Дружба	свобода	1	0,0002	0,0108	мир
	мир, радость, дети, семья, солнце, тепло	6	0,0032		счастье
	друг, поддержка, понимание, предательство, рука, семья, собака, ценность	8	0,0023		доверие
	доверие, крепкая, радость, счастье, дети, поддержка, понимание	7	0,0051		семья
Гармония	мир, здоровье, семья, счастье	4	0,0019	0,0116	жизнь
	жизнь, спокойствие, мечта, согласие	4	0,0016		мир
	доверие, счастье	2	0,0010		семья
	семья, тишина, во всем, жизнь, здоровье, мечта, мир, спокойствие	8	0,0045		счастье
	взаимопонимание, жизнь, семья	3	0,0006		доверие
	жизнь, счастье, сила	3	0,0020		здоровье

- *свобода* у стимулов *безопасность* и *жизнь, здоровье и жизнь*;
- *путешествия* у стимулов *счастье и жизнь, счастье и мир*;
- *сила* у стимулов *любовь и гармония, гармония и здоровье*;
- *деньги* у стимулов *здоровье и счастье*.

Эти данные могут стать основой для содержательного сопоставительного анализа социокультурной специфики ассоциативно-вербальной сети жителей моногородов. Отметим, что по данным Двухязычного ассоциативного словаря базовых ценностей ассоциат *сила* присутствует практически в АП всех базовых ценностей, но наиболее частотным является в составе АП таких ценностей, как *вера, власть, деньги, здоровье*, а также *доверие, любовь* и др.⁴ На наш взгляд, эти данные требуют специального изучения слова *сила* и его роли в формировании и функционировании системы ценностных ориентаций. Для этого необходимо проведение дополнительных экспериментальных исследований.

Совокупные индексы пересечения OSG показывают, что в иерархии ценностей по г. Мирному «фундаментальными» являются *семья*, а также *счастье, жизнь, доверие* и *безопасность*. Их смысловые связи с другими ценностями определяют базисную структуру иерархии ценностей. Наибольший коэффициент пересечения отмечен в АП *семья* и *доверие*, хотя в АП *доверие* реакция *семья* является единичной. Напротив, в АП *мир* реакция *дружба* является одной из наиболее частотных, но индекс силы пересечения соотношения *мир – дружба* оказался самым низким. Это подтверждает операциональный (лишенный смысла) характер предикации *мир – дружба*, обусловленный культурным фактором, а именно популярным мемом *Мир. Дружба. Жвачка*, основанным на официальном слогане Международного фестиваля молодежи 1985 г. *Мир. Дружба. Фестиваль*. Низкие индексы силы пересечения отмечены также в АП *гармония* (по ассоциату *доверие*) и в АП *мир* (по ассоциату *любовь*). Смысловые связи АП *мир* и *дружба* значительно слабее, чем между *миром* и *жизнью* или *миром* и *безопасностью*.

В изучении ценностной проблематики особенно важно понимание механизма влияния и взаимовлияния социальных и культурных факторов на процессы формирования ценностных ориентаций личности и общества. Поэтому необходимы методики выявления интегрирующей роли социальных ценностей, которые «определяют судьбы поколений, сообществ и индивидов», т. к. их смыслы определяют структуру ценностных ориентаций в каждую конкретную историческую эпоху и таким образом регулируют деятельность на всех уровнях отношений, в которые вступает человек в процессе социализации и субъективации [Плотников 2002: 371]. Речь идет о таких социальных ценностях, как *доверие, вера, дружба, свобода, справедливость, мир* и др. Именно их смыслы лежат в основе «социального капитала», понимаемого как совокупность социальных связей (отношений) и ценностей, норм и моделей поведения, которые разделяются членами группы и обеспечивают групповое единство⁵. К таким ценностям, безусловно, относится и *здоровье* как достояние общества [Ветков 2016; Нилов 2011].

Наш анализ по параметру индекса OSG выявил очень слабые психологические связи социальных ценностей с другими ценностями в иерархии. Так, несмотря на то что *здоровье* находится на первом месте в иерархии ценностей по весомости, индекс OSG АП *здоровье* в соотношении с АП других ценностей является самым незначительным (0,0065). Это свидетельствует о том, что *здоровье* психологически мало связано с другими ценностями в иерархии. То же самое мы можем сказать про смысловые связи *мира* и *дружбы* с другими ценностями в иерархии. В связи с этим разработанная нами методика анализа содержания АП ценностей по социальным параметрам речевого действия [Адамова 2024] может качественно дополнить инструментарий исследования ценностных ориентаций индивида и общества.

Продemonстрируем это на результатах анализа АП *доверие* (всего 58):

Доверие – *любовь* (5), *дружба* (3), *безопасность* (2), *друг* (2), *открытость* (2), *уважение* (2), *человек* (2), *база, близкий человек, близким, в семье, важно, вера,*

⁴ Пищальникова В. А., Адамова З. Г., Кошелева Ю. П., Панарина Н. С., Хлопова А. И., Пэй Цайся, Чжипэн Яо. Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей. М.: Спутник +, 2020. 262 с.

⁵ Социальный капитал современного общества: Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 октября 2012 г.) СПб.: Скифия-Принт, 2012. 406 с.; Обзорное исследование социального капитала в контексте улучшения человека, науч. ред. В. А. Аникин. М.: Эгитас, 2022. 92 с.

взаимопонимание, всегда, детям, доверие любимого человека, жизнь, замók, Иуда, к себе, каждому, комфорт, лично я, надо заслужить, наивность, не доверяю, недоверие, папа, плохо, поддержка, показывать, понимание, предательство, принятие, работа, рука, себе, семья, сложный вопрос, собака, спина к спине, спокойствие, только другу, хорошо, хрупкость, ценность.

Прежде всего отметим, что в иерархии ценностей моногорода Мирного *доверие* занимает 8 ранг. Анализ соотношения АП наиболее значимых ценностей по параметру OSG подтвердил, что *доверие* определяет структуру иерархии ценностей наряду с такими ценностями, как *семья, счастье, жизнь и безопасность*. При этом по ассоциату *доверие* пересекаются АП *семья и гармония, дружба и семья*.

Анализ основан на социальных параметрах речевого действия, определенных нами ранее [Там же]. Содержание ценности *доверие* предварительно установлено на основе общепсихологического, социально-психологического, социологического анализа понятия, а также соотношения с ним философского и духовного знания; кроме того, к анализу был подключен Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей [Там же]. Определенные нами признаки ассоциирования, представляющие социально значимые речевые действия, связанные с *доверием*, и распределение речевых действий по этим признакам приведены в таблице 4. Произведенный на основе этих признаков *доверия* анализ данных, полученных в моногороде Мирном, выявил элементы как инвариантного социального образа мира *доверие*, так и специфику взаимодействия образов мира, обусловленную региональными факторами. Они выражаются в общем и специфическом характере признаков ассоциирования. Так, в речевых действиях, составляющих содержание анализируемого АП, репрезентированы те же представления о доверии, которые были зафиксированы нами ранее: они свидетельствуют об узко психологическом характере анализируемой ценности и утрате ее регулирующей, собственной социальной роли.

Однако были обнаружены и специфические признаки ассоциирования, а именно отсутствие речевых действий, репрезентирующих «обязывающее доверие», т. е. действий, которые, по П. Штомпке, подразумевают не только «наделение доверием», но и ожидание честного и добросовестного взаимодействия [Штомпка 2012: 88]. Кроме того,

полностью отсутствуют действия, связанные с доверием, вектор которого направлен на самого субъекта как объекта доверия. В смоделированном нами ранее АП *доверие* такие речевые действия представлены ассоциатами *к себе, себе, лично я* и др. Подчеркнем, что, согласно онтологии доверия, сущностью доверия как основы социальной деятельности является именно направленность на себя, т. к. доверие к другим начинается с доверия к себе [Биричева 2023; Чупров 2015]. Также отмечена особенность в речевых действиях, репрезентирующих «горизонт доверия», который в процессе обретения субъектности должен расширяться «от конкретных межлических отношений до более абстрактного отношения к публичным объектам, структурам, учреждениям, организациям, государствам» [Штомпка 2012: 116]. Так, отмечено речевое действие *доверие – работа*, которое отсутствует в смоделированном нами ранее АП доверие [Адамова 2024].

На последнем этапе были проанализированы эмоционально-оценочные речевые действия, которые репрезентируют мотивационную основу аксиологического отношения к доверию. При этом мы основывались на теоретических положениях о социальной природе оценки и эмоций, которые представляют собой единство аффективного и интеллектуального переживания и познания [Рубинштейн 2020]. Так, мы выявили общую оценку: *база; важно; ценность*, что подчеркивает значимость доверия. Оценочные речевые действия демонстрируют онтологические основы, которые легли в основу аксиологического отношения к доверию: *всегда; хорошо; плохо; сложный вопрос; не доверяю, комфорт, спокойствие*.

Таким образом, мы продемонстрировали методу определения регулирующей роли социальной ценности *доверие* на основе выявления связей между мотивационной, целевой и исполнительной сторонами речевой деятельности.

Обсуждение

Ценностная иерархия жителей г. Мирного, характерная для моногородов, демонстрирует специфическую структурную организацию с приоритетом здоровья и семьи. Выявленные особенности подтверждают гипотезу о том, что ценностная структура жителей моногородов формируется под комплексным воздействием как универсальных социальных факторов, так и локальных социокультурных

Табл. 4. Распределение речевых действий по признакам ассоциирования, направленным на выявление интегрирующей и регулирующей роли доверия

Tab. 4. Speech acts by association features for trust: integrative and regulatory role

Психологический компонент доверия	Социологический компонент доверия	Онтологические основы доверия
1. Доверие как собственно психологическое отношение, или человеческое отношение: <i>человек</i> (2). 2. «Персонифицированное доверие», или доверие как потребность в близких отношениях: <i>любовь</i> (5), <i>дружба</i> (3), <i>близкий</i> , <i>в семье</i> , <i>любимого</i> , <i>семья</i> . 3. Адресаты доверия, или «горизонт доверия», репрезентирующий социальные функции доверия от межличностных отношений до отношений с всеобщим миром: <i>друг</i> (2), <i>близким</i> , <i>папа</i> , <i>работа</i> , <i>собака</i> , <i>только другу</i> .	1. Доверие как положительное свойство субъекта (убежденность, готовность рисковать, действовать, направленные на снижение онтологической неопределенности): <i>безопасность</i> (2), <i>открытость</i> (2), <i>уважение</i> (2), <i>замбк</i> , <i>показывать</i> . 2. Доверие как «отрицательное» свойство субъекта, основанное на онтологической характеристике доверия как уязвимого: <i>наивность</i> . 3. «Предвосхищенное доверие», или выражение свободной воли испытывать доверие к кому-либо, не ожидая ответного действия: <i>детям</i> , <i>каждому</i> . 4. «Обязывающее доверие», или доверие, ожидающее ответного действия. Рациональное доверие как выражение доверия к свойству объекта доверия: <i>надо заслужить</i> .	1. Доверие как первооснова взаимодействия с миром, или открытость, надежность и принятие: <i>поддержка</i> , <i>принятие</i> , <i>рука</i> , <i>спина к спине</i> . 2. Доверие как уверенность или вера: <i>вера</i> . 3. Доверие, суть которой состоит в рекуррентных отношениях: <i>взаимопонимание</i> , <i>понимание</i> . 4. Уязвимое доверие: <i>хрупкость</i> . 5. Доверие как источник обмана: <i>Иуда</i> , <i>предательство</i> . 6. Доверие, направленное на себя.

особенностей. Это проявляется не только в содержательном наполнении ценностных категорий, но и в характере их взаимосвязей, что нашло отражение в результатах ассоциативного эксперимента (табл. 3).

Особый интерес представляет сравнение с результатами ассоциативных экспериментов в городах Якутии. Если в Якутске ценность *деньги* занимает 7 место (табл. 1) с частотностью 57,6 %, то в Мирном она не вошла в топ-10, уступив место таким ценностям, как *доверие* (60,6 %) и *гармония* (44,4 %). Это различие может отражать специфику экономической структуры этих городов: в то время как Якутск является крупным административным и деловым центром, Мирный как моногород с градообразующим горнодобывающим предприятием демонстрирует иную систему ценностных приоритетов.

Данный факт свидетельствует о прямой зависимости ценностных иерархий от типа поселения. Как показывают результаты исследования, в моногородах формируется особая система ценностей, где материальные факторы (*деньги*, *комфорт*) уступают место социальным (*доверие*, *гармония*). Полученные данные свидетельствуют о необходимости учета

региональной специфики при разработке социальных программ и стратегий развития моногородов.

Методика вычисления индексов пересечения (О и OSG) продемонстрировала свою эффективность, что соответствует выводам В. А. Пищальниковой и Н. И. Степыкина [Пищальникова, Степыкин 2024].

Выявленные особенности ценностных ориентаций жителей Мирного (высокая значимость *доверия*) и слабые смысловые связи *здоровья*, *мира* и *дружбы* с другими ценностями в иерархии требуют дальнейшего изучения социальных ценностей в контексте теорий социального капитала. Полученные данные открывают перспективы для сравнительных исследований с использованием единой методики в различных городах и регионах России.

Обсуждение результатов исследования в ходе курса повышения квалификации «Лингвистические базы данных и возможности их использования в междисциплинарных проектах», организованного в Политехническом институте (филиале) Северо-Восточного федерального университета в г. Мирном для работников сферы образования, подтвердило востребованность подобных исследований ценностных ориентаций моногородов.

Заклучение

Проведенное исследование выявило устойчивую структуру ценностных ориентаций жителей г. Мирного где смысловое ядро системы ценностей образуют *семья, счастье, жизнь и безопасность*. Количественный анализ показал их глубокую смысловую взаимосвязь в сознании. Однако были зафиксированы слабые смысловые связи составляющих содержание социального капитала собственно социальных ценностей, таких как *здоровье, мир, дружба*.

Примечательно, что ценность *доверие* демонстрирует специфические для данного региона ассоциативные связи. *Доверие* занимает более высокую позицию в иерархии (ранг 8, 60,6%), чем в городах Якутск и Нерюнгри. О специфике социальных отношений в условиях моногорода свидетельствуют результаты моделирования АП по социальным параметрам речевого действия. Особенно показательно речевое действие *доверие – работа*, а также отсутствие речевых действий, связанных с «обязывающим доверием» (П. Штомпка). Последнее может свидетельствовать об удовлетворенной потребности в ответном, честном и добросовестном действии, основанном на доверии, в условиях моногорода.

Полученные результаты позволяют утверждать, что метод анализа вербальных ассоциатов с вычислением индексов пересечения является эффективным инструментом для выявления как универсальных, так и регионально обусловленных ценностных структур. Выявление регулирующей роли социальных ценностей на основе базы данных подтверждает актуальность разработки целевых социальных программ, учитывающих выявленные ценностные взаимосвязи.

Перспектива дальнейшего исследования проблемы видится в углубленном сравнительном анализе динамики ценностных ориентаций, что позволит отслеживать изменения в сознании в реальном времени и выявить социокультурную специфику влияния и взаимовлияния культурных и социальных факторов, в особенности деятельности общения, на формирование и функционирование ценностных ориентаций. Особое внимание следует уделить разработке автоматизированных алгоритмов обработки ассоциативных данных, способных учитывать региональную специфику ценностных систем.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: З. Г. Адамова – обработка экспериментальных данных; интерпретация экспериментальных данных; написание частей рукописи: Методы и материалы, Результаты. Р. П. Иванова – сбор экспериментальных данных; написание частей рукописи: Введение, Обсуждение, Заключение.

Contribution: Z. G. Adamova processed and interpreted the experimental data, as well as wrote the manuscript (Methods and Materials; Results). R. P. Ivanova collected the experimental data and wrote the manuscript (Introduction, Discussion, Conclusion).

Литература / References

- Адамова З. Г. Параметры психолингвистического исследования «социальных образов». *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. № 9. С. 9–15. [Adamova Z. G. Parameters of psycholinguistic analysis of "social images". *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2023, (9): 9–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nukhru>
- Адамова З. Г. Психологически актуальное содержание ценности «доверие» как лингвистическая база исследования «культуры доверия». *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. № 3. С. 48–54. [Adamova Z. G. Actual psychological meaning of the value "trust": Experimental study of "culture of trust". *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2024, (3): 48–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/feecw>
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2010. 288 с. [Ananiev B. G. *Man as a subject of knowledge*. 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2010, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxabyz>

- Биричева Е. В. Экзистенциальный смысл доверия. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2023. Т. 39. № 1. С. 4–17. [Biricheva E. V. Existential sense of trust. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Filosofiia i Konfliktologiya*, 2023, 39(1): 4–17. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.101>
- Бутакова Л. О. Город как психолингвистический феномен: региональный аспект. *Этнопсихолингвистика*. 2023. № 3. С. 7–31. [Butakova L. O. City as a psycholinguistic phenomenon: Regional aspect. *Ethnopsycholinguistics*, 2023, (3): 7–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/epl/2023.03.01>
- Ветков Н. Е. Здоровье человека как ценности и его определяющие факторы. *Наука-2020*. 2016. № 5. С. 126–142. [Vetkov N. E. Human health as value and its determinants. *Nauka-2020*, 2016, (5): 126–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xcnxf>
- Данилов И. А. Якутский язык в северном промышленном моногороде: языковая дистрибуция в речевом репертуаре саха. *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 5. С. 48–66. [Danilov I. A. Sakha language in a Northern industrial monotown: Linguistic distribution in speech repertoire of Sakha people. *Nauchnyi Dialog*, 2024, 13(5): 48–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-48-66>
- Залевская А. А., Медведева И. Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь: ТвГУ, 2002. 194 с. [Zalevskaya A. A., Medvedeva I. L. *Psycholinguistic problems of educational bilingualism*. Tver: TvSU, 2002, 194. (In Russ.)]
- Зубко Д. В., Ключев Ю. В. Теория поколений в фокусе ценностей: к вопросу целесообразности применения поколенческой концепции при стратегическом планировании. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2022. Т. 13. № 3. [Zubko D. V., Klyuev Yu. V. The theory of generations in the focus of values: On the question of the expediency of applying the generational concept in strategic planning. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2022, 13(3). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sznuxw>
- Ильенков Э. В. Идеальное. *Культурно-историческая психология*. 2006. № 2. С. 17–28. [Ilyenkov E. V. The ideal. *Cultural-Historical Psychology*, 2006, (2): 17–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/knulyv>
- Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл, 2005. 365 с. [Leontiev A. A. *Psychology of communication*. Moscow: Smysl, 2005, 365. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxslf>
- Леонтьев А. А. Язык. Речь. Речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с. [Leontiev A. A. *Language. Speech. Speech activity*. Moscow: Prosveshchenie, 1969, 214. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nkxegf>
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с. [Leontyev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1977, 304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypetqm>
- Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. 17 с. [Leontiev D. A. *Methodology for studying value orientations*. Moscow: Smysl, 1992, 17. (In Russ.)]
- Леонтьев Д. А., Ханина И. Б. К проблеме общения в работах А. А. Леонтьева. *Культурно-историческая психология*. 2011. № 1. С. 20–27. [Leontiev D. A., Khanina I. B. The problem of communication in the works of A. A. Leontiev. *Cultural-Historical Psychology*, 2011, (1): 20–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nebnrb>
- Нилов В. М. Социальный капитал и здоровье: методологические проблемы исследований. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2011. № 1. С. 217–220. [Nilov V. M. Social capital and health: Methodological problems of research. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika*, 2011, (1): 217–220. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nsaiov>
- Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики. *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761. [Pishchalnikova V. A. Interpretation of associative data as a methodological issue of psycholinguistic. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, 23(3): 749–761. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761>
- Пищальникова В. А., Степыкин Н. И. Речевое действие как смыслообразующий компонент коммуникации: психолингвистические параметры анализа. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2024. Т. 23. № 3. С. 6–16. [Pishchalnikova V. A., Stepykin N. I. Speech action as a meaning-forming component of communication: Psycholinguistic parameters of analysis. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2024, 23(3): 6–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.1>

- Плотников В. И. Ценностный мир человека и его судьба. *Двадцать лекций по философии*, отв. ред. И. Я. Лойфман. 2-е изд. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. С. 367–403. [Plotnikov V. I. The value world of man and his fate. *Twenty lectures on philosophy*, ed. Loyfman I. Y. 2nd ed. Ekaterinburg: Bank kulturnoi informatsii, 2002, 367–403. (In Russ.)]
- Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Национальный корпус русского языка: опыт создания корпусов текстов современного русского языка. *Корпусная лингвистика-2004*: Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 12–14 октября 2004 г.) СПб.: СПбГУ, 2004. С. 216–238. [Plungyan V. A., Sichinava D. V. Russian national corpus: Experience in creating corpora of modern Russian texts. *Corpus Linguistics-2004*: Proc. Intern. Conf., St. Petersburg, 12–14 Oct 2004. St. Petersburg: SPbSU, 2004, 216–238. (In Russ.)]
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: АСТ, 2020. 960 с. [Rubinstein S. L. *Fundamentals of general psychology*. Moscow: AST, 2020, 960. (In Russ.)]
- Степин В. С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2011. № 1. С. 8–17. [Stepin V. S. Philosophical analysis of cultures' weltanschauung universals. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2011, (1): 8–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pagotp>
- Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия. *Научный диалог*. 2021. № 8. С. 112–127. [Stepykin N. I. Potential of using formalized parameters for modeling speech action. *Nauchnyi Dialog*, 2021, (8): 112–127. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>
- Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: ИЯз РАН, 2011. 251 с. [Ufimtseva N. V. *Language consciousness: Dynamics and variability*. Moscow: IL RAS, 2011, 251. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwttn>
- Чупров А. С. Доверие в тени обмана и веры. *Человек. Общество. Государство*. 2015. № 1. С. 73–79. [Chuprov A. S. Trust in the shadow of deception and faith. *Chelovek. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2015, (1): 73–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wbidtv>
- Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Лорос, 2012. 440 с. [Sztompka P. *Trust: The foundation of society*. Moscow: Logos, 2012, 440. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qonpxd>
- McEnery T., Hardie A. *Corpus linguistics: Method, theory and practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, 294. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511981395>

articolo originale

eLibrary EDN: SRRWMF

Modelli Interpretativi del Linguaggio Giuridico

Olga V. Kobzeva

Scuola Superiore per Mediatori Linguistici di Pisa, Italy, Pisa

Università di Pisa, Italia, Pisa

olga.kobzeva@unipr.it

Abstract: L'attività interpretativa del linguaggio giuridico è un processo con la quale si costruisce la rappresentazione mentale del significato. Come emerge dagli studi giurilinguistici, per una corretta comprensione del linguaggio giuridico, non è sufficiente avere la competenza soltanto linguistica: occorre possedere la competenza anche *interpretativa*, dal momento che, sebbene di natura intrinsecamente metalinguistica, le tecniche mirate a decodificare la volontà del legislatore vanno ben oltre dei presupposti prettamente linguistici. L'obiettivo della presente esposizione è illustrare modelli interpretativi finalizzati alla decodifica delle informazioni veicolate dal segno giurilinguistico, nonché mettere in luce i loro limiti. In letteratura (G. Pino, A. Ross, G. Carcaterra), modelli interpretativi mirati a decifrare l'intenzione del mittente (*mens legis*) sono vari, e nel presente elaborato si vuole sintetizzare due paradigmi: modello letterale e modello deontico. Il modello letterale, avente lo scopo di studiare il dato superficiale, si basa sui metodi semantici elaborati dagli studi linguistici (analisi componenziale). Il modello deontico invece utilizza le tecniche formali basate sui presupposti della modalità deontica e sui criteri sistematici dell'ordinamento giuridico in generale (*ratio legis*). I risultati ottenuti evidenziano notevoli carenze dei modelli interpretativi il che implica la necessità di dover rimodellare l'attività interpretativa, ovvero adottare un modello *integrato* che tenga conto della specificità del significato delle parole giuridiche e dei presupposti della logica deontica.

Parole chiave: lingua giuridica, interpretazione giuridica, semantica della lingua giuridica, significato letterale, analisi componenziale, logica deontica

Citazione: Kobzeva O. V. Modelli Interpretativi del Linguaggio Giuridico. *SibScript*, 2026, 28(1): 105–115. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-105-115>

Ricevuto il 22 maggio 2025. Accettato dopo peer review il 8 agosto 2025. Accettato per la pubblicazione il 11 agosto 2024.

оригинальная статья

Интерпретационные модели языка права

Кобзева Ольга Викторовна

Высшая школа перевода, Италия, Пиза

Пизанский университет, Италия, Пиза

olga.kobzeva@unipr.it

Аннотация: Интерпретация языка права – процесс, посредством которого конструируется ментальная репрезентация смысла и вычленяются типы информации, передаваемые языковым знаком. Как следует из исследований юрислингвистики, для правильного понимания языка права недостаточно обладать компетенцией только лингвистической: необходимо обладать компетенцией и интерпретационной, поскольку методы, направленные на раскрытие воли законодателя, хотя и являются металингвистическими по своей природе, все же выходят далеко за рамки сугубо лингвистических предпосылок. Цель данной статьи – проиллюстрировать интерпретационные модели языка права, направленные на декодификацию информации, передаваемой юрислингвистическим знаком, а также выявить их ограничения. В литературе (G. Pino, A. Ross, G. Carcaterra) интерпретационные модели, направленные на уяснение интенций отправителя (*mens legis*), разнообразны, и в данной статье будут обозначены две парадигмы: модель буквального значения и деонтическая модель. Модель буквального значения, имеющая целью исследовать поверхностные структуры,

основывается на семантических методах (компонентный анализ). Деонтическая модель использует формальные методы, основанные на presupposizioni деонтической модальности и на presupposizioni права как системы (*ratio legis*). Полученные результаты обнаруживают существенные недостатки интерпретационных моделей, что обуславливает необходимость ремоделирования интерпретационной деятельности, а именно создание *интегрированной* модели, которая будет учитывать специфику значения юридических терминов, а также presupposizioni деонтической логики.

Ключевые слова: язык права, толкование языка права, семантика языка права, буквальное значение, компонентный анализ, деонтическая логика

Цитирование: Кобзева О. В. Интерпретационные модели языка права. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 105–115. (In Ital.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-105-115>

Поступила в редакцию 22.05.2025. Принята после рецензирования 08.08.2025. Принята в печать 11.08.2025.

original article

Interpretative Models of Legal Language

Olga V. Kobzeva

Institute for Linguistic Mediators of Pisa, Italy, Pisa

University of Pisa, Italy, Pisa

olga.kobzeva@unipr.it

Abstract: The interpretative process of legal language is an activity aimed at reconstructing the mental representation of meaning. According to juridical linguistics, correct understanding of legal language requires more than mere linguistic skills: it needs interpretative competence. Despite its intrinsically metalinguistic nature, the decoding of the legislator's will goes well beyond purely linguistic presuppositions. The paper illustrates the interpretative models of decoding the information conveyed by the juridical linguistic sign, as well as highlights their limits. G. Pino, A. Ross, and G. Carcaterra offer a variety of interpretative models intended for decoding the sender's intention (*mens legis*). This paper synthesizes the literal and the deontic interpreting paradigms. The literal model, which focuses on the superficial data, relies on semantic methods, i.e., componential analysis. The deontic model uses formal techniques based on the deontic modality and on the systematic criteria of the legal system in general (*ratio legis*). Both the interpretative models have their limitations, which implies the need to remodel the interpretative activity and adopt an integrated model that will take into account the specific meaning of legal terms and the deontic logic.

Keywords: legal language, legal language interpretation, semantics of legal language, literal meaning, componential analysis, deontic logic

Citation: Kobzeva O. V. Interpretative Models of Legal Language. *SibScript*, 2026, 28(1): 105–115. (In Ital.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-105-115>

Received 22 May 2025. Accepted after peer review 8 Aug 2025. Accepted for publication 11 Aug 2025.

Introduzione: Modelli interpretativi del linguaggio giuridico

L'interpretazione del linguaggio giuridico è un'attività intellettuale con la quale si costruisce la rappresentazione mentale del significato e si ricavano tipi di informazioni veicolate dal segno linguistico [Pino 2021: 7, 25]. Come emerge dagli studi giurilinguistici, per una corretta comprensione e interpretazione del linguaggio giuridico, non è sufficiente avere

la competenza soltanto linguistica: occorre possedere la competenza anche *interpretativa* della lingua del diritto, dal momento che, sebbene di natura intrinsecamente metalinguistica, le tecniche mirate alla decodifica della volontà del legislatore vanno ben oltre dei presupposti prettamente linguistici.

La competenza interpretativa si sviluppa e si automatizza mettendo in atto varie tecniche e modelli, mirati ad assumere le abitudini mentali opportune per avere una lettura del testo normativo scorrevole e renderne più agevole la comprensione. Ciò risulta particolarmente rilevante alla luce della decodifica da parte del destinatario *comune*, in quanto il linguaggio giuridico è ritenuto comunemente¹ oscuro, vago, con un basso grado di trasparenza linguistica.

Secondo la posizione di *default*, per l'interpretazione della lingua del diritto si intende solitamente quell'attività che si esegue necessariamente da parte degli operatori del settore² [Guastini 1993; Luzzati 1990; Pino 2021]. L'interpretazione eseguita da parte del cittadino comune invece non rappresenta un interesse per lo studio scientifico.

L'analisi della letteratura specialistica (su come il cittadino comune interpreta la legge) rivela che gli studi circa il rapporto tra il linguaggio giuridico e il ricevente comune, ovvero *l'interpretazione e la comprensione* da parte di quest'ultimo, per il momento, non sono numerosi, sono state tenute soltanto alcune ricerche sperimentali da parte dei linguisti [Fioravanti, Romano 2019; Golev, Vorobyova 2017; Kobzeva 2025].

L'interesse scientifico piuttosto relativo verso le conoscenze e le credenze popolari in merito alla lingua giuridica è comprensibile: i testi giuridici sono stati sempre pensati come testi per le élite sociali, per cui l'idea che i destinatari immediati fossero persone comuni era del tutto estranea [Mattila 2013: 133]. Pertanto, i testi normativi, il più delle volte, non sono scritti dal punto di vista del destinatario, ma del mittente [Lubello 2021: 83].

Secondo gli studiosi (perlopiù giuristi), la consapevolezza giurilinguistica del ricevente comune rappresenta semplicemente un'*opinione*, un giudizio personale, basato sulle conoscenze generali della lingua comune, ma non sui metodi scientifici; non è un'interpretazione competente, ma è un'interpretazione *casalinga* [Cortelazzo 2008: 139], *a tavolino* [Luzzati 1990: 37], essendo elaborata dai soggetti privati, e perciò pochi studiosi prendono a oggetto l'interpretazione comune.

Tuttavia, la lingua del diritto non serve soltanto gli usi prettamente professionali, negli ambienti giuridici, bensì serve anche gli usi sociali, consuetudinari, che interessano tutta la società. La necessità scientifica dello studio è dettata dalla natura sociale delle norme, messa in luce da J. L. Austin [Austin 1987], e dall'idea che ogni enunciato normativo presuppone "l'esistenza di determinati atteggiamenti nei parlanti" [cit. da: Luzzati 1990: 149]. Ciò implica che il popolo, come destinatario diretto dei contenuti normativi, deve possedere una certa cultura giuridica e basilari competenze metalinguistiche per saperli interpretare.

Inoltre, nello Stato democratico, il popolo rappresenta la fonte del potere, pertanto il destinatario (sia esso preparato o comune) è la figura *privilegiata* dei testi normativi, specie alla luce delle disposizioni dell'art. 1) della Costituzione italiana (comma 2): *La sovranità appartiene al popolo, che la esercita nelle forme e nei limiti della Costituzione*.

Anche le sentenze giudiziarie si emettono "in nome del popolo", poiché, come dispone l'art. 101 della Costituzione italiana: *La giustizia è amministrata in nome del popolo*.

La norma dichiaratamente implica dunque la necessaria intelligibilità dei testi giuridici (e giudiziari) per essere compresi dai destinatari, pertanto l'interesse su come il cittadino comune possa interpretare le leggi non deve essere trascurato.

Questo dato di fatto ha motivato la presente ricerca, con la quale si intende rivolgere l'attenzione verso il destinatario comune e metterlo al centro della comunicazione normativa. Tale ricerca è resa ancora più attuale alla luce del volume di M. E. Piemontese (2023) *Il dovere costituzionale di farsi capire*, pubblicato in seguito alla sentenza della Corte costituzionale n. 110/2023 sull'oscurità delle leggi. Il volume della linguista ha contribuito anche alla discussione parlamentare, svoltasi nella Camera dei deputati il 09/02/2024³.

L'obiettivo della presente ricerca è quello di rendere accessibili i testi normativi attraverso alcune tecniche metalinguistiche e colmare, seppur parzialmente, un *gap* che si è creato tra le due figure, l'interprete esperto (giurista) e l'interprete comune.

¹ Per nominare alcuni ricercatori: [Bhatia 1994; Brigham 1978; Cortelazzo 1997; Golev 2006; Il diritto costituzionale... 2023; Il linguaggio giuridico... 2008; Knutov et al. 2022; Mellinkoff 2004].

² Dato che, ribadisce G., "l'interpretazione giuridica è un'attività *retta da criteri* (da regole, direttive, convenzioni, codici...)" [Pino 2021: 9].

³ Perrone M. Contro l'oscurità delle leggi un "bollino di comprensibilità". Presentato alla Camera il volume della linguista Maria Emanuela Piemontese. Cassese: "Ecco perché lo Stato deve parlare chiaro". *Il Sole 24 Ore*. 9 febbraio 2024. URL: <https://www.ilssole24ore.com/art/-oscurita-leggi-e-il-dovere-costituzionale-farsi-capire-AFmeuNfc> (ultimo accesso 3 maggio 2025).

Si intende dunque illustrare modelli interpretativi del linguaggio giuridico che possano essere accessibili al parlante comune, mirati all'avvicinamento dell'interprete comune all'interprete esperto. Si cercherà di trovare un denominatore comune e punti di contatto dei modelli in esame con quelli scientifici; si tenderà a individuare difficoltà interpretative della lingua giuridica le quali, spesso, "sfuggono al solo giurista"⁴; si illustrerà inoltre anche alcuni limiti dei modelli interpretativi.

È comunemente ammesso che il testo normativo non è un testo facilissimo, che si legge "durante la prima colazione" [D'Antonio 1990: 22]. Pertanto, per rendere la sostanza giuridica trasparente e accessibile alla conoscenza, in letteratura giuridica [Guastini 1993; Luzzati 1990; Pino 2021] si discutono numerosi canoni interpretativi, rivolti perlopiù agli operatori del diritto.

I canoni si possono suddividere in base ai soggetti che interpretano la legge, oppure in base al metodo adottato nell'attività interpretativa.

L'interpretazione, in corrispondenza ai diversi soggetti, comprende l'interpretazione dottrinale (compiuta dagli studiosi del diritto), l'interpretazione giurisprudenziale (compiuta dai giudici nell'esercitare la funzione giurisdizionale), l'interpretazione ufficiale (compiuta da un organo dello stato nell'esercizio delle sue funzioni) e quella autentica (eseguita dall'autorità emanante).

In corrispondenza invece al metodo interpretativo, è possibile individuare i seguenti modelli: modello letterale (basato sul significato "proprio"⁵ delle parole), modello sistematico (basato su vari parametri: sulla conoscenza delle norme anche di altre leggi del sistema giuridico, in particolare quelle della Costituzione, sulla conoscenza dei principi sottostanti, espliciti ed impliciti, cioè sulla conoscenza della c.d. ratio legis), modello teleologico (basato sullo scopo che il testo normativo persegue), modello funzionale (consolidato per una convergenza interpretativa e per la prassi giudiziaria), modello (neuro)psicologico e altri⁶.

Nel presente studio invece si vuole illustrare la funzionalità soltanto dei due modelli: Modello letterale, Modello deontico.

La scelta di questi modelli è dovuta a due ragioni. Innanzitutto, i modelli possono essere accessibili al destinatario comune, dato che l'oggetto da interpretare è comunque un prodotto linguistico ed è formulato in lingua condivisa da tutti i parlanti.

La seconda ragione risiede nel fatto che i due modelli si fondano su presupposti differenti: il modello letterale si basa sui presupposti prevalentemente linguistici, mentre il modello deontico si basa sui presupposti della logica deontica (logica delle prescrizioni) e presupposti giuridici (parametri di natura non strettamente linguistica).

Occorre far presente che il modello *deontico* non è discusso come tale in letteratura⁷, pertanto il nome del modello è il frutto della presente ricerca. In sostanza, il modello deontico starebbe per l'interpretazione sistematica semplificata, oppure per un modello misto, in quanto adotta criteri sistematici e teleologici per essere il più fedele alla *mens legis* (volontà del legislatore).

Il nome del modello deontico è da attribuirsi alla logica deontica (dal greco *déomai* "dovere") come logica dell'obbligo [Ross 1982: 47, 73]. La logica deontica è stata pienamente adottata nello studio della lingua del diritto, grazie ai lavori di Ernst Mally (1926) sulla logica della volontà [Mally 1926], e di G. H. Von Wright, sulla natura dell'obbligo, del permesso normativo e il loro (non)soddisfare il valore di verità, dato che norme giuridiche non possono essere ritenute né vere né false [Von Wright 1957: VII].

Di seguito, verrà discusso il funzionamento dei due modelli, nonché le loro carenze.

Risultati

Modello letterale e analisi componenziale

Dagli studi giurilinguistici emerge la **priorità** del modello letterale, dato che "il diritto è fatto di lingua" [Cortelazzo 1997: 36] e l'interpretazione ha come oggetto enunciazioni formulate in lingua. Anche il legislatore stabilisce il primato dell'interpretazione letterale, disponendo la seguente prescrizione (Codice civile italiano, 1942):

⁴ La lingua del diritto. Difficoltà traduttive. Applicazioni didattiche: Atti del primo convegno internazionale, Milano, 5–6 ottobre 1995, cur. Schena L. Cisu, Roma, 1997. P. 17.

⁵ Art. 12 Codice civile italiano (1942).

⁶ Per un approfondimento dettagliato dei modelli nominati, si invita il lettore a consultare i lavori di R. Guastini (1993), C. Luzzati (1990), G. Pino (2021), B. Celano (2017) [Celano 2017] et al., dato che non tutti i modelli saranno discussi in questa sede. I metodi dei modelli si differenziano per le tecniche specifiche accessibili agli operatori del diritto, ma non al destinatario comune.

⁷ Metodi del modello sono quelli del modello sistematico e teleologico.

Art. 12 – INTERPRETAZIONE DELLA LEGGE

Nell'applicare la legge non si può ad essa attribuire altro senso che quello fatto palese dal significato proprio delle parole secondo la connessione di esse, e dalla intenzione del legislatore.

Il modello poggia sul significato letterale delle parole; il significato di una disposizione è ricostruita adottando il principio di composizionalità⁸. La composizionalità rappresenta una variabile indipendente (dalla realtà extralinguistica, dalla personalità dell'interprete) ed è un modo naturale per poter manipolare i segni arbitrari. L'oggetto da interpretare è un prodotto linguistico, pertanto un primo contatto interpretativo dovrebbe avvenire adottando modelli lessicali e grammaticali della lingua comune.

La strategia letterale, dunque, è quella percepita come ovvia per attribuire il significato e per giustificare un risultato interpretativo. Il modello rappresenta infatti il punto di partenza, e tutti gli altri modelli interpretativi traggono origini da essa. L'interpretazione letterale implica tutte le altre interpretazioni [Guastini 1993; Luzzati 1990]; detto in altre parole, non si passa ad altri modelli senza aver applicato il modello letterale [Luzzati 1990: 234, 275].

La procedura di analisi semantica poggia sull'esame dei rapporti strutturali e formali di significato che unità lessicali possono intrattenere. Il principio del modello è simile all'analisi componenziale e consiste nella scomposizione del significato in componenti semantici, e nell'individuare proprietà *necessarie* e *sufficienti*, oppure, in termini di J. J. Katz e J. A. Fodor, nell'individuare "the semantic markers" del significato denotativo [Katz, Fodor 1963: 185].

Si consideri un esempio (grassetto aggiunto):

- *Chiunque cagiona la morte di un **uomo** è punito con la reclusione non inferiore ad anni ventuno* (art. 575 Codice penale).

Il lemma *uomo* è scomponibile in tre primitivi semantici (semi) che vengono poi comparati con gli altri esseri viventi.

I tratti necessari e sufficienti che distinguono *uomo* sono [Berruto, Cerruti 2022]: *essere umano, adulto, di sesso maschile*, oppure:

uomo ≠ animale, uomo ≠ donna, uomo ≠ bambino, uomo ≠ bambina (sintetizzati nella Tabella 1).

Tabella 1. Scomposizione in tratti semantici

Tab. 1. Decomposition into semantic features

	Umano	Adulto	Maschio
uomo	+	+	+
donna	+	+	–
bambino	+	–	+
bambina	+	–	–

Fatta così l'analisi del significato, è legittimo supporre che il legislatore, con il termine *uomo*, si riferisca ad un *essere umano adulto di sesso maschile*, e l'interpretazione della norma potrebbe avere questa faccia [Pino 2021: 96]:

*Chiunque cagiona la morte di un **essere umano adulto di sesso maschile** è punito con la reclusione non inferiore ad anni ventuno.*

Ora, è vero che nessun interprete intenderebbe così la disposizione, e l'esito interpretativo entrerebbe in collisione con la volontà del legislatore, ma è altrettanto vero che, l'analisi componenziale, essendo formalmente perfetta, non dovrebbe ammettere distorsioni sul piano logico-deduttivo. Il ragionamento logico è un'operazione piuttosto algebrica, dove la conclusione (sul significato dell'unità) si desume *necessariamente* dalle premesse, dai tratti cioè necessari e sufficienti. Nel caso contrario, si rischia di produrre fallacie logiche e generare esiti interpretativi errati, non previsti dal legislatore.

Dunque, il limite del modello sta nel fatto che esso non tiene conto delle peculiarità del sistema linguistico, ovvero delle relazioni sinonimiche, iperonimiche e altri tipi di relazioni di significato tra lessemi (eventuale omonimia e polisemia)⁹.

Mutamento dei marcatori semantici

Nel linguaggio giuridico, le parole comuni possono acquisire nuove sfumature del significato, acquisire cioè nuove proprietà intrinseche.

Si consideri il seguente esempio (grassetto aggiunto):

- *Il padre e **la madre** [...] sono responsabili del danno cagionato dal fatto illecito dei figli minori* (art. 2048 Codice civile).

⁸ Il significato di un enunciato è determinato dal significato delle parole che lo compongono e dal modo in cui esse sono combinate [Dizionario di linguistica... 1994: 158; Ježek 2005: 77].

⁹ Le difficoltà dei tratti necessari e sufficienti sono state infatti definite da R. Simone "il paradosso dell'analisi componenziale" [Simone 1997: 483].

Secondo la definizione del Dizionario della lingua italiana, *madre* "è donna che ha generato e partorito un figlio"¹⁰.

Anche secondo la definizione registrata nel Dizionario della lingua italiana, *madre* è "la donna che ha concepito e partorito, spec. in rapporto alla prole"¹¹.

Dunque, i tratti necessari e sufficienti assegnati al lemma *madre* sono: umana, adulta, di sesso femminile, che ha generato e partorito un figlio (Tabella 2).

Tabella 2. Scomposizione in tratti semantici

Tab. 2. Decomposition into semantic features

	Umano	Adulto	Femmina	Generato e partorito un figlio
uomo	+	+	–	–
donna	+	+	+	+
bambino	+	–	–	–
bambina	+	–	+	–

Però, per il legislatore, il parametro *generato e partorito un figlio* non è sufficiente e necessario, in quanto la *madre* può essere chiamata soltanto una persona la cui "maternità è accertata" o se la madre "ha legittimato il figlio" (art. 20 Codice civile italiano). Dunque, il legislatore assegna **nuovi valori** al concetto di *madre* per poter considerarlo ai sensi della legge. Lo si fa poiché il legislatore vorrebbe includere nella classe madre non solo la madre naturale, ma anche quella adottiva. E questo tratto potrebbe essere sfuggente al destinatario comune. Il fatto di aggiungere nuovi valori al termine è spesso motivato, nel testo normativo, dalle formule: "ai sensi della presente legge per X si intende Y" (cfr. [Pino 2021]).

Una volta stabilito che, per il legislatore, le proprietà semantiche ritenute comunemente pertinenti sono meno necessarie, e il legislatore si sente libero di aggiungere nuovi valori o mutare i tratti pertinenti, andiamo ad esaminare *madre* nel Codice penale italiano. Anche qui troviamo la voce *madre* (grassetto aggiunto):

- *La madre che cagiona la morte del proprio neonato [...] è punita con la reclusione da quattro a dodici anni* (art. 578 Codice penale).

Nel Codice penale si scopre, però, che il parametro *generato e partorito un figlio* è fondamentale per il legislatore, dal momento che il soggetto del reato può essere ritenuto solo ed esclusivamente la madre *naturale* e non quella adottiva. In questo caso si manifesta un altro limite del modello: il significato del termine non è stabile, ma fluido e muta in maniera più o meno radicale di contesto in contesto (di ramo in ramo).

Risemantizzazione

Si considera un altro esempio (grassetto aggiunto):

- *L'esecutore testamentario deve amministrare come un buon padre di famiglia* (art. 703 Codice civile).

Nel termine polirematico *buon padre di famiglia* è possibile cogliere il nucleo invariante, un elemento centrale, che è *padre*.

Secondo la definizione del Grande dizionario italiano dell'uso, *padre* è un "uomo che ha generato un figlio"¹².

I marcatori semantici assegnati al *padre* quindi sono: umano, adulto maschio, che ha generato un figlio (Tabella 3).

Tabella 3. Scomposizione in tratti semantici

Tab. 3. Decomposition into semantic features

	Umano	Adulto	Maschile	Generato un figlio
uomo	+	+	+	+
donna	+	+	–	–
bambino	+	–	+	–
bambina	+	–	–	–

Però, questa interpretazione non coglie il significato profondo ed entra in contrasto con l'intenzione del mittente, in quanto il concetto ordinario di *padre* non ha niente a che fare con il concetto voluto dal legislatore.

Dal contesto si deduce che, nella disposizione, non si tratti di un vero padre di famiglia, pertanto il lemma *padre* non ha niente a che fare con la sua accezione comune, per indicare il rapporto di parentela ascendente di primo grado.

Il legislatore adotta la locuzione *buon padre di famiglia* in accezione valutativa e qualificativa che funge da *comparativo di uguaglianza* (il *padre* infatti

¹⁰ De Mauro T. Grande dizionario italiano dell'uso. Torino: UTET, 1999. P. 1084.

¹¹ Devoto G., Oli G. C. Dizionario della lingua italiana. Firenze: Le Monnier, 1981. P. 1320.

¹² De Mauro T. Grande dizionario italiano dell'uso... P. 736.

si trova in posizione del secondo termine di paragone): il contraente deve esercitare i propri obblighi in maniera responsabile e normalmente attesa, con una prudenza, attenzione e opportuna cura.

Per *buon padre di famiglia*, dal diritto privato romano *bonus pater familias*, si intende il modello in tema di adempimento (per i romani *bonus pater familias* rappresentava infatti il *modello* dell'uomo, fornito cioè di piena capacità) e, nel diritto, è applicato come "criterio di misurazione della diligenza" (la qualità e la quantità di essa) "che il debitore deve usare nel soddisfare l'interesse del creditore"¹³.

Il termine sta per un *modello* di adempimento di un obbligo, pertanto il significato del *padre* è desemantizzato. La disposizione non va più intesa nel senso letterale e il principio di composizionalità non è più funzionale.

La struttura profonda responsabile della disposizione va adoperata in termini astratti di *diligenza* e *responsabilità*: il contraente, che può essere non solo uomo, ma anche *donna* (entrambi con o senza figli, ma il dato non è più rilevante), deve esercitare i propri obblighi in maniera responsabile, con diligenza e prudenza.

Il termine *buon padre di famiglia* ha subito dunque un profondo mutamento dei tratti semantici, chiamato tecnicamente la *risemantizzazione* [Cortelazzo 1997; Serianni, Antonelli 2011], in altri termini la *ridefinizione* [Garavelli 2001]. La risemantizzazione rappresenta un processo, mediante il quale un senso ordinario delle parole si trasforma in qualcosa non più riconoscibile come tale e diventa, nel linguaggio giuridico, tecnicamente connotato.

Il processo di risemantizzazione si basa sulla rianalisi dei tratti semantici, dove il significato è influenzato dal modo, in cui i termini sono stati praticati e consolidati nei contesti specialistici [Brigham 1978: 31]. Anche B. M. Garavelli sostiene che *il riuso* specialistico di termini sia il principale fattore responsabile della risemantizzazione, e che siano anche norme giuridiche, come evento linguistico, ad alternare (specializzare o estendere) il contenuto semantico [Garavelli 2001: 7].

Dunque, nel termine in esame si manifesta un altro limite del modello letterale: il modello non tiene conto della risemantizzazione del lessico comune nel linguaggio giuridico.

Trasferimento semantico nel linguaggio giuridico

Il termine polirematico *buon padre di famiglia* può essere analizzato adottando l'approccio cognitivista, grazie agli studi sulla metafora convenzionale svolti da G. Lakoff e M. Johnson [Lakoff, Johnson 2002].

È evidente che il nucleo invariante della locuzione – lemma *padre* – sia stato usato dal legislatore in senso traslato, come archetipo della diligenza.

Sebbene il senso traslato non comporti una reale alterazione semantica, si chiede, tuttavia, il perché il legislatore abbia fatto ricorso al trasferimento del significato per riferirsi al concetto di diligenza e di responsabilità.

È palese supporre che il legislatore abbia colto delle somiglianze tra i concetti (*diligenza*, *responsabilità* e *padre*) e ha estratto dal concetto *padre* tratti salienti basati sugli usi consolidati e sui presupposti culturali (dell'epoca romana): il *padre* è un modello del nucleo familiare tradizionale, è un principale responsabile di buon andamento degli affari familiari, è colui che ha il carico maggiore della responsabilità e prende decisioni importanti; il padre si impegna con la deduzione e la capacità, ribadiscono G. Lakoff e M. Johnson [Lakoff, Johnson 2002: 243]. Inoltre, secondo gli studiosi, il padre è autodisciplinato, sobrio, paziente e misurato (il ruolo della madre, invece, consisterebbe nell'essere di aiuto al padre).

Il contraente, dunque, deve agire come *padre*, esercitare cioè la massima diligenza, prudenza e buona volontà nell'eseguire i propri obblighi. Secondo il legislatore, solo il termine *padre* è in grado di riferire il concetto nel migliore dei modi.

Qui si manifesta un altro limite del modello: il modello non tiene conto del fatto che, nel linguaggio giuridico, i termini possano essere utilizzati in un significato figurato, non letterale.

Modello deontico

La prassi legislativa si basa sul presupposto che i testi normativi veicolino prescrizioni attraverso il modo verbale indicativo, anziché l'imperativo. Il legislatore, nell'emanare comandi, impiega espressioni apparentemente descrittive e non prescrittive. Infatti, il modello sfrutta strutture grammaticali del linguaggio ordinario in modo del tutto peculiare, adottando i presupposti della logica deontica; secondo gli studiosi, l'imperatività (prescrizione) è solo superficialmente indicativa [Carcattera 1990; Ross 1982].

¹³ Dizionario giuridico. Enciclopedia di base del diritto, a cura di F. del Giudice. Napoli: Edizioni Giuridiche Simone, 2014. P. 158.

Si consideri un esempio (grassetto aggiunto):

- *Chiunque commette un reato nel territorio dello Stato è **punito** secondo la legge italiana* (art. 6 Codice penale).

Nell'esempio illustrato, *è punito*, al presente indicativo, rappresenta la logica deontica e si interpreta in termini di prescrizione, in particolare, in termini di obbligo da parte dello Stato. Pertanto l'interpretazione corretta avrebbe questa faccia:

*Chiunque commette un reato nel territorio dello Stato **deve essere punito** secondo la legge italiana.*

Sebbene il verbo servile *dovere* non sia riportato in superficie, è comunque radicato nella struttura profonda dell'enunciato.

Nelle disposizioni, infatti, si riscontra il costante ricorso al presente indicativo per veicolare la prescrizione. Ciò comporta l'assunto che si debba più spesso allineare strutture profonde con quelle superficiali, ricorrendo alla perifrasi (l'indicativo → l'imperativo) tramite il verbo *dovere*. Si è cercato di spiegare il costante ricorso al presente indicativo per veicolare l'imperatività, e in letteratura si possono tracciare i seguenti ragionamenti.

G. Pino ritiene che sia "la prassi da parte dei testi normativi" che veicola prescrizioni per mezzo delle espressioni solo apparentemente descrittive, non accompagnate cioè dal verbo *dovere* o simili [Pino 2021: 108].

R. Guastini sostiene che sia la norma giuridica di per sé, in quanto "un enunciato che verte sopra un comportamento", che qualifica i comportamenti come "obbligatorio", "vietato", "permesso" o "facoltativo", ed è perciò "molte norme penali sono formulate all'indicativo presente senza l'uso di espressioni deontiche" [Guastini 1993: 22].

Una posizione simile è assunta anche da G. Carcaterra, il quale ribadisce che, in quanto la norma non prescrive un comportamento, "ma lo attua" direttamente, in tanto le formulazioni giuridiche non contengano un *dover essere*. L'autore inoltre precisa che il legislatore non dice *dovere* laddove invece lo dobbiamo intendere, per "è un fatto puramente stilistico" [Carcaterra 1994: 222–223].

J. Ray, giurista francese, osserva che "la legge molto spesso delimita il campo di ciò che è permesso"

[Ray 1994: 282]. Da qui si potrebbe desumere che, nel contesto penale (pubblico), laddove il permesso non è espresso, la legge non taccia ma regni implicitamente il dovere.

C. Luzzati sostiene che la *normatività* di un'enunciazione giuridica "dipende dal significato che gli viene attribuito in un certo contesto, non dalla sua veste grammaticale" [Luzzati 1990: 64].

Regole e raccomandazioni per la formulazione tecnica dei testi legislativi (Circolare del Presidente del Senato del 20 aprile 2001) hanno imposto il divieto di usare, nelle tecniche legislative, il "verbo servile diretto a sottolineare la imperatività della norma ("deve"; "ha l'obbligo di"; "è tenuto a")"¹⁴, poiché il valore imperativo, lo assume l'indicativo, esplicita il documento.

Inoltre, è generalmente sostenuto che, nel diritto, oltre alle norme giuridiche espresse sulla carta, si aderisca anche ai principi del diritto (la c.d. *ratio legis*). Sono principi *privi di disposizione*, non esplicitamente formulati in nessuna fonte, poiché vengono desunti da una molteplicità di fonti; sono "elaborati o "costruiti" dagli interpreti per "astrazione, generalizzazione e universalizzazione" [Guastini 1993: 453–454]. In casi dubbi, gli interpreti *sono inclini* a considerare un principio apposito per una adeguata riformulazione delle disposizioni, per garantire la stabilità sociale e la tutela dei diritti.

Uno di tali principi è il principio di legalità [Carcaterra 1990; Guastini 1993; Il diritto costituzionale... 2023], secondo il quale tutto ciò che non è espressamente permesso, è implicitamente vietato¹⁵. Nella dottrina, si esprime il principio di legalità come principio generale dell'ordinamento.

Dunque, per vari motivi, nel testo normativo non si ricorre al verbo *dovere*. Infatti, la voce *dovere* non è frequentissima nel contesto pubblico: nel Codice penale (dove le attese di trovare *dovere* sono maggiori), troveremo soltanto il 6,4% delle occorrenze del *dovere*, al presente indicativo (Tabella 4, Disegno).

Un numero così basso di norme esplicitamente imperative (6,4%) rappresenta un limite del modello, poiché indica che, nel contesto penale, vi è un alto grado di asimmetrie tra il parametro superficiale (l'espressione linguistica) e il parametro profondo (l'intenzione del

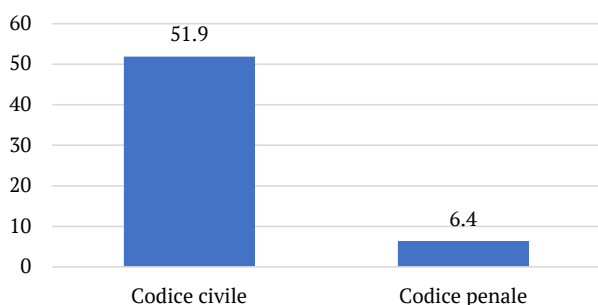
¹⁴ Regole e raccomandazioni per la formulazione tecnica dei testi legislativi, Circolare del Presidente del Senato del 20 aprile 2001, Ufficio delle informazioni parlamentari, dell'archivio e delle pubblicazioni del Senato. Senato della Repubblica, 2024. P. 15. URL: https://www.senato.it/sites/default/files/media-documents/regole_testi_legislativi.pdf (ultimo accesso 3 maggio 2025).

¹⁵ La Corte costituzionale ha aderito al principio nella sentenza n. 115/2011 del 4 aprile 2011.

Tabella 4. Calcolo delle occorrenze del *dovere* al presente indicativo

Tab. 4. Frequency of *dovere* in the Present Indicative

<i>Dovere</i> (presente indicativo)	Codice civile (numero di articoli: 2968)	Codice penale (numero di articoli: 734)
Deve	1113	40
Devono / debbono	430	7
Totale	1543	47
Densità per numero di articoli, %	51,9	6,4

Disegno. Occorrenze del *dovere* al presente indicativo
Fig. Occurrences of *duty* in the present indicative

mittente). Dunque, nel contesto pubblico, dovremmo più spesso allineare le strutture superficiali con quelle profonde. Però, una volta stabilito che, nel testo normativo, il valore imperativo, lo assume il presente indicativo, si prova ad interpretare la seguente disposizione (grassetto aggiunto):

- *La moglie **aggiunge** al proprio cognome quello del marito e lo conserva durante lo stato vedovile, fino a che passi a nuove nozze* (l'art. 143-bis c.c.).

Seguendo i criteri della convenzione consolidata, occorre interpretare *aggiunge* come *deve aggiungere*. Tuttavia, una tale interpretazione risulterebbe dissonante con principi costituzionali di uguaglianza, stabiliti nell'art. 3 della Costituzione, dal momento che questo obbligo sarebbe disposto **solo per la moglie**, ma non per il marito. Per questa *ratio legis*, nella prassi giurisprudenziale, la disposizione si legge non come *deve aggiungere*, ma come *può aggiungere* [Pino 2021: 193].

La strategia fondamentale, dunque, per allineare i costituenti del piano del significante con il piano del contenuto, sarebbe quella di porre la norma

in relazione con le altre norme e con l'ordinamento giuridico in generale¹⁶, e eseguire un'analisi deduttiva intertestuale: si ricorre alle disposizioni esplicitate in un altro atto normativo, specie nella Costituzione, poiché essa costituisce il supremo parametro interpretativo ([Guastini 1993; Luzzati 1990] e altri).

Data la somiglianza linguistica di prescrizione normativa al predicato del presente indicativo, un "interprete frettoloso" [Garavelli 2001: 118] potrebbe trovarvi un significato fattuale e non performativo, senza cioè alcun effetto giuridico. L'obbligo prescritto si veste dei mezzi linguistici di un'asserzione, presentandosi cioè con la struttura grammaticale della frase dichiarativa e non di comando. Da ciò deriva un *conflitto* tra le due facce del segno linguistico (il significante e il significato), e il processo ermeneutico si configura così come una vera e propria *palestra* cognitiva per un interprete inesperto.

Conclusioni

In conclusione, si riporta un riassunto dell'analisi svolta mirata a rendere accessibili i testi normativi e avvicinare l'interprete comune all'interprete esperto. Sono stati esaminati due modelli interpretativi che possono essere disponibili per il destinatario comune. Tuttavia, seppur adottando specifiche tecniche approvate scientificamente, basate su presupposti linguistici (significato letterale, composizionalità) ed extralinguistici, specie quelli giuridici (la *ratio legis* ricavabile dall'analisi intertestuale e dai principi sottostanti), i modelli non sono perfetti e presentano evidenti limiti nel rendere trasparente la comunicazione normativa. In particolare, i modelli illustrati hanno manifestato le seguenti carenze.

Il modello letterale non tiene conto delle relazioni di significato tra lessemi; il legislatore può variare il numero di parametri necessari e sufficienti, assegnando nuovi valori talvolta disattesi; il significato del termine non è stabile, ma fluido e muta di contesto in contesto; il modello non tiene conto della risemantizzazione del lessico comune; i termini possono essere utilizzati in un senso figurato e non letterale.

Il modello deontico presenta due carenze: nel contesto pubblico, vi è un alto numero di asimmetrie tra dato superficiale e quello profondo, occorrerebbe più spesso fare ricorso ai principi sottostanti (la *ratio legis*); l'interpretazione deve essere integrata

¹⁶ In particolare, porre la norma in confronto alla Costituzione, ai principi costituzionali; allo "spirito" della Costituzione, si raccomanda C. Luzzati [Luzzati 1990].

coinvolgendo spesso altre norme dell'ordinamento giuridico. L'interpretazione giuridica, come si è potuto osservare, non è un'attività lineare che segue cioè il rigore logico. È un'attività piuttosto labirintica, piena di incognite, ombre e insidie, dove non è sempre possibile risalire in modo univoco e omogeneo alla "intenzione del legislatore" (art. 12 Codice civile). I modelli interpretativi, così come le tecniche da essi adottate, mutano di settore in settore e giungono a una miriade di risultati interpretativi diversi, talvolta anche contraddittori tra loro. Pertanto, un modello interpretativo oggettivamente ideale, perfetto, mirato a colmare la distanza tra l'interprete esperto e l'interprete comune, offrendo delle risposte a tutte

le problematiche ermeneutiche, al giorno di oggi, non esiste. Tale affermazione implica la necessità di dover rimodellare l'attività interpretativa, ovvero adottare un modello *integrato* che tenga conto della specificità del significato delle parole giuridiche e dei presupposti della logica deontica.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

References / Литература

- Austin J. L. *Come fare cose con le parole*. Genova: Marietti, 1987, 172.
- Berruto G., Cerruti M. *La linguistica. Un corso introduttivo*. 3rd ed. Torino: UTET, 2022, 352.
- Bhatia V. Cognitive structuring in legislative provisions. *Language and the law*, ed. Gibbons J. New York: Longman, 1994, 136–155.
- Brigham J. *Constitutional language. An interpretation of judicial decision*. Westport: Greenwood Press, 1978, VIII+182.
- Carcattera G. Metodologia giuridica. *Corso di studi superiori legislativi (1988–1989)*, cur. D'Antonio M. Padova: Cedam, 1990, 107–180.
- Carcattera G. Norme costitutive. *Il linguaggio del diritto*, cur. Scarpelli U., Di Lucia P. Milano: LED, 1994, 219–233.
- Celano B. Ragionamento giuridico, particolarismo. In difesa di un approccio psicologico. *Rivista di filosofia del diritto*, 2017, VI(2): 315–344.
- Cortelazzo M. Fenomenologia dei tecnicismi collaterali. Il settore giuridico. *Prospettive nello studio del lessico italiano*: atti del IX congresso SILFI (Firenze, 14–17 giugno 2006), cur. Cresti E. Firenze: FUP, 2008, 137–140.
- Cortelazzo M. Lingua e diritto in Italia. Il punto di vista dei linguisti. *La lingua del diritto. Difficoltà traduttive. Applicazioni didattiche*, cur. Schena L. Roma: CISU, 1997, 35–50.
- D'Antonio M. Introduzione. *Corso di studi superiori legislativi (1988–1989)*, cur. D'Antonio M. Padova: Cedam, 1990, 1–46.
- Dizionario di linguistica e di filologia, metrica, retorica*, cur. Beccaria G. L. Torino: Einaudi, 1994, 882.
- Fioravanti C., Romano F. Access to legal information for citizens and new citizens in Italy: Using visual elements and adopting legal design methods to make administrative documents clearer and more effective. *Journal of Open Access to Law*, 2019, 7(1). <https://doi.org/10.63567/gtpht514>
- Garavelli B. M. *Le parole e la giustizia. Divagazioni grammaticali e retoriche su testi giuridici italiani*. Torino: Einaudi, 2001, 264.
- Golev N. D. Legal communication in the mirror of natural language. *Legal Linguistics*, 2006, (7): 8–39. (In Russ.) [Голев Н. Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка. *Юрислингвистика*. 2006. № 7. С. 8–39.] <https://elibrary.ru/wiepzp>
- Golev N. D., Vorobyova M. E. *Interpretative functioning of the legal language in everyday consciousness*. Kemerovo: KemSU, 2017, 117. (In Russ.) [Голев Н. Д., Воробьева М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании. Кемерово: КемГУ, 2017. 117 с.] <https://elibrary.ru/zhcgmh>
- Guastini R. *Le fonti del diritto e l'interpretazione*. Milano: Giuffrè, 1993, 504.
- Il diritto costituzionale di farsi capire. A trent'anni dal Codice di stile*, cur. Piemontese M. E. Carocci, 2023, 308.
- Il linguaggio giuridico. Prospettive interdisciplinari*, cur. Garzone G., Santulli F. Milano: Giuffrè Editore, 2008, 324.
- Ježek E. *Lessico. Classi di parole, strutture, combinazioni*. Bologna: il Mulino, 2005, 205.
- Katz J. J., Fodor J. A. The structure of a semantic theory. *Language*, 1963, 39(2): 170–210. <https://doi.org/10.2307/411200>

- Knutov A. V., Chaplinsky A. V., Alimpeev D. R. The language of regulatory legal acts: Is it time to sound the alarm? *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*, 2022, (57): 399–426. (In Russ.) [Кнотов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2022. № 57. С. 399–426.] <https://elibrary.ru/nqffoa>
- Kobzeva O. Diritto nello specchio dell'interpretazione comune. *What's research got to do with it? Ultime frontiere della ricerca linguistica, inclusione e impatto sociale*: Atti del Convegno dottorale Università di Bologna, 12–13 May 2025. University of Bologna, 2025, 16.
- Lakoff G., Johnson M. *Elementi di linguistica cognitiva*, edizione riveduta e corretta a cura di Casonato M., Cervi M. Urbino: QuattroVenti, 2002, 264.
- Lubello S. *L'italiano del diritto*. Bussole Carocci, 2021, 128.
- Luzzati C. *Vaghezza delle norme. Un'analisi del linguaggio giuridico*. Milano: Giuffrè, 1990, X+433.
- Mally E. *Grundgesetze des sollens: Elemente der logik des willens*. Graz: Leuschner & Lubensky, 1926.
- Mattila H. E. S. *Comparative legal linguistics: Language of law, Latin and modern lingua Francas*. 2nd ed. Routledge, 2013, 504.
- Mellinkoff D. *The language of the law*. Oregon: Resource Publications, 2004, 540.
- Pino G. *L'interpretazione nel diritto*. Torino: Giappichelli, 2021, 400.
- Ray J. La struttura logica del codice civile francese. *Il linguaggio del diritto*, cur. Scarpelli U., Di Lucia P. Milano: LED, 1994.
- Ross A. *Critica del diritto e analisi del linguaggio*. Bologna: il Mulino, 1982, 256.
- Serianni L., Antonelli G. *Manuale di linguistica italiana. Storia, attualità, grammatica*. Milano-Torino: Mondadori, 2011, 305.
- Simone R. *Fondamenti di linguistica*. Roma-Bari: Edizioni Laterza, 1997, XX+581.
- Von Wright G. H. *Logical studies*. London: Routledge and Kegan Paul, 1957, 195.

оригинальная статья

eLibrary EDN: PREKPW

Метаязыковое сознание как компонент речевой деятельности носителей языка (на материале интернет-рефлексий о языке)

Сатучина Татьяна Юрьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2772-8450

<https://orcid.org/0000-0002-7921-441X>

TatianaKuznetsova86@mail.ru

Аннотация: Представлено исследование характеристик метаязыкового сознания. Проблематика исследования видится автором в необходимости актуализации характеристик, присущих метаязыковому сознанию, по шкале ядерных и периферийных. Гипотеза работы формируется на основе анализа заявленной проблемы: метаязыковое сознание имеет сложно организованную структуру, проявляемую в наличии ядерных и периферийных характеристик. К первым относится характеристика метаязыкового сознания как феномена, которому присущ так называемый *языковой консерватизм*, связанный с сохранением рядовыми носителями языка ортологических признаков слова и резким неприятием новой нормативной информации о нем. Периферийные характеристики – *мифотворческие языковые теории*. Основанием для выделения обозначенных характеристик послужил количественно-содержательный показатель интернет-комментариев: склонность носителей языка к сохранности нормативных признаков слова или к продуцированию инноваций, то есть предоставление новой информации о слове, изначально ему не присущей. Актуальность исследования обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, работа выполнена в русле современных научных исследований по изучению метаязыкового сознания. Во-вторых, апелляцией к эмпирическому материалу – интернет-рефлексии носителей языка, что позволяет акцентировать специфику проявления метаязыкового сознания в речевой деятельности носителей языка в процессе обсуждения языкового факта в интернет-пространстве. Понятие языкового консерватизма применено в настоящем исследовании не в традиционном аспекте к языку как его неотъемлемому свойству, а к языковой личности, обладающей склонностью к сохранению языковой стабильности. В этом контексте видится научная новизна исследования. Цель – представить фрагмент метаязыкового сознания носителей языка по данным языкового материала с акцентуацией ядерных и периферийных признаков описываемого феномена. При описании характеристик метаязыкового сознания использовалась методика, базирующаяся на комплексе обще- и частнонаучных методов (отбор языкового материала, его систематизация, описательный метод (обобщение и интерпретация результатов), количественный метод, сравнительный метод). Материал исследования – 50 метаязыковых комментариев в интернет-сообществе «Я люблю русский язык» в социальной сети ВКонтакте. Комментированию подлежал вопрос о родовой принадлежности лексемы *тюль*. Полученные выводы в ходе анализа языкового материала позволяют определить дополнительные возможности по изучению специфики метаязыкового сознания. По результатам исследования представлен фрагмент метаязыкового сознания с описанием его характеристик.

Ключевые слова: языковой консерватизм, метаязыковое сознание, лексема, мифотворческие теории, оценочность, языковая система

Цитирование: Сатучина Т. Ю. Метаязыковое сознание как компонент речевой деятельности носителей языка (на материале интернет-рефлексий о языке). *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 116–125. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-116-125>

Поступила в редакцию 27.05.2025. Принята после рецензирования 29.08.2025. Принята в печать 01.09.2025.

original article

Metalinguistic Consciousness in Internet Discussions

Tatyana Yu. Satuchina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2772-8450

<https://orcid.org/0000-0002-7921-441X>

TatianaKuznetsova86@mail.ru

Abstract: This article introduces a complex core and peripheral structure of metalinguistic consciousness in online discourse. The research covered 50 metalinguistic comments published in an online community dedicated to the issues of the modern Russian language. The discussion focused on the grammatical gender of the word *tiul* (curtain lace). A set of standard and specific methods showed that the fragment of native speakers' metalinguistic consciousness consisted of a distinct core and periphery. The core included linguistic conservatism, which manifested itself in the tendency of native speakers to preserve the original orthology and reject new standards. In general, linguistic conservatism occurs when a linguistic personality strives to maintain linguistic stability. The periphery included myth-generated linguistic theories identified through a quantitative and content analysis of online comments, which either promoted the norm or introduced new interpretations of the word. Aligned with relevant research on metalinguistic consciousness, the study covered online metalinguistic speculations made by native speakers. The material provided a deep insight into the way metalinguistic consciousness manifests itself in online discussions of linguistic issues, thus providing access to the metalinguistic consciousness.

Keywords: linguistic conservatism, metalinguistic consciousness, lexeme, myth-making theories, subjectivity, language system

Citation: Satuchina T. Yu. Metalinguistic Consciousness in Internet Discussions. *SibScript*, 2026, 28(1): 116–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-116-125>

Received 27 May 2025. Accepted after peer review 29 Aug 2025. Accepted for publication 1 Sep 2025.

Введение

Рефлексии о языке, его функциональной предназначенности, развитии и дальнейшей судьбе характерны для представителей разных специальностей (филологических и нефилологических). При этом учеными отмечаются как общие, так и различные черты в их взглядах на природу языка. Большинству носителей языка свойственна лингвистическая позиция, согласно которой родной язык устойчив к изменениям разных уровней (от фонетического до грамматического) и стремится к сохранности своих элементов, характеристик и признаков [Белозерцев 2014; Голев, Сушкина 2023]. Думается, что отчасти данная позиция обусловлена универсальным свойством языка – сохранять главным образом статичность, стабильность, равновесие своей уровневой системы на протяжении длительного времени. В этом аспекте научная мысль движется в традиционном направлении от языка и его характеристик к его носителю. Вместе с тем представляется актуальным рассмотреть положение,

в основании которого находится не язык с присущим ему свойством сохранять свою лингвистическую природу, а человек как носитель сознания, которому также свойственна тенденция к сохранности языка в его первоизданном виде. Иными словами, «как язык сохраняет относительную статичность, так и языковая личность обладает общей целостной стабильностью» [Белозерцев 2014: 6], которая проявлена в метаязыковом аспекте. Данное наблюдение акцентирует корреляцию между характеристиками языка и человека как носителя метаязыкового сознания (далее – МЯС).

Настоящее исследование посвящено актуализации и анализу характеристик МЯС, представленных в метаречевой деятельности рядовых носителей языка. Степень изученности данной проблематики в широком контексте исследования феномена языкового сознания (далее – ЯС), метаязыкового сознания демонстрируют научные труды отечественных, зарубежных и современных ученых.

Так, теоретико-методологическую основу работы составляют исследования зарубежных и отечественных ученых-лингвистов в области изучения ЯС [Белобородов 1976; Бодуэн де Куртенэ 1963; Гумбольдт 1984; Ростова 2008; Щерба 1974; Язык и сознание... 1993], МЯС и метаязыковой рефлексии [Белобородов 1976; Богачанова 2023; Вепрева 2002; 2015; Голев 1999; 2008а; 2008b; 2009; 2013; 2015; Золотова 2019; Кашкин 2011; 2012; 2014, Кравченко 2024а; 2024b; Кравченко, Кравченко 2015; Ростова 2000; Сатучина 2022; Шафтельская 2012; Шумарина 2015].

Богатые традиции обращения к метаязыковой рефлексии носителей языка в отечественном языкознании сложились при полевом сборе материала. Опыт теоретического осмысления языкового материала затрагивал вопросы о степени соответствия знаний говорящих о родном языке его объективному научному представлению и описанию. Такие попытки систематизации и описания нового знания о языке были осуществлены в источниковедческом аспекте, который выделила О. И. Блинова [Блинова 1984]. Исследователем был предложен термин *показания языкового сознания*. А. Н. Ростова продолжила изучение МЯС и рефлексий о языке на материале сибирских говоров [Ростова 2000].

Традиция обращения к знаниям о родном языке в зарубежной лингвистике сложилась при изучении бесписьменных языков Африки и Америки. Немецкий ученый-лингвист Г. Хенигсвальд акцентировал внимание на том, что думают люди о своем языке, и назвал эту сферу *folk linguistic* (народная лингвистика). Г. Хенигсвальд обосновал положение о том, что исследователь «должен понимать, что народная точка зрения, взятая сама по себе, есть часть социолингвистической ситуации и заслуживает самостоятельного рассмотрения» [Брайт 1999: 110].

Современные работы описывают особенности и специфику метаязыкового сознания на разном материале. Следовательно, контекст изучения МЯС весьма разнообразен:

- МЯС и тексты СМИ [Вепрева 2015];
- МЯС и художественный текст [Кравченко 2015; 2024а; 2024b; Шумарина 2015];
- онтологическая и гносеологическая стороны МЯС [Голев 1999; 2008а; 2009; 2013; 2015];

- вопросы, связанные со структурой МЯС [Шафтельская 2012];

- слово и МЯС [Кашкин 2014];
- специфика МЯС [Голев 2008b; Кравченко, Кравченко 2015];

- соотношение научной и обыденной лингвистики [Кашкин 2011; 2012];

- метаязыковые рефлексии рядового носителя языка [Богачанова 2023; Вепрева 2002; Сатучина 2022].

Исследователей объединяет представление о том, что МЯС – это особая форма существования языкового сознания, которая имеет свою специфику и формы проявленности.

Значительных результатов по изучению анализируемого феномена достигла Кемеровская научная школа, возглавляемая Н. Д. Голевым. Ученый актуализирует вопросы, связанные с лингвистической и философской природой МЯС, описывает его специфику, акцентирует внимание на лексикографическом аспекте исследования МЯС. Под его началом был создан словарь обыденных толкований русской лексики¹; опубликованы сборники научных статей, посвященные изучению МЯС. Коллективная монография «Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» [Голев и др. 2010] посвящена разноаспектному изучению МЯС.

Несмотря на имеющиеся в науке многочисленные работы, посвященные изучению МЯС и метаязыковой деятельности человека, не уточненными или дискуссионными остаются вопросы, актуализирующие проблематику настоящего исследования, которая формулируется следующим образом: необходимость акцентуации признаков, присущих МЯС, по шкале ядерных и периферийных. Апелляция к данным признакам, на наш взгляд, прояснит некоторые вопросы по способу / форме организации МЯС (ядерные и периферийные характеристики), внесет дополнительную новую информацию по изучению МЯС.

Гипотеза исследования формируется на основе анализа заявленной проблемы и в общем виде представлена следующим тезисом: МЯС имеет сложно организованную структуру, проявляемую в наличии ядерных и периферийных характеристик.

¹ Басалаева М. Ю., Воробьева М. Е., Голев Н. Д., Дударева Я. А., Замилова А. В., Ким Л. Г., Кишина Е. В., Кузнецова Т. Ю., Мельник Н. В. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы. Т. 1. А–М: АБРИКОС–МУРАВЕЙ (478 слов-стимулов). Кемерово: КемГУ, 2012. 536 с. <https://elibrary.ru/rlotiz>

К первым относится характеристика МЯС как феномена, которому присущ так называемый *языковой консерватизм*. Языковой консерватизм – характеристика МЯС рядовых носителей языка, которым свойственно сохранение ортологических признаков слова и резкое неприятие новой нормативной информации о нем. Периферийные характеристики – *мифотворческие языковые теории*. Предположим, что МЯС как сложно организованная система имеет полевой способ организации, проявленный в разных типах метаязыковых рефлексий.

Цель – представить фрагмент метаязыкового сознания носителей языка по данным языкового материала с акцентуацией ядерных и периферийных признаков описываемого феномена.

Задачи:

- 1) сформировать эмпирическую базу исследования;
- 2) определить теоретическую базу исследования;
- 3) проанализировать метаязыковые комментарии носителей языка для дальнейшего описания характеристик (признаков) МЯС.

Актуальность исследования обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, работа выполнена в русле современных научных исследований по изучению МЯС. Автор статьи придерживается концепции Кемеровской научной школы по изучению проблематики МЯС. Во-вторых, апелляцией к эмпирическому материалу – интернет-рефлексии носителей языка, что позволяет акцентировать специфику проявления МЯС в речевой деятельности носителей языка в процессе обсуждения языкового факта в интернет-пространстве.

Новизна исследования: понятие *языковой консерватизм* применено не только в традиционном аспекте по отношению к системе языка и его универсальным свойствам, но и к МЯС носителей родного языка как его ядерной характеристике. Представлены характеристики МЯС по степени ранжированности – ядерные и периферийные – в зависимости от количественного показателя их проявленности в метаязыковых комментариях.

Теоретическая значимость работы обусловлена научным подходом и результатами анализируемого материала, которые дополняют имеющиеся в науке сведения о метаязыковом сознании. Практическая значимость может быть связана с использованием полученных результатов при изучении ортологии.

Методы и материалы

При описании характеристик МЯС использовалась методика, базирующаяся на комплексе обще- и частнонаучных методов. Методы исследования: отбор языкового материала, его систематизация, описательный метод (обобщение и интерпретация результатов), количественный метод, метод сравнения.

Материал – рефлексии говорящих о языке, размещенные в интернет-сообществе «Я люблю русский язык»² в социальной сети ВКонтакте. Всего проанализировано 50 метаязыковых комментариев.

Результаты

Интернет-комментарии были разделены на группы в соответствии с проявленными в них характеристиками МЯС:

1. Комментарии, которым свойственен *языковой консерватизм* (62 %).

Данная характеристика метаязыкового сознания проявляется по-разному. Во-первых, языковой консерватизм связан с одобрением и сохранением имеющегося у носителя языка знания о слове. Во-вторых, при условии возникновения нового знания о слове, авторы комментариев не принимают его, критикуют, оценивают негативно, остаются в контексте прежней информации о языковой единице. Следовательно, анализируемый материал был разделен на подгруппы: (а) комментарии, в которых носители языка одобряют и принимают знакомую им нормативную характеристику слова; (б) комментарии, в которых представлено резкое неприятие незнакомой, но нормативной формы слова носителями языка. Комментарии этого типа могут сопровождаться оценкой обсуждаемой социальной ситуации.

2. *Околонаучные комментарии*, в которых рядовые носители языка не просто рассуждают о том, почему так правильно / неправильно, а создают свои теории, объясняющие суть и природу грамматического явления, демонстрируя так называемое мифотворчество, применимое к нормам и правилам языка, или *метаязыковые «легенды»* [Голев 1999] (38 %).

Данные группы выделены в соответствии с акцентным признаком, проявленным в интернет-рефлексиях: склонность к сохранности нормативных

² Я люблю русский язык. ВКонтакте. URL: https://vk.com/bookmarks?from_menu=1&z=photo-39321576_457489940%2Falbum-39321576_00%2Frev (дата обращения: 01.08.2025).

признаков слова или продуцирование инноваций, т.е. предоставление новой информации о слове, изначально ему не присущей. С одной стороны, выделенные признаки носят противоречивый характер: статичность и динамичность (изменчивость). С другой стороны, очевидно, что отмеченные признаки коррелируют друг с другом. Следовательно, можно заключить, что метаязыковое сознание имеет парадоксальную, противоречивую природу, согласно которой некоторые характеристики описываемого феномена находятся в отношениях корреляции и конфликта. Выделенные группы не образуют завершенной на данном этапе научного поиска типологии или классификации, поскольку это далеко не единственные характеристики, присущие МЯС. Например, в ряде научных работ затрагивается и такая характеристика метаязыкового сознания, как вариативность (см. работы Н. Д. Голева, Т. Ю. Сатучиной). В данной статье не ставится цель создать и описать завершенную классификацию. В исследовании решается задача по описанию акцентных характеристик МЯС на основе проанализированных комментариев с целью представить на начальном этапе научного исследования только фрагмент метаязыкового сознания. Перспектива дальнейшей работы видится в создании полноценной типологии на основе другого количественного языкового материала.

Проиллюстрируем примерами комментарии первой группы (подгруппа а), в которых носители языка акцентируют свое знание и одобрение нормы:

- *Еще со школьной скамьи помню, что тюль мужского рода³;*
- *а что с тюлем то? Всю жизнь был мужского рода;*
- *мужской род;*
- *ну ладно Вам спорить. Многие слова заимствуются со своим родом. Если он не приживается его меняют. Пока род тюля – мужской;*
- *вот когда изменится род, тогда и зафиксируют правила, тогда и переучимся. Я сейчас прекрасно живу с тюлем в мужском роде;*
- *Замечательно живу. Люблю, когда говорят и пишут правильно;*
- *тюль, рояль и шампунь, со школы помню, слова исключения. Остальные со школы не помню и некоторые другие примеры (всего 12 комментариев пользователей Сети).*

Рядовые носители языка с одобрением и принятием реагируют на грамматическую категорию слова *тюль*. На наш взгляд, обусловлено это преимущественно знанием правильной характеристики слова, сформировавшимся в отдаленном социальном прошлом авторов комментариев. По замечанию Н. Д. Голева, представления о нормативной информации о слове хранятся в сознании рядовых носителей языка «в виде обрывочных знаний, остатков формулировок правил или сентенций о великом русском языке» [Голев 2009: 378]. В этом аспекте носителям языка не приходится сталкиваться с новыми грамматическими реалиями слова, сравнивать его с похожими другими по форме и звучанию привычными словами и, следовательно, при очевидном несоответствии грамматических характеристик слов реагировать негативно. В комментариях второй подгруппы б доминирует тенденция непринятия новой, с точки зрения говорящих, ортологической характеристики слова (всего 19 комментариев). Все, что необычно и непривычно, воспринимается носителем языка как явление, не имеющее аналогий среди характеристик похожих слов, а значит – неправильное и не имеющее смысла. Проиллюстрируем примерами:

- *У меня претензий ни к килю, ни к рублю, ни, тем более, биноклю. Но тюль;*
- *Я знаю, но не могу это принять;*
- *Когда выбирала тюль, читала отзывы, и удивлена была что тюль пишут он..., начала рыться в инете, и удивилась что тюль, мужского рода, и вслух, язык не поворачивается сказать красивый тюль... Будто не на русском как то... Принять это не могу;*
- *Ну это очередной нонсенс тех, кто пишет правила. По всем признакам тюль – женского рода, как моль, соль или вуаль... Причем если мужской род кофе можно оправдать, что оно – напиток, то тюль, как не крути, это ткань и занавеска;*
- *Ладно, надеюсь, это шутка и т.д.*

Авторы комментариев негативно реагируют на новое или относительно новое знание о слове *тюль*, о его родовой характеристике. Иными словами, носители языка ожидают увидеть привычную для них грамматическую форму анализируемого слова, коррелирующую с грамматическими

³ Здесь и далее в примерах сохранены авторские орфография и пунктуация.

характеристиками похожих по внешнему облику слов: *тюль* – *вуаль* (ж. р.) / *моль* (ж. р.) / *соль* (ж. р.) и мн. др.:

- ...а как же *вуаль*? Тоже ткань. В мужской род переведем? Тем более вполне себе похожа на *тюль*.

Результатом такой модели (ожидание – реальность) оказывается языковая нетерпимость и желание сохранить привычное представление о слове и его характеристиках.

Некоторые комментарии этой группы окрашены в оценочный контекст описываемой ситуации:

- Как жить дальше?;
- диктуют цены и как правильно писать;
- Вот это да, 😊;
- это потрясающе. И было бы смешно, если б не было так грустно.

Вторая группа комментариев (всего 19 ответов) представляет собой попытки околонучного или в большинстве случаев псевдонаучного осмысления и объяснения родовой категории слова *тюль*.

Анализируемые комментарии по данному критерию различны и многообразны по своим мифотворческим теориям. Топонимическая теория о родовой принадлежности лексемы *тюль* (*Tulle* – это город (м. р.)) представлена следующими высказываниями:

- во французском городе *Тюль* начали производить данную ткань, отсюда связь. Так как данное слово заимствовано, остался и его род – мужской;
- *Тюль* – город, в котором *тюль* и производили. Топоним м. р.;
- При этом слово *город* во французском языке вполне себе женского рода, *la Ville*. Так что *Тюль* – изначально она, потому что французская;
- в слове *Tulle – lle* является признаком женского рода существительных. Кстати, название этого города на прованском наречии звучит как *Тула*.

Следовательно, носители языка устанавливают и объясняют грамматическую категорию рода слова *тюль*, сопоставляя ее с родом топонима *Tulle*, французским городом, в котором была создана и производилась ткань. Родовая характеристика топонима *Tulle* коррелирует с родовой характеристикой его денотата (город). Далее, с точки зрения комментирующих, слово *тюль* аналогичным образом будет иметь ту же родовую характеристику, что и топоним. Дискуссионным оказался комментарий автора, опровергающий теорию корреляции родовой

принадлежности анализируемой языковой единицы и денотата топонимического наименования:

- нет в русском языке такого «правила», согласно которому слово, обозначающее более узкое понятие, в обязательном порядке имело бы тот же род, что слово, называющее более широкое. Иначе бы у нас все наименования тканей или, к примеру, рыб у нас были бы женского рода, городов и цветов – мужского, а названия животных или деревьев – среднего. Слово, будь оно исконное или заимствованное, получает грамматическую категорию рода не по циркуляру, а в процессе освоения его языком.

Теории заимствования слова и его родовой принадлежности посвящены другие комментарии:

- *Тюль* и во французском мужского рода;
- заимствовали слово в мужском роде;
- Заимствовали слово в мужском роде, никто не возмущался, слово прижилось;
- Так как данное слово заимствовано, остался и его род-мужской.

Выделена группа комментариев, в которых грамматическая характеристика лексемы обусловлена территорией ее распространения или возрастом говорящих, в лексикон которых входит данное слово:

- Кстати, название этого города на прованском наречии звучит как *Тула*;
- может это от региона зависит? Я вообще не слышала, чтоб говорили красивая *тюль*;
- скорее от возраста. В мою молодость так говорили почти повсеместно. Я, кстати, выросла в городе, где речь жителей одна из самых правильных, у нас даже регионального акцента там нет;
- ну тогда наверное и регион играет роль. У нас слово *полотенец* не слышала;
- Как можно зафиксировать единую норму, если в разных регионах говорят по-разному?;
- У меня прабабушка (деревенская, ей может быть и простительно) говорила «*тюля*» в женском роде. И производные: купим *тюлю*, сними *тюлю*, я за *тюлей* пошла.

Единичный комментарий содержит информацию о влиянии поэзии, а точнее рифмы, на родовую характеристику рассматриваемого слова:

- кстати, у классиков *вуаль* была и женского и мужского рода. Возможно, эту моду на другой род и ввели вслед за поэтами, которые для рифмы могли род менять.

Не менее значимы для прояснения вопроса о характере МЯС комментарии, в которых говорящие предсказывают дальнейшую судьбу слову *тюль*:

- *Причем поначалу вуаль была женского рода. Поверьте, тюль ожидает та же участь, да собственно большинство русских людей так и говорят;*
- *правилам меняются с задержкой в 10–20 лет, потому что невозможно зафиксировать изменение раньше. Вот ваше окружение говорит в женском роде, мое – в мужском. И те, и другие уверены, что так правильно и удобно. Так когда изменится норма?;*
- *Заимствовали слово в мужском роде, никто не возмущался, слово прижилось. Теперь народ начал негодовать, неудобное слово, надо род менять. Вот лет через 20 поменяют, если негодующих / неграмотных будет много;*
- *но если большинство носителей языка будет говорить тюль в женском роде, то, будьте уверены, норму поменяют. Ибо норма подстраивается под язык, а не язык под норму.... Так же будет и с тюлью, и с кофе. Язык живой, он меняется.*

Следовательно, в комментариях первой группы ярко проявлена тенденция к сохранению привычного для носителей языка знания о слове. Комментарии обсуждаемого языкового факта могут носить оценочный характер. Ко второй группе относятся комментарии, в основе которых – взгляд человека на языковую природу слова.

Заключение

Настоящее исследование проясняет некоторые вопросы по форме организации метаязыкового сознания (ядерные и периферийные характеристики). Верифицирована гипотеза о том,

что метаязыковое сознание рядовых носителей языка – сложный многомерный феномен, обладающий рядом характеристик. По степени максимальной проявленности в интернет-комментариях была выделена ядерная характеристика МЯС, называемая языковым консерватизмом. Отмечены периферийные признаки МЯС: мифотворческие теории или языковые легенды. По данным анализа языкового материала представлен фрагмент МЯС: ядерная характеристика (*языковой консерватизм*), которая в некоторых случаях сопровождается оценочностью, – 62 %, периферийная характеристика – 38 % (*мифотворческие легенды*).

Для языкового консерватизма свойственна тенденция к актуализации имеющихся знаний рядовых носителей языка о языковых нормах и их сохранении, резком непринятии новой нормативной информации, которая вступает в противоречие с имеющейся. Языковые легенды являются околону научными или псевдону научными теориями об обсуждаемом языковом факте. Оценочность связана с выражением какой-либо устойчивой характеристики (положительной или негативной) обсуждаемого языкового явления.

Перспектива работы видится в актуализации и изучении новых характеристик МЯС как лингвистического феномена с привлечением другого языкового материала, в создании завершенной типологии характеристик метаязыкового сознания.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Белобородов А. А. О специфике обыденного сознания. *Методологические вопросы наук об обществе*, ред. А. А. Белобородов. Томск: ТГПИ, 1976. С. 35–45. [Beloborodov A. A. Mundane consciousness. *The methodological sciences questions about society*, ed. Beloborodov A. A. Tomsk: TSPU, 1976, 35–45. (In Russ.)]
- Белозерцев А. В. Новейшие факторы изменения языковой системы. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014. № 1. С. 5–9. [Belozertcev A. V. Novel factors of language change. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, (1): 5–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sbneiz>
- Блинова О. И. Носители диалекта о своем диалекте (об одном из источников лексикологического исследования). *Сибирские русские говоры*, ред. В. В. Палагина. Томск: ТГУ, 1984. С. 3–15. [Blinova O. I. Dialect

- speakers about their dialect: Lexical study sources. *Siberian Russian dialects*, ed. Palagina V. V. Tomsk: TSU, 1984, 3–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytewgj>
- Богачанова Т. Д. Интернет-комментарий политического характера как способ проявленности метаязыкового сознания. *Труды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин)*. 2023. Т. 26. № 2. С. 118–130. [Bogachanova T. D. Political nature online comment as metalinguistic consciousness manifestation. *Trudy Novosibirskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta (Sibstrin)*, 2023, 26(2): 118–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32683/1815-5987-2023-26-88-2-118-130>
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: АН СССР, 1963. 766 с. [Baudouin de Courtenay I. A. *Selected works on general linguistics*. Moscow: AS USSR, 1963, 766. (In Russ.)]
- Брайт У. Введение: Параметры социолингвистики. *Зарубежная лингвистика I*, общ. ред. В. А. Звегинцев, Н. С. Чемоданов. М.: Прогресс, 1999. С. 107–144. [Bright W. Introduction: The dimensions of sociolinguistics. *Foreign linguistics I*, eds. Zvegintsev V. A., Chemodanov N. S. Moscow: Progress, 1999, 107–114. (In Russ.)]
- Вепрева И. Т. Наивная аксиология: метаязыковая оценочная интерпретация лексической семантики. *Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании*. 2015. № 4. С. 35–44. [Vepreva I. T. Metalinguistic estimated interpretation of lexical semantics. *Uralskii filologicheskii vestnik. Seriya: Psikholingvistika v obrazovanii*, 2015, (4): 35–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tekojk>
- Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: УрГУ, 2002. 380 с. [Vepreva I. T. *Linguistic reflection in Post-Soviet period*. Ekaterinburg: USU, 2002, 380. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/siqgmj>
- Голев Н. Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания. *Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике*, ред. Т. И. Стеклова. Новосибирск: НГПУ, 1999. С. 97–107. [Golev N. D. Cognitive aspect of Russian spelling: Spelling-centrism as a principle of ordinary metalanguage consciousness. *Reflection of the Russian language picture of the world in vocabulary and grammar*, ed. Steksova T. I. Novosibirsk: NSPU, 1999, 97–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rmdhgi>
- Голев Н. Д. Орфографоцентризм как презумпция русского обыденного метаязыкового сознания. *Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика*, ред. А. Н. Ростова. Кемерово-Барнаул: АлтГУ, 2008а. С. 19–30. [Golev N. D. Orthopholocentrism as the presumption of Russian ordinary metalingual consciousness. *Ordinary metalingual consciousness and naive linguistics*, ed. Rostova A. N. Kemerovo-Barnaul: ASU, 2008a, 19–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tyszmb>
- Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2008b. № 3. С. 5–17. [Golev N. D. Peculiarities of modern metalinguistic consciousness reflected in discussions about language construction issues. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2008b, (3): 5–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kgcsux>
- Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2013. № 5. С. 12–30. [Golev N. D. Russian colloquial written speech and the reflection of its modern state in the ordinary metalanguage consciousness of virtual communication participants. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2013, (5): 12–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rejvcv>
- Голев Н. Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и его лексикографическая репрезентация. *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: XIII Конгресс МАПРЯЛ*. (Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.) Гранада: МАПРЯЛ, 2015. Т. 7. С. 87–92. [Golev N. D. Russian ordinary meta-language consciousness and its lexicographic representation. *Russian language and literature in global culture: Proc. XIII MAPRYAL Congress, Granada, Spain, 13–20 Sep 2015*. Granada: MAPRYAL, 2015, vol. 7, 87–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xydmsj>
- Голев Н. Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность» как базовый постулат наивной лингвистики). In: Бугорская Н. В., Буксина В. А., Дебринн М. М. и др. *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты*. Томск: ТГПУ, 2009. С. 378–410. [Golev N. D. Modern Russian everyday metalinguistic consciousness between science and the school course of the Russian language ("correctness" as a basic postulate of naive

- linguistics). In: Bugorskaya N. V., Buksina V. A., Debreenn M. M. et al. *Everyday metalinguistic consciousness: Ontological and epistemological aspects*. Tomsk: TSPU, 2009, 378–410. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgqeob>
- Голев Н. Д., Ким Л. Г., Кишина Е. В., Вахтель Н. М., Кузнецова Т. Ю. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово: КемГУ, 2010. Ч. 3. 350 с. [Golev N. D., Kim L. G., Kishina E. V., Vakhtel N. M., Kuznetsova T. Yu. *Ordinary metalanguage metalinguage consciousness: Ontological and epistemological aspects*. Kemerovo: KemSU, 2010, pt. 3, 350. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vgukhz>
- Голев Н. Д., Сушкина М. А. О центробежной тенденции в комментировании новостей в социальных сетях. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2023. Т. 2. № 1. С. 1–6. [Golev N. D., Sushkina M. A. Centrifugal trend in news comments in social networks. *Virtual Communication and Social Networks*, 2023, 2(1): 1–6. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-1-1-6>
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с. [Humboldt W. von. *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress, 1984, 400. (In Russ.)]
- Золотова Н. О. Рефлексивность обыденного сознания и естественный метаязык. *Вопросы психолингвистики*. 2019. № 4. С. 50–61. [Zolotova N. O. Reflexivity of everyday consciousness and natural metalanguage. *Journal of Psycholinguistics*, 2019, (4): 50–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-42-4-52-63>
- Кашкин В. Б. Обыденная лингвистика и «контекстуальный детерминизм». *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 4-3. С. 242–245. [Kashkin V. B. Everyday linguistics and contextual determinism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (4-3): 242–245. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyiyun>
- Кашкин В. Б. Слово в фокусе обыденной лингвистики. *Слово и текст: психолингвистический подход*. 2014. № 14. С. 41–45. [Kashkin V. B. Focus on word in folk linguistics. *Slovo i tekst: psikholingvisticheskii podkhod*, 2014, (14): 41–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tbwepn>
- Кашкин В. Б. Языковые контрасты в обыденном сознании и в научной лингвистике. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2011. № 2. С. 5–10. [Kashkin V. B. Language contrasts in commonplace perception and scientific linguistics. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2011, (2): 5–10. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/onwgyf>
- Кравченко М. А. Конструктивный vs деструктивный метатекст в произведениях современной русской прозы. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2024а. Т. 21. № 1. С. 34–41. [Kravchenko M. A. Constructive vs destructive metatext in works of modern Russian prose. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2024a, 21(1): 34–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/ling240105>
- Кравченко М. А. О функциях метаязыковой рефлексии в художественном произведении (на примере текста романа Р. Сенчина «Дождь в Париже». *Перевод. Язык. Культура: XIV Междунар. науч.-практ. конф.* (Санкт-Петербург, 19–20 мая 2023 г.) СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2024б. С. 75–79. [Kravchenko M. A. On the functions of metalanguage reflection in a work of fiction (on the example of the text of R. Senchin's novel "Rain in Paris"). *Translation. Language. Culture: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf.*, St. Petersburg, 19–20 May 2023. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2024b, 75–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jacwvm>
- Кравченко М. А., Кравченко О. В. О соотношении понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 9-1. С. 105–108. [Kravchenko M. A., Kravchenko O. V. On correlation of the concepts "linguistic consciousness" and "meta-linguistic consciousness". *Philology. Theory & Practice*, 2015, (9-1): 105–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ucnfhr>
- Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: ТГУ, 2000. 194 с. [Rostova A. N. *Metatext as a form of explicating metalanguage consciousness in Russian dialects of Siberia*. Tomsk: TSU, 2000, 194. (In Russ.)]
- Ростова А. Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения. *Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика*, ред. А. Н. Ростова. Кемерово-Барнаул: АлтГУ, 2008. С. 49–58. [Rostova A. N. Ordinary metalingual consciousness: Status and aspects of learning. *Ordinary metalingual consciousness and naive linguistics*, ed. Rostova A. N. Kemerovo-Barnaul: ASU, 2008, 49–58. (In Russ.)]

- Сатучина Т. Ю. Интернет-рефлексии как объект научного исследования (на примере языкового материала интернет-сообщества «Я люблю русский язык»). *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2022. Т. 1. № 2. С. 104–106. [Satuchina T. Yu. Internet reflections as an object of scientific research: I love the Russian language internet community. *Virtual Communication and Social Networks*, 2022, 1(2): 104–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxahmm>
- Шафтельская Н. В. Метаязыковое сознание как часть языкового сознания. *Язык и культура: XXII Междунар. науч. конф.* (Томск, 30–31 мая 2011 г.) Томск: ТГУ, 2012. С. 125–127. [Shaftelskaya N. V. Metalinguistic consciousness as part of the linguistic consciousness. *Language and culture: Proc. XXII Intern. Sci. Conf.*, Tomsk, 30–31 May 2011. Tomsk: TSU, 2012, 125–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tpkckx>
- Шумарина М. Р. «Магия слова» как мифологема обыденного метаязыкового сознания. *Славянский мир в прошлом и настоящем: языки, литература, образование: Междунар. науч.-практ. конф.* (Рязань, 20–22 мая 2015 г.) Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2015. С. 170–173. [Shumarina M. R. The magic of the word as ordinary metalingual consciousness mythologeme. *Slavic world in the past and present: Languages, literature, and education: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Ryazan, 20–22 May 2015. Ryazan: RSU, 2015, 170–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txdqad>
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с. [Shcherba L. V. *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka, 1974, 427. (In Russ.)]
- Язык и сознание: парадоксальная рациональность, отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М.: ИЯ РАН, 1993. 174 с. [*Language and consciousness: Paradoxical rationality*, ed. Tarasov E. F. Moscow: IL RAS, 1993, 174. (In Russ.)]

оригинальная статья

eLibrary EDN: UATFFD

Репрезентация семантической категории *чуждость* в американском военно-политическом медиадискурсе

Кулаковская Ксения Валериевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 8261-6167

<https://orcid.org/0009-0009-2153-3715>

Командакова Мария Сергеевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 9164-4430

<https://orcid.org/0000-0003-3439-4880>mashaipasha@mail.ru

Андреева Татьяна Леонидовна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 6334-4751

<https://orcid.org/0000-0002-6283-8891>

Scopus Author ID: 57188634756

Родичева Анна Анатольевна

Российский государственный гидрометеорологический университет, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 7683-1805

<https://orcid.org/0000-0002-8117-084X>

Аннотация: Категория *чуждость* является инструментом легитимации действий и формирования коллективной идентичности, поэтому ее изучение актуально в политическом дискурсе. Цель – построить категориальную модель категории *чуждость* на основе семантического анализа ее языковой реализации как члена оппозиции *свойственность* – *чуждость* на материале англоязычных общественно-политических текстов американских СМИ, освещающих конфликт в Ираке в 2003–2017 гг. Исследование базируется на анализе корпуса из 30 медиатекстов (общим объемом 33960 слов) из изданий CNN, The New York Times и The Washington Post. В результате обработки 508 уникальных существительных, встречающихся 3590 раз, выделено восемь лексико-семантических групп, составляющих авторскую модель категории *чуждость*: силы, противостоящие чужому; противодействие чужому; влияние чужого, стратегии и тактики чужих; наименования чужого (противники, враги); объекты и явления чужого; жертвы конфликта; психология и восприятие чужого; экономические и социальные проявления чужого и связанные с ними последствия. Особое внимание уделяется тому, как категория *чуждость* функционирует в качестве инструмента легитимации действий и формирования коллективной идентичности в военно-политическом медиадискурсе. Анализ показывает, что американские СМИ активно используют языковые средства для противопоставления своих и чужих, что отражается в выборе лексем, контекстах их употребления и эмоционально-оценочной окраске. Семантика чуждости проявляется через описание противоборствующих сторон, их действий, а также через акцент на угрозах, страхах и последствиях конфликта для гражданского населения. Представленная модель позволяет глубже понять механизмы формирования образа чужого в медиадискурсе и его роль в конструировании общественного мнения и политических стратегий.

Ключевые слова: категория, чуждость, модель, военно-политический медиадискурс, лексико-семантическая группа, семантический компонент, образ

Цитирование: Кулаковская К. В., Командакова М. С., Андреева Т. Л., Родичева А. А. Репрезентация семантической категории *чуждость* в американском военно-политическом медиадискурсе. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 126–135. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-126-135>

Поступила в редакцию 26.05.2025. Принята после рецензирования 29.08.2025. Принята в печать 01.09.2025.

original article

Semantic Category of *Otherness* in American Military-Political Media Discourse

Kseniya V. Kulakovskaya

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 8261-6167

<https://orcid.org/0009-0009-2153-3715>

Maria S. Komandakova

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 9164-4430

<https://orcid.org/0000-0003-3439-4880>

mashaipasha@mail.ru

Tatiana L. Andreeva

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 6334-4751

<https://orcid.org/0000-0002-6283-8891>

Scopus Author ID: 57188634756

Anna A. Rodicheva

Russian State Hydrometeorological University, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 7683-1805

<https://orcid.org/0000-0002-8117-084X>

Abstract: Political discourse uses the category of otherness to legitimize the actions of the government and shape collective identity. The article examines the lexical representation of the semantic category of otherness in American socio-political media texts covering the military conflict in Iraq in 2014–2017. The analysis involved 30 media texts (33,960 words) from CNN, The New York Times, and The Washington Post. As a result of processing 508 unique nouns (3,590 uses), eight lexical-semantic groups were identified as part of the category of otherness: forces opposing the Other; opposition to the Other; influence of the Other, strategies and tactics of the Other; names for the Other (opponents, enemies); objects and phenomena of the Other; victims of the conflict; psychology and perception of the Other; economic and social manifestations of the Other and their consequences. American media employ linguistic means to contrast Us and Them by selecting particular lexemes, their contexts, emotive meaning, and connotations. The semantics of otherness is manifested through the description of the conflicting sides and their actions, with an emphasis on threats, fears, and consequences for civilians. The model provides a deeper understanding of the linguistic mechanisms that form the image of the Other in media discourse and its role in shaping public opinions and political strategies.

Keywords: category, otherness, model, military-political media discourse, lexical-semantic group, semantic component, image

Citation: Kulakovskaya K. V., Komandakova M. S., Andreeva T. L., Rodicheva A. A. Semantic Category of *Otherness* in American Military-Political Media Discourse. *SibScript*, 2026, 28(1): 126–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-126-135>

Received 26 May 2025. Accepted after peer review 29 Aug 2025. Accepted for publication 1 Sep 2025.

Введение

Бинарной оппозиции *свойственность* – *чуждость* отведена ведущая роль в политическом дискурсе в целом. Поскольку категория *чуждость* служит инструментом легитимации действий и формирования коллективной идентичности, ее изучение становится особенно актуальным. В данной работе впервые проводится изучение семантической категории *чуждость* в американском военно-политическом медиадискурсе на примере вооруженного конфликта в Ираке, что определяет ее научную новизну.

На сегодняшний день СМИ являются основной площадкой для реализации военно-политической коммуникации, позволяющей агенту трактовать

события в соответствии со своими интересами, используя речевые стратегии и манипулятивные технологии. В качестве медийного формата конструирования военно-политических смыслов выступает относительно новый гибридный военно-политический медиадискурс, который сформировался из трех институциональных дискурсов: военного, политического и медийного [Калашникова, Самойлова 2024; Хомутова, Наумова 2017; Червякова 2023]. В настоящем исследовании под военно-политическим медиадискурсом, вслед за Н. В. Зененко и О. А. Червяковой, понимается виртуальная картина военно-политической

реальности, которая формирует «коллективную военно-политическую картину мира посредством использования определенных образов и смыслов, политических предпочтений и ценностных ориентиров, идеологических установок и мифологем» [Зененко, Червякова 2023: 33]. Его целью является не столько информирование, сколько убеждение, воспитание, формирование общественного мнения и побуждения к определенным действиям [Кононова, Лебединская 2016; Мишкурин 2020]. Военно-политический медиадискурс характеризуется активным использованием эмоционально-оценочной лексики: эвфемистических и дисфемистических номинаций [Киселева 2014; Червякова 2022], метафор [Фомин, Мавлеев 2017]. Адресат данного вида дискурса является массовым, его представляет население как страны в частности, так и планеты в целом. Тексты же описывают межнациональные, межконфессиональные и международные конфликты [Курбаков 2019: 213].

В качестве базовой коммуникативно-речевой стратегии военно-политического медиадискурса выступает стратегия дифференциации *свой – чужой*. Согласно Е. В. Кишиной, через категорию базового уровня *свойственность – чуждость* вербализуются отраженные в языковом сознании понятийные сферы *свое – чужое* [Кишина 2009]. Члены бинарной оппозиции *свойственность – чуждость* изучались в разных типах дискурса [Коренецкая 2022], в том числе в религиозном [Китанина, Ерёменко 2024], судебном [Богомазова 2014], в дискурсе общественно-политического медиапространства [Зырянов и др. 2019; Салимова 2021], в культурологическом [Орищенко 2022], в кинодискурсе [Тростина 2022], на материале художественной литературы [Махмудова 2022; Падерина 2024] и др. Также есть работы, описывающие интересующую нас диаду в рамках военно-политического дискурса [Полянцев 2019; Ульянова 2021; 2023]. Во всех исследованиях отмечается динамичность категорий *свойственность* и *чуждость*, обусловленная политическими интересами [Алексеева, Фролова 2023].

В контексте военных действий в Ираке американские СМИ активно использовали языковые средства для противопоставления своих (США, их союзники) и чужих (Иран, ИГИЛ¹, оппозиционные группы).

Настоящий анализ фокусируется на конкретных примерах из медиатекстов, демонстрирующих, как семантика чуждости воплощается в структуре высказываний, относящихся к военно-политической тематике.

Цель – построить категориальную модель категории *чуждость* на основе семантического анализа ее языковой реализации как члена оппозиции *свойственность – чуждость* на материале англоязычных общественно-политических текстов американских СМИ, освещающих конфликт в Ираке в 2003–2017 гг. Задачи:

- 1) проанализировать лингвистические данные, выявить языковые единицы (существительные) и распределить их по лексико-семантическим группам (ЛСГ);
- 2) лингвистически интерпретировать полученные результаты и создать модель изучаемой категории.

Методы и материалы

Применены метод научного описания, контент-анализ, статистический анализ, методы синтеза и моделирования. В качестве частных лингвистических методов были использованы методы компонентного и контекстного анализа.

Материалом послужили тексты американских СМИ за 2014–2017 гг., освещающих вооруженный конфликт в Ираке. Анализ статей за указанный период позволяет глубже понять ключевые события и динамику иракского конфликта, а также его долгосрочные последствия. В 2014 г. началась международная военная операция против Исламского государства (ИГИЛ), что привело к изменению стратегий и подходов к конфликту. Шииты и другие группы начали бороться за власть, что привело к новым альянсам и конфликтам, свидетельствующим о динамичности бинарной оппозиции *свойственность – чуждость* в зависимости от военно-политических стратегий. Этот период характеризуется массовыми перемещениями населения и гуманитарными кризисами, что делает его важным для изучения социальных и экономических последствий конфликта.

Объем проанализированного корпуса медиатекстов составил 30 единиц (33960 слов) из 10 статей от каждого из трех интернет-изданий: CNN²,

¹ По решению Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424С ДАИШ признана террористической организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 19.05.2025).

² CNN. URL: <https://www.cnn.com> (accessed 1 Mar 2025).

The New York Times³ и The Washington Post⁴; суммарно выявлено 3590 употреблений 508 отдельных существительных, вербально представляющих категорию чуждость. Каждое существительное было проанализировано с точки зрения его значения и контекста использования. В качестве формальных маркеров семантики чуждости выступали указатели субъекта категоризации (*those, there*) или его геополитической принадлежности (*the Islamic State, Iran*), глаголы с отрицательной коннотацией (*destroy, oust* и др.).

Результаты

В результате анализа контекстов с интересующей нас вербализацией выявлено 8 ЛСГ существительных, репрезентирующих категорию чуждость. Отметим, что ЛСГ представляет собой совокупность лексических единиц, объединенных общим семантическим компонентом и относящихся к одной части речи, однако ее границы не всегда четко определены и однозначны. Согласно Э. В. Кузнецовой, такие объединения слов накладываются друг на друга, взаимно проникают друг в друга, пересекаются друг с другом [Кузнецова 1978]. В контексте военно-политического медиадискурса это проявляется особенно ярко ввиду динамичности исследуемой категории, а именно переходов из *своих* в *чужие* и, наоборот, в зависимости от политической ситуации.

По количественному признаку выделены 8 ЛСГ:

1. **Силы, противостоящие чужому** (политические и военные структуры). Представленная ЛСГ состоит из 67 существительных в 1021 употреблении (далее дается в формате 1021 / 67). Далее представим семь наиболее частотных примеров и типичные контексты употребления: *forces* (84), *government* (84), *president* (82), *troops* (75), *United States* (58), *soldiers* (38), *army* (37).

- *The Iraqi military does not release overall casualty figures, but troops have faced stiff resistance as they have broken into the Islamic State's last major urban stronghold in Iraq* – Иракские военные не разглашают полные данные о потерях, но войска столкнулись с жестким сопротивлением, когда они ворвались в последний крупный городской оплот Исламского государства в Ираке⁵.

2. **Противодействие чужому** (действия своих по отношению к чужим) (554 / 95): *fight* (38), *force* (38), *action* (32), *defense* (29), *power* (23), *campaign* (20), *control* (20).

- *After more than two weeks of advances, Iraqi forces are now pressing into more densely populated areas and penetrating the epicenter of the group's last remaining territory in the country* – После более чем двухнедельного наступления иракские войска в настоящее время продвигаются в более густонаселенные районы и проникают в эпицентр последней оставшейся у группировки территории в стране.

3. **Влияние чужого, стратегии и тактики чужих** (бои, операции, конфликты) (546 / 84). Примеры: *attack* (48), *invasion* (44), *battle* (35), *operations* (33), *violence* (25), *bombing* (20), *killings* (14).

- *there's growing evidence that Shiite militiamen who operate in concert with Iraqi troops have carried out summary executions, lynchings and widespread looting* – появляется все больше свидетельств того, что шиитские ополченцы, действующие совместно с иракскими войсками, совершают массовые казни, линчевания и широко-масштабные грабежи.

4. **Наименования чужого, противники** (враги, оппоненты, соперники) (486 / 44): *ISIS* (101), *the Islamic State* (51), *Hussein* (44), *militants* (36), *fighter* (30), *militias* (27), *group* (19).

- *First there was war, then sectarian strife that pitted Sunni extremists against Shiite militants and brought Iraq to the brink of civil war* – Сначала была война, затем межконфессиональная рознь, которая столкнула суннитских экстремистов с шиитскими боевиками и поставила Ирак на грань гражданской войны.

5. **Объекты, явления чужого** (456 / 71). Примеры лексем, локализирующих ЛСГ: *war* (195), *weapon* (31), *death* (20), *bombs* (16), *arms* (7), *wound* (6), *rocket* (5).

- *They had come face-to-face with chlorine gas, mortar fire, bombs and artillery shells* – Они столкнулись лицом к лицу с газообразным хлором, минометным огнем, бомбами и артиллерийскими снарядами.

6. **Жертвы конфликта** (гражданские лица, пострадавшие, беженцы) (201 / 24). Примеры лексем: *Iraqis*

³ The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/> (accessed 24 Jan 2025).

⁴ The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (accessed 21 Feb 2025).

⁵ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

(47), civilian (36), family (19), Muslim (17), children (10), residents (6), witnesses (6).

- *ISIS used civilians as human shields* – ИГИЛ использовало мирных жителей в качестве живого щита.

7. **Психология и восприятие чужого** (страх, непонимание) (184 / 69): *mistake* (33), *threat* (19), *fear* (14), *lie* (10), *concern* (7), *anger* (4), *blame* (3).

- *The images elicited shock and outrage from the American public and changed the course of the war* – Эти снимки вызвали шок и возмущение у американской общественности и изменили ход войны.

8. **Экономические и социальные проявления чужого и связанные с ними последствия** (ресурсы, инвестиции, коммуникация) (142 / 54). Примеры: *support* (26), *tension* (12), *crisis* (10), *failure* (8), *anniversary* (8), *consequences* (7), *corruption* (6).

- *At least \$1 billion is needed for reconstruction so that thousands of displaced Iraqis can return home* – Требуется по меньшей мере 1 миллиард долларов для восстановления, чтобы тысячи вытесненных иракцев могли вернуться домой.

Выше представленный набор ЛСГ английских существительных позволяет выстроить модель категории *чуждость* в аспекте ее конкретной реализации. Так, чуждость может представлять собой субъект (наименования чужого), либо объект (объекты, явления чужого), оказывающие свое негативное воздействие (влияние чужого, стратегии и тактики чужих; экономические и социальные проявления чужого и связанные с ними последствия) на окружающих (жертвы конфликта; силы, противостоящие чужому), которые реализуют попытки противостоять этому воздействию (противодействие чужому), а также рефлексируют на этот счет (психология и восприятие чужого).

Рассмотренные ЛСГ различаются по степени представленности. Рассмотрим основные ЛСГ, которые репрезентируют категорию *чуждость*:

1. **Силы, противостоящие чужому** (1021 употребление, 67 лексем, удельный вес группы в общем количестве употреблений-репрезентантов в корпусе составил 28,44 %; далее дается в формате 1021 / 67; 28,44 %). Эта группа представлена наиболее обширно. Примеры:

- *For three years, the central government in Baghdad and the Kurdish region fought together to oust the Islamic State* – В течение трех лет центральное правительство в Багдаде и курдский регион совместно боролись за свержение «Исламского государства».
- *Iraqi security forces in Tikrit detain a fighter for the Islamic State* – Иракские силы безопасности в Тикрите задерживают боевика «Исламского государства».

Примеры показывают, что внутри конфликтующих сторон (например, центрального правительства Ирака и курдского региона) может возникать временное единство для борьбы с общим противником. Это подчеркивает, что чуждость может объединять даже тех, кто обычно находится в противостоянии. Упоминание иракских сил безопасности указывает на активное противостояние чужому. Большая количественная представленность данной ЛСГ обусловлена тем, что выстраивание образа чужого происходит в первую очередь через призму борьбы против него. Силы, действующие против врагов, рассматриваются как защитники своей территории и населения, обеспечивающие безопасность от влияния чужого.

Центральными семантическими компонентами данной ЛСГ являются:

- а) политические и административные структуры (*government, administration, police*);
- б) военные структуры (*troops, soldiers, military*);
- в) национальная и религиозная принадлежность (*Americans, Sunni, Shiites*);
- г) гражданское население (*volunteers, contractor*).

2. **Противодействие чужому** (действия своих по отношению к чужим) (554 / 95; 15,43 %).

- *Kerry said Sunday the U.S. would help the Iraqis in their fight against al Qaeda, but "this is their fight"* – Керри заявил в воскресенье, что США помогут иракцам в их борьбе с Аль-Каидой⁶, но «это их борьба».
- *But there is a fine line sometimes between what is an action taken in defense – and presidents do have the power to defend the nation from an imminent threat, ongoing attack or an imminent threat of attack – and what is an offensive action* – Но иногда существует тонкая грань между действиями, предпринимаемыми

⁶ По решению Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 Аль-Каида признана террористической организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 19.05.2025).

в целях обороны, – а президенты действительно обладают властью защищать нацию от неминуемой угрозы, продолжающегося нападения или непосредственной угрозы нападения, – и наступательными действиями.

Семантика приведенных примеров акцентирует внимание на необходимость активных оборонительных и наступательных действий против чужих в качестве реакции на угрозу. Подчеркивается, что противодействие тому, что чуждо, имеет не только военный, но и политический аспект. Используемые лексемы обладают эмоциональной окраской, связанной с чувством опасности и потребностью в защите.

Основные семантические компоненты данной ЛСГ:

- а) силовое противостояние (*force, fight, combat*);
- б) оборонительные действия (*defense, security*);
- в) наступательные действия (*action, advance, offensive*);
- г) умонстроение, состояние духа (*resistance, protest, sacrifice*);
- д) стратегические действия (*control, coalition, plan*);
- е) нанесение поражения (*victory, removal*).

3. Влияние чужого, стратегии и тактики чужих (бои, операции, конфликты) (546 / 84; 15,20 %).

- *As for the **occupation**, the 13 years of **chaos** and **violence** that Iraqis have endured since the invasion demonstrate beyond question the incompetence and irresponsibility of those who planned and organized it* – Что касается оккупации, то 13 лет хаоса и насилия, которые иракцы пережили после вторжения, бесспорно демонстрируют некомпетентность и безответственность тех, кто его планировал и организовывал.
- *Since the 2011 withdrawal of U.S. troops, the Sunni-led group tied to al Qaeda, known as the Islamic State of Iraq and al-Sham (ISIS), has staged a comeback amid Iraq's growing sectarian tensions and launched a series of bloody **attacks** on government buildings and personnel, killing thousands of civilians* – После вывода американских войск в 2011 году, возглавляемая суннитами группировка, связанная с Аль-Каидой, известная как «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), возобновила свою деятельность на фоне растущей межконфессиональной напряженности в Ираке и совершила серию кровавых нападений на правительственные

здания и персонал, в результате чего погибли тысячи мирных жителей.

Данная группа охватывает концепции, связанные с воздействием внешних сил (чужих) на внутренние дела страны, а также с конфликтами, насилием и хаосом, которые возникают в результате этих действий. Общий семантический стержень описываемой ЛСГ создает негативную коннотацию и подчеркивает разрушительные действия чужих. Используемые синтаксические конструкции содержат сложные предложения, подчеркивающие причинно-следственные связи влияния извне, а именно длительность и тяжесть последствий вторжения.

Ключевые семантические компоненты:

- 1) акт агрессии (*attack, battle, strike*);
- 2) вмешательство (*invasion, intervention, influence*);
- 3) уничтожение (*violence, destruction, killings*);
- 4) тактические действия (*authorization, operations, insurgency*);
- 5) политические и идеологические предпосылки (*dictatorship, radicalism, sectarianism*).

Схожая закономерность свойственна оставшимся ЛСГ, которые являются менее частотными по количеству репрезентантов. Использование лексических единиц, содержащихся в них, является более ситуативным. Далее рассмотрим их количественное распределение и перечислим вторичные семантические компоненты исследуемой категории:

– **наименования чужого, противники:**

- а) организация с идеологической направленностью (*Islamic State, ISIS*);
- б) политические деятели (*Hussein, dictator*);
- в) враги, оппоненты (*militants, fighter, insurgent*);
- г) боевые подразделения (*group, cell*);

– **объекты, явления чужого:**

- а) вооруженная борьба (*war, occurrence*);
- б) средства борьбы (*weapon, missiles, grenade*);
- в) последствия борьбы (*wound, blood, debris*);

– **жертвы конфликта:**

- а) народность, проживающая на территории боевых действий, последователи ислама (*Iraqis, Muslim*);
- б) гражданское население (*civilian, residents, witnesses*);
- в) вынужденные изгнанники (*exile, refugee*);
- г) военнослужащие (*veterans, dead*);

– **психология и восприятие чужого:**

- а) осознание ошибочности военного вторжения (*mistake, criticism, absurd, fraudulence*);

- b) отрицательно окрашенные эмоции и реакции (*anger, fury, rage, resentment, trepidation*) – этот семантический компонент является наибольшим по количеству лексем в группе;
- с) успокоение и облегчение эмоционального дискомфорта (*solace, mourning, humility*);
- **экономические и социальные проявления чужого (а) и связанные с ними последствия (б):**
- a) *crisis, tensions, corruption, cronyism, deterioration*;
- b) *support, recovery, anniversary, reparation*.

В таблице приведены результаты контент-анализа и статистического анализа корпуса рассмотренных текстов.

В построенной модели семантика чуждости эксплицируется следующим образом: чужое раскрывается в большей степени посредством семантики борьбы против его воздействия (силы, противостоящие чужому; противодействие чужому). Затем вербализуются непосредственная деятельность чужих (влияние чужого, стратегии и тактики чужих), действующие индивидуальные либо коллективные субъекты (наименования чужого, противники), а также проявления чуждых, сторонних сил в виде процессов, предметов или явлений (объекты, явления чужого). Далее следует количественное

снижение лексических единиц в составе ЛСГ: коннотативные значения языковых единиц, входящих в группы *жертвы конфликта* и *экономические и социальные проявления чужого* и связанные с ними последствия, свидетельствуют о тяжести любого исхода конфликта, проявляющейся в виде потерпевших индивидуумов и разрушенной инфраструктуры, требующих реабилитации и восстановления. Наиболее эмоционально окрашенная лексика, значение которой отражает отрицательную оценку любых проявлений чужого, входит в состав ЛСГ *психология и восприятие чужого*. Чуждость – это не только нечто непонятое либо непривычное, она вызывает гнев, страх и недоверие. В контексте военных действий – это зло, опасность и ложь, приводящие к трагедии, хаосу и безутешности.

Заключение

Семантика категории *чуждость* в американском военно-политическом медиадискурсе приобретает практическую значимость и большую адаптивность. Существительные, использующиеся в дискурсе, служат не только для обозначения субъектов конфликта, но и для создания устойчивых стереотипов, которые влияют на восприятие данных субъектов.

Табл. Модель семантической категории *чуждость*, вербально представленная посредством английских существительных
Tab. Semantic category of otherness based on English nouns

Лексико-семантическая группа	Количество лексем в группе		Вариативность группы (отношение В к А в группе)	Удельный вес группы в общем количестве употреблений (с учетом повторов)
	А; употребления с учетом повторов	В; без учета повторов		
Силы, противостоящие чужому	1021	67	6,56 %	28,44 %
Противодействие чужому	554	95	17,14 %	15,43 %
Влияние чужого, стратегии и тактики чужих	546	84	15,38 %	15,20 %
Наименования чужого, противники	486	44	9,05 %	13,53 %
Объекты, явления чужого	456	71	15,57 %	12,70 %
Жертвы конфликта	201	24	11,94 %	5,59 %
Психология и восприятие чужого	184	69	37,50 %	5,12 %
Экономические и социальные проявления чужого и связанные с ними последствия	142	54	38,02 %	3,95 %
Суммарное количество лексем чуждости (существительное)	3590	508	14,15 %	100 %

Категория *чуждость* в военном контексте не остается статичной. Она может меняться в зависимости от политической ситуации и стратегических альянсов, что подчеркивает сложность и многогранность военных конфликтов. Однако проведенный лингвистический анализ позволяет выделить ряд инвариантных функциональных компонентов категории *чуждость*, репрезентируемых посредством ЛСГ. Так, чуждость актуализируется через оппозицию и противостояние (силы, противостоящие чужому; противодействие чужому), чужие используют определенную тактику и средства (влияние чужого, стратегии и тактики чужих; наименования чужого, противники; объекты, явления чужого), влекущие за собой потери, а также моральный и материальный ущерб (жертвы конфликта; психология и восприятие чужого; экономические и социальные проявления чужого и связанные с ними последствия). Семантическое содержание существительных, входящих в состав ЛСГ, характеризуется наличием преимущественно отрицательных сем, что приводит к формированию негативного образа чуждости. При этом большая количественная представленность ЛСГ *силы, противостоящие чужому и противодействие*

чужому формирует важную составляющую данного образа, а именно идею необходимости и возможности противостоять чужому, отстаивая свое: родное и значимое.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: К. В. Кулаковская – обработка данных и написание текста. М. С. Командакова – поиск эмпирического материала и обработка данных. Т. Л. Андреева – разработка концепции и редактирование. А. А. Родичева – доработка и редактирование текста.

Contribution: K. V. Kulakovskaya was responsible for data processing and text preparation. M. S. Komandakova searched for empirical material and data processing. T. L. Andreeva developed the research concept and edited the manuscript. A. A. Rodicheva processed and proofread the manuscript.

Литература / References

- Алексеева М. Г., Фролова В. А. Динамические процессы в оппозиционной системе «свой-чужой» (на материале рассказа Гюнтера де Бройна «Рената»). *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2023. Т. 33. № 2. С. 403–409. [Alekseeva M. G., Frolova V. A. Dynamic processes in the oppositional system "friend-foe" (based on the story of Gunther de Bruyne "Renata"). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, 2023, 33(2): 403–409. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dnckwy>
- Богомазова В. В. Ритуальность как способ реализации категории чуждости в судебном дискурсе. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2014. № 3. С. 100–104. [Bogomazova V. V. Rituality as a way of actualizing the category of otherness within the judicial discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2014, (3): 100–104. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.3.12>
- Зененко Н. В., Червякова О. А. Лингвопрагматическое описание военно-политического медиадискурса: опыт системного анализа. *Военно-филологический журнал*. 2023. № 3. С. 29–39. [Zenenko N. V., Chervyakova O. A. Linguo-pragmatic description of the military-political media discourse: The experience of system analysis. *Voenno-filologicheskii zhurnal*, 2023, (3): 29–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gvvoqq>
- Зырянов М. С., Кашпур В. В., Андреева Т. Л. Лексическая репрезентация категории «свой» в общественно политических текстах (на материале английских глаголов). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. № 7. С. 188–192. [Zyryanov M. S., Kashpur V. V., Andreeva T. L. Lexical representation of the category "one's own" in socio-political texts (based on the English verbs). *Philology. Theory & Practice*, 2019, 12(7): 188–192. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.40>
- Калашникова О. А., Самойлова А. В. Метафорический потенциал англоязычного военно-политического медиадискурса. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 17. № 11. С. 4192–4199. [Kalashnikova O. A., Samoylova A. V. The metaphorical potential of the English language military-political

- media discourse. *Philology. Theory & Practice*, 2024, 17(11): 4192–4199. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20240591>
- Киселева С. А. "Doublespeak" и "unspeak" как виды эвфемизмов. *Преподаватель XXI век*. 2014. № 3-2. С. 276–282. [Kiseleva S. A. "Doublespeak" and "unspeak" as types of euphemisms. *Prepodavatel XXI vek*, 2014, (3-2): 276–282. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thsoer>
- Китанина Э. А., Ерёменко Н. Г. Формирование оппозиции «свой / чужой» в современном православном дискурсе. *Наука. Образование. Современность*. 2024. № 2. С. 45–50. [Kitanina E. A., Eremenko N. G. Formation of the "own / their" opposition in contemporary orthodox discourse. *Science. Education. The Present*, 2024, (2): 45–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2658-7335-2024-2-23>
- Кишина Е. В. Комплексное исследование категории «свойственность – чуждость» в русском языке. *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 320. С. 11–15. [Kishina E. V. Complex research of a category "own-strange" in Russian language. *Tomsk State University Journal*, 2009, (320): 11–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/llvxxwl>
- Кононова И. В., Лебединская Ю. В. Иронические эвфемистические единицы военно-политического дискурса как средство манипулирования сознанием в новостных СМИ. *Актуальные проблемы современной лингвистики*, ред. Е. А. Нильсен и др. СПб.: СПбГЭУ, 2016. С. 30–34. [Kononova I. V., Lebedinskaya Yu. V. Ironie euphemistic units of military-political discourse as a means of manipulating consciousness in the news media. *Relevant issues of modern linguistics*, ed. E. A. Nielsen et al. St. Petersburg: SPbSUE, 2016, 30–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wglfwn>
- Коренецкая И. Н. Метафорические модели концептуальной диады «свой – чужой» в разных типах дискурса (на материале английского языка). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2022. Т. 41. № 3. С. 569–577. [Korenetskaya I. N. Metaphorical models of the conceptual opposition "us – they" in different types of discourse (by the material of the English language). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 2022, 41(3): 569–577. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-569-577>
- Кузнецова Э. В. О пересекающем характере лексико-семантических групп слов. *Семантика и структура предложения: лексическая и синтаксическая семантика*, отв. ред. Н. Д. Гарипова. Уфа: БашГУ, 1978. [Kuznetsova E. V. On the overlapping nature of lexico-semantic groups of words. *Semantics and structure of the sentence: Lexical and syntactic semantics*, ed. Garipova N. D. Ufa: BashSU, 1978. (In Russ.)]
- Курбаков И. А. Военно-политический дискурс как гибридный тип дискурса. *Достижения науки в контексте повышения качества жизни и устойчивого развития общества: Междунар. науч.-практ. конф. и IV Всерос. (с Междунар. уч.) конф. (Алматы, 29 апреля 2019 г.)* Алматы: ИМЭМО РАН, 2019. Т. 3. С. 210–217. [Kurbakov I. A. Hybrid nature of military and political discourse. *Scientific achievements in the context of improving the quality of life and sustainable development of society: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. and IV All-Russian (with Intern. participation) Conf.*, Almaty, 29 Apr 2019. Almaty: IWEIR RAS, 2019, vol. 3, 210–217. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrpshs>
- Махмудова С. А. Репрезентация концептуальной оппозиции «свой / чужой» в романе Дж. Олдриджа «Горы и оружие». *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 9. С. 153–160. [Mahmudova S. A. Representation of the conceptual opposition "friend / foe" in the novel by J. Aldridge "Mockery in arms". *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2022, (9): 153–160. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10920>
- Мишкурое Э. Н. Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, транслат. *Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода*. 2020. № 2. С. 88–105. [Mishkurov E. N. Modern military-political discourse: Nomination, functions, language deviation, translation. *Lomonosov Translation Studies Journal*, 2020, (2): 88–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgipab>
- Орищенко С. С. «Свои» и «чужие» как предмет культурологического познания: концепты, образы, проекции и взаимосвязи. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. 2022. № 3. С. 20–26. [Orishchenko S. S. "Own" and "others" as a subject of cultural knowledge: Concepts, images, projections and relationships. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*, 2022, (3): 20–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ilvyvx>

- Падерина Т. С. Репрезентация концептосферы «свой – чужой» в языковом сознании билингва (на материале художественных произведений В. Каминера). *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2024. Т. 34. № 2. С. 497–502. [Paderina T. S. Representation of "friend – foe" conceptsphere in the linguistic consciousness of a bilingual (based on V. Kaminer' fiction works). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, 2024, 34(2): 497–502. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dxexem>
- Полянцева Р. С. Стереотипизация образов «свой» и «чужой» при освещении военного конфликта в английском военно-политическом дискурсе. В *Многомерном пространстве современной лингвистики*, ред. О. А. Сулейманов. М.: Языки Народов Мира, 2019. С. 233–241. [Poliantsev R. S. Stereotyping of images of "friend" and "foe" in the coverage of military conflict in English military-political discourse. *In the multidimensional space of modern linguistics*, ed. Suleimanov O. A. Moscow: Iazyki Narodov Mira, 2019, 233–241. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/utbnis>
- Салимова Р. М. Бинарная оппозиция «свой – чужой» (на примере британского медиапространства). *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 9. С. 158–163. [Salimova R. M. The binary opposition "own" – "alien" as illustrated by British media sphere. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2021, (9): 158–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10922>
- Тростина Ю. Д. Языковая репрезентация оппозиции «свой-чужой» в кинодискурсе (на материале сериала Downton Abbey). *Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2022: Междунар. студ. науч.-практ. конф.* (Магнитогорск, 22–25 марта 2022 г.) Магнитогорск: МГТУ, 2022. С. 754–758. [Trostina Yu. D. Linguistic representation of the "friend-foe" opposition in film discourse in the Downton Abbey series. *Student and Science (Humanitarian Cycle) – 2022: Proc. Intern. Stud. Sci.-Prac. Conf.*, Magnitogorsk, 22–25 Mar 2022. Magnitogorsk: NMSTU, 2022, 754–758. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suknme>
- Ульянова У. А. Коммуникативная стратегия «свои» в англоязычном военно-политическом дискурсе. *Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири*. 2021. № 4. С. 139–145. [Ulyanova U. A. "Forming one's own image" communicative strategy in the English language military political discourse. *Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia*, 2021, (4): 139–145. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/faufub>
- Ульянова У. А. Репрезентация коммуникативной стратегии «чужие» в англоязычном военно-политическом дискурсе. *Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: VI Междунар. науч.-практ. конф.* (Минск, 23–24 марта 2023 г.) Мн.: БГУ, 2023. С. 90–96. [Ulyanova U. A. Representation of the communicative strategy "them" in English military political discourse. *Foreign languages: Innovations, research and teaching prospects: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Minsk, 23–24 Mar 2023. Minsk: BSU, 2023, 90–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/horkla>
- Фомин А. Г., Мавлеев Р. Р. Политическая метафора как эффективное средство воздействия (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РФ В. В. Путина в рамках международного форума «Один пояс – один путь»). *Политическая лингвистика*. 2017. № 6. С. 112–121. [Fomin A. G., Mavleyev R. R. Political metaphor as an effective means of influence (case study of the speeches of the president of Russian Federation Vladimir Putin and the president of the people's republic of China Xi Jinping at the belt and road forum for international cooperation). *Political Linguistics*, 2017, (6): 112–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/miotpu>
- Хомутова Т. Н., Наумова К. А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2017. Т. 14. № 3. С. 49–53. [Khomutova T. N., Naumova K. A. Military-political discourse as a distinctive type of discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2017, 14(3): 49–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/ling170307>
- Червякова О. А. Дискурсивное воздействие в военно-политических медиатекстах: фасцинация, суггестия, персуазия (на материале испанского языка). *Политическая лингвистика*. 2023. № 6. С. 141–148. [Chervyakova O. A. Discursive impact of Spanish military-political media texts: Fascination, suggestion, and persuasion. *Political Linguistics*, 2023, (6): 141–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdgydj>
- Червякова О. А. Дисфемия в военно-политическом дискурсе (на материале испанского языка). *Вестник адъюнкта: электронный научный журнал*. 2022. № 1. [Chervyakova O. A. Dysphemism in military-political discourse (by the material of the Spanish language). *Vestnik adiunkta*, 2022, (1). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jztssw>

оригинальная статья

eLibrary EDN: VXXVMI

Склоняемость топонимов среднего рода на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно*

Тейкин Михаил Спартакович

Мелитопольский государственный университет, Россия, Мелитополь

eLibrary Author SPIN: 4840-7407

<https://orcid.org/0000-0003-3545-3192>

teikin-ms@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья продолжает рассмотрение вопроса склоняемости славянских топонимов среднего рода на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно* в русском языке, начатое автором в работе, опубликованной в 2021 г. Объект исследования включает не только русский язык, но и восточнославянское языковое пространство. Вопрос актуален, поскольку имена собственные среднего рода при несклонении противоречат морфологии и нарушают синтаксическую структуру предложения. В дополнение к написанному ранее разбирается структура топонимов на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно*, их происхождение, морфологические особенности. Детально анализируются три причины, послужившие закреплению в узусе неизменения исследуемых топонимов: устранение смещения топонимов среднего и мужского родов, влияние заимствованных существительных, низкий уровень филологической культуры, – а также рассматривается новая, не освещённая в прошлой статье, – склоняемость первой части двойных названий. Особое внимание автор уделяет заимствованным нарицательным существительным на *-о*, появившимся в русском языке с XVIII в. и имевшим тенденцию к неизменяемости по падежам, несмотря на соответствие среднему морфологическому роду исконных славянских имён. Важный акцент ставится на досоветском периоде, поскольку, хотя несклонение топонимов на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно* широко распространилось после Октябрьской революции, тенденция не менять флексии в данных названиях наметилась ранее. Сделан вывод о безусловной склоняемости топонимов на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно* в русских (восточнославянских) языках, соответствующей иным славянским синтетическим идиомам.

Ключевые слова: славянские онимы, топонимы, заимствованная лексика, средний род, склоняемость, смешение грамматических форм, литературная норма

Цитирование: Тейкин М. С. Склоняемость топонимов среднего рода на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно*. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 136–158. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-136-158>

Поступила в редакцию 15.04.2025. Принята после рецензирования 10.06.2025. Принята в печать 16.06.2025.

original article

Declinability of Neuter Gender Toponyms Ending in *-ovo/-evo/-yovo, -ino/-yno*

Mikhail S. Teikin

Melitopol State University, Russia, Melitopol

eLibrary Author SPIN: 4840-7407

<https://orcid.org/0000-0003-3545-3192>

teikin-ms@mail.ru

Abstract: In East Slavic languages, the declension of neuter gender toponyms always poses a certain problem. This research covered neuter toponyms ending in *-ovo/-evo/-yovo, -ino/-yno* in Russian and East Slavic languages. If used in their initial form, neuter proper names violate the rules of morphology and syntax. The author investigated the structure of such toponyms, their origin, and morphological peculiarities. The tendency for retaining

their initial form persisted for several reasons. The first one was the need to distinguish between masculine and neuter toponyms. The second was the impact of adopted nouns. The third reason was the generally poor level of philological culture. Another reason could be the declinability of the first part in two-part names. This article focuses on common nouns ending in *-o* that were adopted in the 18th century, which tended to retain the form of the nominative case in spite of the fact that they were similar to the original Slavic names of neuter morphological gender. Often considered a typically Soviet trend, the non-changing of flexions of toponyms, ending in *-ovo/-evo/-yovo*, *-ino/-yno* started in the pre-Soviet period. These toponyms are generally declinable, and that matches other Slavic synthetic idioms.

Keywords: Slavic onyms, toponyms (place names), adopted lexicon, neuter gender, declinability, grammatical forms confusion, literary norm

Citation: Teikin M. S. Declinability of Neuter Gender Toponyms Ending in *-ovo/-evo/-yovo*, *-ino/-yno*. *SibScript*, 2026, 28(1): 136–158. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-136-158>

Received 15 Apr 2025. Accepted after peer review 10 Jun 2025. Accepted for publication 16 Jun 2025.

Введение

В 2021 г. автор опубликовал статью, где осветил распространение несклоняемости топонимов, оканчивающихся на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно* [Тейкин 2021]. Всего было исследовано четыре причины появления несклонения в узусе и его широкого закрепления, причём последняя предложена самим автором:

- 1) профессиональное аргю;
- 2) несклоняемость заимствованных существительных среднего рода с финалями *-о*, *-е*, *-ё* (*депо*, *бюро*, *ателье*, *пенсне*, *льё* и т. п.);
- 3) устранение смешения топонимов мужского рода с топонимами среднего рода (*Львов* и *Львово*, *Ростов* и *Ростово* и т. п.);
- 4) снижение филологической культуры общества.

Вторая причина в статье 2021 г. дана суженно: рассматриваются собственные имена, заимствованные за пределами Славии, а в отношении нарицательных имён упоминается лишь об их склоняемости в штокавском идиоме сербскохорватского языкового пространства. Здесь автор рассмотрит вопрос шире, включая разбор заимствованных нарицательных имён на *-о*, *-е*, *-ё*.

В прошлой статье не исследованы до конца три из четырёх причин появления несклонения. В полном объёме разобрана лишь первая – профессиональное аргю вообще и речь военных сводок в частности; она же отклоняется как единственно возможная ввиду ограниченности охвата коммуникантов. Следует глубже проанализировать три ранее рассмотренные причины и исследовать дополнительные причины, имеющие не меньшее значение.

Автору необходимо описать возникновение несклонения топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно*

до того, как приступить к исследованию о склоняемости славянских топонимов среднего рода: а) с формантом *-н* – *Гродно*, *Дубно*, *Молодечно*, *Сенно* и др.; б) адъективного происхождения – *Ровно* и др.; в) бессуффиксного образования – *Брно*, *Волго*, *Нево*, *Неро* и др. (сюда же входит славянизированное *Тосно*).

В настоящей статье причины появления в узусе несклоняемых форм топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно* идут в такой последовательности:

- 1) возможное устранение смешения топонимов мужского рода с топонимами среднего рода (бывшая причина № 3);
- 2) несклоняемость заимствованных нарицательных и собственных существительных среднего рода с финалями *-о*, *-е*, *-ё* (бывшая причина № 2);
- 3) проникновение в узус несклонения первой части сложных топонимов, являющейся окончанием среднего рода на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно* (новая причина);
- 4) низкий уровень филологической культуры общества (бывшая причина № 4).

В настоящем исследовании автор применяет следующие методы: описательный для освещения структуры топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно* и указания их места в ономастике, сравнительный в применении к положению в разных славянских языках, сравнительно-исторический для освещения морфологической изменяемости топонимов в прошлом и настоящем, типологический для выявления и систематизации причин появления несклоняемости.

Прежде чем описывать причины возрастания несклоняемости описываемых топонимов, следует осветить их структуру, чего не было сделано в предыдущей статье [Тейкин 2021], а также описать топонимы изучаемого типа в иных славянских языках.

Результаты

Структура топонимов на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно*

Пять формантов: *-ов-, -ев-, -ёв-, -ин-, -ын-* – издревле используются для образования топонимов. Ещё в XIX в. Ф. Миклошич относил суффиксы *овъ, инъ, јъ*¹ к адъективно-посессивным [Miklosich 1864: 9]. В. Л. Васильев называет их суффиксально-формантными элементами имён [Васильев 2022: 39]; на протяжении всей истории русского и других славянских языков они оставались продуктивным средством формирования притяжательных прилагательных и топонимов-посессивов [Васильев 2012: 244]. Объединённые единым предназначением, форманты различаются по типу, условно их можно разделить на две группы: 1) *-ов-, -ев-, -ёв-*; 2) *-ин-, -ын-*. З. О. Купчинская указывает на различие: суффиксы *-овъ, -евъ* образовывали ойконимы преимущественно от существительных мужского рода с основами на *-ѡ, -јѡ, -ѣ* [Купчинская 2016: 125], суффикс *-инъ* – от существительных преимущественно женского рода с основами на *-ѧ, -јѧ, -ї* [Там же: 151]. Это наблюдалось во время существования общеславянского праязыка, наблюдается и сейчас: ср. *брат* → *братов подарок*, *отец* → *отцова воля*, *царь* → *царёв скипетр*, *тесть* → *тестево желание*, *Павел* → *Павлова книга*, *Кант* → *Кантово учение*, *Гегель* → *Гегелева теория*, *Рюрик* → *Рюриково городище*; *сын* → *сынов(н)ий долг* (I склонение – древние склонения на *-ѡ, -јѡ, -ѣ*); *сестра* → *сестрина любовь*, *царица* → *царицын платок*, *папа* → *папина дочь*, *Мария* → *Мариина книга*, *Вася* → *Васина шапка*; *челядь* → *челядино дело*, *Любовь* → *Любовино решение* (II склонение – древнее склонение на *-ѧ, -јѧ*; III склонение – древнее склонение на *-ї*).

А. М. Селищев отмечает: суффиксы *-ов-, -ин-* указывали на отношение называемого пункта к тому или иному лицу, но в течение времени посессивное значение этих суффиксов в топонимии было ослаблено: они применяются и в таких названиях, которые не имели значения принадлежности. Как ослабление первоначального посессивного значения исследователь указывает на замену вышеназванных

суффиксов иными: *Милованово* → *Милованье*, *Соколино* → *Соколье* [Селищев 2003: 467–468].

С. Роспонд в противоположность А. М. Селищеву считает, что топографическая функция суффикса *-овъ*, вероятнее всего, была более ранней, чем посессивная, т. к. в наидревнейших названиях славянских городов, образованных от личных имён, предпочитался притяжательный формант *-јъ*. По мнению С. Роспонда, формант *-овъ* мог служить для субстратных образований, где отсутствовала посессивность, – в качестве примера исследователь приводит ойконимы *Саратов, Тамбов, Харьков* [Роспонд 1972: 24–25, 37, 42]. С. Роспонд делит топонимы с формантами *-ов-, -ин-* на топографические и посессивные и отмечает их возрастание, особенно последних, в феодальную эпоху [Там же: 38, 83].

На взгляд И. И. Муллонен, посессивная функция суффиксов *-ов-, -ев-, -ин-* первична: широкое распространение их в русской топонимии привело со временем к появлению топонимов, где формант выступает, скорее, в качестве своеобразной «метки» топонима, т. е. суффиксы получили топонимическую функцию. Как примеры исследовательница приводит названия *Вересково, Клочково* [Муллонен 2002: 83]. Е. В. Захарова указывает, что посессивность суффиксов *-ов-, -ев-, -ин-* сохраняется и в неантропонимных названиях [Захарова 2013: 63]. В. Л. Васильев отмечает: «Первоначальная функция топоформантов *-ево/-ово* – образование топонимов со значением принадлежности от собственных наименований лиц. Со временем при помощи *-ево/-ово*, развивавших широкое значение относительности, стали легко вырабатываться географические имена также от апеллятивной лексики, от соседней, микросистемно взаимосвязанной топонимии и, благодаря аналогии, переоформляться от иных, более ранних вариантов топонимов» [Васильев 2022: 41]. В некоторых случаях посредством вышеназванных суффиксов производилась славянизация названий; в данном случае о посессивности не может идти речи – налицо чистая топографическая функция. С. Роспонд приводит такие русифицированные топонимы: *Саков, Римов* и др. [Роспонд 1972: 84].

Безусловно одно: суффиксы *-ов-, -ев-, -ёв-, -ин-, -ын-* служили в ономастике для обозначения притяжательности; вне топонимии это значение было и остаётся первоначальным. Однако для обозначения географических объектов непритяжательная

¹ Так у Ф. Миклошича. В современной науке принято восстанавливать древний формант с ерем: **јъ*.

функция суффиксов наблюдается с древности: по мнению С. Роспонда, в ойконимах *Могилёв* (первое упоминание – 1267 г.), *Чернигов* у формантов *-ёв-*, *-ов-*, возможно, изначально не было посессивной функции [Там же: 38, 84].

Форманты *-ов-*, *-ев-*, *-ёв-*, *-ин-*, *-ын-* используются при образовании топонимов мужского рода: *Ростов*, *Юрьев*, *Могилёв*, *Толочин*, *Царицын* – и антропонимов: *Иванов*, *Иванова*; *Алексеев*, *Алексеева*; *Карасёв*, *Карасёва*; *Мухин*, *Мухина*; *Голицын*, *Голицына*. Встречаются топонимы с теми же формантами, относящиеся к женскому роду: *Ольгина* (деревня в Тюменской области) – ср. *Ольгино* (территория в Санкт-Петербурге, исторически посёлок), речные названия *Жданова*, *Баранова*, *Жукова* и др. (потопонимы приводятся В. Л. Васильевым [Васильев 2012: 581]). И. А. Дамбуев отмечает: названия деревень, образованные от антропонимов, могут оканчиваться как на *-ово*, *-ево*, *-ино*, так и на *-ова*, *-ева*, *-ина* [Дамбуев 2020: 688]. Род топонима, как правило, соотносится с родом топографического объекта: для сёл преобладают названия среднего рода, для деревень – названия женского рода [Там же: 689, 691–695], причём за последние полтора столетия наблюдается последовательное уменьшение доли названий деревень с исходами *-ова*, *-ева*, *-ина* и возрастание *-ово*, *-ево*, *-ино* [Там же: 695]. Увеличение частоты топонимов среднего рода обуславливается тем, что данный род универсален для географических объектов: по мнению И. А. Дамбуева, названия женского и мужского родов омонимичны фамилиям (*Жукова*, *Жуков*), названия среднего рода однозначно

воспринимаются как топонимы (деревня *Просто-квашино* из советской серии мультфильмов и др.). Исследователь солидаризируется с мнением А. М. Селищева, что форма на *-о* имела специфически топонимическое значение места, не зависящее от того, называется ли село, сельцо, деревня, пустошь, лес [Дамбуев 2020: 696; Селищев 2003: 481].

В топонимии для формантов *-ов-*, *-ев-*, *-ёв-*, *-ин-*, *-ын-* основными являются средний и мужской роды.

Склоняемость топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно*

Топонимы среднего рода с формантами *-ов-*, *-ев-*, *-ёв-*, *-ин-*, *-ын-* существуют во всей Славии – с учётом разного письменного отображения, зависящего от орфографии, обуславливаемой графикой, орфоэпией и фонетикой. В языках южных и западных славян несклоняемость не наблюдается, за исключением болгарского и македонского, утративших изменяемость по падежам.

На пространстве штокавского идиома – основного наречия сербов (включая черногорцев), хорватов и боснийцев, где встречаются топонимы с формантами *-ово*, *-ево*, не наблюдается несклонения: южнославянские *Косово*, *Ваљево*, *Сарајево* и др. и северославянские *Иваново*, *Кемерово*, *Строгино* и др. последовательно склоняются как существительные² (табл. 1).

Таким же образом склоняются топонимы данного типа в словенском языке; склоняются они в чакавском и кайковском хорватских идиомах.

Чешский, словацкий и польский языки придерживаются нормы и склоняют топонимы среднего рода

Табл. 1. Склонение топонимов *Косово*, *Ваљево*, *Сарајево*, *Иваново*, *Кемерово*, *Строгино* в штокавском идиоме
Tab. 1. Declension of the toponyms *Kosovo*, *Valjevo*, *Sarajevo*, *Ivanovo*, *Kemerovo*, *Strogino* in Shtokavian idiom

И.	Косово	Ваљево	Сарајево	Иваново	Кемерово	Строгино
Р.	Косова	Ваљева	Сарајева	Иванова	Кемерова	Строгина
Д.	Косову	Ваљеву	Сарајеву	Иванову	Кемерову	Строгину
В.	Косово	Ваљево	Сарајево	Иваново	Кемерово	Строгино
Т.	Косовом	Ваљевом	Сарајевом	Ивановом	Кемеровом	Строгином
П.	Косову	Ваљеву	Сарајеву	Иванову	Кемерову	Строгину

² Звательный падеж не приводится ни для одного славянского языка ввиду отсутствия вокатива для прилагательных и совпадения флексии вокатива с флексией номинатива у существительных среднего рода.

вышеуказанного типа. Сложный расклад в отношении словоизменения сложился на русском ономастическом пространстве.

В белорусском языке топонимы образуются так, как и в русском, и аналогично склоняются; с учётом фонетической орфографии вместо безударного *о* пишется *а*: *Ива́ново* (центр Ивановской области, город в Брестской области и другие населённые пункты) – *Іва́нава*; *Протвино́* (Московская область) – *Пра́твіно́*; *Купчино*, *Автово* (районы Санкт-Петербурга) – *Купчы́на*, *Аўтава*.

Для украинского языка характерно образование топонимов с вышеуказанным формантом по адъективному типу: *Немішаєве* Киевской области (рус. *Немешаево*), *Грозине* Житомирской области (ср. *Грозино* Тверской области) и т.п. Склоняются такие топонимы как относительные или качественные прилагательные, а не как существительные или притяжательные прилагательные³. Топонимы с окончанием *-о* встречаются, но они охватывают неукраинское пространство: *Косово*, *Кемерово* и т.п., эти названия склоняются как в русском и белорусском.

Для наглядности приводится таблица склонения топонимов в русском, белорусском и украинском языках (табл. 2). Выбирается по два неукраинских и украинских топонима, чтобы показать различные

парадигмы склонения в украинском языке в зависимости от места расположения географического объекта. Для украинских примеров берутся: топоним *Шевченково*, во множестве встречаемый на территории современной Украины, а также на территории УССР, вошедшей в состав России; топоним *Грозино*, для украинского языка приводится два объекта – один из Житомирской области (*Грозине*) и один из Тверской области (*Грозино*).

Топонимы с формантами *-ов-*, *-ев-*, *-ёв-*, *-ин-*, *-ын-* среднего и мужского родов могут также склоняться по адъективному типу, как притяжательные прилагательные. Это касается русского, белорусского и украинского языков (последнего – в отношении топонимов с окончанием *-о* в именительном падеже). Единственное отличие при словоизменении наблюдается в творительном падеже: вместо окончания *-ом*, свойственного первому склонению существительных, будет окончание *-ым*: *Кемеровым*, *Шевченковым* и т.п. Адъективное склонение таких топонимов характерно для прошлых эпох [Лебедев 2014: 43]; оно не ошибочно сегодня, однако для различия с антропонимами лучше использовать окончание *-ом* для топонимов мужского и среднего родов. Адъективное склонение необходимо оставлять в уже написанных текстах, оно может применяться по желанию автора, особенно в художественной литературе.

Табл. 2. Склонение топонимов *Кемерово*, *Шевченково*, *Строгино́*, *Грозино* в русском, белорусском и украинском языках
Tab. 2. Declension of the toponyms *Kemerovo*, *Shevchenkovo*, *Strogino*, *Grozino* in Russian, Belorussian, and Ukrainian

Падеж	Русский язык	Белорусский язык	Украинский язык	
			неукраинский топоним	украинский топоним
И.	Кемерово, Шевченково, Строгино́, Грозино	Кемерава, Шаўчэнкава, Страгіно, Грозіна	Кемерово, Строгино́, Грозино	Шевченкове, Грозине
Р.	Кемерова, Шевченкова, Строгина, Грозина	Кемерава, Шаўчэнкава, Страгіна, Грозіна	Кемерова, Строгина, Грозина	Шевченкового, Грозино́го
Д.	Кемерову, Шевченкову, Строгину, Гроzinу	Кемераву, Шаўчэнкаву, Страгіну, Грозіну	Кемерову, Строгину, Гроzinу	Шевченковому, Гроzinому
В.	Кемерово, Шевченково, Строгино, Грозино	Кемерава, Шаўчэнкава, Страгіно, Грозіна	Кемерово, Строгино, Грозино	Шевченкове, Грозине
Т.	Кемеровом, Шевченковым, Строгином, Грозином	Кемеравам, Шаўчэнкавам, Страгіном, Грозінам	Кемеровом, Строгином, Грозином	Шевченковим, Грози́ним
П.	Кемерове, Шевченкове, Строгине, Грозине	Кемераве, Шаўчэнкаве, Страгіне, Грозіне	Кемерові, Строгині, Грози́ні	Шевченковому / Шевченковім, Гроzinому / Грози́нім

³ См.: Український правопис. К.: Наукова думка, 2019. § 152, п. 3, прим.

При существующей норме склонения топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно* на практике в русском, белорусском и украинском языках наблюдается несклоняемость, широко распространившаяся за последнее время.

По замечанию А. Г. Саркисяна, несклоняемые словоформы таких топонимов появились за последние полвека [Саркисян 2023: 136], т. е. с начала 1970-х гг. По М. Ю. Федосюку, тенденция к несклоняемости в русском языке географических названий на *-ин(о)*, *-ов(о)* развивается на протяжении последних примерно пятидесяти лет [Федосюк 2022b: 54]. Представляется, что в 1970-е гг. несклоняемость выросла значительно и стала заметной для окружающих. Так, в работе И. П. Мучника, изданной в 1971 г., разбирается частота несклоняемости тех или иных топонимов, что уже свидетельствует о распространённости данного явления [Мучник 1971: 273–276]. Исследователь приводит цифры, по которым видно увеличение частоты несклонения топонимов в зависимости от годов рождения (разбирается автором в прошлой статье [Тейкин 2021: 1080]). В это время уходило из жизни последнее поколение, родившееся и выросшее до революции и не заставшее советской школы. Однако не стоит полагать, что неизменяемость топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно* – исключительно советское явление. Как рассматривалось в прошлой статье и будет рассмотрено ниже, одни из причин несклоняемости – низкий уровень филологической культуры и несклоняемость заимствованных существительных среднего рода. После революции уровень филологической культуры упал, но нельзя говорить, что до революции он был на высоте (будь так, не появлялись бы в академических кругах проекты упрощения русских грамматики и правописания, частично претворённые в жизнь уже при советской власти).

Первые примеры несклонения появились ещё до революции. Несклоняемость стала проникать в русский язык сначала в топонимы среднего рода с формантом *-н-*, о чём есть свидетельство у М. О. Кояловича, датированное концом 1880-х гг.: «[С]лово Гродно перестали склонять даже русские

люди и говорят и пишут: изъ Гродно, до Гродно и т. п., <...> и другой древній западнорусскій городъ, до сихъ поръ называемый народомъ по-старинному – Вильня, Вильна, тоже называютъ въ позднѣйшей формѣ – Вильно и тоже перестаютъ склонять по-своему русскіе люди даже въ официальной средѣ, точно во всеобщее свидѣтельство ослабленія русскаго вліянія въ странѣ»⁴. Таким образом, уже в конце XIX в. наблюдалось несклонение склоняемых названий среднего рода на *-н-*⁵. И. И. Огиенко указывает: «Польскія (или принявшія польскую форму литовскія) имена на *о* обыкновенно не склоняются: Вильно, Гродно, Ровно, Ковно, Опочно, Липно, Коло и пр.» [Огиенко 1912: 15]. Однако топонимы подобного типа встречаются не только в местах, бывших когда-то территорией Речи Посполитой, – широко представлены они на Новгородчине, например: *Бросно*, *Рыжно*, *Липно*. Наричательные имена среднего рода, пришедшие в русский язык из польского, однозначно склоняются (например: *быдло*, *повидло*, *предместье*). Не имеется оснований не склонять польские и полонизированные собственные имена. Существует в русском языке нарицательное склоняемое существительное *коло* ‘круг’ – не имеется оснований не склонять и имя собственное *Коло*.

Видимо, проникновение в узус несклонения топонимов среднего рода с формантом *-н-* и другими в отсутствие академических правил⁶, указывающих на склоняемость подобных топонимов, послужило спорадическому распространению несклонения на топонимы среднего рода с формантами *-ов-*, *-ев-*, *-ёв-*, *-ин-*, *-ын-*. И. И. Огиенко отметил в начале 1910-х гг.: «Русскія географическія названія на *-ино*, *-ово* обыкновенно склоняются какъ имена прилагательныя средняго рода: Пáвлово, Пáвлова, подъ Пáвловымъ, такъ же: Здолбуно́во, Орѣхово, Цвѣткóво, Свято́шино, Бородинó и пр. Но не рѣдко эти имена употребляются и въ несклоняемой формѣ: Здолбуно́во, изъ Здолбуно́во, подъ Здолбуно́во» [Там же: 16]. Нельзя не поверить исследователю-лингвисту, жившему в то время (1882–1972). Суждение И. И. Огиенка находит подтверждение у выдающегося философа

⁴ Коялович М. О. Гродна. (Из путевых наблюдений во время поездки по западной России). [СПб.]: Тип. Департамента Уделов, 1887. С. 2.

⁵ Автор подробно рассмотрит данный вопрос, включая причины несклонения, в будущей научной работе.

⁶ «Русское правописание» Я. К. Грота (1885, 1916), составленное по поручению Второго отделения Академии наук, не считалось отделением созданным от его имени, т. е. нормативным (см.: [Чернышёв 1913: 46]). Кроме того, Я. К. Грот не затрагивает вопрос склонения славянских топонимов среднего рода, что свидетельствует о пробельности справочника.

В. В. Розанова: «Это около Тюрсево, за Теріоками»⁷. Примечательно, что мыслитель склоняет финское название *Териоки* (совр. *Зеленогорск*, город в Санкт-Петербурге) как существительное множественного числа (обыкновенно такие названия имеют единственное число и потому не могут склоняться), но *Тюрсево* (совр. *Ушково*) не склоняет. При жизни В. В. Розанова посёлок назывался *Тюрисея*; возможно, философ не стал склонять название потому, что оно было им выдуманно или являлось неофициальным, а люди могли не догадаться, имеет ли он в виду *Тюрсево* либо *Тюрсев*, однако это не основание не изменять топоним по падежам.

Ещё более ранний пример несклонения исследуемых топонимов встречается уже в начале XIX в. В «Записках путешествия по западным провинциям Российского государства» В. М. Севергина, изданных в 1803 г., то склоняются, то не склоняются одни и те же топонимы:

- «Изъ Сверженя въ Колосово, такъ какъ и изъ Колосова въ Кейданово ѣхали мы почти все хорошимъ сосновымъ лѣсомъ, и по песчаному основанію. Изъ Кейданово въ Гричикъ ведутъ возвышенныя, отъ части отработанныя поля, перемѣняющіяся лугами и болотами»⁸.
- «Отсюда въ Жадино черная земля и подъ нею бѣлой песокъ продолжается. <...> Но ближе къ Жадину ѣхали мы паки крупнымъ сосновымъ лѣсомъ. <...> Изъ Жадино въ Борисовъ мѣста перемѣняются полями, лугами, болотами и сосновымъ лѣсомъ, которой перемѣшанъ былъ березнякомъ и ивнякомъ»⁹.

Василий Михайлович Севергин (1765–1826) – видный учёный и академик, кого нельзя упрекнуть в необразованности. Но в его тексте налицо грамматическая небрежность; это показатель невысокой филологической культуры, в XX в. ещё более падшей, о чём автор писал в прошлой статье и о чём пойдёт речь ниже.

Р. А. Агеева видит в неизменении по падежам топонимов среднего рода тенденцию к размыванию действующей пока нормы [Агеева 2012: 112]. Н. С. Редькина отмечает, что современная речевая практика фиксирует, с одной стороны, бережное отношение к традиции употребления имён собственных, сохраняя кодифицированные формы

в том виде, в котором предписывают их употреблять нормативные грамматические справочники; с другой стороны, мы сталкиваемся с вариантами, подчас грубо нарушающими существующие нормы. Относиться к данному явлению можно по-разному [Редькина 2023: 56]. Р. А. Агеева утверждает: не склонять такие названия совершенно не свойственно русскому языку и не является литературной нормой [Агеева 2012: 113–114].

По мнению Г. А. Качевской, предпочтение следует отдать конструкции с изменяемой формой географического названия, поскольку в ней минимальный контекст уже несёт нужную информацию: предложное сочетание *в Шувалово* в извлечении из контекста вызывает ясное и недвусмысленное представление о винительном падеже направления, отвечающем на вопрос: *куда?* [Качевская 1966: 111–112].

Причины появления несклоняемости

№ 1. Устранение смещения топонимов мужского рода с топонимами среднего рода

Данная причина является наиболее привлекательной среди всех остальных. Даже учёные, сами стоящие на позиции склоняемости топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно*, в качестве главного аргумента приводят именно возможность различать в косвенных падежах топонимы мужского и среднего родов. М. Ю. Федосюк заявляет в трёх статьях: несклоняемая форма топонима среднего рода однозначно информирует о роде, а склоняемая форма такой информации не несёт; налицо устранение омонимии падежных форм у существительных, это отвечает тенденциям развития русского языка и будет продолжаться [Федосюк 2019: 339; 2022а: 14–15; 2022б: 54–55]. Исследователь ссылается на неполную однородность языкового коллектива: якобы с ростом урбанизации в конце XIX – начале XX в. и распространением средств массовой информации увеличилось число коммуникантов, и не все, зная топонимы той или иной местности, могли в косвенном падеже правильно их воспринять, несклоняемость названий типа *Сасово*, *Рассказово* могла точно указать на средний род [Федосюк 2019: 336–337; 2022а: 14]. По М. Ю. Федосюку, несклоняемость отвечает критерию функциональности: традиционные

⁷ Розанов В. В. Опавшие листья. [Короб первый.] СПб.: Новое Время, 1913. С. 309.

⁸ Севергин В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства. СПб.: При Императорской АН, 1803. С. 123.

⁹ Там же. С. 128–129.

склоняемые варианты не полностью соответствуют коммуникативным потребностям современных носителей русского языка, поскольку они неоднозначны, не дают возможности определить, какова начальная форма топонима; коммуникативные потребности стали меняться в связи с изменением характера русского языкового коллектива, а именно вследствие роста его неоднородности, который был обусловлен усилением внутренней миграции российского населения на рубеже XIX–XX вв. [Федосюк 2022b: 55]. Исследователь, повторяя схожие аргументы по статьям, не принимает во внимание важные вещи:

1. Переселение большого числа людей имело место и в прошлые эпохи: заселение Поволжья в XVI–XVII вв., заселение Сибири в XVII–XVIII вв., усилившееся в XIX в., заселение отвоёванного у Швеции Невского края в начале XVIII в., заселение Новороссии в XVIII–XIX вв., заселение Приморья во второй половине XIX в.

2. Средства массовой информации появились задолго до начала XX в. – газеты и журналы широко издавались более ста лет и распространялись по всей территории Российской Империи; естественно, в них встречались названия, малоизвестные за пределами своего нахождения.

3. При значительной миграции населения широкого распространения несклоняемости топонимов с формантами *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно* в прошлые эпохи не наблюдалось.

4. Как указывается автором в предыдущей статье, не имеется возможности различить топонимы – субстантивированные прилагательные мужского и среднего родов в косвенных падежах за исключением винительного [Тейкин 2021: 1077], фраза *Я живу в Видном* не даёт возможности узнать, что это *Видное* – город ближайшего Подмосковья. Однако не наблюдается несклоняемости таких онимов: фраза **Я живу в Видное* недопустима¹⁰.

5. Несостоятелен довод о неоднородности языкового коллектива: люди прежде всего взаимодействуют с соседями, которым известны местные названия: москвич знает Чертаново, Строгино, Люблино, Бирюлёво, Тушино, Останкино, Пушкино,

Одинцово, Серпухов; петербуржец – Купчино, Автово, Девяткино, Мурино, Ольгино, Колпино, Парголово, саратовец – Балаково, новгородец – Антоново, Волотово, Григорово, нижегородец – Сормово, Ляхово, Кстово, минчанин – Жодино, Борисов; вероятность путаницы в мужском и среднем родах при склонении минимальная. Человек, переезжающий на новое место жительства, быстро усваивает местную топонимию.

6. Несклонение названий среднего рода по причине совпадения их с мужским родом в косвенных падежах за исключением винительного – внешняя причина, возможная при контактах с неместным населением, но отступающая от грамматики и лишённая даже утилитарных оснований: невозможно также различить топонимы – субстантивированные прилагательные типа *Видный ~ Видное*, но они изменяются по падежам в обоих родах.

В научных трудах и нормативных справочниках указывается на склоняемость топонимов среднего рода с формантами *-ов-, -ев-, -ёв-, -ин-, -ын-*, однако в части из них говорится о допустимости не склонять подобные названия в некоторых случаях [Башловкина, Иткулов 2021: 489–490; Граудина 1976: 163; Лебедев 2014: 45], не в последнюю очередь ввиду распространённости неизменяемых форм.

Л. К. Граудина допускает не изменять топонимы среднего рода на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно* по падежам:

- в функции приложения к обобщающему нарицательному слову (*село, деревня, город* и т. п.);
- в узкой группе наименований, совпадающих с именами собственными во избежание стилистических ошибок: *Ленин – Ленино, Репин – Репино, Лермонтов – Лермонтово, Киров – Кирowo*.

Употребление несклоняемых форм в других случаях исследовательница считает свойством профессиональной и устной речи и для строгого литературного употребления не рекомендует [Граудина 1976: 163–164]. Те же пункты указаны в Грамматике-80¹¹; автор разбирает их в прошлой статье [Тейкин 2021: 1074–1075]. О несклоняемости

¹⁰ Единственный ойконим, пострадавший от несклоняемости, – *Бологое* в Тверской области: неизменяемость Бологого по падежам распространилась с эпидемической скоростью; главная причина чему на первый взгляд – вымывание из ядра русского литературного языка нарицательного существительного *болого* и прилагательного *бологой*, вытеснение их южнославянизмами *благо, благой*. Автор написал о Бологом отдельную статью, находящуюся в настоящее время в печати.

¹¹ Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология, гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. § 1220.

вышеуказанных топонимов в функции приложений Л. К. Граудина пишет и в последующей работе [Граудина 1981: 136, 144].

Необходимо отметить важное обстоятельство. Склоняемость и несклоняемость – постоянные категории. При употреблении топонима с родовым словом не следует говорить о несклоняемости названия в прямом смысле, как в случае с существительными типа *интервью*, *Ниуэ* и т. п. Здесь имеет место оставление топонима в исходной форме, а не несклоняемость. Таким образом, необходимо исключить один пункт о неизменении по падежам топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно*; кроме того, автор в предыдущей статье разбирает возможность изменять по падежам такие названия и при родовом слове [Тейкин 2021: 1075].

Пробивает брешь в аргументе сторонников несклонения топонимов среднего рода с формантами *-ов-*, *-ев-*, *-ёв-*, *-ин-*, *-ын-* не только существование названий – субстантивированных прилагательных (*Видный* ~ *Видное*, *Глубокий* ~ *Глубокое* и т. п.), но и существование с теми же формантами одновременно топонимов и антропонимов: *Ростов*, *Львов*, *Волков*, *Соколов*, *Царицын* и т. п. В случае с топонимами мужского и среднего родов (*Ростово* и *Ростов*) совпадения имеют место в родительном, дательном, творительном и предложном падежах – различия наблюдаются в именительном и винительном падежах: *Ростов*, *Ростово*, *вижу Ростов*, *вижу Ростово*. В случае с топонимами и антропонимами мужского рода (*Ростов*, *Львов* и т. п.) совпадения имеют место в именительном, родительном, дательном и предложном падежах, а различия – в винительном и творительном падежах: *Ростов* → *вижу Ростова*, *вижу Ростов*; *с Ростовым*, *с Ростовом*; при этом в творительном падеже различия может не быть при склонении топонима по адъективному типу, являющемуся нормативным: *мыслями с Ростовым* (городом) вместо *мыслями с Ростовом*.

Несклонение топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно* не решает вопрос полного устранения омонимичности в топонимии, но возникновение в узусе неизменяемости по падежам стало возможным потому, что такие названия, будучи существительными, стали восприниматься коммуникантами как существительные, а в русском языке имеется целый пласт несклоняемых имён данного типа. Получается, неизменяемость топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно* тесно связана с неизменяемостью иных существительных – собственных

и нарицательных; причины возникновения несклоняемости действуют совокупно.

М. Ю. Федосюк стоит на позиции предпочтения склоняемых форм, считая это свойством старшего поколения [Федосюк 2019: 339], однако, стараясь выступать под маской объективности, полагает на будущее безраздельное господство несклоняемых форм и вытеснение ими форм склоняемых. М. Ю. Федосюк предлагает сдаться и не препятствовать проникновению не отвечающей грамматике устной речи в литературный язык. Возраст не играет первостепенной роли: И. А. Шаронов отмечает – неизменяемые топонимы *Переделкино*, *Бородино*, *Строгино*, *Тушино*, *Царицыно* представлены в речи уже второго и третьего поколений носителей языка, т. е. и старших возрастов включительно; лишь в последние годы нормативисты начали активную борьбу за восстановление склонения таких слов [Шаронов 2017: 345]. Трудно представить, что все борцы за синтетичность русского языка принадлежат к старшим возрастам. В качестве контраргумента М. Ю. Федосюку можно предложить рассмотреть (исключительно теоретически) идею о признании допустимым считать количественные числительные относящимися к разряду неизменяемых имён: значительное большинство населения не умеет склонять их надлежащим образом – или ставит не те окончания, или не склоняет некоторые из них, особенно сложные и составные, даже в письменной речи, где нужно давать их прописью, а не цифрами. Однако в науке отсутствуют предложения по упрощению грамматики числительных, хотя в отношении грамматики собственных имён такие голоса имеют место. Это объясняется тем, что они не входят в языковое ядро. Наричательные имена легче поддаются орфографической и грамматической кодификациям, а в собственных именах всегда наблюдается большее число отступлений от узуса и иногда от литературной нормы. В любом языке представляет сложность орфографическая кодификация онимов [Гапоненка 2016: 26], сложность являет и грамматическая кодификация. Академик Л. В. Щерба писал: «[В] основе литературного языка лежит монолог, рассказ, противопоставляемый диалогу – разговорной речи. <...> Всякий монолог есть литературное произведение в зачатке. Недаром монологу надо учить. <...> Таким образом, литературная монологическая речь не даёт отступлений от нормы или даёт их крайне мало. Диалогическая же разговорная

речь, наоборот, соткана из всяких изменений нормы» [Щерба 1957: 115–116]. Не следует воспринимать допустимыми отступления от нормы и вводить их в литературный язык.

По верному замечанию Р. А. Агеевой относительно склоняемости исследуемых топонимов, противостоящему мнению М. Ю. Федосюка, дело не в разных поколениях, а скорее в степени образованности каждого человека [Агеева 2012: 113].

Г. А. Качевская, разобрав вопрос о разграничении косвенных падежей топонимов мужского и среднего родов путём несклоняемости последних, делает вывод, что такая реализация не представляется удачной. Во-первых, освобождение совпадающих форм в разных словах приводит к возникновению совпадающих форм внутри одного слова: перестают различаться предлогом *в* винительный и предложный падежи (*в Бородино*), с *под* – винительный и творительный падежи (*под Тушино*). Во-вторых, для дифференциации топонимов разных родов, где может возникнуть двусмысленность, можно употребить нарицательное существительное – родовое слово [Качевская 1966: 120–121]. Исследовательница делает верный вывод: «Таким образом, неизменяемые формы от географических названий не находят себе оправдания в языке и не могут считаться закономерными» [Там же: 121].

М. Ю. Федосюк не принимает во внимание, что развитие языка определяют его носители, а в грамматике должна быть преемственность, отвечающая историчности, сохраняющая межъязыковые славянские связи и способствующая точнейшему отражению мысли в речи. Несклоняемые топонимы среднего рода со славянскими формантами *-ов-*, *-ев-*, *-ёв-*, *-ин-*, *-ын-* вдобавок противоречат словоизменению притяжательных прилагательных – нарицательных и собственных имён: *сестрино имя*, *Баренцево море* и т. п. безоговорочно склоняются.

Использование несклонения топонимов среднего рода для того, чтобы отличить их от названий мужского рода, характерно для несовершенно и малограмотной речи; подобную практику допускает Д. Э. Розенталь: он указывает на возможность не склонять фамилии мужского рода,

совпадающие с апеллятивами (*Кот*, *Рысь*, *Ремень* и т. п.)¹². По замечанию Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича и Л. П. Катлинской, «такое несклонение является "запрещённым приёмом", и его нельзя допускать»¹³. То же можно сказать и о топонимах среднего рода.

Для текста, составленного образованными людьми, характерна склоняемость даже малоизвестных географических названий. Так, в тезисах «Маргиналий-2025» о месте и истории проведения мероприятия указано: восьмая (зимняя) конференция проходила в *Поленове* Тульской области¹⁴. Здесь имеется в виду *Поленово*, а не *Поленов*. Если следовать доводу о точности передачи смысла, за что выступает М. Ю. Федосюк, следовало или писать **проходила в Поленово*, или ставить родовое слово: *в городе Поленово*, выбивая ойконим из общего порядка, поскольку все остальные населённые пункты приводятся без него: *в Касимове*, *в Торжке*, *в Осташкове* и т. д. *Поленово* – ойконим не общеизвестный, как города *Кемерово* или *Иваново*, и у потенциального участника конференции, никогда не выступавшего в «Маргиналиях», действительно может возникнуть неточное восприятие родовой принадлежности существительного и его номинативной формы: *Касимов* и *Осташков*, но *Поленово*. Однако это не допускает возможности отступать от грамматики. Организатор научной конференции поступил верно, написав *проходила в Поленове*.

В заключение автор также может добавить кое-что из личных наблюдений. Люди, не склоняющие топонимы на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно*, априори воспринимают названия географических объектов в косвенных падежах за изъятием винительного как относящиеся к мужскому роду, ориентируясь на свой неидеальный укус. В некоторых случаях это приводит к спорам: собеседник считает ошибочным склонять *Ростово*, *Останкино*, *Купчино* потому, что в таком случае топонимы якобы принимают мужской род, которого нет. Вся аргументация о несклоняемости топонимов строится на данном суждении. Приходится разъяснять, что *Ростов* и *Ростово* имеют единую парадигму

¹² Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 13-е изд. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 205.

¹³ Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. 3-е изд., стер. М.: Наука, 2008. С. 225.

¹⁴ Маргиналии-2025: границы и культуры текста: тезисы конференции. (Тотьма, 4–7 сентября 2025 г.) М.: ИРЯ РАН, 2025. С. 4. <https://elibrary.ru/xtqvko>

склонения. Подобные примеры ошибочного толкования правила можно найти в открытых источниках, имеющих далёкое отношение к науке и изящной словесности.

Несклонение топонима отдельным лицом может приводить к неверному определению грамматического рода. Автор неоднократно видел в Пулково наклейку, пестрящую по всему аэропорту, с текстом *Ваш Пулково*. Один раз в очереди на самолёт началось обсуждение среди пассажиров. Кто-то заметил грамматическую ошибку: *Пулково оно, а не он*. Случайный собеседник заявил о несклоняемости Пулково, при которой род определяется по родовому слову: *аэропорт* мужского рода. Ему возразили по поводу несклоняемости. Кто-то, не ставя под сомнение изменение Пулково по падежам, стал защищать руководство аэропорта: *Имеется в виду аэропорт; слово опустили, поэтому написано «Ваш», а не «Ваше»*. Я заметил: *Москва – это город; топоним женского рода, а родовое слово мужского рода. Нужно писать «Ваш Москва»? Здесь грамматическая ошибка и ничего более*. Никто мне не возразил. Тот, кто принимал решение о расклейке по Пулково объявления, не знал о склоняемости топонима и неверно определил его род; в результате Пулково прославилось не очень грамотными сотрудниками в общегосударственном масштабе.

Возможны и курьёзы. В одном диалоге о Балканах на мою фразу *события в Косове* меня спросили: *Что это за Косов?* Я удивился незнанию общеизвестного хоронима и объяснил, что это существительное среднего рода – *Косово*¹⁵. Если человек склоняет топонимы на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно*, он не впадает в заблуждение присваивать всем названиям, стоящим в косвенных падежах, мужской род.

№ 2. Влияние заимствованных существительных с конечным -о

Современный исследователь И. А. Шаронов отмечает: «Ещё в XVIII веке в кругах высшего российского общества появляется мода сохранять неизменными в речи и на письме некоторые иноязычные (главным образом, европейские) слова и обороты» [Шаронов 2017: 341]. Возможно, именно

этим объясняется несклонение французских нарицательных имён *мамá, папá* в противоположность славянским *ма́ма, па́па* и французских собственных имён с конечным ударным [а] – личных имён *Тома, Николя* и фамилий *Дюма, Золя, Деррида* и др.¹⁶, хотя «поздние» антропонимы спорадически употребляются и в склоняемой форме, о чём есть шуточный стишок, распространённый в академическо-философской среде¹⁷:

Я сижу повторяю с тоской:
Деррида, Дерриде, Дерридой...

Несклоняемость заимствованных собственных и нарицательных имён в XVIII в. имела широкое распространение и простиралась на существительные, ныне однозначно относимые к изменяемым по падежам. Например, лингвист А. А. Барсов (1730–1791/1792), чья «Российская грамматика» была издана лишь в 1981 г., относит к несклоняемым такие слова: *Эла, Шапель* (прозвище французского поэта XVII в. и фамилия франко-голландского кулинару XVIII в.; ныне принято написание *Шапель*), *Шаржéд'афферъ* 'дипломатический поверенный в делах', *коллегиумъ*¹⁸.

В. Г. Костомаров отмечает: в ту эпоху начался процесс, в ходе которого иноязычных слов на -о и особенно на -е оказалось больше, чем собственно русских [Костомаров 2013: 46]. В. И. Чернышёв, описывая ситуацию прошлого на начало XX в., отмечает перелом в пользу несклонения заимствованных слов: «Въ старомъ языкѣ иностранныя слова на о склонялись какъ имена средняго рода; другія иностранныя слова передѣлывались на русскій ладъ и склонялись соотвѣтственно приданнымъ имъ окончаніямъ. Здѣсь литературный языкъ стараго времени былъ въ полномъ согласіи съ народнымъ, въ которомъ и теперь приняты словоупотребленія въ *пальтѣ*, въ *депѣ*, на *бюрѣ*, *жилей*, *филей* и т. п. Не очень еще давно академикъ И. И. Срѣзневскій не смущался тѣмъ, что русскіе люди говорятъ *безъ пальта*, *въ пальтѣ*, *подъ пальтомъ*, хотя и указывалъ, что мода смѣется надъ такими выраженіями. Книжная рѣчь здѣсь однако взяла верхъ надъ народной, и мы теперь не склоняемъ подобныхъ словъ. Изъ прежнихъ употребленій не чужды и современному языку: *алой*, *кофей*, *эхо*

¹⁵ Существует и ойконим *Косов* – город в Галичине, в Ивано-Франковской области (укр. *Kosiv*), малоизвестный, в отличие от балканского Косова.

¹⁶ Данное явление заслуживает отдельного исследования.

¹⁷ Автор благодарит поэта и филолога-классика Артемия Ильича Ноготкова из Санкт-Петербурга за находку.

¹⁸ Барсов А. А. Российская грамматика, под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М.: МГУ, 1981. С. 522.

(склоняемое въ единственномъ числѣ по среднему роду). Но вмѣсто старыхъ употребленій: *на бюръ, въ доминѣ, желей, какаома, каррея, лазаронѣ, мадама, филей, чичеронѣ* – теперь приняты только несклоняемые формы этихъ словъ: *бюро, домино, какао, желе, карре, филе, лазарони и лаццарони, чичероне, мадамъ*» [Чернышёв 2010: 109].

И. И. Срезневский, на которого ссылается В. И. Чернышёв, писал следующее в середине XIX в.: «Въ отношеніи къ склоненіямъ есть еще важный вопросъ: подчиняются ли правиламъ склоненія Русскаго тѣ слова иностранныя, которыя вошли въ Русскій языкъ, или же они остаются неизмѣнными? Вообще говоря, подчиняются; а за тѣмъ есть исключенія, опредѣляемые – модой. Русскій человѣкъ, незнающій этой моды, ихъ склоняетъ, говорить *безъ пальта, въ пальтѣ, подѣ пальтомѣ*, а мода надѣ нимъ смѣется. Чтѣ эта мода – законодательное собраніе по части языка, что ли? Или только мода, которая защищаетъ сегодняшнее и смѣется надѣ вчерашнимъ? Но противъ моды говорить опасно. Да и не нужно; можно обождать: раньше или позже она и сама противъ себя скажетъ» [Срезневский 1861: 45]. Из написанного видно: учёный стоит за склоняемость заимствованных слов, а их неизменяемость по падежам рассматривает как моду – явление преходящее. Мнение исследователя XIX в. перекликается с замечанием нашего современника: В. Г. Костомаров видит в несклоняемости заимствованных собственных имён моду [Костомаров 2013: 48].

И. П. Мучник со ссылкой на Б. Г. Унбегауна пишет о формировании русского литературного языка среди высших слоёв общества, относившихся с особым уважением к западноевропейской, особенно французской культуре, где заимствованные слова получали право экстерриториальности, т. е. не подчинялись русской грамматике [Мучник 1971: 256]. В дополнение от себя И. П. Мучник замечает: в конце XVIII – начале XIX в. русский литературный язык достиг значительного развития и потому обнаружил присущую литературному языку черту – отношение к заимствованиям как к иностранным словам со стремлением сохранять их в неизменности [Там же: 257–258]. По мнению автора настоящей статьи, довод И. П. Мучника сомнителен: мощное развитие литературного языка и выработанность нормы, наоборот, должны были способствовать лёгкому усвоению заимствованных слов, по финали морфологически схожих с исконными

словами. Влияние западноевропейских языков и эстетические предпочтения носителей сыграли значительную роль в закреплении несклоняемости заимствований на -о. Перенятые в русский язык существительные не делились по финалям (на -о, -е, -ё, -э, с одной стороны, и -у, -ю, -и – с другой), а скопом зачислялись в разряд неизменяемых. И. И. Срезневский был прав, говоря о моде на несклоняемость. Данная мода до сих пор не ушла, но стала закрепляться в правилах ввиду узуса, обусловленного вкусовыми предпочтениями носителей языка прошлого.

К концу XIX в. утверждается несклоняемость заимствованных собственных и нарицательных имён, оканчивающихся на -о, -е, -ё, -э, -у, -ю, -и, а также на гласный с предшествующим гласным. Буквы у, ю, и не используются как окончания славянских существительных единственного числа в именительном падеже, поэтому несклоняемость заимствованных имён с такими финалями пока представляется допустимой.

Сложнее с буквами е, ё и особенно о. Такие окончания имеют существительные среднего рода и частично мужского, входящие в средний морфологический род: *окно, полено, море, поле, копё, остриё и батёко, Михайло, Данило, подмастерье*, с экспрессивными суффиксами: *городишко,домишко,носище,домище*. В заимствованных словах буква е может означать двоякое произношение – [e] или [ʲe]: *купе, пенсне, шимпанзе и кофе* ([ʲe] и доп. [e]), *реле, сомелье*; в случае твёрдого произношения предфинального согласного – за исключением шипящих и аффрикат: *драже, клише, камикадзе* – затруднительно склонять существительное, поскольку оно отходит от орфоэпического оформления типично славянских существительных среднего морфологического рода. Данное обстоятельство создаёт сложность для включения существительных подобного типа в склоняемую группу, но не исключает такой возможности.

Буква о на конце заимствованных слов не даёт никаких орфоэпических вариаций, препятствующих включению таких имён в группу первого склонения. Л. Анри отмечает, что норма о несклоняемости заимствованных существительных с конечным -о входит в противоречие с морфологической системой русского языка, которая предполагает склонение имён существительных [Анри 2020: 350]. По мнению Э. Г. Куликовой и О. М. Акай, тот факт, что при развитой деклинальной системе заимствованные существительные оказываются вне парадигмы

склонения, вызывает известное недоумение; многие выдающиеся грамматисты (например, Л. В. Щерба) предсказывали полнейшую ассимиляцию и падежные изменения по первому (мужскому) склонению слову *пальто* [Куликова, Акай 2020: 157]. Вышеизложенный взгляд находит практические примеры. Так, некоторые заимствованные существительные на -о последовательно изменяются по падежам:

- *вино* (древнее общеславянское заимствование, от лат. *vinum*), склоняется во всех славянских языках кроме ставших аналитическими болгарского и македонского;
- *пу́ло* ‘мелкая медная монета, имевшая хождение в XIV–XVI вв.’ (старое заимствование, от лат. *folles* ‘мешок, кошелек’ через тюрк. *pûl*), существуют также формы мужского и женского родов – *пул*, *пула*;
- *эхо* (из др.-греч.);
- *тавро* (из тюрк.).

В украинском языке существительному *эхо* соответствует *лунá*; *вино*, *пуло*, *тавро*, как и в русском, склоняются. В белорусском языке склоняются имеющие средний род существительные *віно*, *пула*, *рэха*, *таўро*.

Существует также склоняемое заимствование на -ё: *мумиё* (из перс.). Хотя «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка относит данное существительное к числу несклоняемых¹⁹, «Большой академический словарь русского языка» указывает на его склоняемость без колебаний²⁰; предпочтение во всяком случае следует отдавать склоняемости ввиду флективности русского языка.

Сложнее обстоит дело с иными именами подобного вида в русских языках. Орфоэпических и грамматических оснований не изменять по падежам заимствованные существительные, оканчивающиеся

на -о или -ё, не имеется, свидетельством чего служат безусловно склоняемые *вино*, *пуло*, *эхо*, *тавро* и склоняемое *мумиё*. Падежная неизменяемость многих иных существительных объясняется модой XVIII в., вошедшей в традицию к началу XX в.

Украинско-американский учёный Ю. В. Шевелёв детально исследовал заимствованные существительные на -о и пришёл к следующему выводу: «Яскравий приклад з морфології – трактування відмінювання іменників середнього роду, що закінчуються на -о. До 1933 р. чужі слова на -о типу *кіно*, *бюро*, *ситро* нормально відмінялися так само, як власні слова типу *вікно*, *ребро*, як вони відміняються в розмовній мові. Такі чужі слова відміняються і в російській мові, але тільки позалітературній, тоді як у літературній мові такі відмінкові форми вважаються за вульгарні, погляд, що йде, либонь, ще з тих часів, коли російські вищі класи вживали французької мови в щоденному побуті. Така оцінка закорінена в російській мовній свідомості глибоко, плекана школою й літературою. Тепер її перенесено на українську мову, і всі позначки показують, що вона прищепилася цілком широко серед українських освічених кіл, що вони справді відчують, що форми, наприклад, родового відмінка *кіна*, *бюра*, *ситра* – вульгарні й неприпустимі в мові освіченої людини. Тимчасом нічого по суті вульгарного в них нема. Форми типу *biura* нормальні в польській мові, чехи кажуть у родовому відмінку *byra*, по-своєму відміняються такі слова і в сербо-хорватській літературній мові – *б<и>роа* тощо. Тут, отже, до української мови застосовано специфічну шкалу вартостей російської мови й повірено в її універсальність, якої справді нема»²¹ [Шевельов 1986: 38].

Ю. В. Шевелёв підтверджує, що в руському языку несклоняємость заимствованих существительных –

¹⁹ Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. 6-е изд., стер. М.: АСТ-пресс школа, 2019. С. 225. Стб. 1.

²⁰ Мумиё. Большой академический словарь русского языка. Т. 10: Медяк–Мячик. М.-СПб.: Наука, 2008. С. 492. Стб. 2.

²¹ Цитати по-українськи і по-білоруськи здесь і далі в основному тексті статті приведені без перекладу ради передачі подлинного тексту, його орфографічних, орфоепічних, морфологічних особливостей і приводимих авторами прикладів, а також для кращого сприйняття написаного. Переклади дані в підстроочних сносках: «Яркий пример из морфологии – трактовка склонения существительных среднего рода, оканчивающихся на -о. До 1933 г. чужие слова на -о типа *кіно*, *бюро*, *ситро* нормально склонялись так же, как собственные слова типа *вікно*, *ребро*, как они склоняются в разговорном языке. Такие чужие слова склоняются и в русском языке, но только нелитературном, тогда как в литературном языке такие падежные формы считаются вульгарными – взгляд, идущий, вероятно, ещё из тех времён, когда русские высшие классы использовали французский язык в повседневном быту. Такая оценка укоренена в русском языковом сознании глубоко, выпестована школой и литературой. Теперь её перенесли на украинский язык, и все приметы показывают, что она привилась вполне искренне среди украинских образованных кругов, что они на самом деле ощущают, что формы, например, родительного падежа *кіна*, *бюра*, *ситра* – вульгарны и неприемлемы в речи образованного человека. Между тем ничего существенно вульгарного в них нет. Формы типа *biura* нормальны в польском языке, чехи говорят в родительном падеже *byra*, по-своему склоняются такие слова и в сербскохорватском литературном языке – *бира* и т. д. Итак, здесь к украинскому языку применили специфическую шкалу ценностей русского языка и поверили в её универсальность, которой на самом деле нет».

следствие влияния иностранного языка и вкусовое предпочтение. Не совсем точен исследователь в отношении украинского языка. Действительно, в 1920-е гг. была попытка расширить перечень изменяемых по падежам заимствованных слов. В «Украинском правописании» 1928 г. в разряд склоняемых включаются слова: *авто, бю́ро, депó, кінó, мóтто, пальто́, піяніно, трюмо́, са́го, ці́цери*; к несклоняемым относятся: *бру́тто, не́тто, по́рто, со́льо, тріо, фра́нко, са́льдо, ра́діо* (но от *радіо* в твор. п. возможно и *радіом*) и др.²² Налицо непоследовательность; правило кажется искусственным и недоработанным. Во-первых, отсутствует морфологический критерий, по которому одни существительные отнесены к склоняемым, а другие остаются неизменяемыми: в обеих группах слова одинаковы по форме. Во-вторых, отсутствует временной критерий заимствования: сомнительно, что склоняемое *кіно* вошло в украинский язык намного раньше несклоняемого *нетто*. Всё это в советской действительности не могло не дать толчок к унификации заимствованных существительных на -о в сторону их несклоняемости. Узус русского языка, безусловно, оказал здесь своё влияние, но нельзя сбрасывать со счетов непоследовательность предложенного в 1928 г. правила, отвергнутого уже в 1933 г. с изданием нового «Украинского правописания»²³. В ныне действующем «Украинском правописании» 2019 г. указано: по традиции склоняем *вино́, пальто́, ситро́*²⁴; склоняемое *тавро* почему-то не упомянуто, как и редкое *пуло*. Современная исследовательница М. А. Шведова считает, что склоняемый вариант заимствованных слов в украинском языке станет нормативным [Шведова 2020: 26]. Это возможно представить в будущем для всего русского (восточнославянского) пространства; вопрос заслуживает глубокого научного исследования.

Значительное число современных учёных видит в несклонении географических объектов на -ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно унификацию с заимствованными существительными [Астен и др. 2010: 165; Костомаров 2013: 48; Куликова, Акай 2020: 157; Шаронов 2017: 345], о чём автор писал в прошлой статье [Тейкин 2021: 1075–1076].

Существует и противоположное мнение. Так, Г. А. Качевская сомневается во влиянии среднего

рода несклоняемых заимствованных существительных на -о на аффиксальные топонимы. В географических названиях ясно вычленились суффиксы -ов-, -ин-, стоящие между корнем и флексией, и, по мнению исследовательницы, не может быть речи ни о каком сопоставлении данных названий с заимствованными существительными *бюро, пальто* [Качевская 1966: 123]. Однако нельзя отрицать факт воздействия заимствованных имён. Не случайно И. И. Огиенко, занося топонимы типа *Гродно, Ковно* и т. п. в разряд несклоняемых, причисляет их к польским [Огиенко 1912: 15], т. е. формально заимствованным, хотя заимствования из балто-славянской ветви в русский язык следует отделять от заимствований из языков иных групп, ветвей и семей. Наплыв неизменяемых нарицательных существительных на -о мог повлиять на весь средний род в сторону неизменяемости славянских собственных имён.

В топонимиконе имеется существенная доля заимствованных неславянских названий, оканчивающихся на -о, -е, -ё и не изменяемых по падежам: *Торонто, Осло, Монако, Кале, Гебзе, Монтрё, Тромсё* и т. п. Значительное их число в совокупности с нарицательными именами воздействовало на славянские топонимы. В ономастике резче колебания, выражаемые в отступлении от грамматики и орфографии, чем в нарицательных именах; ошибочные аналогии проявляются ярче. Так, на практике встречается несклонение мужских фамилий на согласный (*Ткачук, Трибуц, Климович* и т. п.), что объясняется влиянием тех же женских фамилий; непросвещённые люди делают ошибочный вывод о несклонении такого рода фамилий вообще независимо от пола. Похожая ошибка – отнесение к несклоняемым женских фамилий на -а, -я (*Ладуха, Чуприна, Зозуля* и т. п.) – здесь играет роль аналогия фамилий на согласный, где склоняются мужские, но не склоняются женские. Всё это не отменяет склоняемости фамилий на -а, -я независимо от пола и мужских фамилий на согласный.

Автор настоящих строк замечает, что некоторые люди не склоняют имена собственные среднего рода, в особенности сложносокращённые слова: *Сусуманзолото, Роснедра* (и похожие региональные названия – *Магаданнедра, Якутнедра* и т. п.), хотя нарицательные *золото* и *недра* склоняются

²² Український правопис. [Х.]: Державне видавництво України, 1928. § 76.

²³ Український правопис. Х.: Радянська школа, 1933. Параграф о склонении заимствованных существительных отсутствует.

²⁴ Український правопис. К.: Наукова думка, 2019. § 140.

в их речи. Не склоняют порой и название фирмы с сетью магазинов *Лето*, хотя имя нарицательное *лето* всеми склоняется. Это усложняет восприятие контекста, поскольку не даёт представления о падеже. Налицо тенденция не изменять по падежам имена собственные среднего рода. Здесь не может не играть роли значительное число заимствованных нарицательных существительных, а также собственных имён на *-о*, не изменяемых по падежам. Привыкая не склонять топонимы на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно* и на *-но*, люди невольно унифицируют по тому же типу остальные названия, где морфемный состав слова подсказывает парадигму склонения. Всё это нельзя признавать соответствующим норме, но истоки следует искать в неизменяемости по падежам значительного числа существительных среднего рода. Нужно помнить: русскому языку присуща склоняемость, недочёты и ошибки прошлых эпох можно исправить.

В несклоняемую группу включали *Гродно*, *Ковно*, *Сенно*, *Молодечно*, *Дубно* и др. топонимы с формантом *-но*. Затем настал черёд топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно*; они часто не склоняются в устной и письменной речи, но при этом нормативным признаётся их изменяемость по падежам в отличие от топонимов на *-но*. Несклоняемости исследуемых в статье географических объектов сопротивляется несколько факторов. Во-первых, в этих топонимах чётко выделяются суффиксы *-ов-*, *-ев-*, *-ёв-*, *-ин-*, *-ын-*, представленные в онимах всех трёх родов, включая как топонимы, так и антропонимы – однозначно склоняемые: *Серпухов*, *Льгов*; *Иванов*, *Петрова*. Во-вторых, существует целый ряд собственных имён – притяжательных прилагательных среднего рода, где значительно меньшее влияние несклоняемых существительных: *Баренцево море*, *Волково кладбище* и т.п. Данные обстоятельства позволили лучше сохранить склоняемость топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно*, чего нельзя сказать о топонимах на *-но*, не имеющих столь сильной

позиции и безосновательно зачисленных в иностранные и несклоняемые.

Схожая ситуация наблюдается с белорусскими текстами, что отмечает В. В. Шур: «У ліку "обыно-страненных" па волі людзей, якія не ведалі спецыфікі беларускай тапаніміі, аказаліся ў асобных кантэкстах назвы тапонімаў з канцавым *-а*, якія, паводле іх граматычных прыкмет, збліжаюцца з назоўнікамі ніякага роду [этимологическая финаль *-о*]: *Жодзіна*, *Шарашова*, *Іванава*, *Станькава*, *Косава* і інш. Такія тапонімы на *-ава*, *-ова*, *-іна*, *-ына* сустракаюцца на ўсёй тэрыторыі рэспублікі... <...> Такія тапанімічныя назвы асобнымі аўтарамі ў мясцовым і рэспубліканскім друку не скланяюцца. Відаць, стэрэатып рускіх тапонімаў тыпу *Іванова*, *Колпіно*, *Роціно*, *Бородино*, а таксама мадэль замежных нескланяльных назоўнікаў тыпу *кіно*, *кіmano* падзейнічалі і на такія беларускія найменні»²⁵ [Шур 2021: 262–263]. Исследователь неточен в отношении великорусских топонимов: *Иваново*, *Колпино* и прочие по-русски склоняются, тем более что в статье, написанной В. В. Шуром в соавторстве с С. Б. Курашом, авторы признают взаимное ономастическое влияние [Шур, Кураш 2022: 45, 50], что имеет и грамматическое проявление в виде словоизменения. Примечательно иное: в той же статье исследователи почему-то не просклоняли склоняемое *Койданово*²⁶: «Да Вялікай Айчыннай вайны існаваў нават асобны польскі раён з цэнтрам у *Койданава*²⁷ (Дзяржынск), у якім па колькасці насельніцтва пераважалі палякі (трэба разумець, апалячаныя, акаталічаныя беларусы)»²⁸ [Там же: 46]. Видимо, сказывается устная привычка не склонять топонимы при знании о том, что склонять их должно.

Несклоняемость заимствованных существительных среднего рода повлияла на появление несклоняемых форм топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно*. Эта причина предстаёт наиглавнейшей, но она действовала в совокупности с иными обстоятельствами.

²⁵ «В числе "обыностранных" по воле людей, не знавших специфики белорусской топонимии, оказались в отдельных контекстах названия топонимов с конечным *-а*, по своим грамматическим признакам сближающихся с существительными среднего рода: *Жодзіна*, *Шарашова*, *Іванава*, *Станькава*, *Косава* и др. Такие топонимы на *-ава*, *-ова*, *-іна*, *-ына* встречаются на всей территории республики... <...> Такие топонимические названия отдельными авторами в местной и республиканской печати не склоняются. Видимо, стереотип русских топонимов типа *Иваново*, *Колпино*, *Роціно*, *Бородино*, а также модель иностранных несклоняемых существительных типа *кіно*, *кіmano* воздействовали и на такие белорусские наименования».

²⁶ Город в 30 км от Минска. С 1932 г. – *Дзяржынск*, прежнее название до сих пор не возвращено.

²⁷ Правильно – «з цэнтрам у *Койданава*».

²⁸ «До Великой Отечественной войны существовал даже особый польский район с центром в *Койданово* (Дзяржынск), в котором по количеству населения преобладали поляки (надо понимать, ополяченные, окатоличенные белорусы)».

№ 3. Проникновение в узус несклонения первой части сложных топонимов, являющейся онимом среднего рода на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно*

Существуют двойные топонимы, первая часть или обе части которых представляют собой оним с формантом *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно*; из ныне существующих и наиболее известных: *Ликино-Дулёво, Орехово-Зуево* (Московская область) и вымышленное *Туево-Кукуево*, употребляемое в значениях 'небольшой населённый пункт в отдалённой местности', 'небольшой населённый пункт или район на задворках города или крупного населённого пункта'. Такие двойные топонимы весьма распространены, например: *Борисово-Судское* (Вологодская область), *Борисово-Околицы* (Московская область).

По грамматическому правилу обе части топонима, первая из которых представляет существительное с формантом *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно*, должны склоняться: *Ликино-Дулёво, Ликина-Дулёва, Ликину-Дулёву, Ликином-Дулёвом* (вар. *Ликиным-Дулёвым*), *Ликине-Дулёве*.

Все двойные топонимы по первой части названия можно объединить в две группы, охватывающие весь топонимикон: 1) первая часть остаётся неизменной; 2) первая часть изменяется по падежам. Между двумя группами, примыкая к обеим, находятся топонимы, где первая часть то изменяется, то нет в зависимости от предпочтения говорящего; имеется в виду вариант, нормативный для строгой литературной нормы или просторечия. Следует рассмотреть обе группы и промежуточное звено между ними.

1. К первой группе относятся топонимы:

- с начальными элементами *Верх-, Соль-, Усть-, Сан-, Сен-, Сент-, Санкт-, Санта-: Верх-Ирмень, Усть-Сысольск, Соль-Илецк; Сан-Франциско, Санкт-Петербург* и др.;
- с элементами стороны света при написании полуслитно: *Северо-, Северно-, Юго-, Южно-, Западно-, Восточно-: Юго-Камский, Южно-Сахалинск, Северо-Курильск, Западно-Сибирская равнина, Восточно-Сибирское нагорье*;
- * к ним примыкают пишущиеся полуслитно топонимы с элементами *Центрально-, Ново-, Старо-* и др., написание не отвечает орфографическому правилу;
- названия с соединительной гласной *о* или *е* и второй частью, пишущейся с прописной

буквы: *Николо-Берёзовка, Анжеро-Судженск, Австро-Венгрия*.

Во всех этих топонимах первая часть либо выступает как приставка (*Усть-, Соль-, Сен-, Санкт-* и др.), либо является частью одного сложного слова, соединяемого при помощи гласной *о* или *е*; т.е. первую часть названия не следует считать самостоятельным словом, отчего она остаётся неизменной при склонении.

2. Ко второй группе относятся топонимы:

- сочетания двух названий: *Ильинское-Хованское, Спасское-Лутовиново*;
- названия, представляющие собой сочетание существительного с последующим прилагательным: *Петропавловск-Камчатский, Спасск-Дальний* (населённые пункты); *Новгород-Лужский, Москва-Пассажирская-Ярославская* (железнодорожные станции).

Не всегда есть возможность чётко разграничить, где объединено двойное название посредством дефиса, а где налицо одно сложное название. На практике это воплощается в неизменяемость первой части топонима. Это создаёт промежуточную группу: в ней представлены топонимы, где первая часть изменяется либо не изменяется в зависимости от привычки говорящего или от стиля речи. К данной группе относятся некоторые топонимы второй группы. В узусе можно встретить как изменение первой части по падежам, так и оставление её в исходном виде как неотъемлемой части единого слова. Из ойконимов – существительных с последующим прилагательным с неизменяемой первой частью нормативно относится *Гусь-Хрустальный*. Иные топонимы могут не изменять первую часть, в первую очередь в разговорной речи: *Каменец-Подольский* → лит. *Каменца-Подольского* и прост. *Каменец-Подольского*, – схожим образом остаётся иногда неизменным личное имя первого или третьего склонения при сочетании с отчеством: к *Иван Степанычу, о Сан Саныче, без Любовь Ивановны* и т.п.

Топонимы, представленные существительным с последующим прилагательным, пишутся через дефис²⁹. Здесь можно заметить в дополнение: полуслитное написание топонимов даёт возможность первую часть, имеющую нетипичный вид для русского языка, оставлять как есть и не изменять. Сербский *Нови Сад* по-русски пишется *Нови-Сад* и склоняется так: *Нови-Сада*,

²⁹ Правила русской орфографии и пунктуации. М.: АСТ-пресс школа, 2023. Орфография. § 126, п. 2.

Нови-Саду и далее, ср. сербское склонение: *Новог Сада*, *Новом Саду* и далее. Польская *Biała Podlaska* по-русски пишется *Бяла-Подляска*, первая часть при склонении не изменяется, а вторая часть склоняется как существительное, а не прилагательное, коим является в польском: *Бяла-Подляски*, *Бяла-Подляске* и далее. Для заимствованных онимов, хотя бы славянских, свойственно выделение в особую правописную группу, о чём упоминает И. О. Гапоненко. По её мнению, правописание иноязычных собственных наименований не относится к ядерным орфограммам, но наведение порядка на этом периферийном поле – очень важная презентативная задача [Гапоненко 2016: 27, 30]. Необходимо согласиться с исследовательницей. Что касается славянских нерусских топонимов (т.е. невостонославянских), было бы хорошо давать их в свойственном русскому языку виде, не искажая название порой до неузнаваемости: *Новый Сад*, *Белая Подляшская*, однако вопрос требует глубокой проработки и предмета исследования настоящей статьи более не касается.

Существует общее правило: если обе части двойного онима представляют объединение двух имён собственных, при склонении изменяются по падежам обе части; если первая часть является служебной частью речи или не была самостоятельным названием, она не изменяется по падежам. Однако строго и последовательно данное правило не действует: в *Гусь-Хрустальном* первая часть может быть самостоятельным названием и является существительным, однако образует единое слово со второй частью и не изменяется при склонении. В гидрониме *Москва-река*, где вторая часть – имя нарицательное, необходимая в устной и письменной речи (за исключением карт) для различения от астионима, изменяются оба компонента, в слове два ударения, главное падает на вторую часть: *Москвѐ-река́*. Возможна и иная орфоэпия – одноударность слова, что влечёт изменение лишь второго его компонента: *Москвѐ́-река* → *Москвѐ́-реки*, *Москвѐ́-реке* и далее. Лингвисты прошлого спорили о нормативности восприятия двойного гидронима как композита с неизменяющейся первой частью [Патронева 2023: 219]; такое грамматическое оформление существует поныне.

Нельзя считать грамматической ошибкой неизменение первой части пишущегося полуслитно топонима: в таком случае название воспринимается как одно слово. В строгой литературной устной

и письменной речи, разумеется, следует изменять по падежам как имя и отчество, так и первую часть двойных топонимов. Однако с топонимами не всегда возможно чётко различить природу первой части имени собственного, что может влечь колебание в её изменяемости при склонении.

Как многие двойные названия, топонимы с первой частью, представляющей собой оним с формантом *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно*, могут при склонении оставлять первую часть неизменяемой: *Орехово-Зуево* → лит. *Орехова-Зуева*, *Орехову-Зуеву* и далее, прост. *Орехово-Зуева*, *Орехово-Зуеву* и далее.

До 1932 г. современное *Иваново* (областной город Нечерноземья) носило название *Иваново-Вознесенск*, – это был крупный промышленный центр, широко известный по всей стране. Первая часть топонима могла не склоняться: *Иваново-Вознесенск*, *Иваново-Вознесенска*, *Иваново-Вознесенску* (и далее) наряду с точным литературным *Иванова-Вознесенска*, *Иванову-Вознесенску* (и далее). С переименованием города и оставлением от названия одной первой части могло иметь место несклонение её по старой памяти, поскольку она оставалась неизменной при двойном наименовании.

Неизменение при склонении двойного топонима первой части, имеющей формант *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно*, – при разрастании несклоняемости подобных топонимов вообще – могло повлиять на несклоняемость обеих частей названия с формантами *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно*, как *Орехово-Зуево*, *Ликино-Дулёво* и др. Однако неизменяемая первая часть двойных топонимов не могла стать главной причиной распространения несклоняемости исследуемых топонимов – это послужило одним из факторов распространения несклоняемости наряду с остальными. Не было одной-единственной причины – они действовали в совокупности.

№ 4. Низкий уровень филологической культуры общества

Отдельные исследователи видят в росте несклоняемости существительных движение к анализу. Такого взгляда придерживается И. П. Мучник: по его мнению, в советскую эпоху неизменяемость при склонении существительных из потенциальной превратилась в реально действующую в грамматическом строе языка тенденцию, хотя и ограниченную по лексическому охвату [Мучник 1971: 262].

Г. А. Качевская опровергает довод о том, что несклонение топонимов на *-ово/-ево/-ёво*, *-ино/-ыно*

свидетельствует о движении русского языка к аналитизму, поскольку отсутствуют идущие от языка условия и основания для усиления аналитических средств выражения. Если бы было иначе, то наиболее распространёнными должны были бы стать формы тех предложных конструкций, в которых предлог сочетается лишь с одним падежом, т. е. *из, от, до* – с родительным падежом и *к* – с дательным направления. Однако этого нет. Не менее распространена несклоняемость с предлогами *в* и *под, за*, управляющими винительным и предложным, винительным и творительным падежами соответственно. Исследовательница делает верный вывод: предлоги не могут считаться не приносящими ущерба, подходящими средствами для замены падежной флексии [Качевская 1966: 122].

Вопрос снижения филологической культуры в советское время автор рассматривает в предыдущей работе, приводя примеры из газет [Тейкин 2021: 1078] – источника, не подвергаемого столь тщательной редактуре, как книги, что даёт хорошее отображение письменной речи, служащей образцом для речи устной. В настоящей статье выше указано, что такое снижение обусловливается невысоким уровнем, бывшим до революции. В данном разделе следует остановиться на нормативистах. Учёные составляют справочники и пишут академические труды, служащие образцом для подражания образованных пользователей языка.

Л. И. Маршева обвиняет советских лингвистов в закреплении несклоняемых форм названий: изменяемость по падежам топонимов на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно* называется искусственным правилом, а несклонение их выдвигается на роль устойчивой тенденции. Налицо навязывание лингвистами предпочитаемой ими формы [Маршева 2004: 50–51]. Исследовательница подробно разбирает мнение учёных о движении русского языка в сторону аналитизма; топонимы на *-о* как нельзя кстати дают возможность обосновать такую теорию – в ущерб русской грамматике и слововосприятию.

А. Г. Саркисян ссылается на Л. А. Вербицкую, заявляющую о допустимости склоняемого и несклоняемого вариантов топонимов на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно* [Саркисян 2023: 136]. Это может свидетельствовать лишь о, мягко говоря, осторожном отношении к научному наследию данной исследовательницы и являет наглядный пример низкого уровня филологической культуры нашего общества.

В. К. Лебедев предлагает признать нормативными как склоняемые, так и несклоняемые формы [Лебедев 2014: 45]. С ним невозможно согласиться. Те, кто предлагает признать несклонение за норму, пренебрегает славянскими междиомными связями и не чувствуют Слово – выразитель языка.

М. Н. Панова верно пишет: русские географические названия на *-ово, -ево, -ёво, -ино, -ыно* должны склоняться [Панова 2020: 174]. Исследовательница ссылается на В. Г. Костомарова, что «лишь верные традиции москвичи упорно говорят: *вылетел из Внукова, встречал гостей в Шереметьеве, автобусное сообщение между Быковым и Домодедовом*» [Костомаров 2013: 48]. Этого достаточно для того, чтобы склоняемость топонимов среднего рода сохранилась и начала обратную экспансию на морфологически чуждую русскому языку неизменяемость имён.

Верное заключение делает Р. Ю. Намитокова: существующие тенденции нужно поддерживать или, наоборот, препятствовать им в зависимости от генеральной установки, коя есть сохранение и защита русского языка; русисты имеют право настаивать на склонении склоняемой фамилии, если носитель протестует [Намитокова 2011: 155]. То же касается топонимов. Если кто-то не склоняет те или иные названия, они от этого не должны признаваться несклоняемыми. Похожая ситуация с количественными числительными, о чём выше писалось; она даже хуже, чем с онимами: правильно изменять по падежам эти имена умеет меньшинство, но от этого ни простые, ни сложные, ни составные числительные не становятся и не станут неизменяемыми. Лингвисты и знатоки Слова имеют право бороться за русскую грамматику.

И. А. Шаронов, говоря об активной борьбе нормативистов в последние годы за восстановление склонения топонимов среднего рода с формантами *-ов-, -ев-, -ёв-, -ин-, -ын-*, отмечает жёсткое сопротивление «культурных носителей языка» изменчивости по падежам данных названий [Шаронов 2017: 345]. Как показывает практика, при должном разъяснении склоняемости имён люди, независимо от уровня образования, принимают склоняемость как данность и даже стараются следовать норме. Автор неоднократно наблюдал это явление, сам выступая разъясняющим для своих знакомых, приятелей и друзей разного возраста и широты знаний.

Низкий уровень филологической культуры в совокупности с иными причинами является конечным

обстоятельством, послужившим распространению несклоняемости топонимов на *-ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно*; это скрепляющий фактор в проникновении аналитизма в онимы среднего рода в русском (восточнославянском) языковом пространстве.

Мода на западноевропейскую культуру и желание не изменять заимствованные существительные обусловили вхождение большого числа неизменяемых имён в русский язык, что не могло не повлиять – хотя бы косвенно – на исконные славянские имена. Существительные среднего рода на *-о* начали колебаться в склонении, в первую очередь это коснулось славянских собственных имён, особенно нерусских или считающихся нерусскими (польских, полонизированных, чешских и др.) – по аналогии с существительными, заимствованными из неславянских языков. Поскольку словоизменяемость существительных среднего рода подверглась атаке со стороны заимствований, отдельным носителям русского языка могло показаться удобным не склонять онимы на *-о*, подо что нашлось обоснование в виде устранения омонимии с мужским родом при невнимании к тому, что полного уничтожения омонимии ни в каком случае не выходит.

В статье 2021 г. автор выдвинул версию об опасении склонять названия, данные в честь коммунистических деятелей: *Ленино, Сталино, Кирово* и т. п. [Тейкин 2021: 1080]. Это перекликается с мыслью Л. К. Граудиной [Граудина 1976: 163–164] о нежелательности склонять *Ленино, Репино, Лермонтово*, для чего отсутствует основание. Что касается «советских» топонимов, то в литературе отыскиваются несклоняемые ойконимы среднего рода в честь советских вождей. Например, у руководителя партизанского движения в годы Великой Отечественной войны А. Н. Сабурова в «Отвоёванной весне» не склоняется *Сталино* (совр. *Донецк*): «Родился в Донбассе, в Сталино». В украинском переводе ойконом также не склоняется: «Народився на Донбасі, в Сталіно». Не склоняет А. Н. Сабуров и иные топонимы такого типа: «в Страчево разбита танковая часть», «несколько сожжённых нами тягачей в Страчево», хотя в украинском переводе *Страчево* уже склоняется: «в Страчеві розгромлено танкову частину», «в Страчеві й кілька спалених нами тягачів»³⁰. Если бы исходная словоформа была типично украинская – *Страчеве*, в предложном падеже по-украински

было бы *Страчевому* или *Страчевім*, но не *Страчеві*. Переводчик исправил недоработку исходного текста, но и он оставил *Сталіно* в несклоняемом виде. В 1941 г. – во время разворачивающихся в романе событий – жителям Советского Союза был хорошо известен город на Донбассе – областной центр Сталино, крупный промышленный объект всесоюзного значения. Спутать Сталино с руководителем коммунистической партии и советского правительства Сталиным было невозможно. Кроме того, с 1924 до марта 1932 г. (такую конечную границу даёт В. И. Теркулов [Теркулов 2023: 42]) город назывался не *Сталино*, а *Сталин* – здесь, несмотря на полное совпадение с антропонимом в именительном падеже, уже никак невозможно уйти от склоняемости ойконима. Возможно, присвоение городу среднего рода в названии объясняется в том числе желанием отличить город от фамилии советского вождя. Донецкий исследователь Е. С. Отин подтверждает: оным *Сталино* сначала носила железнодорожная станция, а город имел название *Сталин*; территориальная близость обоих объектов и их экономическая общность привели к появлению единого для них имени, для чего подошёл вариант среднего рода, где окончание *-о* выполняло топонимообразующую функцию, давая формальное отличие от антропонима [Отин 1997: 418–419]. Широкая известность лица, в честь кого назван город, потворствовала не изменять ойконом по падежам. Во всяком случае, непоследовательность в склонении топонимов среднего рода в зависимости от происхождения их названия наблюдается в литературе и подтверждается научными источниками.

Уровень филологической культуры, хотя бы низкий, не есть заданная величина, не подлежащая изменению. При должном усердии со стороны лингвистов и литераторов он может увеличиться. Это наша задача на будущее.

Заключение

Русский язык – наряду со всеми славянскими языками за изъятием болгарского и македонского – относится к синтетическим языкам с развитой системой склонения. Однако подавляющее большинство заимствованных нарицательных имён и заимствованные собственные имена на *-о*, вписываясь в парадигму первого склонения и имея возможность

³⁰ Сабуров А. Н. Отвоёванная весна. Устинов [Ижевск]: Удмуртия, 1986. С. 8, 50; Сабуров О. М. Відвоєвана весна. К.: Україна, 2008. С. 8, 58.

изменяться по падежам, остаются несклоняемыми без морфологических на то оснований. Онимы, не входя в лексическое ядро языка, в большей степени подвергаются воздействию внутренних (лингвистических) и внешних факторов (политика, культура и т.д.). Неизменяемость значительного числа существительных среднего рода на -о, -е, -ё привела к колебанию в словоизменении существительных среднего рода, и первыми такому воздействию подверглись собственные имена. Совокупность иных причин, рассмотренных автором выше, сказалась на закреплении в узусе неизменяемости по падежам топонимов на -ово/-ево/-ёво, -ино/-ыно; но нормативные справочники не считают такое словоупотребление литературным. Следует добавить: даже если бы какой-нибудь справочник и признал допустимым несклоняемость рассматриваемых топонимов, это свидетельствовало бы скорее против справочника, хотя и дало бы малокультурным людям возможность апеллировать к учёным. Так, Д. Э. Розенталь признаёт допустимость не склонять фамилии, совпадающие с апеллятивом, – его аргумент оспори́ли другие исследователи. Для синтетического языка в случаях, где склоняемость возможна, следует отдавать ей предпочтение. Это или исключает вовсе, или сужает имеющуюся славянскую межидиомную лакуарность.

Грамматика не является чем-то застывшим. При нахождении веских доводов возможно пересмотреть взгляд на место отдельного существительного или их группы в морфологии. Разумеется, здесь играют роль не только языковые законы, но и привычка, восприятие слова людьми. Русский язык обладает достаточными средствами и – что тоже важно – практическими примерами в образцовой литературе разных жанров для того, чтобы устранить колебания в среднем роде и очистить последний от аналитизма, не только морфологически чужеродного в силу многовековой традиции, но и затрудняющего точное восприятие речи.

Наследие низкой филологической культуры должно быть преодолено. Для этого делается многое, и полное восстановление склоняемости незаимствованных топонимов среднего рода в русских языках есть лишь вопрос времени.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Агеева Р. А. Отклик на статью Р. Ю. Намитоковой «Склонять или не склонять – вот в чём вопрос...». *Вопросы ономастики*. 2012. № 1. С. 112–115. [Ageyeva R. A. A reply to R. Yu. Namitokova's article "To decline, or not to decline: That is the question...". *Voprosy Onomastiki*, 2012, (1): 112–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rsddoj>
- Анри Л. Морфологический статус слова *пальто* в русском языке: корпусное исследование. *Мовна особистість: лінгвістика і лінгводидактика*: Міжнар. наук.-практ. конф. (Київ – Черкаси, 26–27 листопада 2020 р.) К.-Черкаси: ФОП Гордієнко Є. І., 2020. Вип. V. С. 350–356. [Henry L. Morphological status of the word *palto* in Russian: A corpus-based study. *Lingual personality: Linguistics and language didactics*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kiev – Cherkassy, 26–27 Nov 2020. Kiev-Cherkassy: FOP Gordienko Ye. I., 2020, iss. V, 350–356. (In Russ.)]
- Астен Т. Б., Демченко В. И., Павлютенкова И. В. Падежная вариантность в системе и в тексте. *Научная мысль Кавказа*. 2010. № 1. С. 164–168. [Asten T. B., Demchenko V. I., Pavlyutenkova I. V. Gender / case variability in the system and in the text. *The Caucasus Scientific Thought*, 2010, (1): 164–168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mehihv>
- Башловкина Н. А., Иткулов С. З. Проблема склонения славянских топонимов среднего рода (на примере названия «Иваново»). *Наука и молодёжь: новые идеи и решения в АПК*: VI Всерос. фестиваль науки студентов, аспирантов и молодых учёных. (Иваново, 30 апреля 2021 г.) Иваново: Ивановская ГСХА, 2021. С. 487–490. [Bashlovkina N. A., Itkulov S. Z. The problem of declension of Slavic place names of the neuter gender: The case of Ivanovo. *Science and youth: New ideas and decisions in Agro-industrial complex*: Proc. VI All-Russian Sci. Festival of students, postgraduate students and young scientists, Ivanovo, 30 Apr 2021. Ivanovo: Ivanovo SACA, 2021, 487–490. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oltvjs>

- Васильев В. Л. Водные имена на -ово/-ево в исторических Новгородско-Псковских землях. *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*. 2022. № 1. С. 38–52. [Vasiliev V. L. Water names ending with -ovo/-evo in historical Novgorod and Pskov lands. *Verba. North-West Linguistic Journal*, 2022, (1): 38–52. (In Russ.)] [https://doi.org/10.34680/VERBA-2022-1\(3\)-38-52](https://doi.org/10.34680/VERBA-2022-1(3)-38-52)
- Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с. [Vasiliev V. L. *Slavic toponymical antiquities of the Novgorod land*. Moscow: Manuscriptal Monuments of Ancient Rus, 2012, 816. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugnult>
- Гапоненка І. А. Іншомоўныя онімы ў беларускай перадачы. *Мова – Літаратура – Культура*: VIII Міжнар. навук. канф. (Мінск, 15–16 верасня 2016 г.) Мн.: РІВШ, 2016. Ч. 1. С. 26–33. [Haponenka I. A. Foreign-language onyms in Belorussian rendering. *Language – Literature – Culture: Proc. VIII Intern. Sci. Conf.*, Minsk, 15–16 Sep 2016. Minsk: RIHS, 2016, pt. 1, 26–33. (In Bel.)]
- Граудина Л. К. Нормы употребления топонимов с финалями -ов(о), -ев(о), -ёв(о), -ин(о), -ын(о). *Ономастика и норма*, отв. ред. Л. К. Калакуцкая. М.: Наука, 1976. С. 140–164. [Graudina L. K. Norms of toponyms' usage with finales -ov(o), -ev(o), -yov(o), -in(o), -yn(o). *Onomastics and norm*, ed. Kalakutskaya L. K. Moscow: Nauka, 1976, 140–164. (In Russ.)]
- Граудина Л. К. Современная норма склонения топонимов (в сочетаниях с географическим термином). *Ономастика и грамматика*, отв. ред. Л. К. Калакуцкая. М.: Наука, 1981. С. 122–145. [Graudina L. K. Contemporary norm of toponyms' declension in conjunction with geographical term. *Onomastics and grammar*, ed. Kalakutskaya L. K. Moscow: Nauka, 1981, 122–145. (In Russ.)]
- Дамбуев И. А. Тенденции нормализации топонимов на -ова/-ово, -ева/-ево, -ина/-ино. *Неофилология*. 2020. Т. 6. № 24. С. 686–698. [Dambuev I. A. Trends in standardization of toponyms ending with -ova/-ovo, -eva/-evo, -ina/-ino. *Neophilology*, 2020, 6(24): 686–698. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-24-686-698>
- Захарова Е. В. Славянские суффиксы в субстратной топонимии Восточного Обонежья. *Учёные записки Петрозаводского государственного университета*. 2013. № 7-1. С. 62–65. [Zakharova E. V. Slavic suffixes in the substrate toponymy of Eastern Obonezhje. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2013, (7-1): 62–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rpykun>
- Качевская Г. А. Нужно ли склонять географические названия типа Рощино, Шувалово? *Нормы современного русского литературного словоупотребления*, отв. ред. Г. А. Качевская, К. С. Горбачевич. М.-Л.: Наука, 1966. С. 111–124. [Kachevskaya G. A. Should we decline such geographical names as *Roshchino* or *Shuvalovo*? *Norms of contemporary Russian literary word usage*, eds. Kachevskaya G. A., Gorbachevich K. S. Moscow-Leningrad: Nauka, 111–124. (In Russ.)]
- Костомаров В. Г. Почему нас волнует какого рода кофе, но не то, что оно не склоняется? *Русская речь*. 2013. № 1. С. 44–50. [Kostomarov V. G. Why we worry about the gender of *coffee*, but not why it does not decline? *Russkaya Rech*, 2013, (1): 44–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvfkvv>
- Куликова Э. Г., Акай О. М. Аналитизация: несклоняемые существительные как фактор межъязыковой лакуарности. *Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 5. С. 155–161. [Kulikova E. G., Akay O. M. Analytization: Indeclinable nouns as a factor of interlingual lacunarity. *The Humanities and Social Sciences*, 2020, (5): 155–161. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-82-5-155-161>
- Купчинська З. О. Стратиграфія архаїчної ойконімії України. Львів: Наукове товариство ім. Шевченка, 2016. 1278 с. [Kupchinska Z. O. *Stratigraphy of archaic oikonyms in Ukraine*. Lvov: Shevchenko Scientific Society, 2016, 1278. (In Ukr.)]
- Лебедев В. К. «Так вышло, что я живу в Переделкино», или К вопросу о склонении топонимов. *Мир русского слова*. 2014. № 2. С. 40–46. [Lebedev V. K. "It happens so that I live in Peredelkino", or Some aspects of the toponyms' declension. *Mir russkogo slova*, 2014, (2): 40–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sqsfen>
- Маршева Л. И. Тенденции к аналитизму, или предпосылки? *Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института*. 2004. № 2. С. 49–59. [Marшева L. I. Tendencies for analytism, or premises? *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta*, 2004, (2): 49–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jsakit>
- Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 356 с. [Mullonen I. I. *Prisvirye's toponymy: Problems of ethnolinguistic contacting*. Petrozavodsk: PetrSU, 2002, 356. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxqbmz>

- Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. 300 с. [Muchnik I. P. *Grammatical categories of the verb and the name in contemporary Russian language*. Moscow: Nauka, 1971, 300. (In Russ.)]
- Намитокова Р. Ю. Склонять или не склонять – вот в чём вопрос... *Вопросы ономастики*. 2011. № 1. С. 152–157. [Namitokova R. Yu. To decline, or not to decline: That is the question... *Voprosy Onomastiki*, 2011, (1): 152–157. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcmapp>
- Огиенко И. И. Об ударении в географических именах. 2-е изд. К.: И. И. Самоненко, 1912. 64 с. [Ogienko I. I. *Stress in geographical names*. 2nd ed. Kiev: I. I. Samonenko, 1912, 64. (In Russ.)]
- Отин Е. С. Юзовка (Юзово) – Сталино – Донецк (историко-лингвистический этюд). In: Отин Е. С. *Избранные работы*. Донецк: Донецчина, 1997. [Т. 1.] С. 415–420. [Otin E. S. Yuzovka (Yuzovka) – Stalino – Donetsk (historical and linguistic etude). In: Otin E. S. *Selected works*. Donetsk: Donechchina, 1997, [vol. 1], 415–420. (In Russ.)]
- Панова М. Н. Грамматические трудности русского языка в документных текстах как объект лингвистического описания и преподавания. *Язык государственной службы. Лингвистические вопросы теории и практики*: Междунар. круглый стол. (Москва, 28 мая 2020 г.) М.: Академия ГПС МЧС России, 2020. С. 168–178. [Panova M. N. Grammatical difficulties of the Russian language in official documents as an object of linguistic description and teaching. *State service language. Linguistic issues of the theory and practice*: Proc. Intern. Round Table, Moscow, 28 May 2020. Moscow: SFA of EMERCOM of Russia, 2020, 168–178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bbhnap>
- Патроева Н. В. *На Москва-реке*: по следам одного из «орфоэпических походов» Дмитрия Николаевича Ушакова. *Филологический класс*. 2023. Т. 28. № 4. С. 217–225. [Patroeva N. V. *Na Moskva-reke*: In the footsteps of one of the "orthoepic campaigns" of Dmitry Nikolaevich Ushakov. *Philological Class*, 2023, 28(4): 217–225. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lcuodt>
- Редькина Н. С. Топонимы и речевая практика: нормативный аспект. *Ономастика Поволжья*: XXI Междунар. науч. конф. (Рязань, 3–5 октября 2023 г.) Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2023. С. 56–57. [Redkina N. S. Toponyms and speech practice: Normative aspect. *Povolzhye Onomastics*: Proc. XXI Intern. Sci. Conf., Ryazan, 3–5 Oct 2023. Ryazan: Esenin RSU, 2023, 56–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/obagdk>
- Роспонт С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. *Восточнославянская ономастика*, отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1972. С. 9–89. [Rospond S. Structure and stratigraphy of old Russian toponyms. *East Slavic onomastics*, ed. Superanskaya A. V. Moscow: Nauka, 1972, 9–89. (In Russ.)]
- Саркисян А. Г. О субстантивированных прилагательных в русских топонимах. *Ономастика Поволжья*: XXI Междунар. науч. конф. (Рязань, 3–5 октября 2023 г.) Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2023. С. 134–139. [Sarkisyan A. G. Nominalised adjectives in Russian toponyms. *Povolzhye Onomastics*: Proc. XXI Intern. Sci. Conf., Ryazan, 3–5 Oct 2023. Ryazan: Esenin RSU, 2023, 134–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttyxue>
- Селищев А. М. Из старой и новой топонимии. In: Селищев А. М. *Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество*. М.: ЯСК, 2003. С. 436–493. [Selishchev A. M. From old and new toponymy. In: Selishchev A. M. *Works on the Russian language. Vol. 1. Language and Society*. Moscow: IaSK, 2003, 436–493. (In Russ.)]
- Срезневский И. И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте. II. СПб.: Тип. Имп. АН, 1861. 88 с. [Sreznevsky I. I. *Learning mother tongue in general and in childhood*. II. St. Petersburg: Typ. Imp. AS, 1861, 88. (In Russ.)]
- Тейкин М. С. К вопросу о склонении топонимов среднего рода на -ово/-ево, -ино/-ыно. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 4. С. 1074–1085. [Teikin M. S. To the question of neuter gender toponyms' declension ending on -ovo/-evo, -ino/-yno. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1074–1085. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1074-1085>
- Теркулов В. И. История донецких астионимов. *Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология*. 2023. № 2. С. 28–46. [Terkulov V. I. History of Donetsk astionyms. *Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psikhologiya*. 2023, (2): 28–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ghcmcs>
- Чернышёв В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. 4-е изд., испр. М.: ЛКИ, 2010. 264 с. [Chernyshev V. I. *Correctness and purity of Russian speech. An experience in Russian stylistic grammar*. 4th ed. Moscow: LKI, 2010, 264. (In Russ.)]

- Чернышёв В. И. Упрощение русского правописания. 3-е изд. Тверь: Типография Тверской Газеты, 1913. 80 с. [Chernyshev V. I. *Simplifying of Russian spelling*. 3rd ed. Tver: Tipografiia Tverskoi Gazety, 1913, 80. (In Russ.)]
- Шаронов И. А. Мода на неизменяемость: история разрастания и современное состояние. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2017. № 13. С. 340–348. [Sharonov I. A. About the tendency not to decline borrowed nouns in historical perspective and contemporary perspective. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2017, (13): 340–348. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rvqvqvd>
- Шведова М. О. Граматичне освоєння запозичених іменників із кінцевим -о в українській мові: корпусне дослідження. *Українська мова*. 2020. № 2. С. 13–30. [Shvedova M. O. Morphological adaptation of borrowed nouns with final -o in Ukrainian: A corpus-based study. *Ukrainska Mova*, 2020, (2): 13–30. (In Ukr.)] <https://elibrary.ru/guigqx>
- Шевельов Ю. В. Українська мова в себе вдома сьогодні й завтра. *Сучасність*. 1986. Ч. 10. С. 28–46. [Shevelov Yu. V. Ukrainian language at home today and tomorrow. *Suchasnist*, 1986, pt. 10, 28–46. (In Ukr.)]
- Шур В. В. Беларускія ўласныя імёны: беларуская тапанімія і антрапанімія. Выд. 3-е. Мазыр: Выснова, 2021. 356 с. [Shur V. V. *Belorussian proper names: Belorussian toponymy and anthroponymy*. 3rd ed. Mozyr: Vysnova, 2021, 356. (In Bel.)]
- Шур В. В., Кураш С. Б. Асаблівасці ўзаемаўплываў у анамастычных сістэмах беларускай і іншых моў. *Рэгіянальная ономастыка: праблемы і перспектывы исследования*, науч. ред. А. М. Мезенко. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2022. С. 44–51. [Shur V. V., Kurash S. B. Features of mutual influences in the onomastic systems of the Belorussian and other languages. *Regional onomastics: Problems and perspectives of research*, ed. Mezenko A. M. Vitebsk: Masharov VSU, 2022, 44–51. (In Bel.)] <https://elibrary.ru/bjkpha>
- Щерба Л. В. Современный русский литературный язык. In: Щерба Л. В. *Избранные работы по русскому языку*. М.: Учпедгиз, 1957. С. 113–129. [Shcherba L. V. Contemporary Russian literary language. In: Shcherba L. V. *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1957, 113–129. (In Russ.)]
- Федосюк М. Ю. «Недаром помнит вся Россия про день... Бородино», или Почему перестают склоняться топонимы на -ино, -ово. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2019. № 5. С. 333–341. [Fedosyuk M. Yu. "Nedarom pomnit vsya Rossiya pro den'... Borodino", or Why toponyms ending on -ino, -ovo stop to be declined. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, 2019, (5): 333–341. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-5-333-341>
- Федосюк М. Ю. О причинах роста аналитизма и продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке наших дней. *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022a. № 4. С. 9–19. [Fedosyuk M. Yu. On the reasons for the growth of analyticism and productivity of non-idiomatic nominations in the Russian language of our days. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2022a, (4): 9–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-9-19>
- Федосюк М. Ю. Принципы исторической чистоты и прямолинейной регулярности в концепции В. Матезиуса и при определении норм русского литературного языка наших дней. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2022b. № 3-2. С. 51–60. [Fedosyuk M. Yu. Principles of historical purity and straightforward regularity in the conception of V. Mathesius and in determining norms of the Russian literary language of our days. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2022b, (3-2): 51–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bxeke>
- Miklosich F. *Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen*. Wien: Aus der Kaiserlich-Königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1864, 74.

оригинальная статья

eLibrary EDN: WVQQQQ

Тема хандры и ее преодоления в книге стихов А. М. Городницкого «Дорога к Пушкину»

Афанасьева Эльмира Маратовна

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5153-3094

<https://orcid.org/0000-0003-1544-4715>elmira_afanaseva@mail.ru

Сривастава Лакшми

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина,
Россия, Москва<https://orcid.org/0009-0004-3320-0073>

Аннотация: Статья посвящена исследованию поэтики триптиха А. М. Городницкого, вошедшего в книгу стихов «Дорога к Пушкину» (Москва, 2021): «Москва, 1831» («Ненастных дней туманная завеса»), «Пушкин – Плетнёву 22 июля 1831 года» и «Хандра». Все тексты были написаны в 2020 г. в разгар пандемии, связанной с распространением COVID-19, и, насколько известно, впервые становятся объектом литературоведческого изучения. Цель – проанализировать тему хандры и выявить особенности ее преодоления в аспекте исторических аналогий: «пандемийной весны» 2020 г., которую творчески осмысляет автор «Дороги к Пушкину», и «холерной осени» 1830 г., которая для А. С. Пушкина обернулась творческим всплеском в период первой Болдинской осени. Результаты исследования связаны с воссозданием пушкинского мифа в исследуемых текстах А. М. Городницкого, в основе которого лежит идея исключительной ценности творчества. В стихотворении «Москва, 1831» («Ненастных дней туманная завеса») ключевой мотив – рождение русской словесности из экзистенциального тупика. Два других текста становятся своего рода палимпсестом пушкинских образов и мотивов, посвященных характеристике русской хандры и возможностям ее преодоления. В стихотворениях, посвященных этой теме, А. М. Городницкий объединяет биографический миф об А. С. Пушкине с автобиографическими элементами.

Ключевые слова: русская словесность, хандра, А. М. Городницкий, А. С. Пушкин, П. А. Плетнев, пушкинский миф, лирическая поэтика

Цитирование: Афанасьева Э. М., Сривастава Л. Тема хандры и ее преодоления в книге стихов А. М. Городницкого «Дорога к Пушкину». *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 159–169. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-159-169>

Поступила в редакцию 14.07.2025. Принята после рецензирования 26.09.2025. Принята в печать 29.09.2025.

original article

Spleen and Coping with Spleen in Alexander Gorodnitsky's *Road to Pushkin*

Elmira M. Afanasyeva

Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5153-3094

<https://orcid.org/0000-0003-1544-4715>elmira_afanaseva@mail.ru

Lakshmi Srivastava

Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0009-0004-3320-0073>

Abstract: Alexander Gorodnitsky's *Road to Pushkin* (2021) contains a poetic triptych: 1) *Moscow, 1831*; 2) *Pushkin to Pletnyov, July 22, 1831*; 3) *Spleen*. These three poems were written in 2020 during the peak of the COVID-19 pandemic. The last poem compares the poet's own experience of lock-down spleen with the historical analogy of the autumn of 1830, when Alexander Pushkin was quarantined in his family estate of Boldino due to a cholera outbreak and which became an exceptionally productive period for the great Russian poet. Gorodnitsky centers his Pushkin myth on the utmost value of art. *Moscow, 1831* describes how an existential crisis gave birth

to the golden age of Russian literature. The other two poems are palimpsests of Pushkin's imagery and motifs, exploring the nature of Russian spleen (*khandra*) and coping with it. In the triptych, Pushkin's biography echoes with Gorodnitsky's own life.

Keywords: Russian literature, spleen, Alexander Gorodnitsky, Alexander Pushkin, Pyotr Pletnyov, Pushkin myth, lyric poetics

Citation: Afanasyeva E. M., Srivastava L. Spleen and Coping with Spleen in Alexander Gorodnitsky's *Road to Pushkin*. *SibScript*, 2026, 28(1): 159–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-159-169>

Received 14 Jul 2025. Accepted after peer review 26 Sep 2025. Accepted for publication 29 Sep 2025.

Введение

Интерес к творчеству Александра Моисеевича Городницкого – одного из основателей бардовского движения – в настоящее время связан прежде всего с изучением особенностей поэтики и проблематики авторской песни [Кофанова 2008; Кулагин 2002; Малкина 2023; Успенская 2020]. С 2005 г., после того как была опубликована статья И. Б. Ничипорова «Пушкин и его эпоха в песенной поэзии Александра Городницкого» [Ничипоров 2005], особое значение приобрела проблема изучения особенностей диалога поэта-современника с предшествующими эпохами [Гумерова 2020; Купчик 2006]. К вопросу репрезентации пушкинской тематики в лирике А. М. Городницкого И. Б. Ничипоров обращался неоднократно, в частности в монографии 2006 г. [Ничипоров 2006]. Позже данная тема нашла отражение в его докторской диссертации «Авторская песня 1950–1970-х гг. в русской поэтической традиции: творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи», в которой был проанализирован разножанровый пушкинский цикл А. М. Городницкого [Ничипоров 2008: 25–27]. В настоящее время особенности художественного мира поэта являются объектом изучения таких исследователей, как В. В. Биткина [Биткина 2007; 2011], Е. В. Купчик [Купчик 2006; 2011], В. Я. Малкина [Малкина 2020а; 2020б] и др.

Сборник стихов «Дорога к Пушкину» сочетает в себе элементы биографического сюжета, связанного с жизнью и творчеством Александра Сергеевича Пушкина, диалог с пушкинистами, размышления субъекта лирического высказывания о судьбах поэтов и исторических событиях, современниками которых они являются. Кроме того,

образ Пушкина и пушкинская эпоха соотносятся у А. М. Городницкого с событиями современной российской истории [Афанасьева 2023; Ничипоров 2005; Сривастава 2024].

Как представляется, пушкинская тема в творчестве А. М. Городницкого включается в большой контекст пушкинского мифа русской литературы [Загидуллина 2001; Козубовская 2011; Сараскина 2018; Шеметова 2010] с авторским акцентом его интерпретации. Последнему из перечисленных аспектов посвящены работы [Афанасьева 2023; Биткина 2012; Сривастава 2024].

Актуальность данной работы обусловлена всплеском интереса к творчеству А. М. Городницкого во время пандемии 2020 г., связанной с распространением COVID-19. В это время люди, находившиеся в ситуации вынужденной изоляции, с большим интересом включались в интернет-проект Александра Городницкого и Натальи Касперович «Пока звенит струна», посвященный авторской песне¹. В это же время А. М. Городницкий готовит к публикации ряд поэтических сборников, среди них книга стихов «Дорога к Пушкину». Вместе с публикацией сборников поэтических текстов появляются новые акценты в автопрезентации А. М. Городницкого не только как барда, но и как поэта, который мыслит большими жанрово-тематическими образованиями в системе поэтических структур.

В качестве новизны предлагаемого исследования можно отметить, что в статье исследуются поэтика текстов, созданных пять лет назад, в 2020 г., но именно эти тексты включены в большой исторический контекст культурного карантина эпохи пандемии.

¹ Пока звенит струна. Разговор с Александром Городницким. Встреча тринадцатая. URL: https://vkvideo.ru/playlist/-74837_9/video-74837_456239137?linked=1 (дата обращения: 10.05.2025).

Цель – проанализировать тему хандры и выявить особенности ее преодоления в аспекте исторических аналогий: «пандемийной весны» 2020 г., которую творчески осмысляет автор «Дороги к Пушкину», и «холерной осени» 1830 г., которая для А. С. Пушкина обернулась творческим всплеском в период первой Болдинской осени.

Методы и материалы

Обозначив в качестве материала исследования стихотворения А. М. Городницкого 2020 г., посвященные теме хандры, мы обращаемся к первоисточнику творческого диалога поэта рубежа XX–XXI вв. с А. С. Пушкиным, его поэтическим текстам и эпистолярным наследием. В связи с этим ключевым методом исследования является сравнительный анализ, в процессе которого выявляется особенность диалога лирического героя А. М. Городницкого с А. С. Пушкиным и пушкинской эпохой.

Вторым важным аспектом исследования является семантический анализ ключевого слова «хандра», которое в художественном мире А. М. Городницкого насыщается интертекстуальными связями и приобретает функцию мифологемы.

Материалом стал триптих А. М. Городницкого, вошедший в книгу стихов «Дорога к Пушкину»²: «Москва, 1831» («Ненастных дней туманная завеса»), «Пушкин – Плетнёву 22 июля 1831 года» и «Хандра».

Результаты

«Ненастных дней туманная завеса»: мотив рождения российской словесности из экзистенциального кризиса

В книге стихов Александра Городницкого «Дорога к Пушкину» можно выделить поэтический триптих, в котором ситуация, связанная с вынужденным карантином 2020 г., осмысливается с позиции испытаний начала XIX в. Своего рода экспозицией триптиха является стихотворение «Москва, 1831» («Ненастных дней туманная завеса»), посвященное Галине Седовой. Ключевой темой этого произведения становится рождение российской словесности в кризисный исторический момент: *Из бунта, из холеры, из войны*. Вслед за темой холеры в сборнике утверждается тема хандры в поэтическом переложении письма «Пушкин – Плетнёву 22 июля 1831 года» (посвящено Владимиру Фрумкину)

и стихотворении «Хандра» (с посвящением Галине Седовой). Все тексты написаны в разгар пандемии, связанной с распространением коронавируса. Таким образом в художественном мире сборника А. М. Городницкого появляются исторические параллели между событиями XIX в., когда в России буйствовала холера, и XXI в., когда мир столкнулся с COVID-19. Для восстановления особенностей этих параллелей обратимся к пушкинскому осмыслению эпидемии холеры в России в 1830–1831 гг.

Биограф А. С. Пушкина П. В. Анненков описывает то, как поэт впервые услышал о неизвестной тогда еще в России болезни. Это свидетельство сохранилось в дневниковой заметке «О холере». А. С. Пушкин вспоминает, что в конце 1826 г. во время игры в шахматы с одним дерптским студентом (А. Н. Вульфом [Левкович 1988: 157]) его партнер по игре сказал: «Холера – *morbus* подошла к нашим границам и через пять лет будет у нас»³. Далее следует признание поэта: «О холере имел я довольно темное понятие, хотя в 1822 году старая молдаванская Княгиня, набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни. – Я стал его расспрашивать. Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей, но и животных, и самые растения, что она желтой полосой стелется вверх по течению рек, что по мнению некоторых она зарождается от гнилых плодов и прочее – все, чему после мы успели наслышаться. Таким образом, в дальнем уезде (Псковской) губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через 5 лет сделалось мыслию всей Европы» [Анненков 1984: 260]. В заметке также есть следующие свидетельства: перед отъездом в Нижегородскую деревню А. С. Пушкин через П. А. Вяземского узнал о том, что холера уже проникла в Саратовскую губернию, а по дороге к Болдину поэт встретил Макарьевскую ярмарку, «прогнанную холерой» [Там же: 261]. Здесь же фиксируется важная деталь: узнав 2 октября, что центром эпидемии стала Москва (где в это время находилась невеста А. С. Пушкина Наталья Николаевна), поэт стремится попасть в Москву, но его останавливает целая цепь карантинных мер. П. В. Анненков также отмечает: «тогда холера занимала все умы и, как бывает

² Городницкий А. М. Дорога к Пушкину: стихи и песни, посвященные великому русскому поэту. М.: Акад. наука, 2021. 127 с.

³ Курсив в первоисточнике.

обыкновенно с неожиданными явлениями в мире физическом и нравственном, получала толкования незбыточные, преувеличенные и нелепые» [Там же: 260]. Заметка А. С. Пушкина «О холере» написана в 1831 г., т.е. во время второй волны эпидемии, сопровождавшейся холерными бунтами.

Теме холеры посвящено стихотворение А. М. Городницкого «Москва, 1831» (2020 г.). Оно открывает триптих, в котором творчество становится источником преодоления своего рода экзистенциального тупика, вызванного распространением смертоносной болезни:

*Ненастных дней туманная завеса,
И птицы не кружатся в синеве.
Студент Белинский сочиняет пьесу
В обложенной холерою Москве.
В нижегородской бедной деревушке,
Холодным квасом утолив нутро,
В карантине истосковавшись, Пушкин
Грызёт своё гусиное перо.
И царской похвалы не ожидая,
Ища России новые пути,
В дому в Ново-Басманной Чаадаев
Обдумывает письма взаперти.
Пустынна окружающая местность, –
Ни люди, ни повозки, не видны.
Рождается Российская словесность
Из бунта, из холеры, из войны.
На переулках смерть в затылок дышит,
Предсказывая беды наперёд,
И Лермонтов – студент в тетради пишет:
«Настанет год, России чёрный год»⁴.*

Отметим сразу, что при публикации этого стихотворения допущена опечатка (что подтвердил А. М. Городницкий в личной переписке). Перечисленные в тексте факты свидетельствуют о том, что речь идет не о 1831 г., а о 1830 г. – первой волне эпидемии холеры в России, центром которой в этот момент стала Москва. Время вынужденных холерных карантин представлено в произведении как период неимоверного всплеска творческой активности: *студент Белинский В обложенной холерою Москве сочиняет пьесу* (в 1830 г. он написал драматическую повесть «Дмитрий Калинин»), *А. С. Пушкин в нижегородской бедной деревушке – Грызёт своё гусиное перо* (необычайно продуктивная

для А. С. Пушкина Болдинская осень), Чаадаев *Обдумывает письма взаперти* (в 1830 г. П. Я. Чаадаев завершает работу над «Философическими письмами»). В финале стихотворения возникает образ Лермонтова-студента. Он, находясь в холерной Москве, в 1830 г. создает «Предсказание», начало которого завершает стихотворение А. М. Городницкого: «Настанет год, России чёрный год».

Стихотворение «Москва, 1831» («Ненастных дней туманная завеса») написано пятистопным ямбом, ритмически отмеряющим рамки исторической эпохи, когда писатели выполняют свою миссию. Ключевой метафорой лирического движения мысли становится метафора рождения. Российская словесность рождается из экзистенциального кризиса: холеры, войны и бунта. Глагол *рождается* ориентирует на восприятие русской литературы как естественного процесса.

Холерная атмосфера пропитана метафорическими аллюзиями. *Туманная завеса ненастных дней* соотносится с эпидемиологической, метеорологической и социально-политической неопределенностью. Пушкинское *гусиное перо* становится не только символом творчества и вдохновения, но и орудием борьбы с литературными оппонентами. Мир опустел, а *смерть в затылок дышит*. Все это готовит к *восприятию чёрного года* России – метафоре, восходящей к стихотворению М. Ю. Лермонтова. В провиденциальной картине мира поэтов XIX–XXI вв. черный год России соотносим с мотивом праведного возмездия в исторической судьбе страны. В. Г. Белинский, А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев и М. Ю. Лермонтов создают произведения, несмотря на карантин и цензуру. Таким образом, стихотворение А. М. Городницкого становится своего рода палимпсестом русской литературной истории, где прошлое перетекает в настоящее. Параллель между 1830 и 2020 годами предполагает повторяющуюся ситуацию, подразумевающая, что художественная и интеллектуальная жизнеспособность России противостоит кризисам.

Стихотворение «Москва, 1831» («Ненастных дней туманная завеса») становится прологом к осмыслению феномена творческого всплеска периода карантина. Настроение следующих двух стихотворений эмоционально усиливается за счет сквозной темы хандры, которая также восходит к пушкинской поэтике.

⁴ Городницкий А. М. Дорога к Пушкину... С. 72.

Тема хандры в творчестве А. С. Пушкина

и сборнике А. М. Городницкого «Дорога к Пушкину»

А. М. Городницкий работал над сборником «Дорога к Пушкину» во время пандемии 2020 г., что отразилось на проблематике ряда стихотворений. Два текста: «Пушкин – Плетнёву 22 июля 1831 года» и «Хандра» – обретают особый смысл в контексте исторических параллелей между событиями XIX и XXI веков.

В «Словаре языка Пушкина» зафиксировано употребление следующих лексем: *хандра*, *хандрить* и *хандрливый*⁵. Слово *хандра* используется 18 раз (при этом трижды в романе «Евгений Онегин»), 8 раз встречается слово *хандрить*, 1 раз используется *хандрливый*. При этом слово *хандра* соотносится с подавленным состоянием человека, находящегося в дурном настроении⁶.

В художественном мире А. С. Пушкина тема подавленного состояния или хандры-недуга появляется в первой главе «Евгения Онегина», над которой поэт работал во время южной ссылки в 1823 г. [Лотман 1995: 95, 479–480]:

*Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава Богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел*⁷.

Отметим, что А. С. Пушкин в противовес английскому сплину вводит образ русской хандры, тем самым заостряя внимание на национальной особенности переживания героем охлаждения к жизни.

Новыми смыслами тема хандры наполняется у А. С. Пушкина в письмах 1830–1831 гг. Это период всплеска в России эпидемии холеры, которая развивалась волнами. В 1830 г. центром эпидемии стала Москва, в 1831 г. – Санкт-Петербург [Высочков, Шелаева 2021]. Оказавшись во время первой волны

всплеска холеры в нижегородском поместье Болдино [Анненков 1984: 261], 4 ноября 1830 г. А. С. Пушкин в письме лицейскому другу А. А. Дельвигу сообщает: «Отец мне ничего про тебя не пишет. А это беспокоит меня, ибо я все-таки его сын – т. е. мнителен и хандрлив (каково словечко?)»⁸. В данном случае акцент сделан на семейном сходстве – склонности к хандре как отца, так и сына.

Еще один пример – письмо А. С. Пушкина другу и издателю П. А. Плетневу от 22 июля 1831 г.: «Опять хандрить. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все ещё богата: мы встретим ещё новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши – старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо. Вздор, душа моя; не хандри – холера на днях пройдет, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы»⁹. В основе диалога с другом – рассуждения о возможности выхода из жизненного тупика. Причин для хандры более чем предостаточно. Поэт признает боль утраты, упоминая о смерти лицейского друга А. А. Дельвига и литератора, переводчика «Неистового Роланда» Л. Ариосто П. С. Молчанова¹⁰. Несмотря на мрачную картину, связанную с уходом близких, мысль А. С. Пушкина устремляется в будущее с прогнозом на вхождение во взрослую жизнь детей. Сравнение хандры с холерой (*хандра хуже холеры*) подчеркивает разрушительное воздействие душевной боли на человека. Выход из сложной жизненной ситуации связан с представлением будущих картин семейной жизни: поэт иронично рисует старческое состояние взрослого поколения (*мы будем старые хрычи, жены наши – старые хрычовки*) и радость, присущую подрастающим детям, которые будут и повесничать, и сентиментальничать.

Очевидно, что в творчестве А. С. Пушкина тема хандры связана с особым духовным упадком сил

⁵ Словарь языка Пушкина. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. Т. 4. С. 827.

⁶ Там же.

⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.-Л.: АН СССР, 1937–1959. Т. 6. 1937. С. 21. Полужирным шрифтом обозначен курсив в первоисточнике.

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.-Л.: АН СССР, 1937–1959. Т. 14. 1941. С. 121.

⁹ Там же. С. 197.

¹⁰ Кочеткова Н. Д. Молчанов П. С. *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. К–П. Отв. ред. А. М. Панченко. СПб.: Наука, 1999. С. 297–299.

(хандра страшна тем, что убивает душу), переживанием сложных жизненных моментов. Особенно эта тема обостряется в период эпидемии холеры 1830–1831 гг. [Афанасьева 2022; Афанасьева, Саини 2023].

Обратимся к стихотворению А. М. Городницкого «Пушкин – Плетневу. 22 июля 1831 года» (2020 г.), которое является поэтическим переложением уже цитировавшегося выше письма:

*Писал Плетнёву Пушкин
В холерный черный год:
«Хандра – холеры пуще
Быстрее изведет.
Печали оголтелой
Сдаваться не спеши.
Холера губит тело,
Хандра же – враг души.
Года не беспрдельно
Отпущены судьбой.
Молчанов умер, Дельвиг,
И мы умрём с тобой.
Но жизнь на этом Свете
Остановить нельзя, –
Родятся снова дети,
Появятся друзья.
Хандрить, мой друг, не дело.
Холера не страшна, –
Всего через неделю
Закончится она.
Дурные мысли лживы, –
Минует время мглы,
И мы, коль будем живы,
То будем веселы»¹¹.*

Подобно тому, как А. С. Пушкин в письме успокаивает друга, издателя Петра Плетнева, оказавшегося запертым в холерном Петербурге¹², так и А. М. Городницкий посвящает стихотворение другу, исследователю гитарной поэзии Владимиру Фрумкину. Таким образом слово А. С. Пушкина просвечивается в слове лирического героя А. М. Городницкого, а эпистолярный дискурс XIX в. проецируется на события 2020 г., когда мир погрузился в состояние вынужденной изоляции в период пандемии.

Экспозиция стихотворения: *Писал Плетнёву Пушкин // В холерный черный год* – продолжает тему предыдущего текста. Образ черного года – метафорическая характеристика периода буйства холеры, а также реминисценция стихотворения М. Ю. Лермонтова «Предсказание». Противоположностью черному году у А. М. Городницкого в диалоге с поэтикой Золотого века становится дружеское участие, в котором сохраняются ключевые акценты письма А. С. Пушкина: сопоставление хандры с холерой, переживания, связанные со смертью друзей, надежда на лучшее. Сопоставление болезни тела и души в стихотворении проявлено трижды: *Хандра – холеры пуще // Быстрее изведет, Холера губит тело, // Хандра же – враг души, // Хандрить, мой друг, не дело. // Холера не страшна*. Существенным отступлением от первоисточника становится переакцентуация прогнозов на будущее. У А. С. Пушкина диалог с П. А. Плетневым формирует восприятие будущего в кругу друзей и семьи: «детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо»¹³. У А. М. Городницкого жизненные закономерности обретают обобщенно-философский смысл: *Но жизнь на этом Свете // Остановить нельзя, – // Родятся снова дети, // Появятся друзья*, – что входит в диалог с онтологической лирикой А. С. Пушкина (см. «Брожу ли я вдоль улиц шумных», 1829 г.).

Следом за стихотворным переложением письма А. С. Пушкина о холере в сборнике А. М. Городницкого идет стихотворение «Хандра». Оно содержит посвящение заведующей Музеем-квартирой А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге (Мойка, 12) Галине Седовой. Во время пандемии поэт находился в постоянной переписке с Галиной Михайловной, и по мотивам диалога с нею появился ряд поэтических текстов. Упомянутое стихотворение является откликом на переживания А. С. Пушкиным Болдинской осени 1830 г., которая у А. М. Городницкого сопоставляется с карантинной весной 2020 г. Стоит отметить то, что подобные параллели в 2020 г. буквально витали в воздухе [Афанасьева 2022; Визель 2021]. Сам А. М. Городницкий в это время ведет еженедельные интернет-встречи «Пока звенит струна», работает над книгой стихов «Дорога к Пушкину»,

¹¹ Городницкий А. М. Дорога к Пушкину... С. 73.

¹² Пушкин А. С. Письма. Т. 3. 1831–1833. М.: Academia, 1935. С. 38.

¹³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.-Л.: АН СССР, 1937–1959. Т. 14. 1941. С. 197.

создает стихотворный цикл «Пандемия», который посвящает врачам.

Стихотворение «Хандра» состоит из семи строф. Его экспозицией является описание настроения А. С. Пушкина 1830-го г. Поэт устал от карантина и уже не может справиться с хандрой:

*Осенняя унылая картина,
И Пушкин, что устал от карантина,
Уже не в силах справиться с хандрой.
Всё раздражает, всё ему некстати.
Ему сейчас смешон и неприятен
Его неунывающий герой¹⁴.*

В начальной строфе очевидна отсылка к первой Болдинской осени [Левина 1979; Лотман 1995: 140–147]. В 1830 г. А. С. Пушкин закончил работу над романом «Евгений Онегин», написал стихотворение «Румяный критик мой», цитата из которого вынесена в эпиграф анализируемого текста¹⁵.

В экспозиции «Хандры» появляется описание унылой осенней картины. Традиционно осень воспринимается как любимое время года А. С. Пушкина (см. «Осень» (Отрывок), 1833 г.), но в стихотворении А. М. Городницкого она представлена как серьезное испытание: А. С. Пушкин устал и от карантина, и от хандры, и от своего романа. Мотив переживания осеннего пейзажа оказывается сквозным для лирического движения мысли: *Осенняя унылая картина, Приносят дождь холодные ветра, Над чернотой полузастывших рек*. Таким образом, унылый пейзаж усиливает раздражение поэта и становится фоном безудержной хандры.

Во второй строфе стихотворения появляется прямая отсылка к эпиграфу: *Румяный критик мой, насмешник толстопузый*:

*Попридержи же, критик толстопузый,
Насмешливые едкие слова.
Не день ему сидеть здесь и не два.
Его не ждёт холерная Москва.
Незримые его связали узы.
Седает от раздумий голова¹⁶.*

Субъект лирического высказывания входит в диалог с пушкинскими текстами и встает на защиту поэта против румяного критика.

Болдино в стихотворении «Хандра» воспринимается как особого рода островок творчества в то время, когда вокруг буйствует смертоносная болезнь. В тексте А. М. Городницкого упоминаются центры глобальных эпидемий XIX в. В третьей строфе перечисляются всплеск чумы на Кавказе, холера в Москве и Петербурге (хотя Петербург станет центром эпидемии только в следующем 1831 г.) [Афанасьева 2022]. Все это влияет на состояние лирического героя, который удручен и чувствует, что *смерть ему вослед идёт сама*.

Обстоятельства жизни и творчества А. С. Пушкина вновь и вновь обращают к осмыслению понятия хандры. В четвертой строфе это слово пишется уже с заглавной буквы и берется в кавычки:

*Ах, это слово старое «Хандра»,
Из Греции пришедшее когда-то!¹⁷*

Таким образом, слово *хандра*, которое отсылает к греческому *τὰ ὑποχόνδρια* – ипохондрия¹⁸, в лирическом движении мысли укореняется в веках: от античности – к пушкинскому времени – и к современности.

В финале ключевой образ стихотворения соотносится с русским мировосприятием. А. М. Городницкий заимствует у А. С. Пушкина словосочетание *русская хандра* (см. «Евгений Онегин»: *Короче, русская хандра им овладела понемногу*) и через него конкретизирует состояние безысходности:

*Неистребима русская хандра.
И в нынешнее время, и вчера,
Она неотвратима, как цунами,
Когда приходит горькая пора,
И тления оранжевое пламя
Горит в окне подобием костра¹⁹.*

Безвыходности ситуации придает то, что русская хандра соотносится со стихийными бедствиями: цунами и пожаром.

¹⁴ Городницкий А. М. Дорога к Пушкину... С. 74.

¹⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М.-Л.: АН СССР, 1937–1959. Т. 3. Кн. 1. 1948. С. 236.

¹⁶ Городницкий А. М. Дорога к Пушкину... С. 74.

¹⁷ Там же. С. 75.

¹⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987.

¹⁹ Городницкий А. М. Дорога к Пушкину... С. 75.

В финале стихотворения возникает историческая параллель: то, что переживал А. С. Пушкин, сейчас переживает лирический герой А. М. Городницкого. Болдинская осень 1830 г. сравнивается с весной 2020 г.:

*Не потому ли в карантинном дне,
Когда бы быть положено весне,
Мне на судьбу не удержать обиды.
И до утра опять не спится мне.
И проступают болдинские виды
В московском рассветающем окне?*²⁰

Лирический герой А. М. Городницкого сквозь городской пейзаж современной Москвы видит пушкинское Болдино, т. е. в лирическом движении мысли возникает взаимное пересечение времени и пространств. И что самое важное, тема хандры становится источником творчества. Только творчество, связанное с исключительной силой духа, становится выходом из тупика и может помочь преодолеть все несчастья. Таким образом, поэтический триптих о холере и хандре становится в сборнике А. М. Городницкого концентратом исторических аналогий, которые формируют представление о силе духа, явленной в поэзии, в творческом карантине.

Обсуждение

Тема хандры, соотносимая с пандемией 2020 г., включается в большой историко-культурных контекст первой волны пандемии периода распространения COVID-19. В это время особую роль обретает идея творческого карантина.

Одна из первых рефлексий, связанных с осмыслением творческого потенциала вынужденной изоляции А. С. Пушкина осенью 1830 г. и ситуации весны 2020 г., приходится на 2 апреля, когда Э. М. Афанасьева выступила с темой «Пушкинский код в период "культурного карантина" 2020 г.» на вебинаре Института Пушкина (цикл «А. С. Пушкин и феномен литературной классики»). Тема нашла продолжение 30 апреля в рамках онлайн-встречи с А. М. Городницким «Не женитесь, поэты». Тогда же состоялась онлайн-презентация рукописи исследуемой в данной статье книги «Дорога к Пушкину». 14 мая по запросу Института Пушкина был проведен вебинар сотрудниками

Музея-заповедника А. С. Пушкина «Болдино» Н. А. Жирковой, Т. Н. Кезиной «Болдинская осень: как А. С. Пушкин пережил карантин 1830 года» [Афанасьева 2022].

Тема творческого карантина была проявлена в цикле публикаций портала «Год литературы» и «Российская газета», которые 17 марта 2020 г. запустили проект «Пушкин в карантине» с ежедневной публикацией хроники Болдинской осени А. С. Пушкина 1830 г. [Визель 2021].

Лирическая рефлексия по отношению к творчеству А. С. Пушкина 1830–1831 гг. и его размышлениям о хандре у А. М. Городницкого включается в этот большой контекст, соотносимый с идеей культурного / творческого карантина.

Заключение

Поэтический триптих А. М. Городницкого: «Москва, 1831» («Ненастных дней туманная завеса»), «Пушкин – Плетнёву 22 июля 1831 года» и «Хандра» – находится в прямом диалоге с событиями пушкинской эпохи периода распространения в России холеры. Параллелизм исторических ситуаций порождает соотнесение современных событий с позиции возможного их преодоления по модели, уже известной русской словесности: то, что испытал поэт XIX в. во время Болдинской осени в период вынужденной изоляции, испытывает и поэт XXI в. в период вынужденной изоляции 2020 г. Воплощением смертоносной силы становится образ холеры, у которой появляется еще более жестокий двойник – душевная хандра. Хандра, иссушающая душу, превращается в эмоциональный тупик, сердечный недуг в сложный жизненный момент. Кульминация внутренних переживаний воплощается в образе русской хандры, сопоставимой со стихийными бедствиями. В стихотворениях, посвященных этой теме, А. М. Городницкий объединяет биографический миф об А. С. Пушкине с автобиографическими элементами. Единственным выходом из экзистенциального тупика является творчество. Подобно тому, как для А. С. Пушкина Болдинская осень стала периодом всплеска его творчества, так и для А. М. Городницкого поэтический диалог с поэтом-предшественником определил путь насыщения смыслами «карантинной весны» 2020 года.

²⁰ Там же.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М.: Современник, 1984. 476 с. [Annenkov P. V. *Materials for the biography of A. S. Pushkin*. Moscow: Sovremennik, 1984, 476. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/unmwwf>
- Афанасьева Э. М. Мотив чуда в стихотворении Александра Городницкого «Рождение Пушкина». ...Люблю от бабушки московской я слушать толки о родне...: конф. (Михайловское, 19 июля – 21 августа 2023 г.) Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2023. С. 165–170. [Afanasyeva E. M. The motif of miracle in Alexander Gorodnitsky's poem *The Birth of Pushkin*. ...*I love to listen to my Moscow grandmother talk about her relatives*...: Conf., Mikhailovskoe, 19 Jul – 21 Aug 2023. Mikhailovskoe: Pushkin Reserve, 2023, 165–170. (In Russ.)]
- Афанасьева Э. М. Пушкинский код в период изоляции 2020 года. Михайловская пушкиниана: науч.-практ. конф. (село Михайловское, 5 ноября 2020 г. – 21 августа 2022 г.) Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2022. С. 103–109. [Afanasyeva E. M. The Pushkin code during the 2020 isolation period. *Mikhailovskaya Pushkiniana*: Proc. Sci.-Prac. Conf., Mikhailovskoe village, 5 Nov 2020 – 21 Aug 2022. Mikhailovskoe: Pushkin Reserve, 2022, 103–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gdphpw>
- Афанасьева Э. М., Саини С. Диалог с Пушкиным в период пандемии: литературные проекты Института Пушкина и Университета им. Джавахарлала Неру. *Русский язык за рубежом*. 2023. № 6. С. 105–112. [Afanasyeva E. M., Sonu S. Dialogue with Pushkin during pandemic: Literary projects of Pushkin institute and Jawaharlal Nehru University. *Russian Language Abroad*, 2023, (6): 105–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/taditk>
- Биткинова В. В. Державинские реминисценции в поэтических и мемуарных текстах А. Городницкого. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология, Журналистика*. 2011. Т. 11. № 1. С. 80–89. [Bitkinova V. V. Derzhavin's reminiscences in the poetic and memoir texts of A. Gorodnitsky. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2011, 11(1): 80–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nrckfr>
- Биткинова В. В. Образы Карамзина и декабристов в бардовской поэзии. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология, Журналистика*. 2007. Т. 7. № 2. С. 87–92. [Bitkinova V. V. Images of Karamzin and the decembrists in the bard poetry. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2007, 7(2): 87–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvjqlld>
- Биткинова В. В. Пушкинско-державинский миф в поэтическом мире А. Городницкого (мотив передачи лиры). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология, Журналистика*. 2012. Т. 12. № 1. С. 106–111. [Bitkinova V. V. Pushkin and Derzhavin myth in A. Gorodnitsky's poetic world (motif of lyre transferring). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2012, 12(1): 106–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owmepr>
- Визель М. Я. Пушкин. Болдино. Карантин. Хроника самоизоляции 1830 года. 2-е изд., испр. и доп. М.: Бослен, 2021. 188 с. [Vizel M. Ya. *Pushkin. Boldino. Quarantine. A Chronicle of Self-Isolation in 1830*. 2nd ed. Moscow: Boslen, 2021, 188. (In Russ.)]
- Высочков Л. В., Шелаяева А. А. Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам. *Studia Historica Gedanensia*. 2021. Т. 12. № 2. С. 259–288. [Vysochkov L. V., Shelayeva A. A. The pandemic between 1830 and 1831 in the Russian Empire on the basis of memoirs and letters, press notices, executive ordinances, and other individual and official sources. *Studia Historica Gedanensia*, 2021, 12(2): 259–288. (In Russ.)] <https://doi.org/10.4467/23916001hg.21.015.14997>

- Гумерова А. Л. Память и история в бардовской поэзии 60–80 годов XX века (Городницкий, Окуджава, Галич). *Новые российские гуманитарные исследования*. 2020. № 15. [Gumerova A. L. Memory and history in bard poetry of the 1960s–1980s (Gorodnitsky, Okudzhava, Galich). *Novye rossiiskie humanitarnye issledovaniia*, 2020, (15). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jtttdq>
- Загидулина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: ЧелГУ, 2001. 244 с. [Zagidullina M. V. *The Pushkin myth in the late 20th century*. Chelyabinsk: ChelSU, 2001, 244. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rblwzd>
- Козубовская Г. П. Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика. Барнаул: АлтГПА, 2011. 318 с. [Kozubovskaya G. P. *The turn of the 19th–20th centuries: Myth and mythopoetics*. Barnaul: AltSPA, 2011, 318. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qirgjd>
- Кофанова В. А. Метапоэтика авторской песни. *Textus*. 2008. № 12-1. С. 111–149. [Kofanova V. A. Metapoetics of bard lyrics. *Textus*, 2008, (12-1): 111–149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrmwcn>
- Кулагин А. В. Барды и филологи (авторская песня в исследованиях последних лет). *Новое литературное обозрение*. 2002. № 2. С. 333–354. [Kulagin A. V. Bards and philologists: Bard songs in recent studies. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2002, (2): 333–354. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hsdsbr>
- Купчик Е. В. История России в поэзии Александра Городницкого. *Вестник Тюменского государственного университета*. 2006. № 2. С. 228–233. [Kupchik E. V. Russian history in the poetry of Alexander Gorodnitsky. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, (2): 228–233. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/htnbpj>
- Купчик Е. В. Характеристика героя-автора в поэтических текстах А. М. Городницкого в рамках модели «человек – существо». *Проблема жанра и стиля в литературе и фольклоре*, отв. ред. Е. В. Рычкова. Курган: КГУ, 2011. С. 74–81. [Kupchik E. V. Characteristics of the hero-author in the poetic texts of A. M. Gorodnitsky within the human – being model. *The problem of genre and style in literature and folklore*, ed. Rychkova E. V. Kurgan: KSU, 2011, 74–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zecjtp>
- Левина Ю. И. Пушкинское Болдино: экскурсионный очерк. 3-е изд., с изм. Горький: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1979. 78 с. [Levina Yu. I. *Pushkin's Boldino: An excursion sketch*. 3rd ed. Gorky: Verkh.-Volzh. kn. izd-vo, 1979, 78. (In Russ.)]
- Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ие, 1988. 328 с. [Levkovich Ya. L. *Pushkin's autobiographical prose and letters*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-ie, 1988, 328. (In Russ.)]
- Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. 845 с. [Lotman Yu. M. *Pushkin. A writer's biography. Articles and notes. 1960–1990. Eugene Onegin. Commentary*. St. Petersburg: Iskustvo-SPB, 1995, 845. (In Russ.)]
- Малкина В. Я. Всеобщее "мы" поколения: лирический субъект и лирический сюжет. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2020а. № 10-2. С. 177–186. [Malkina V. Ya. The universal "we" of a generation. Lyrical subject and lyrical plot. *RSUH/RGGU Bulletin "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 2020а, (10-2): 177–186. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-10-177-186>
- Малкина В. Я. Историческая память в литературе: подходы к анализу. *Память как история и воображение*, ред. В. Я. Малкина, А. В. Корчинский, С. П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2023. С. 113–124. [Malkina V. Ya. Historical memory in literature: Approaches to analysis. *Memory as history and imagination*, eds. Malkina V. Ya., Korchinsky A. V., Lavlinsky S. P. Moscow: Editus, 2023, 113–124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/miviwe>
- Малкина В. Я. Репрезентация исторической памяти в лирике (на примере стихотворений Александра Городницкого). *Новые российские гуманитарные исследования*. 2020b. № 15. [Malkina V. Ya. Representation of historical memory in lyric poetry: Alexander Gorodnitsky's poems. *Novye Rossiiskie humanitarnye issledovaniia*, 2020b, (15). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tynbur>
- Ничипоров И. Б. Авторская песня 1950–1970-х гг. в русской поэтической традиции: творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008. 53 с. [Nichiporov I. B. *Author's song of the 1950s–1970s in the Russian poetic tradition: Creative individualities, genre-style searches, literary connections*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 2008, 53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zntmrn>

- Ничипоров И. Б. Авторская песня в русской поэзии 1950–1970-х годов: творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи. М.: МАКС Пресс, 2006. 436 с. [Nichiporov I. B. *Author's song in Russian poetry of the 1950s–1970s: Creative individualities, genre-style search, and literary connections*. Moscow: MAKS Press, 2006, 436. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qs1ptp>
- Ничипоров И. Б. Пушкин и его эпоха в песенной поэзии Александра Городницкого. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика*. 2005. № 4. С. 109–113. [Nichiporov I. B. Pushkin and his era in the song poetry of Alexander Gorodnitsky. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 2005, (4): 109–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/judzhf>
- Сараскина Л. И. Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише. *Художественная культура*. 2018. № 4. С. 128–161. [Saraskina L. I. The Pushkin myth in Russian culture: Legends, anecdotes, clichés. *Hudozhestvennaya kul'tura*, 2018, (4): 128–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysrefn>
- Сривастава Л. Стихотворение Александра Городницкого «В Михайловском»: к вопросу о пушкинском мифе. *Есть имена, как солнце!...: конф. (Пушкинские Горы, 20–23 августа 2024 г.) Михайловское: Пушкинский Заповедник*, 2024. С. 186–191. [Srivastava L. Alexander Gorodnitsky's poem In Mikhailovskoe: Pushkin myth. *Some names are like the sun!...: Conf., Pushkin Hills, 20–23 Aug 2024. Mikhailovskoe: Pushkin Reserve*, 2024, 186–191. (In Russ.)]
- Успенская А. В. Российские барды и римские классики: Гораций и бардовская поэзия. *Terra Aestheticae*. 2020. № 2. С. 87–102. [Uspenskaya A. V. Russian bards and Roman classics: Horace and Soviet bards' poetry. *Terra Aestheticae*, 2020, (2): 87–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ksamxb>
- Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в русской культуре. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2010. № 10. С. 201–207. [Shemetova T. G. Pushkin's myth: The functioning in the modern literature. *Bulletin of Buryat State University*, 2010, (10): 201–207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztudqb>

оригинальная статья

eLibrary EDN: XDQFTJ

Пушкинский текст в творчестве алтайского поэта В. М. Башунова

Богумил Татьяна Александровна

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 9735-2959

<http://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Scopus Author ID: 57217034302

tbogumil@mail.ru

Аннотация: На материале лирики и эссеистики алтайского поэта Владимира Мефодьевича Башунова охарактеризована авторская рецепция пушкинского текста и мифа. Данный ракурс исследования представляется востребованным в силу того, что личность и судьба гения стали предметом неистощаемого интереса алтайского поэта в проекции на собственное творчество и жизнь. Целью статьи стало заполнение малоизученной области пушкинского текста на материале поэзии и эссеистики В. М. Башунова. Методологическим основанием работы выступил интертекстуальный подход с привлечением приемов биографического, структурно-семиотического и мифопоэтического подходов. Биографические факты и художественные произведения А. С. Пушкина оказались источником аллюзий, цитат и реминисценций для стихотворений В. М. Башунова. В «Эссе о Пушкине» создан литературный образ гения, обозначены базовые символы его поэтики (Сад, Дверь, Путь, берег, пестрая поляна), отмечены ведущие мотивы (пира у бездны на краю, останки прекрасного мгновения, творческого уединения, любви к осени, щедрой растраты дара). Орфический миф о поэте-жертве, гибнущем на пике славы и успеха, дополнен психологическими характеристиками, которые раскрывают симпатичные эссеисту человеческие черты почитаемого писателя. Тоска о не встрече с А. С. Пушкиным отчасти компенсируется умиротворенным соединением с ним в природе родного края, в результате чего малая родина (Алтай) вписывается в национальную картину мира, созданную классиком.

Ключевые слова: интертекст, сверхтекст, алтайский текст, региональная литература, мотив, миф, В. М. Башунов, А. С. Пушкин

Цитирование: Богумил Т. А. Пушкинский текст в творчестве алтайского поэта В. М. Башунова. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 1. С. 170–178. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-170-178>

Поступила в редакцию 15.07.2025. Принята после рецензирования 29.09.2025. Принята в печать 29.09.2025.

original article

Pushkinian Echoes in the Works of Altai Poet Vladimir Bashunov

Tatyana A. Bogumil

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 9735-2959

<http://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Scopus Author ID: 572170343022

tbogumil@mail.ru

Abstract: The article describes the poetic oeuvre of Vladimir Bashunov (1946–2005) and the way it echoes the so-called Pushkin's myth. The Altai poet projected Alexander Pushkin's life on his own poetry and essays. The intertextual approach with biographical, structural-semiotic, and mythopoetic methods made it possible to explain how Pushkin's biography and poetry turned into an inexhaustible source of allusions for Bashunov's poems. In his Essay on Pushkin, Bashunov created a literary image of the great poet with such core poetic symbols as Garden, Door, Path, Shore, and Meadow. The leading motives included a feast at the edge of the abyss, a fair

moment frozen in time, the creativity of solitude, love of autumn, a talent wasted, etc. The Orphic myth of the poet-as-sacrifice killed at the peak of his fame is supplemented by the psychological traits that make the much-revered figure of Pushkin human and dear to Bashunov. He wished he had met Pushkin and compensated for this impossible wish by noticing Pushkinian echo in the nature of the Altai mountains. This creative effort incorporated the Asian highlands into the national myth created by Alexander Pushkin.

Keywords: intertext, supertext, Altai text, regional literature, motif, myth, Vladimir Bashunov, Alexander Pushkin

Citation: Bogumil T. A. Pushkinian Echoes in the Works of Altai Poet Vladimir Bashunov. *SibScript*, 2026, 28(1): 170–178. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-1-170-178>

Received 15 Jul 2025. Accepted after peer review 29 Sep 2025. Accepted for publication 29 Sep 2025.

Введение

Термин *пушкинский текст* был введен в литературоведение Б. М. Гаспаровым. В книге «Литературные лейтмотивы» он подчеркнул, что читательское восприятие пушкинских произведений опосредовано их интерпретациями русскими писателями: «Бесчисленное количество таких ретроспективных проекций из последующей культурной традиции, в их многократных перечислениях, создает ту смысловую среду, в которой для нас существует феномен "пушкинского текста"» [Гаспаров 1993: 276]. Функционирование пушкинского текста в подобном рецептивном ключе продемонстрировал анализ лирики современных поэтов: «Кушнер читает "серьезного" Пушкина через посредство Тютчева, Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, а Пригов – Пушкина "иронического" – с помощью Гоголя, Достоевского, Хлебникова, Хармса, Олейникова» [Кузьмина 1999: 116]. В литературоведении прослежен процесс становления отдельных сегментов пушкинского текста русской литературы, описано эхо некоторых сильных произведений (прецедентных текстов, кластеров) в последующей литературной традиции: «Я вас любил...» [Жолковский 2005: 390–431], «Жил на свете рыцарь бедный...» [Меднис 2003] и др. Выявлено, что к пушкинской двуединой модели поэта-пророка (ветхозаветный миф) и поэта-художника (древнегреческий миф об Орфее) восходят две генеральные линии в последующей русской литературе: учительная и эстетическая [Собенников 2024]. Научное описание пушкинских принципов письма [Якобсон 1987: 145–180], канона [Гершензон 1919: 13, 14], поэтического мира

[Жолковский, Щеглов 1996: 240–260] позволило эксплицировать инвариантные темы и мотивы творчества писателя, ранее интуитивно ощущаемые наиболее чуткими читателями [Жолковский 2005: 13–45]. К примеру, мотив превосходительного покоя [Жолковский, Щеглов 1996: 240–260], мотив родословной [Шатин 2024] и др.

На научных конференциях последних лет в изобилии представлены исследования интертекстуальных взаимодействий писателей с творчеством классика¹ [Доманский 2025]. Впрочем, важно указать вслед за Н. Е. Меднис, что для любого именного сверткста принципиально наличие не только обширного интертекстуального ареала вокруг значимой для данной культуры персоны, но и сформированного цельного художественного кода о ней [Меднис 2003]. Данный код основан на художественной системе А. С. Пушкина, подвергавшейся общественной (писательской, критической, исследовательской) рефлексии, в результате чего происходила мифологизация личности, биографии, творческого наследия автора [Загидуллина 2001; Шатин 2000; Шеметова 2010]. Согласно наблюдениям Ю. В. Шатина, при жизни А. С. Пушкина в критике конкурировали хронологические концепции его статуса как «родоначальника» или «завершителя» русской литературы. После смерти поэта культурный миф прошел три аксиологические стадии: генерализации («Пушкин – это наше все»), феноменологизации («Мой Пушкин») и деконструкции («Анекдоты о Пушкине») [Шатин 2007: 183]. Выявление и описание составляющих самого важного именного сверткста русской

¹ Болдинские чтения: Междунар. науч. конф. (Нижний Новгород, 9–13 сентября 2023 г.) Н. Новгород: ННГУ, 2024. 266 с. <https://elibrary.ru/mcspazd>; Пушкинская традиция в русской культуре: язык, литература, медиадискурс: Национ. науч. конф. (Кемерово, 17–19 октября 2024 г.) Кемерово: КемГУ, 2025. 164 с. <https://elibrary.ru/iebcck>; Пушкинские чтения – 2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: XXIX Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2024 г.) СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. 380 с. <https://elibrary.ru/nrcabe>

культуры остается одной из насущных задач современной филологии, несмотря на достигнутые значительные успехи в этой области [Лошаков, Шушарин 2016: 124].

Целью настоящей статьи стало заполнение малоизученной области пушкинского текста на материале поэзии и эссеистики В. М. Башунова.

Методы и материалы

В основе изучения любого авторского сверхтекста лежит интертекстуальный подход. Дополнительно привлечены приемы и методы биографического, структурно-семиотического, мифопоэтического подходов. Материал исследования составили эссе, лирика, письма Владимира Мефодьевича Башунова (1946–2005 гг.), уроженца и жителя Алтая. В постперестроечное время В. М. Башунов создал цикл радиопередач «Русский гений» об А. С. Пушкине. В 1999 г. вышла книга «Этюды о Пушкине». Прозаичный *пестрый сор* (290), (VI: 201)², по авторскому самоопределению и пушкинской цитате, набрасывает абрис личности гениального предшественника в единстве биографической и творческой судьбы. Одновременно эта книга является автометаописательным ключом к личности и поэтике самого В. М. Башунова. Говоря об А. С. Пушкине, он расставляет акценты, важные для себя. Иными словами, «Этюды о Пушкине» представляют собой опыт феноменологизации художественной системы классика.

Результаты

Вчитывание, вдумывание, взглядывание В. М. Башунова в ускользающую, неисчерпаемую тайну А. С. Пушкина облекается в символы: Сад, Дверь, Путь. Мир, созданный писателем, подобен возвращенному им Саду (здесь эссеист развивает идею В. В. Розанова о жизни А. С. Пушкина как прогулке по Саду Божию). Взгляд в потаенные закоулки человеческого духа и души – есть Дверь. Творческая уникальность – это Путь, которым *ни русский человек, ни русская литература... не последовали* (291). Естественно, *цельного и полного восприимства* (292) и быть не могло. Народная тропа, конечно,

не заросла. Однако, подобно гениальному Моцарту из маленькой трагедии, поэт наследника не оставил.

Смерть А. С. Пушкина становится отдельной темой размышлений алтайского писателя. Это, конечно, не случайно. Трагическая жертвенная гибель в расцвете сил является завершающим мотивом в орфическом мифе о поэте. В. М. Башунов с горькой иронией отмечает подмену живого чувства коммеморативными практиками: *Поэтов в России любят, «но странную любовью»: оно как-то лучше, спокойней как-то, когда и они успокоятся – на кладбищах, в портретах, неподвижных памятниках* (295). Эссеист призывает вернуться назад, к Пушкину (295). Это возвращение начинается с реконструкции детской травмы – *нелюбимое дитя в семье родной* (III (1): 319). В. М. Башунов намечает важные факты биографии А. С. Пушкина (две ссылки, Болдинская осень), рисует его подлинный портрет, вступающий в противоречие с литературным стереотипом (светлокожий шатен, а не смуглый курчавый брюнет), любовно перебирает драгоценные для себя поэтические находки стихотворца, восхищается естественностью его речи в письмах.

В. М. Башунов рассуждает о мировоззрении А. С. Пушкина. Алтайский писатель определяет не пейзажно-географическое, а символическое значение словосочетания *берег милый для меня* (III (1): 184) из произведения «Зимнее утро» (1829 г.). *Берег*, обеспечивающий прочные основы бытия зрелого А. С. Пушкина, триедин – это деревня, семья, вера в Бога. Профессиональные пушкинисты, изучив весь корпус стихотворений поэта, отмечают полярность значения лексемы *берег*: от катастрофичности до блаженства [Козубовская 2006: 66]. Однако эссеист фиксирует только те смыслы, которые входят в резонанс с его собственными жизненными ценностями³. Так, в стихотворении «Мои часы» мир организован по-пушкински: *Не тикая, идут часы мои / в кругу природы, родины, семьи* (15). Дополняет психологический портрет гения чувство патриотизма и дружества, понимание ценности покоя и бытовой независимости. *Самостояние поэта, доверие к себе* (325) – главное условие его существования.

² Здесь и далее в круглых скобках даны страницы по изданию: Башунов В. М. Избранное: Стихотворения. Этюды. Барнаул, 2005. 352 с. В круглых скобках указан номер тома и страницы по изданию: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.-Л.: АН СССР, 1937–1959.

³ Ср. аналогичное выборочное подхватывание аспектов пушкинского значения берега в цикле эссе А. И. Герцена «С другого берега» и романе В. В. Набокова «Другие берега» [Образцова 2024].

В. М. Башунов выделяет слово, неизменно притягивающее А. С. Пушкина, одно из ключевых, нутряных, что напрямую связаны с сердцебиением поэта, его мироощущением (318). Это слово *пёстрый*. Чем оно притягательно, остается без ответа: *Какая связь здесь таится и какая тайна? Увы, кто бы надомил, кто бы подсказал* (320). Для В. М. Башунова принципиальна непостижимость и неисчерпаемость гения: *тайна Пушкина, ускользая, так и остается тайной: ей тесно и скучно в оболочке определений* (291).

«Этюды о Пушкине» представляют собой плод многолетних раздумий алтайского поэта о загадке универсального творческого духа. В письме В. Я. Курбатову Владимир Мефодьевич признавался: *Меня всю жизнь, со школы, преследовали мечтания о Пушкине*⁴. Закономерно, что ранние стихотворные опыты начинающего автора включали в себя лирические зарисовки по поводу биографии кумира. Так, дебютную книгу лирики «Поляна» завершает микроцикл «Пушкин», состоящий из трех стихотворений (в последующих книгах В. М. Башунова цикл не воспроизводился).

Первое – «Пирушка» – насыщено аллюзиями на факты биографии классика, а также реминисценциями его произведений. Не случайно *пирушка* и *Пушкин*⁵ параграмматически перекликаются. «Фамильное» скопление звуков использовалось поэтом для автопортретирования, о чем свидетельствуют наблюдения В. В. Мароши: *Шипи, шампанское в стекле; В казачью шапку пуни нальем – / и пить давайте снова!..; А в час пирушки холостой / Шипенье пенистых бокалов / И пуниша пламень голубой; Зададим гостям пирушку / Зарядим картечью пушку* [цит. по: Мароши 2000: 89].

В культуре мотив пира как метафоры яркой жизни тесно связан с мотивом смерти – «пир во время чумы». Начинается «Пирушка» с вопрошания: *Когда всё это начиналось: / балы, дуэли, Натали? Всё это – не называемое прямо, страшное, табуированное – смерть*. Иными словами, что послужило причиной гибели поэта? Первая версия – защита чести жены на дуэли. Вторая – намек на подлость завистника

из маленькой трагедии «Моцарт и Сальери» (1830 г.): *Вино ли ядом начиналось? Третье предположение: Друзья ли вовремя не шли? Четвертый вариант – политический: А в государственные двери / уже послушники стучат. / Уже стучат, уже доносят / О кутеже и мятеже*. Мистическим предзнаменованием падает звезда. Вопрос *Когда всё это начиналось?* сменяется противоположным: *И если кончится, – когда? Всё это оказывается самой жизнью*. Смерть отсрочена, более того, не обязательна: *если кончится*. А пока есть санные виражи, песни и пляски цыган, вдохновенье, ждущая старушка... Мир застывает на пике благополучия: *Ещё не кончена пирушка. /Еще не брошено перо*⁶.

Второе стихотворение цикла называется «Михайловское». В его основе лежит контраст между столичной светской и деревенской духовной жизнью поэта. Перо, которое в предыдущем стихотворении *еще не брошено*, как бы подхватывается и направляется в ослепительный бег⁷.

Завершает цикл стихотворение с цитатным заглавием «Осень» (в ее пушкинском восприятии): *Пора последнего отлета, / та благодатная пора, / когда легко идет работа / ума, и сердца, и пера*. Далее варьируется тема первого стихотворения: роковая дуэль, о которой не ведает поэт, мотив остановки прекрасного мгновения: *эх, пой же, няня. Няня, пой!*⁸ Таким образом, в данном цикле поднимается обязательная для пушкинского мифа тема смерти поэта, однако мотив неизбежности ее прихода вытесняется мотивом наслаждения жизнью у *бездны мрачной на краю* (VII: 180).

Во второй книге В. М. Башунова «Васильковая вода» (1975 г.) опубликовано стихотворение «Приезд Пушкина». Лирический субъект совпадает с пушкинским идеалом: семейный, в деревне, с книгой. Вдруг в сенях хлопают двери, некто представляется: *Александр Сергеевич Пушкин*. И вновь, как в цикле «Пушкин» и в «Эссе о Пушкине», имя поэта окружено тайной, вопросами: *Пошутить ли захотели? / Померещилось ли так? Лишь след полозьев на снегу у крыльца, да колокольчик дальний свидетельствуют о том, что А. С. Пушкин – был*⁹.

⁴ Отблеск твой мою память колышет... Воспоминания о поэте Владимире Башунове. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2010. С. 90.

⁵ Здесь и далее в цитатах слова выделены полужирным шрифтом автором статьи.

⁶ Башунов В. М. Поляна. Стихи. Барнаул: Алт. кн. изд., 1970. С. 43–44.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Там же. С. 46.

⁹ Башунов В. М. Васильковая вода. Стихи. Барнаул: Алт. кн. изд., 1975. С. 56–57.

Мотив неуловимого присутствия является определяющим в пушкинском мифе В. М. Башунова (ср. в «Эссе о Пушкине»: *Он только что был здесь, на полянке...* (327)). Неспособность продолжить гения, невозможность личной, а не книжной встречи – увыв, разминувшись – неизменный предмет грустных размышлений В. М. Башунова об А. С. Пушкине: *Хоть бы на киноплёнке его живого вполглаза посмотреть...*¹⁰ Одновременно есть радостное ощущение, что А. С. Пушкин всегда рядом, дает опору: *Пушкин стал реальным утешением. То с одного боку успокоит, то с другого*¹¹.

Подобно А. С. Пушкину, В. М. Башунов пишет письма жене в цикле «Три письма из деревни» (книга стихов «Погляди, светает», 1982 г.). В «Этюдах о Пушкине» В. М. Башунов цитирует впечатливший его в детстве фрагмент письма: Что это значит, жена? Вот уж более недели, как я не получаю от тебя писем. Где ты? что ты? в Калуге? в деревне? откликнись. Что так могло тебя занять и развлечь? какие балы? какие победы? уж не больна ли ты? Христос с тобою. Или просто хочешь меня заставить скорее к тебе приехать. Пожалуйста, женка, брось эти военные хитрости, которые не в шутку мучат меня за тысячи верст от тебя... (316–317). Сходная интонация в первом стихотворении цикла – «Июньское»:

Анна Дмитриевна,
Аня,
моя чудная жена <...>
Что же
не жалеешь ты меня! <...>
Что же ты не залетаешь
в наше дальнее село?
Или может не скуцаешь?
Или просто мне назло?¹²

Искренняя эмоция вторит естественности пушкинского слога, которой восхищался алтайский писатель: *Полная раскрепощенность! Яркое ощущение непосредственного разговора, когда собеседники сидят рядышком и никто им не мешает; разговора без всяких письменных условностей, естественного, непринужденного, легко перескакивающего с одного на другое, уклоняющегося в разные стороны* (316).

Это было последнее стихотворение, где В. М. Башунов столь очевидным образом обращался к биографии своего кумира. В последующей лирике аллюзии на жизнь А. С. Пушкина сходят на нет.

Однако пушкинские строки неизменно присутствуют в стихотворениях В. М. Башунова. Явно – в эпиграфах, оформленных цитатах, авторских комментариях. Скрыто – в лексических и ритмических реминисценциях. Данное обстоятельство неоднократно фиксировалось исследователями [Хомич 2009; Шелковникова 2006; Шленская 2009]. Преподаватель и один из первых критиков алтайского поэта Г. М. Шленская отмечала, что «Володя и входил в поэзию с мыслью о Пушкине» [Шленская 2009]. В качестве доказательства литературовед привела стихотворение «Вершится таинство в природе...», опубликованное в первой книге «Поляна» (1970 г.), а затем перепечатанное почти в каждом последующем сборнике, что свидетельствует о важности данного произведения для автора. Изначально тексту был предпослан эпиграф *Уж небо осенью дышало...* (VI: 89) – цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». В последующих публикациях эпиграф снят, поскольку та же фраза воспроизводится в финале стихотворения, подводя итог созерцанию пейзажа: *Здесь ничего б не помешало / Присесть к пеньку и начертать: / «Уж небо осенью дышало», – / когда бы знать, как продолжать* (78). В самом начале творческого пути В. М. Башунова уже звучит та болезненная тема, что потом будет сформулирована в «Этюдах о Пушкине»: отсутствие наследника у гения.

Ритмической приметой пушкинского текста в стихотворении В. М. Башунова является предпочитаемый классиком четырехстопный ямб. Семантический ореол данного размера вполне очевиден: *И в наши дни живут размеры / прекрасной пушкинской поры*¹³, – написал В. М. Башунов позднее в книге «Васильковая вода» (1975 г.). Слово сочетание *И в наши дни* является цитатой из «Сонета» («Суровый Дант не презирал сонета...») (1830 г.): *И в наши дни пленяет он поэта* (III (1): 214). На формальном уровне (размер) традиция воспроизводится, но конгениальное классике продолжение вряд ли возможно.

¹⁰ Отблеск твой... С. 90.

¹¹ Там же.

¹² Башунов В. М. Погляди, светает: новые стихи. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. С. 31.

¹³ Башунов В. М. Васильковая вода. С. 7.

Другие следы пушкинского текста в стихотворении «Вершится таинство в природе...» – мотив созидательного уединения вкупе с мотивом любви к осени, самому плодотворному сезону года: *Как я люблю об эту пору / бывать один, вдали от всех* (78). Сравним со знаменитыми строками из стихотворения «Осень» (1833 г.): *Унылая пора! очей очарованье! / Приятна мне твоя прощальная краса – / Люблю я пышное природы увяданье...* (III (1): 320). Пространство видится созерцателем по-пушкински: *И на неприбранной поляне / на целый день решаю я / остаться в пёстром балагане...* (78). В «Этюдах о Пушкине» слово *пёстрый* является несомненным знаком пушкинского текста, как и *поляна*: *Он только что был здесь, на полянке, и примятая им трава не успела распрямиться, и дыханье не рассеялось* (327). Вся первая книга лирики «Поляна», как ретроспективно понимает читатель (и автор?) через три десятилетия после ее выхода, навеяна осязаемым присутствием А. С. Пушкина.

Органичным продолжением элегии «Вершится таинство в природе...» видится другое стихотворение из сборника «Поляна» – «Переломился месяц о трубу...» (в нем подхватывается пушкинский образ незримого труда природы). Не случайно в посмертном сборнике В. М. Башунова «Избранное» (2005 г.) оба произведения опубликованы рядом. Сравним:

*Вершится таинство в природе.
Уже незримая рука
В лесу, на речке, в огороде
Всего коснулась слегка* (78).
*И вновь во мне заговорило чувство
Любви к природе и её труду
незримому. <...>
Как просто разбазарила она себя вокруг.
Как ярко и беспечно. <...>
Как будто бы не надо побережь
на будущее всё своё уменье.
Как будто завтра оборвётся пенье,
и на губах заиндевет речь* (79).

Использованный здесь прием олицетворения природы, на первый взгляд, лишен конкретики. Однако более пристальное взглядывание позволяет

увидеть лик А. С. Пушкина. Мотив смерти природы / певца-поэта сопряжен с мотивом «разбазаривания» блага. В «Этюдах о Пушкине» эти два мотива пушкинского текста обозначены вполне отчетливо: *Щедрыми пригоршнями сыплет Пушкин по сторонам свои драгоценные поэтические кристаллы, мимоходом, – пишет эссеист. И вспоминает пушкинскую строку: Свой дар как жизнь я тратил без вниманья* (313). Сходным образом в стихотворении В. М. Башунова «Золотой запас» (ср. *золотой век русской поэзии*) о детстве в таежной деревне Алтая дух земли призывается *тратить... без меры, / раздавая во все концы*¹⁴. Природа и поэтический талант у В. М. Башунова объединены мотивом расточительной и бескорыстной траты.

В художественном мире алтайского поэта малая родина последовательно ощущается сквозь призму пушкинского текста. Так, пушкинский хронотоп поляны появляется в стихотворении с примечательным названием «На родине», спасает от сердечной боли: *...не грустишь, / когда на праздничных полянах, / на влажных просеках гостишь*¹⁵. Или, к примеру, стихотворение «Мотив»¹⁶ опубликовано с эпиграфом из «Моцарта и Сальери» (1830 г.): *Там есть один мотив...* (VII: 132). Продолжение цитаты следующее: *Я все твержу его, когда я счастлив...* (VII: 132). Лирический субъект стихотворения грустит об утраченном рае детства, когда изредка бывает *в родном краю* (28). Синтаксическая организация пушкинской фразы *Там <есть> что-то*, осознанно или нет, но напомнила В. М. Башунову другой текст, организованный нанизыванием однородных конструкций: начало первой песни «Руслана и Людмилы» (1824 г.) с перечислением сказочных чудес Лукоморья. В «Мотиве» воспроизведен четырехстопный ямб, перекрестная рифмовка и тот же принцип текстопостроения, что и во вступлении к поэме, но с заменой указательного местоимения *там* на *где*. Лексическими маркерами пушкинского текста являются также слова, вынесенные в конечную рифменную позицию. Сравним: *где на захвоенной дорожке* (27) и *Там на неведомых дорожках* (IV: 5); *Он сам собой средь сосен бродит* (28) и *...там леший бродит* (IV: 5). Упоминаемые в поэме тридцать витязей, выходящих на берег из моря, появляются еще в «Сказке о царе Салтане» (1831 г.). Отсылкой к этому

¹⁴ Башунов В. М. Погляди, светает. С. 6.

¹⁵ Башунов В. М. Васильковая вода. С. 85.

¹⁶ Впервые в: Башунов В. М. Возвращение росы: Новые стихи. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. С. 18–20.

произведению А. С. Пушкина стало антропоморфное превращение реально существующей на Алтае реки Лебедь: *где река блаженно / течет – и дремлет, как царица, / царица Лебедь, / дочь тайги* (27). В произведениях многих алтайских, и не только, авторов существует семантическая связь понятий *родина – река – речь* [Богумил 2024: 99]. Элегический настрой стихотворения В. М. Башунова связан с воспоминаниями о былой полноте бытия: золотого века собственного детства и литературы. Таким образом, исторически и географически конкретный локус Алтая в поэзии В. М. Башунова преобразуется в художественный пейзаж, вписывается во вневременное, осененное А. С. Пушкиным, пространство русской культуры.

В свете отмеченных трансформаций показательно произведение «Ручей»¹⁷ с эпиграфом-рефреном из «Осени»: *Журча еще бежит за мельницу ручей* (III (1): 318). Данной цитатой интертекстуальный уровень стихотворения не ограничивается. Как бы продолжая строчку А. С. Пушкина, в первой строфе упоминается сосед, собирающийся на охоту: *В полях смиренных, / в пору, как двустолку / отладит мой сосед, чтоб половчей / пальнуть по утке, зайцу или волку* (39). Эти строки являются парафразом пушкинских: *...сосед мой поспешает / В отъездные поля с охотою своей* (III (1): 318). После рефрена, завершающего первую строфу и половину стихотворения, бытовая зарисовка переключается в метафорический план: ручей как элемент ландшафта превращается в ручей-речь. Лирический субъект смиренно принимает, что *есть ручьи моложе и бойчей* (39) – существуют юные и дерзкие конкуренты на поэтическом поприще. Безропотно констатирует, что высоты гения ему не достичь: *на Тверском звучит у пьедестала / глагол иных, незримых речей* (39). Говоря другими словами, у скульптуры Александра Пушкина слышен не только *всяк сущий* [на Руси] *язык* (III (1): 424), как прогнозировалось в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836 г.), но русского классика настигла всемирная слава. В этом контексте завершающее стихотворение и тем самым троекратно повторенное предложение *Журча еще бежит за мельницу ручей* становится эквивалентом заклинания *Нет, весь я не умру!* (III (1): 424).

Пусть *мельницы самой давно не стало* (39), несмотря ни на что А. С. Пушкин – жив, покуда есть его почитатели и продолжатели. Лирический субъект В. М. Башунова вынужден существовать в постпушкинском энтропийном времени (*Сиротство без Вас оглушительно – не оставляйте нас* (329)), иногда спасительно приобщаясь к миру вечной природы и гения.

Последнее стихотворение В. М. Башунова, где есть эпиграф из А. С. Пушкина, «Суета», было опубликовано в книге «Полынья» (1998 г.). Предложение *На свете счастья нет, / но есть покой и воля...* (III (1): 330) взято из стихотворения «Пора, мой друг, пора...» (1834 г.). В молодости лирика В. М. Башунова резонировала с другой, более радостной, пушкинской эмоцией. Так, любовное стихотворение «Чернеет сбруя на коне...» предваряла цитата из стихотворения «На холмах Грузии...» (1829 г.) – *Печаль моя светла* (III (1): 158), а завершала солидарное со смыслом претекста обыгрывание фразы: *И правда, что была печаль. / Печаль была светла*¹⁸. Напротив, в зрелом возрасте, а «Полынь» В. М. Башунов публикует, когда ему уже за пятьдесят лет, новые тексты ощутимо печальнее, если не сказать тоскливее. В «Суете» эпиграф дан как своего рода спасительный маяк, утешительная мудрость от авторитетного человека. Однако жизненный опыт на сей раз противоречит пушкинскому афоризму: *Счастья нет; неужели не будет / ни покоя, ни воли ни в чем?* (226). Надежда хотя бы на толику благополучия призрачна, неустойчива. Но все-таки она – есть, а дает ее – А. С. Пушкин.

Заключение

Проведенное исследование позволило заполнить очередную лакуну пушкинского текста русской культуры – описать проекцию личности и произведений классика на творчество одного из самых талантливых поэтов Алтая – Владимира Мефодьевича Башунова. С юности увлеченный феноменом А. С. Пушкина, В. М. Башунов досконально изучал его жизнь, многократно вдумчиво перечитывал наследие классика. Итогом многолетней рефлексии алтайского писателя стали стихотворения, обыгрывающие факты биографии и / или созвучные образу мысли и слогу почитаемого автора,

¹⁷ Впервые в: Башунов В. М. Пейзаж: Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1988.

¹⁸ Башунов В. М. Василькова вода. С. 76.

а также мифологизированный литературный портрет А. С. Пушкина. В. М. Башунов раскрывает значение ключевых символов (Сад, Дверь, Путь, берег, пестрая поляна, осень), выявляет наиболее существенные мотивы творчества, дополняет традиционный орфический миф о жертвенной смерти поэта в расцвете лет психологически достоверными характеристиками: детская травма отверженности избывается самостоянием поэта, доверием к себе. Не просто опора на биографию и тексты А. С. Пушкина, но следование «индивидуальной характерности» писателя [Казин и др. 2023: 115; Сквозников 2007], позволяют сделать вывод, что пушкинская традиция стала органичной основой мировидения и поэтического языка В. М. Башунова.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00496 «Образ Алтая в сибирском тексте русской культуры», <https://rscf.ru/project/23-28-00496/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00496: The image of Altai in the Siberian text of Russian culture, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00496/>

Литература / References

- Богумил Т. А. Геопоэтика Алтая в русской литературе XX – начала XXI вв. Барнаул: АлтГПУ, 2024. 364 с. [Bogumil T. A. *Geopoetics of Altai in Russian literature of the 20th – early 21st centuries*. Barnaul: ASPU, 2024, 364. (In Russ.)] <http://doi.org/10.37386/978-5-907487-66-6>
- Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы XX века. М.: Наука; Вост. лит., 1993. 304 с. [Gasparov B. M. *Literary leitmotifs: Essays on Russian literature of the 20th century*. Moscow: Nauka; Vost. lit., 1993, 304. (In Russ.)]
- Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М.: Т-во Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. 230 с. [Gershenzon M. O. *Wisdom of Pushkin*. Moscow: T-vo Knigoizdatelstvo pisatelei v Moskve, 1919, 230. (In Russ.)]
- Доманский В. А. Пушкинский текст русской классики. *Русская литература в иностранной аудитории*: XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 15 ноября 2024 г.) СПб.: РГПУ, 2025. С. 8–19. [Domansky V. A. Pushkin's text of Russian classics. *Russian literature in a foreign audience*: Proc. XVI Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 15 Nov 2024. St. Petersburg: RSPU, 2025, 8–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ppnpdg>
- Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии: инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: РГГУ, 2005. 654 с. [Zholkovsky A. K. *Selected articles on Russian poetry: Invariants, structures, strategies, and intertexts*. Moscow: RSUH, 2005, 654. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrhamr>
- Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: инварианты – тема – приемы – текст. М.: Прогресс; Универс, 1996. 341 с. [Zholkovsky A. K., Shcheglov Yu. K. *Poetics of expressiveness: Invariants – theme – techniques – text*. Moscow: Progress; Iunivers, 1996, 341. (In Russ.)]
- Загидуллина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: ЧелГУ, 2001. 244 с. [Zagidullina M. V. *The Pushkin myth in the late 20th century*. Chelyabinsk: ChelSU, 2001, 244. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rblwzd>
- Казин А. Л., Круглов Р. Г., Осипова Г. Г., Хлыстунова С. В., Цветаева М. Н., Федосеенко Н. Г. и др. Пушкинское наследие в отечественной культуре: текст и прочтение. СПб.: СПбГИКиТ, 2023. 226 с. [Kazin A. L., Kruglov R. G., Osipova G. G., Khlystunova S. V., Tsvetaeva M. N., Fedoseenko N. G. et al. *Pushkin's legacy in Russian culture: Text and reading*. St. Petersburg: SPbSUFT, 2023, 226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtnafd>
- Козубовская Г. П. Русская литература: миф и мифопоэтика. Барнаул: БГПУ, 2006. 326 с. [Kozubovskaya G. P. *Russian poetry: Myth and mythopoetics*. Barnaul: BSPU, 2006, 326. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyvuyf>
- Кузьмина Н. А. Пушкинский текст в современной поэзии. *Вестник Омского университета*. 1999. № 2. С. 108–117. [Kuzmina N. A. Pushkin's text in modern poetry. *Herald of Omsk University*, 1999, (2): 108–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uwlltv>

- Лошаков А. Г., Шушарин И. А. Прологомены к концепции пушкинского текста русской литературы. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2016. № 5. С. 117–127. [Loshakov A. G., Shusharin I. A. Prolegomena to the concept of Pushkin text in Russian literature. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, (5): 117–127. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.5.117>
- Мароши В. В. Имя автора (историко-типологические аспекты экспрессивности). Новосибирск: НГУ, 2000. 348 с. [Maroshi V. V. *Author's name: Historical and typological aspects of expressiveness*. Novosibirsk: NSU, 2000, 348. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xcvzdz>
- Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с. [Mednis N. E. *Supertexts in Russian literature*. Novosibirsk: NSPU, 2003, 170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxhjaj>
- Образцова К. В. Мифологема «берег» в прозе А. И. Герцена и В. В. Набокова: проблема пушкинского текста. *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: XI (XXV) Междунар. науч.-практ. конф. (Томск, 18–20 апреля 2024 г.)* Томск: ТГУ, 2024. С. 372–376. [Obraztsova K. V. The "shore" mythologeme in the prose of A. I. Herzen and V. V. Nabokov: The problem of A. S. Pushkin's text. *Actual problems of linguistics and literary studies: Proc. XI (XXV) Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Tomsk, 18–20 Apr 2024. Tomsk: TSU, 2024, 372–376. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dfbdta>
- Сквозников В. Д. Пушкинская традиция. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 213 с. [Skvoznikov V. D. *Pushkin tradition*. Moscow: IMLI RAS, 2007, 213. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtcnqx>
- Собенников А. С. Миф о поэте в русской литературе: А. С. Пушкин. *Сибирский филологический журнал*. 2024. № 3. С. 125–135. [Sobennikov A. S. The myth of the poet in Russian literature: Alexander Pushkin. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2024, (3): 125–135. (In Russ.)] <http://doi.org/10.17223/18137083/88/8>
- Хомич Э. П. Лирический текст В. Башунова: угол зрения и рефлексия понимания. *Текст: проблемы и методы исследования*, ред. Э. П. Хомич. Барнаул: АлтГПА, 2009. С. 29–42. [Khomich E. P. Lyrical text by V. Bashunov: Angle of view and reflection of understanding. *Text: Problems and methods of research*, ed. Khomich E. P. Barnaul: AltSPA, 2009, 29–42. (In Russ.)]
- Шатин Ю. В. «Пушкинский текст» как объект культурной коммуникации. *Сибирская пушкинистика сегодня*, ред. В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп. Новосибирск: Б. и., 2000. С. 231–238. [Shatin Yu. V. Pushkin's text as an object of cultural communication. *Siberian Pushkin studies today*, eds. Alekseev V. N., Dergacheva-Skop E. I. Novosibirsk, 2000, 231–238. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtthek>
- Шатин Ю. В. Имплицитный мотив и его роль в сюжете А. С. Пушкина. *Сюжетология и сюжетография*. 2024. № 3. С. 5–13. [Shatin Yu. V. Implicit motive and its role in the plot of A. S. Pushkin. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya*, 2024, (3): 5–13. (In Russ.)] <http://doi.org/10.25205/2713-3133-2024-3-5-13>
- Шатин Ю. В. Пушкинский дискурс в русской критике. *Критика и семиотика*. 2007. № 11. С. 183–191. [Shatin Yu. V. Pushkin's discourse in Russian criticism. *Kritika i Semiotika*, 2007, (11): 183–191. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vulnaj>
- Шелковникова Л. Ф. Основные мотивы и образы в лирике Владимира Башунова. *Региональный компонент в школьном образовании: краевая науч.-практ. конф. (Барнаул, 22–23 марта 2006 г.)* Барнаул: АКППРО, 2006. С. 120–129. [Shelkovnikova L. F. Main motifs and images in Vladimir Bashunov's lyrics. *Regional component in school education: Proc. Regional Sci.-Prac. Conf.*, Barnaul, 22–23 Mar 2006. Barnaul: AKIPKRO, 2006, 120–129. (In Russ.)]
- Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в русской культуре. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2010. № 10. С. 201–207. [Shemetova T. G. Pushkin's myth: The functioning in the modern literature. *Bulletin of Buryat State University*, 2010, (10): 201–217. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztdqjb>
- Шленская Г. М. Светлая роща Владимира Башунова. *Сибирские огни*. 2009. № 2. [Shlenskaya G. M. Vladimir Bashunov's sunlit grove. *Sibirskie ogni*, 2009, (2). (In Russ.)] URL: <https://www.sibogni.ru/content/svetlaya-roshcha-vladimira-bashunova> (accessed 8 Jul 2025).
- Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с. [Iakobson R. O. *Works on poetics*. Moscow: Progress, 1987, 464. (In Russ.)]

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com

Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru

Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru

Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com

Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
vasutin2012@list.ru

Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru

Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературные редакторы – Старикова Людмила Семеновна,
Федькина Анна Петровна

Корректор – Старикова Людмила Семеновна.

Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.

Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editors – Lyudmila S. Starikova, Anna P. Fedkina.

Proof-reader – Lyudmila S. Starikova

Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.

Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 05.02.2026.

Дата выхода в свет 04.03.2026.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 25,11. Уч.-изд. л. – 21.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

